

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1912.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ИЗУМРУДЪ.

Посвящаю памяти несравненнаго
пѣгаго рысака Холстомѣра.

I.

Четырехлѣтній жеребецъ Изумрудъ — рослая бѣговая лошадь американскаго склада, сѣрой, ровной, серебристо-стальной масти—проснулся, по обыкновенію, около полупочи въ своемъ денникѣ. Рядомъ съ нимъ, слѣва и справа и напротивъ черезъ коридоръ, лошади мѣрно и часто, всѣ точно въ одинъ тактъ, жевали сѣно, вкусно хрустя зубами и изрѣдка отфыркиваясь отъ пыли. Въ углу на ворохѣ соломы храпѣлъ дежурный конюхъ. Изумрудъ по чередованію дней и по особымъ звукамъ храпа зналъ, что это — Василій, молодой малый, котораго лошади не любили за то, что онъ курилъ въ конюшнѣ вонючій табакъ, часто заходилъ въ денники пьяный, толкалъ колѣномъ въ животъ, замахивался кулакомъ надъ глазами, грубо дергалъ за недоуздокъ и всегда кричалъ на лошадей пенатуральнымъ, сильнымъ, угрожающимъ басомъ.

Изумрудъ подошелъ къ дверной рѣшеткѣ. Напротивъ него, дверь въ дверь, стояла въ своемъ денникѣ молодая, вороная, еще не сложившаяся кобылка Щеголиха. Изумрудъ не видѣлъ въ темнотѣ ея тѣла, но каждый разъ, когда она, отрываясь отъ сѣна, поворачивала на-

задь голову, ея большой глазъ свѣтился на нѣсколько секундъ красивымъ фіолетовымъ огонькомъ. Расширивъ нѣжныя ноздри, Изумрудъ долго потянулъ въ себя воздухъ, услышалъ чуть замѣтный, но крѣпкій, волнующій запахъ ея кожи и коротко заржалъ. Быстро обернувшись назадъ, кобыла отвѣтила тоненькимъ, дрожащимъ, ласковымъ и игривымъ ржаніемъ.

Тотчасъ же рядомъ съ собою направо Изумрудъ услышалъ ревнивое, сердитое дыханіе. Тутъ помѣщался Онѣгинъ, старый, норовистый бурый жеребецъ, изрѣдка еще бѣгавшій на призы въ городскихъ одиночкахъ. Обѣ лошади были раздѣлены легкой дощатой переборкой и не могли видѣть другъ друга, но, приложившись храпомъ къ правому краю рѣшетки, Изумрудъ ясно учуялъ теплый запахъ пережеваннаго сѣна, шедшій изъ часто дышащихъ ноздрей Онѣгина... Такъ жеребцы нѣкоторое время обнюхивали другъ друга въ темнотѣ, плотно приложивъ уши къ головѣ, выгнувъ шеи и все больше и больше сердясь. И вдругъ оба разомъ злобно взвизгнули, закричали и забили копытами.

— Бал-луй, чортъ! — сонно, съ привычной угрозой, крикнулъ конюхъ.

Лошади отпрянули отъ рѣшетки и насторожились. Онѣ давно уже не терпѣли другъ друга, но теперь, какъ три дня тому назадъ въ ту же конюшню поставили граціозную вороную кобылу, — чего обыкновенно не дѣлается, и что произошло лишь отъ недостатка мѣсть при бѣговой спѣшкѣ, — то у нихъ не проходило дня безъ нѣсколькихъ крупныхъ ссоръ. И здѣсь, и на кругу, и на водопоѣ они вызывали другъ друга на драку. Но Изумрудъ чувствовалъ въ душѣ нѣкоторую боязнь передъ этимъ длиннымъ, самоувѣреннымъ жеребцомъ, передъ его острымъ запахомъ злой лошади, крутымъ верблюжьимъ кадыкомъ, мрачными запавшими глазами и особенно передъ его

крѣпкимъ, точно каменнымъ костякомъ, закаленнымъ годами, усиленнымъ бѣгомъ и прежними драками.

Дѣлая видъ передъ самимъ собою, что онъ вовсе не боится, и что сейчасъ ничего не произошло, Изумрудъ повернулся, опустилъ голову въ ясли и принялся ворошить сѣно мягкими, подвижными, упругими губами. Сначала онъ только прикусывалъ капризно отдѣльныя травки, но скоро вкусъ жвачки во рту увлекъ его, и онъ по-настоящему вникъ въ кормъ. И въ то же время въ его головѣ текли медленныя равнодушныя мысли, сцѣпляясь воспоминаніями образовъ, запаховъ и звуковъ и пропадая навѣки въ той черной безднѣ, которая была впереди и позади теперешняго мига.

«Сѣно»,—думалъ онъ и вспомнилъ старшаго конюха Назара, который съ вечера задавалъ сѣно.

Назаръ—хорошій старикъ; отъ него всегда такъ уютно пахнетъ чернымъ хлѣбомъ и чуть-чуть виномъ; движенія у него неторопливыя и мягкія, овесъ и сѣно въ его дни кажутся вкуснѣе, и пріятно слушать, когда онъ, убирая лошадь, разговариваетъ съ ней вполголоса съ ласковой укоризной и все кряхтитъ. Но нѣтъ въ немъ чего-то главнаго, лошадинаго, и во время прикидки чувствуется черезъ вожжи, что его руки неувѣренны и неточны.

Въ Васькѣ тоже этого нѣтъ, и хотя онъ кричитъ и дерется, но всѣ лошади знаютъ, что онъ трусъ, и не боятся его. И ѣздить онъ не умѣетъ — дергаетъ, суетится. Третій конюхъ, что съ кривымъ глазомъ, лучше ихъ обоихъ, но онъ не любитъ лошадей, жестокъ и нетерпѣливъ, и руки у него не гибки, точно деревянные. А четвертый — Андріяшка, еще совсѣмъ мальчикъ; онъ играетъ съ лошадьми, какъ жеребенокъ-сосунокъ, и украдкой цѣлуетъ въ верхнюю губу и между ноздрями,— это не особенно пріятно и смѣшно.

Вотъ тотъ, высокій, худой, сгорбленный, у котораго

бритое лицо и золотыя очки—о, это совсѣмъ другое дѣло. Онъ весь точно какая-то необыкновенная лошадь — мудрая, сильная и безстрашная. Онъ никогда не сердится, никогда не ударить хлыстомъ, даже не погрозить, а между тѣмъ, когда онъ сидитъ въ американкѣ, то какъ радостно, гордо и пріятно-страшно повиноваться каждому намеку его сильныхъ, умныхъ, все понимающихъ пальцевъ. Только онъ одинъ умѣетъ доводить Изумруда до того счастливаго гармоничнаго состоянія, когда всѣ силы тѣла напрягаются въ быстротѣ бѣга, и это такъ весело и такъ легко.

И тотчасъ же Изумрудъ увидѣлъ воображеніемъ короткую дорогу на ипподромъ и почти каждый домъ и каждую тумбу на ней, увидѣлъ песокъ ипподрома, трибуну, бѣгущихъ лошадей, зелень травы и желтизну ленточки. Вспомнился вдругъ караковый трехлѣтокъ, который на-дняхъ вывихнулъ ногу на проминкѣ и захромалъ. И, думая о немъ, Изумрудъ самъ попробовалъ мысленно похромать немножко.

Одинъ клочокъ сѣна, попавшій Изумруду въ ротъ, отличался особеннымъ, необыкновенно нѣжнымъ вкусомъ. Жеребецъ долго пережевывалъ его, и когда проглотилъ, то нѣкоторое время еще слышалъ у себя во рту тонкій душистый запахъ какихъ-то увядшихъ цвѣтовъ и пахучей сухой травки. Смутное, совершенно неопредѣленное, далекое воспоминаніе скользнуло въ умъ лошади. Это было похоже на то, что бываетъ иногда у курящихъ людей, которымъ случайная затяжка папиросой на улицѣ вдругъ воскреситъ на неудержимое мгновеніе полутемный коридоръ съ старинными обоями и одинокую свѣчу на буфетѣ, или дальнюю ночную дорогу, мѣрный звонъ бубенчиковъ и томную дремоту, или синій лѣсъ невдалекѣ, снѣгъ, слѣпящій глаза, шумъ идущей облавы, страстное нетерпѣніе, заставляющее дрожать колѣни — и вотъ

на мигъ пробѣгутъ по душѣ, ласково, печально и неясно тронувъ ее, тогдашнія, забытыя, волнующія и теперь неуловимыя чувства.

Между тѣмъ черное оконце надъ яслями, до сихъ поръ невидимое, стало сѣрѣть и слабо выдѣляться въ темнотѣ. Лошади жевали лѣнивѣе и одна за другою вздыхали тяжело и мягко. На дворѣ закричалъ пѣтухъ знакомымъ крикомъ, звонкимъ, бодрымъ и рѣзкимъ, какъ труба. И еще долго и далеко кругомъ разливалось въ разныхъ мѣстахъ, не прекращаясь, очередное пѣніе другихъ пѣтуховъ.

Опустивъ голову въ кормушку, Изумрудъ все старался удержать во рту и вновь вызвать и усилить странный вкусъ, будившій въ немъ этотъ тонкій, почти физическій отзвукъ непонятнаго воспоминанія. Но оживить его не удавалось, и, незамѣтно для себя, Изумрудъ задремалъ.

II.

Ноги и тѣло у него были безупречныя, совершенныхъ формъ, поэтому онъ всегда спалъ стоя, чуть покачиваясь впередъ и назадъ. Иногда онъ вздрагивалъ, и тогда крѣпкій сонъ смѣнялся у него на нѣсколько секундъ легкой чуткой дремотой, но недолгія минуты сна были такъ глубоки, что въ теченіе ихъ отдыхали и освѣжались всѣ мускулы, нервы и кожа.

Передъ самымъ разсвѣтомъ онъ увидѣлъ во снѣ раннее весеннее утро, красную зарю надъ землей и низкій ароматный лугъ. Трава была такъ густа и сочна, такъ ярко, сказочно-прелестно зелена и такъ нѣжно розовѣла отъ зари, какъ это видятъ люди и звѣри только въ раннемъ дѣтствѣ, и всюду на ней сверкала дрожащими огнями роса. Въ легкомъ рѣдкомъ воздухѣ всевозможные запахи доносятся удивительно четко. Слышенъ сквозь прохладу

утра запахъ дымка, который сине и прозрачно вьется надъ трубой въ деревнѣ, всѣ цвѣты на лугу пахнутъ по-разному, на колеистой влажной дорогѣ за изгородью смѣшалось множество запаховъ: пахнетъ и людьми, и дегтемъ, и лошадинымъ навозомъ, и пылью, и парнымъ коровьимъ молокомъ отъ проходящаго стада, и душистой смолой отъ еловыхъ жердей забора.

Изумрудъ, семимѣсячный стригунокъ, носится безцѣльно по полю, нагнувъ внизъ голову и взбрыкивая задними ногами. Весь онъ точно изъ воздуха и совсѣмъ не чувствуетъ вѣса своего тѣла. Бѣлые пахучіе цвѣты ромашки бѣгутъ подъ его ногами назадъ, назадъ. Онъ мчится прямо на солнце. Мокрая трава хлещетъ по бабкамъ, по колѣнкамъ и холодитъ и темнитъ ихъ. Голубое небо, зеленая трава, золотое солнце, чудесный воздухъ, пьяный восторгъ молодости, силы и быстрого бѣга!

Но вотъ онъ слышитъ короткое, безпокойное, ласковое и призывающее ржаніе, которое такъ ему знакомо, что онъ всегда узнаётъ его издали, среди тысячи другихъ голосовъ. Онъ останавливается на всемъ скаку, прислушивается одну секунду, высоко поднявъ голову, двигая тонкими ушами и отставивъ метелкой пушистый короткій хвостъ, потомъ отвѣчаетъ длиннымъ залихватымъ крикомъ, отъ котораго сотрясается все его стройное, худощавое, длинноногое тѣло, и мчится къ матери.

Она—костлявая, старая, спокойная кобыла—поднимаетъ мокрую морду изъ травы, быстро и внимательно обнюхиваетъ жеребенка и тотчасъ же опять принимается ѣсть, точно торопится дѣлать неотложное дѣло. Склонивъ гибкую шею подъ ея животъ и изогнувъ кверху морду, жеребенокъ привычно тычетъ губами между заднихъ ногъ, находитъ теплый упругій сосокъ, весь переполненный сладкимъ, чуть кисловатымъ молокомъ, которое брызжетъ ему въ ротъ тонкими горячими струй-

ками, и все пьеть и не можетъ оторваться. Матка сама убираетъ отъ него задъ и дѣлаетъ видъ, что хочетъ укусить жеребенка за пахъ.

Въ конюшнѣ стало совсѣмъ свѣтло. Бородатый, старый, вонючій козелъ, жившій между лошадей, подошелъ къ дверямъ, заложенымъ изнутри брусомъ, и заблеялъ, озираясь назадъ, на конюха. Васька, босой, чеша лохматую голову, пошелъ отворять ему. Стояло холодноватое, синее, крѣпкое осеннее утро. Правильный четырехугольникъ отворенной двери тотчасъ же застлался теплымъ паромъ, повалившимъ изъ конюшни. Ароматъ инея и опавшей листвы тонко потянулъ по стойламъ.

Лошади хорошо знали, что сейчасъ будутъ засыпать овесъ, и отъ нетерпѣнія негромко побряхтывали у рѣшетокъ. Жадный и капризный Онѣгинъ билъ копытомъ о деревянную настилку и, закусывая, по дурной привычкѣ, верхними зубами за окованный желѣзомъ, изжеванный бортъ кормушки, тянулся шеей, глоталъ воздухъ и рыгаль. Изумрудъ чесалъ морду о рѣшетку.

Пришли остальные конюхи — ихъ всѣхъ было четверо — и стали въ желѣзныхъ мѣркахъ разносить по денникамъ овесъ. Пока Назаръ сыпалъ тяжелый шелестящій овесъ въ ясли Изумруда, жеребецъ суетливо совался къ корму, то черезъ плечо старика, то изъ-подъ его рукъ, трепеща теплыми ноздрями. Конюхъ, которому нравилось это нетерпѣніе кроткой лошади, нарочно не торопился, загораживалъ ясли локтями и ворчалъ съ добродушною грубостью:

— Ишь ты, звѣрь жадная... Но-о, успѣишь... А, чтобъ тебя... Потычь мнѣ еще мордой-то. Вотъ я тебя ужотко потычу.

Изъ оконца надъ яслями тянулся косо внизъ четырехугольный веселый солнечный столбъ, и въ немъ клубились милліоны золотыхъ пылинокъ, раздѣленныхъ длинными тѣнями отъ оконнаго переплета.

III.

Изумрудъ только-что доѣлъ овесъ, когда за нимъ пришли, чтобы вывести его на дворъ. Стало теплѣе, и земля слегка размякла, но стѣны конюшни были еще бѣлы отъ инея. Отъ навозныхъ кучъ, только-что выгребенныхъ изъ конюшни, шелъ густой паръ, и воробьи, копошившіеся въ навозѣ, возбужденно кричали, точно ссорясь между собой. Нагнувъ шею въ дверяхъ и осторожно переступивъ черезъ порогъ, Изумрудъ съ радостью долго потянулъ въ себя пряный воздухъ, потомъ затрясся шеей и всѣмъ тѣломъ и звучно зафыркалъ. «Будь здоровъ!»—серьезно сказалъ Назаръ. Изумруду не стоялось. Хотѣлось сильныхъ движеній, щекочущаго ощущенія воздуха, быстро бѣгущаго въ глаза и ноздри, горячихъ толчковъ сердца, глубокаго дыханія. Привязанный къ коновязи, онъ ржалъ, плясалъ задними ногами и, изгибая набокъ шею, косилъ назадъ, на вороную кобылу чернымъ, большимъ, выкатившимся глазомъ съ красными жилками на бѣлкѣ.

Задыхаясь отъ усилія, Назаръ поднялъ вверхъ, выше головы ведро съ водой и вылилъ ее на спину жеребца отъ холки до хвоста. Это было знакомое Изумруду бодрое, пріятное и жуткое своей всегдашней неожиданностью ощущеніе. Назаръ принесъ еще воды и оплескалъ ему бока, грудь, ноги и подъ рѣпицей. И каждый разъ онъ плотно проводилъ мозолистой ладонью вдоль по шерсти, отжимая воду. Оглядываясь назадъ, Изумрудъ видѣлъ свой высокій, немного вислозадый крупъ, вдругъ потемпѣвшій и заблестѣвшій глянцемъ на солнцѣ.

Былъ день бѣговъ. Изумрудъ зналъ это по особенной первной спѣшкѣ, съ которой конюхи хлопотали около лошадей; нѣкоторымъ, которыя по короткости туловища

имѣли обыкновеніе засѣкаться подковами, надѣвали кожаныя нагавки на бабки, другимъ забинтовывали ноги полотняными поясами отъ путового сустава до колѣна, или подвязывали подъ грудь за передними ногами широкіе подмышники, отороченные мѣхомъ. Изъ сарая выкатывали легкія, двухколесныя съ высокими сидѣньями американки; ихъ металлическія спицы весело сверкали па ходу, а красныя ободья и красныя, широкія, выгнутыя оглобли блестѣли повымъ лакомъ.

Изумрудъ былъ уже окончательно высушенъ, вычищенъ щетками и вытертъ шерстяной рукавицей, когда пришелъ главный паѣздникъ конюшни, англичанинъ. Этого высокаго, худого, темнаго сутуловатаго, длиннорукаго человѣка одинаково уважали и боялись и лошади и люди. У него было бритое загорѣлое лицо и твердыя, тонкія изогнутыя губы насмѣшливаго рисунка. Онъ носилъ золотыя очки; сквозь нихъ его голубые, свѣтлые глаза глядѣли твердо и упорно-спокойно. Онъ слѣдилъ за уборкой, разставивъ длинныя ноги въ высокихъ сапогахъ, заложивъ руки глубоко въ карманы панталонъ и пожевывая сигару то однимъ, то другимъ угломъ рта. На немъ была сѣрая куртка съ мѣховымъ воротникомъ, черный картузъ съ узкими полями и прямымъ, длиннымъ, четырехугольнымъ козырькомъ. Иногда онъ дѣлалъ короткія замѣчанія отрывистымъ, небрежнымъ тономъ, и тотчасъ же всѣ конюхи и рабочіе поворачивали къ нему головы, и лошади настораживали уши въ его сторону.

Онъ особенно слѣдилъ за запряжкой Изумруда, оглядывая все тѣло лошади отъ чолки до копытъ, и Изумрудъ, чувствуя на себѣ этотъ точный, внимательный взглядъ, гордо подымалъ голову, слегка полуборачивалъ гибкую шею и ставилъ торчкомъ тонкія, просвѣчивающія уши. Паѣздникъ самъ испыталъ крѣпость подпруги, просовывая палецъ между ней и животомъ. Затѣмъ на

лошадей надѣли сѣрыя полотняныя попоны съ красными каймами, красными кругами около глазъ и красными вензелями внизу у заднихъ ногъ. Два конюха, Назаръ и кривоглазый, взяли Изумруда съ обѣихъ сторонъ подъ уздцы и повели на ипподромъ по хорошо знакомой мостовой, между двумя рядами рѣдкихъ, большихъ каменныхъ зданій. До бѣговаго круга не было и четверти версты.

Во дворѣ ипподрома было уже много лошадей, ихъ проваживали по кругу, всѣхъ въ одномъ направленіи, — въ томъ же, въ которомъ онѣ ходятъ по бѣговому кругу, т.-е. обратномъ движенію часовой стрѣлки. Внутри двора водили поддужныхъ лошадей, небольшихъ, крѣпконогихъ, съ подстриженными короткими хвостами. Изумрудъ тотчасъ же узналъ бѣлаго жеребчика, всегда скакавшаго съ нимъ рядомъ, и обѣ лошади тихо и ласково поржали въ знакъ привѣтствія.

IV.

На ипподромѣ зазвонили. Конюхи сняли съ Изумруда попону. Англичанинъ, щуря подъ очками глаза отъ солнца и оскаливая длинные, желтые лошадиные зубы, подошелъ, застегивая на ходу перчатки, съ хлыстомъ подъ мышкой. Одинъ изъ конюховъ подобралъ Изумруду пышный, до самыхъ бабокъ хвостъ и бережно уложилъ его на сидѣнье американки, такъ что его свѣтлый конецъ свѣсился назадъ. Гибкія оглобли упруго качнулись отъ тяжести тѣла. Изумрудъ покосился назадъ и увидѣлъ наѣздника, сидящаго почти вплотную за его крупомъ, съ ногами, вытянутыми впередъ и растопыренными по оглоблямъ. Наѣздникъ, не торопясь, взялъ вожжи, односложно крикнулъ конюхамъ, и они разомъ отняли руки. Радуюсь предстоящему бѣгу, Изумрудъ рванулся-было впередъ, но, сдержанный сильными руками,

поднялся лишь немного на заднихъ ногахъ, встряхнулъ шей и широкой, рѣдкой рысью выбѣжалъ изъ воротъ на ипподромъ..

Вдоль деревяннаго забора, образуя верстовой эллипсъ, шла широкая бѣговая дорожка изъ желтаго песка, который былъ немного влаженъ и плотенъ и потому пріятно пружинился подъ ногами, возвращая имъ ихъ давленіе. Острые слѣды копытъ и ровныя, прямыя полосы, оставляемыя гуттаперчей шинъ, бороздили ленточку.

Мимо протянулась трибуна, высокое деревянное зданіе, въ двѣсти лошадиныхъ корпусовъ длиною, гдѣ горой отъ земли до самой крыши, поддержанной тонкими столбами, двигалась и гудѣла черная человѣческая толпа. По легкому, чуть слышному шевеленію вожжей Изумрудъ понялъ, что ему можно прибавить ходу, и благодарно фыркнулъ.

Онъ шелъ ровной машистой рысью, почти не колеблясь спиной, съ вытянутой впередъ и слегка приворощенной къ лѣвой оглоблѣ шей, съ прямо поднятой мордой. Благодаря рѣдкому, хотя необыкновенно длинному шагу, его бѣгъ издали не производилъ впечатлѣнія быстроты; казалось, что рысакъ мѣрзаетъ, не торопясь, дорогу прямыми, какъ циркуль, передними ногами, чуть притрогиваясь концами копытъ къ землѣ. Это была настоящая американская выѣздка, въ которой все сводится къ тому, чтобы облегчить лошади дыханіе и уменьшить сопротивленіе воздуха до послѣдней степени, гдѣ устранены всѣ ненужныя для бѣга движенія, непроизводительно расходующія силу, и гдѣ внѣшняя красота формъ приносится въ жертву легкости, сухости, долгому дыханію и энергіи бѣга, превращая лошадь въ живую безукоризненную машину.

Теперь, въ антрактѣ между двумя бѣгами, шла проминка лошадей, которая всегда дѣлается для того, чтобы

открыть рысакамъ дыханіе. Ихъ много бѣжало во внѣшнемъ кругу по одному направленію съ Изумрудомъ, а во внутреннемъ—навстрѣчу. Сѣрый, въ темныхъ яблокахъ, рослый бѣломордый рысакъ, чистой Орловской породы, съ крутой собранной шеей и съ хвостомъ трубой, похожій на ярмарочнаго коня, перегналъ Изумруда. Опъ трясся на ходу жирной, широкой, уже потемнѣвшей отъ пота грудью и сырыми пахами, откидывалъ переднія ноги отъ колѣнъ вбокъ, и при каждомъ шагѣ у него звучно екала селезенка.

Потомъ подошла сзади стройная, длиннотѣлая гнѣдая кобыла-метиска, съ жидкой темной гривой. Она была прекрасно выработана по той же американской системѣ, какъ и Изумрудъ. Короткая холеная шерсть такъ и блестѣла на ней, переливаясь отъ движенія мускуловъ подъ кожей. Пока наѣздники о чемъ-то говорили, обѣ лошади шли нѣкоторое время рядомъ. Изумрудъ обнюхалъ кобылу и хотѣлъ-было заиграть на ходу, но англичанинъ не позволилъ, и онъ подчинился.

Навстрѣчу имъ пронесся полной рысью огромный вороной жеребецъ, весь обмотанный биштами, наколѣбниками и подмышниками. Лѣвая оглобля выступала у него прямо впередъ на полъ-аршина длинѣе правой, а черезъ кольцо, укрѣпленное надъ головой, проходилъ ремень стального оберъ-чека, жестоко охватившаго сверху и съ обѣихъ сторонъ нервный хралъ лошади. Изумрудъ и кобыла одновременно поглядѣли на него, и оба мгновенно оцѣнили въ немъ рысака необыкновенной силы, быстроты и выносливости, но страшно упрямаго, злого, самолюбиваго и обидчиваго. Слѣдомъ за воронымъ, пробѣжалъ до смѣшного маленькій, свѣтло-сѣрый парадный жеребчикъ. Со стороны можно было подумать, что онъ мчится съ невѣроятной скоростью: такъ часто топоталъ онъ ногами, такъ высоко вскидывалъ ихъ въ колѣбняхъ, и та-

кое усердное, дѣловитое выраженіе было въ его подобранный шеѣ съ красивой маленькой головой. Изумрудъ только презрительно скосилъ на него свой глазъ и повелъ однимъ ухомъ въ его сторону.

Другой наѣздникъ окончилъ разговоръ, громко и коротко засмѣялся, точно проржалъ, и пустилъ кобылу свободной рысью. Она безъ всякаго усилія, спокойно, точно быстрота ея бѣга совсѣмъ отъ нея не зависѣла, отдѣлилась отъ Изумруда и побѣжала впередъ, плавно неся ровную, блестящую спину, съ едва замѣтнымъ темнымъ ремешкомъ вдоль хребта.

Но тотчасъ же и Изумруда и ее обогналъ и быстро кинулъ назадъ несшійся галопомъ огненно-рыжій рысакъ, съ большимъ бѣлымъ пятномъ на храпѣ. Онъ скакалъ частыми, длинными прыжками, то растягиваясь и пригибаясь къ землѣ, то почти соединяя на воздухѣ переднія ноги съ задними. Его наѣздникъ, откинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, не сидѣлъ, а лежалъ на сидѣньи, повиснувъ на натянутыхъ вожжахъ. Изумрудъ заволновался и горячо метнулся въ сторону, но англичанинъ незамѣтно сдержалъ вожжи, и его руки, такія гибкія и чуткія къ каждому движенію лошади, вдругъ стали точно желѣзными. Около трибуны рыжій жеребецъ, успѣвшій проскакать еще одинъ кругъ, опять обогналъ Изумруда. Онъ до сихъ поръ скакалъ, но теперь уже былъ въ пѣнѣ, съ кровавыми глазами и дышалъ хрипло. Наѣздникъ, перегнувшись впередъ, стегалъ его изо всѣхъ силъ хлыстомъ вдоль спины. Наконецъ копохамъ удалось близъ воротъ пересѣчь ему дорогу и схватить за вожжи и за узду у морды. Его свели съ ипшодрома мокраго, задыхающагося, дрожащаго, похудѣвшаго въ одну минуту.

Изумрудъ сдѣлалъ еще полкруга полной рысью, потомъ свернулъ на дорожку, пересѣкавшую поперекъ бѣговой плацъ, и черезъ ворота въѣхалъ во дворъ.

V.

На ипподромѣ нѣсколько разъ звонили. Мимо открытыхъ воротъ изрѣдка проносились молніей бѣгущіе рысаки, люди на трибунахъ вдругъ принимались кричать и хлопать въ ладоши. Изумрудъ въ линіи другихъ рысаковъ часто шагаль рядомъ съ Назаромъ, мотая опущенною головою и пошевеливая ушами въ полотняныхъ футлярахъ. Отъ проминки кровь весело и горячо струилась въ его жилахъ, дыханіе становилось все глубже и свободнѣе, по мѣрѣ того, какъ отдыхало и охлаждалось его тѣло, — во всѣхъ мускулахъ чувствовалось нетерпѣливое желаніе бѣжать еще.

Прошло съ полчаса. На ипподромѣ опять зазвонили. Теперь наѣздникъ сѣлъ на американку, безъ перчатокъ. У него были бѣлыя, широкія, волшебныя руки, внушавшія Изумруду привязанность и страхъ.

Англичанинъ неторопливо выѣхаль на ипподромъ, откуда одна за другой съѣзжали во дворъ лошади, окончившія проминку. На кругу остались только Изумрудъ и тотъ огромный вороной жеребецъ, который повстрѣчался съ нимъ на проѣздкѣ. Трибуны сплошь отъ низу до верху чернѣли густой человѣческой толпой, и въ этой черной массѣ безчисленно, весело и беспорядочно свѣтлѣли лица и руки, пестрѣли зонтики и шляпки, и воздушно колебались бѣлые листики программъ. Постепенно увеличивая ходъ и пробѣгая вдоль трибуны, Изумрудъ чувствовалъ, какъ тысяча глазъ неотступно провожала его, и онъ ясно понималъ, что эти глаза ждутъ отъ него быстрыхъ движеній, полного напряженія силъ, могучаго біенія сердца, — и это пониманіе сообщало его мускуламъ счастливую легкость и кокетливую сжатость. Бѣлый знакомый жеребецъ, на которомъ сидѣлъ верхомъ

мальчикъ. скакалъ укороченнымъ галопомъ рядомъ, справа.

Ровной размѣренной рысью, чуть-чуть наклоняясь тѣломъ влѣво, Изумрудъ описалъ крутой заворотъ и сталъ подходить къ столбу съ краснымъ кругомъ. На ипподромѣ коротко ударили въ колоколь. Англичанинъ едва замѣтно поправился на сидѣньи, и руки его вдругъ окрѣпли. «Теперь иди, но береги силы. Еще рано», — понялъ Изумрудъ и въ знакъ того, что понялъ, обернулъ на секунду назадъ и опять поставилъ прямо свои тонкія, чуткія уши. Бѣлый жеребецъ ровно скакалъ сбоку, немного позади. Изумрудъ слышалъ у себя около холки его свѣжее, равномерное дыханіе.

Красный столбъ остался позади, еще одинъ крутой поворотъ, дорожка выпрямляется, вторая трибуна, приближаясь, чернѣетъ и пестрѣетъ издали гудящей толпой и быстро растеть съ каждымъ шагомъ. «Еще!—позволяетъ наѣздникъ: — еще, еще!» Изумрудъ немного горячится и хочетъ сразу наярить всѣ свои силы въ бѣгъ. «Можно ли?»—думаетъ онъ.—«Нѣтъ, еще рано, не волнуйся,—отвѣчаютъ, успокаивая, волшебныя руки. — Потомъ».

Оба жеребца проходятъ призовые столбы секунда въ секунду, но съ противоположныхъ сторонъ діаметра, соединяющаго обѣ трибуны. Легкое сопротивленіе туго натянутой нитки и быстрый разрывъ ея на мгновеніе заставляютъ Изумруда запрясть ушами, но онъ тотчасъ же забываетъ объ этомъ, весь поглощенный вниманіемъ къ чудеснымъ рукамъ. «Еще немного! Не горячиться! Итти ровно!»—приказываетъ наѣздникъ. Черная, колеблющаяся трибуна проплываетъ мимо. Еще нѣсколько десятковъ сажень, и всѣ четверо — Изумрудъ, бѣлый жеребчикъ, англичанинъ и мальчикъ-поддужный, припавшій, стоя на короткихъ стременахъ, къ лошадиной гривѣ, счастливо слаживаются въ одно плотное, быстро несущееся

щееся тѣло, одухотворенное одной волей, одной красотой мощныхъ движеній, однимъ ритмомъ, звучащимъ, какъ музыка. Та-та-та-та!—ровно и мѣрно выбиваетъ ногами Изумрудъ. Тра-тѣ, тра-тѣ!—коротко и рѣзко двойтъ поддужный. Еще одинъ поворотъ, и бѣжитъ навстрѣчу вторая трибуна. «Я прибавлю?»—спрашиваетъ Изумрудъ. «Да,—отвѣчаютъ руки:—но спокойно».

Вторая трибуна проносится назадъ мимо глазъ. Люди кричатъ что-то. Это развлекаетъ Изумруда, онъ горячится, теряетъ ощущеніе вожжей и, на секунду выбившись изъ общаго, наладившагося такта, дѣлаетъ четыре капризныхъ скачка съ правой ноги. Но вожжи тотчасъ же становятся жесткими и, раздирая ему ротъ, скручиваютъ шею внизъ и ворочаютъ голову направо. Теперь уже неловко скакать съ правой ноги. Изумрудъ сердится и не хочетъ перемѣнить ногу, но наѣздникъ, поймавъ этотъ моментъ, повелительно и спокойно ставитъ лошадь на рысь. Трибуна осталась далеко позади, Изумрудъ опять входитъ въ тактъ, и руки снова дѣлаются дружественно-мягкими. Изумрудъ чувствуетъ свою вину и хочетъ усилить вдвое рысь. «Нѣтъ, нѣтъ, еще рано, — добродушно замѣчаетъ наѣздникъ. — Мы успѣемъ это поправить. Ничего».

Такъ они проходятъ въ отличномъ согласіи безъ сбоевъ еще кругъ и половину. Но и вороной сегодня въ великолѣпномъ порядкѣ. Въ то время, когда Изумрудъ разладился, онъ успѣлъ бросить его на шесть длинъ лошадиного тѣла, но теперь Изумрудъ набираетъ потерянное и у предпоследняго столба оказывается на три съ четвертью секунды впереди. «Теперь можно. Иди!»—приказываетъ наѣздникъ. Изумрудъ прижимаетъ уши и бросаетъ всего одинъ быстрый взглядъ назадъ. Лицо англичанина все горитъ острымъ, рѣшительнымъ, прицѣливающимся выраженіемъ, бритыя губы сморщились нетерпѣ-

ливой гримасой и обнажаютъ желтые, большіе, крѣпко стиснутые зубы. «Давай все, что можно!—приказываютъ вожжи въ высоко поднятыхъ рукахъ. — Еще, еще!» И англичанинъ вдругъ кричитъ громкимъ вибрирующимъ голосомъ, повышающимся, какъ звукъ сирены:

— О-э-э-э-эй!

— Вотъ, вотъ, вотъ, вотъ!.. — пронзительно и звонко въ тактъ бѣгу кричитъ мальчишка-поддужный.

Теперь чувство темпа достигаетъ самой высшей напряженности и держится на какомъ-то тонкомъ волоскѣ, вотъ-вотъ готовомъ порваться. Та-та-та-та!—ровно отпечатываютъ по землѣ ноги Изумруда. Трра-трра-трра!—слышится впереди галонъ бѣлаго жеребца, увлекающаго за собой Изумруда. Въ тактъ бѣгу колеблются гибкія оглобли, и въ тактъ галону подымается и опускается на сѣдлѣ мальчикъ, почти лежащій на шеѣ у лошади.

Воздухъ, бѣгущій навстрѣчу, свиститъ въ ушахъ и щекочетъ ноздри, изъ которыхъ паръ бьетъ частыми большими струями. Дышать труднѣе, и кожѣ становится жарко. Изумрудъ обѣгаетъ послѣдній заворотъ, наклоняясь во внутрь его всѣмъ тѣломъ. Трибуна вырастаетъ, какъ живая, и отъ нея навстрѣчу летитъ тысячеголосый ревъ, который пугаетъ, волнуетъ и радуетъ Изумруда. У него не хватаетъ больше рыси, и онъ уже хочетъ скакать, но эти удивительныя руки позади и умоляютъ, и приказываютъ, и успокаиваютъ: «Милый, не скачи!.. Только не скачи!.. Вотъ такъ, вотъ такъ, вотъ такъ». И Изумрудъ, проносясь стремительно мимо столба, разрываетъ контрольную нитку, даже не замѣтя этого. Крики, смѣхъ, аплодисменты водопадомъ низвергаются съ трибуны. Бѣлые листки афишъ, зонтики, палки, шляпы кружатся и мелькаютъ между движущимися лицами и руками. Англичанинъ мягко бросаетъ вожжи. «Кончено. Спасибо, милый!»—говоритъ Изумруду это движеніе, и онъ, съ тру-

домъ: сдерживая инерцію бѣга, переходитъ въ шагъ. Въ этотъ моментъ вороной жеребецъ только-только подходитъ къ своему столбу на противоположной сторонѣ, семью секундами позже.

Англичанинъ, съ трудомъ подымая затекшія ноги, тяжело спрыгиваетъ съ американки и, снявъ бархатное сидѣнье, идетъ съ нимъ на вѣсы. Подбѣжавшіе конюхи покрываютъ горячую спину Изумруда попоной и уводятъ на дворъ. Вслѣдъ имъ несется гулъ человѣческой толпы и длинный звонокъ изъ членской бесѣдки. Легкая желтоватая пѣна падаетъ съ морды лошади на землю и на руки конюховъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Изумруда, уже распряженного, приводятъ опять къ трибунѣ. Высокій человѣкъ въ длинномъ пальто и новой блестящей шляпѣ, котораго Изумрудъ часто видитъ у себя въ конюшнѣ, треплетъ его по шеѣ и суетъ ему на ладони въ ротъ кусокъ сахара. Англичанинъ стоитъ тутъ же, въ толпѣ, и улыбается, морщась и скаля длинные зубы. Съ Изумруда снимаютъ попону и устанавливаютъ его передъ ящикомъ на трехъ ногахъ, покрытымъ черной матеріей, подъ которую прячется и что-то тамъ дѣлаетъ господинъ въ сѣромъ.

Но вотъ люди свергаются съ трибунъ черной рассыпающейся массой. Они тѣсно обступаютъ лошадь со всѣхъ сторонъ и кричатъ и машутъ руками, наклоня близко другъ къ другу красныя, разгоряченныя лица съ блестящими глазами. Они чѣмъ-то недовольны, тычутъ пальцами въ ноги, въ голову и въ бока Изумруду, взъерошиваютъ шерсть на лѣвой сторонѣ крупа, тамъ, гдѣ стоитъ тавро, и опять кричатъ всѣ разомъ. «Поддѣльная лошадь, фальшивый рысакъ, обманъ, мошенничество, деньги назадъ!»—слышитъ Изумрудъ и не понимаетъ этихъ словъ и безпокойно шевелитъ ушами. «О чемъ они?—думаетъ

онъ съ удивленіемъ. — Вѣдь я такъ хорошо бѣжалъ!» И на мгновеніе ему бросается въ глаза лицо англичанина. Всегда такое спокойное, слегка насмѣшливое и твердое, оно теперь пылаетъ гнѣвомъ. И вдругъ англичанинъ кричитъ что-то высокимъ гортаннымъ голосомъ, взмахиваетъ быстро рукой, и звукъ пощечины сухо разрываетъ общій гомонъ.

VI.

Изумруда отвели домой, черезъ три часа дали ему овса, а вечеромъ, когда его поили у колодца, онъ видѣлъ, какъ изъ-за забора подымалась желтая большая луна, внушавшая ему темный ужасъ.

А потомъ пошли скучные дни.

Ни на прикидки, ни на проминки, ни на бѣга его не водили больше. Но ежедневно приходили незнакомые люди, — много людей, и для нихъ выводили Изумруда на дворъ, гдѣ они разсматривали и ощупывали его на всѣ лады, лазили ему въ ротъ, скребли его шерсть пемзой и все кричали другъ на друга.

Потомъ онъ помнилъ, какъ его однажды позднимъ вечеромъ вывели изъ конюшни и долго вели по длиннымъ, каменнымъ, пустыннымъ улицамъ, мимо домовъ съ освѣщенными окнами. Затѣмъ вокзалъ, темный трясущійся вагонъ, утомленіе и дрожь въ ногахъ отъ дальняго переѣзда, свистки паровозовъ, грохотъ рельсовъ, удушливый запахъ дыма, скучный свѣтъ качающагося фонаря. На одной станціи его выгрузили изъ вагона и долго вели незнакомой дорогой, среди просторныхъ, голыхъ осеннихъ полей, мимо деревень, пока не привели въ незнакомую конюшню и не заперли отдѣльно, вдали отъ другихъ лошадей.

Сначала онъ все вспоминалъ о бѣгахъ, о своемъ

англичанинѣ, о Васькѣ, о Назарѣ и объ Онѣгинѣ и часто видѣлъ ихъ во снѣ, но съ теченіемъ времени позабылъ обо всемъ. Его отъ кого-то прятали, и все его молодое, прекрасное тѣло томилось, тосковало и опускалось отъ бездѣйствія. То и дѣло подѣвжали новые, незнакомые люди и снова толклись вокругъ Изумруда, щупали и теребили его и сердито бранились между собою.

Иногда случайно Изумрудъ видѣлъ сквозь отворенную дверь другихъ лошадей, ходившихъ и бѣгавшихъ на волѣ, и тогда онъ кричалъ имъ, негодуя и жалуясь. Но тотчасъ же закрывали дверь, и опять, скучно и одиноко тянулось время.

Главнымъ въ этой конюшнѣ былъ большеголовый, заспанный человѣкъ съ маленькими черными глазками и тоненькими черными усами на жирномъ лицѣ. Онъ казался совсѣмъ равнодушнымъ къ Изумруду, но тотъ чувствовалъ къ нему непонятный ужасъ.

И вотъ однажды, раннимъ утромъ, когда всѣ конюхи спали, этотъ человѣкъ тихонько, безъ малѣйшаго шума, на цыпочкахъ вошелъ къ Изумруду, самъ засыпалъ ему овесъ въ ясли и ушелъ. Изумрудъ немного удивился этому, но покорно сталъ ѣсть. Овесъ былъ сладокъ, слегка горьковатъ и ѣдокъ на вкусъ. «Странно, — подумалъ Изумрудъ:— я никогда не пробовалъ такого овса».

И вдругъ онъ почувствовалъ легкую рѣзь въ животѣ. Она пришла, потомъ прекратилась и опять пришла сильнѣе прежняго и увеличивалась съ каждой минутой. Наконецъ боль стала нестерпимой. Изумрудъ глухо застоналъ. Огненные колеса завертѣлись передъ его глазами, отъ внезапной слабости все его тѣло стало мокрымъ и дряблымъ, ноги задрожали, подогнулись, и жеребецъ грохнулся на полъ. Онъ еще пробовалъ подняться, но могъ встать только на однѣ переднія ноги и опять валился на бокъ. Гудящій вихрь закружился у него въ го-

ловъ; проплыль англичанинъ, скаля по-лошадиному длинныя зубы, Онѣгинъ пробѣжалъ мимо, выпятя свой верблюжій кадыкъ и громко ржа. Какая-то сила несла Изумруда беспощадно и стремительно глубоко внизъ, въ темную и холодную яму. Онъ уже не могъ шевелиться.

Судороги вдругъ свели его ноги и шею и выгнули спину. Вся кожа на лошади задрожала мелко и быстро и покрылась остро-пахнувшей пѣной.

Желтый движущійся свѣтъ фонаря на мигъ рѣзнулъ ему глаза и потухъ вмѣстѣ съ угасшимъ зрѣніемъ. Ухо его еще уловило грубый человѣческій окрикъ, но онъ уже не почувствовалъ, какъ его толкнули въ бокъ каблукомъ. Потомъ все исчезло — навсегда.

НА ПЕРЕЛОМЪ.

(КАДЕТЫ).

I.

Первыя впечатлѣнія. — Старички. — Прочная пуговица. — Что такое маслянка. — Грузовъ. — Ночь.

— Эй, какъ тебя!.. Новичокъ... какъ твоя фамилія?

Буланинъ даже и не подозрѣвалъ, что этотъ окрикъ относится къ нему — до того онъ былъ оглушенъ новыми впечатлѣніями. Онъ только-что пришелъ изъ пріемной комнаты, гдѣ его мать упрашивала какого-то высокаго военнаго въ бакенбардахъ быть поснисходительнѣе на первыхъ порахъ къ ея Мишенькѣ. «Ужъ вы, пожалуйста, съ нимъ не по всей строгости, — говорила она, глядя въ то же время безсознательно голову сына: — онъ у меня такой нѣжный... такой впечатлительный... онъ совсѣмъ на другихъ мальчиковъ не похожъ». При этомъ у нея было такое жалкое, просящее, совсѣмъ непривычное для Буланина лицо, а высокій военный только кланялся и призывалъ шпорами. Повидимому, онъ торопился уйти, но, въ силу давнишней привычки, продолжалъ выслушивать съ равнодушнымъ и вѣжливымъ терпѣніемъ эти изліянія материнской заботливости...

Двѣ длинныя рекреационныя залы младшаго возраста были полны народа. Новички робко жались вдоль стѣнъ и сидѣли на подоконникахъ, одѣтые въ самые разнообразныя костюмы: тутъ были желтыя, голубыя и красныя косоворотки-рубашки, матросскія курточки съ золотыми

якорями, высокіе до колѣнъ чулки и сапожки съ лаковыми отворотами, пояса широкіе кожаные и узкіе позументные. «Старички» въ сѣрыхъ каламянковыхъ блузахъ, подпоясанныхъ ремнями, и такихъ же панталонахъ, сразу бросались въ глаза и своимъ однообразнымъ костюмомъ и въ особенности развязными манерами. Они ходили по-двое и по-трое по залѣ, обнявшись, заломивъ истрепанныя кепи на затылокъ; нѣкоторые перекликались черезъ всю залу, иные съ крикомъ гонялись другъ за другомъ. Густая пыль поднималась съ натертаго мастичкой паркета. Можно было подумать, что вся эта топчущая, кричащая и свистящая толпа нарочно старалась кого-то ошеломить своей возней и гамомъ.

— Ты оглохъ, что ли? Какъ твоя фамилія, я тебя спрашиваю?

Буланинъ вздрогнулъ и поднялъ глаза. Передъ нимъ, заложивъ руки въ карманы панталонъ, стоялъ рослый воспитанникъ и разсматривалъ его соннымъ, скучающимъ взглядомъ.

— Моя фамилія Буланинъ, — отвѣтилъ новичокъ.

— Очень радъ. А у тебя гостинцы есть, Буланинъ?

— Нѣтъ...

— Это, братецъ, скверно, что у тебя нѣтъ гостинцевъ. Пойдешь въ отпускъ — принеси.

— Хорошо, я принесу.

— И со мной подѣлись... Ладно?..

— Хорошо, съ удовольствіемъ.

Но старичокъ не уходилъ. Онъ, повидимому, скучалъ и искалъ развлеченія. Вниманіе его привлекли большія металлическія пуговицы, пришитыя въ два ряда на курточкѣ Буланина

— Ишь ты, какія пуговицы у тебя ловкія, — сказалъ онъ, трогая одну изъ нихъ пальцемъ.

— О, это такія пуговицы... — суетливо обрадовался

Буланинъ. — Ихъ ни за что оторвать нельзя. Вотъ попробуй-ка!

Старичокъ захватилъ между своими двумя грязными пальцами пуговицу и началъ вертѣть ее. Но пуговица не поддавалась. Курточка шилась дома, шилась на ростъ, въ расчетъ нарядить въ нее Васеньку, когда Мишенькѣ она станетъ мала. А пуговицы пришивала сама мать двойной провощенной ниткой.

Воспитанникъ оставилъ пуговицу, поглядѣлъ на свои пальцы, гдѣ отъ нажима острыхъ краевъ остались синіе рубцы, и сказалъ:

— Крѣпкая пуговица!.. Эй, Базутка, — крикнулъ онъ пробѣгавшему мимо маленькому бѣлокурому, розовому толстяку: — посмотри, какая у новичка пуговица здоровая!

Скоро вокругъ Буланина, въ углу, между печкой и дверью, образовалась довольно густая толпа. Тотчасъ же установилась очередь. «Чуръ, я за Базуткой!» — крикнулъ чей-то голосъ, и тотчасъ же остальные загалдѣли: «А я за Миллеромъ! А я за Утконосомъ! А я за тобой!» — и покамѣстъ одинъ вертѣлъ пуговицу, другіе уже протягивали руки и даже пощелкивали отъ нетерпѣнія пальцами.

Но пуговица держалась попрежнему крѣпко.

— Позовите Грузова! — сказалъ кто-то изъ толпы.

Тотчасъ же другіе закричали: «Грузовъ! Грузовъ!». Двое побѣжали его разыскивать.

Пришелъ Грузовъ, малый лѣтъ пятнадцати, съ желтымъ, испитымъ, арестантскимъ лицомъ, сидѣвшій въ первыхъ двухъ классахъ уже четыре года, — одинъ изъ первыхъ силачей возраста. Онъ, собственно, не шелъ, а влачился, не поднимая ногъ отъ земли и при каждомъ шагѣ падая туловищемъ то въ одну, то въ другую сторону, точно плылъ или катился на конькахъ. При этомъ

онъ поминутно сплевывалъ сквозь зубы, съ какой-то особенной кучерской лихостью. Расталкивая кучку плечомъ, онъ спросилъ сиплымъ басомъ:

— Что у васъ тутъ, ребята?

Ему рассказали, въ чемъ дѣло. Но, чувствуя себя героемъ минуты, онъ не торопился. Оглядѣвъ внимательно новичка съ ногъ до головы, онъ буркнулъ:

— Фамилія?..

— Что? — спросилъ робко Буланинъ.

— Дуракъ, какъ твоя фамилія?

— Бу... Буланинъ...

— А почему же не Савраскинъ? Ишь ты, фамилія-то какая... лошадиная.

Кругомъ услужливо разсмѣялись. Грузовъ продолжалъ:

— А ты, Буланка, пробовалъ когда-нибудь маслянки?

— Н...нѣтъ... не пробовалъ.

— Какъ? Ни разу не пробовалъ?

— Ни разу...

— Вотъ такъ штука! Хочешь, я тебя угощу?

И, не дожидаясь отвѣта Буланина, Грузовъ нагнулъ его голову внизъ и очень больно и быстро ударилъ по ней сначала концомъ большого пальца, а потомъ дробно костяжками всѣхъ остальныхъ, сжатыхъ въ кулакъ.

— Вотъ тебѣ маслянка, и другая, и третья!.. Ну что, Буланка, вкусно? Можетъ-быть, еще хочешь?

Старички радостно гоготали. «Ужъ этотъ Грузовъ! Отчаянный!.. Здорово новичка маслянками накормилъ».

Буланинъ тоже силился улыбнуться, хотя отъ трехъ маслянокъ ему было такъ больно, что невольно слезы выступили на глазахъ. Грузову объяснили, зачѣмъ его звали. Онъ самоувѣренно взялся за пуговицу и сталъ ее съ ожесточеніемъ крутить. Однако, несмотря на то, что онъ прилагалъ все бѣльшія и бѣльшія усилія, пуговица продолжала упорно держаться на своемъ мѣстѣ.

Тогда, изъ боязни уронить свой авторитетъ передъ «малышами», весь красный отъ натуги, онъ уперся одной рукой въ грудь Буланина, а другой изо всѣхъ силъ рвануль пуговицу къ себѣ. Пуговица отлетѣла съ мясомъ, но толчокъ былъ такъ быстръ и внезапенъ, что Буланинъ сразу сѣлъ на полъ. На этотъ разъ никто не разсмѣялся. Можетъ-быть, у cadaго мелькнула въ это мгновѣнiе мысль, что и онъ когда-то былъ новичкомъ, въ такой же курточкѣ, сшитой дома любимыми руками.

Буланинъ поднялся на ноги. Какъ онъ ни старался удержаться, слезы все-таки же покатились изъ его глазъ, и онъ, закрывъ лицо руками, прижался къ печкѣ.

— Эхъ, ты, рѣва-корова! — произнесъ Грузовъ презрительно, стукнулъ новичка ладонью по затылку, бросилъ ему пуговицу въ лицо и ушелъ своей разгильдяйской походкой.

Скоро Буланинъ остался одинъ. Онъ продолжалъ плакать. Кромѣ боли и незаслуженной обиды, какое-то странное, сложное чувство терзало его маленькое сердце, — чувство, похожее на то, какъ будто бы онъ самъ только-что совершилъ какой-то нехорошій, непоправимый, глупый поступокъ. Но въ этомъ чувствѣ онъ покаместъ разобраться не могъ.

Страшно медленно, скучно и тяжело, точно длинный сонъ, тянулся для Буланина этотъ первый день гимназической жизни. Были минуты, когда ему начинало казаться, что не пять или шесть часовъ, а по крайней мѣрѣ полмѣсяца прошло съ того грустнаго момента, какъ онъ вмѣстѣ съ матерью взбирался по широкимъ каменнымъ ступенямъ параднаго крыльца и съ трепетомъ вступилъ въ огромныя стеклянныя двери, на которыхъ мѣдъ блестя съ холодной и внушительной яркостью...

Одинокій, точно забытый всѣмъ свѣтомъ, мальчикъ разсматривалъ окружающую его казенную обстановку. Двѣ длинныя залы — рекреационная и чайная (онъ раздѣля-

лись аркой) — были выкрашены снизу до высоты человеческого роста коричневой масляной краской, а выше — розовой известкой. По лѣвую сторону рекреационной залы тянулись окна, полузадѣланные рѣшетками, а по правую — стеклянные двери, ведущія въ классы; простѣнки между дверьми и окнами были заняты раскрашенными картинами изъ отечественной исторіи и рисунками разныхъ звѣрей, а въ дальнемъ углу лампада теплилась передъ огромнымъ образомъ св. Александра Невскаго, къ которому вели три обитыя краснымъ сукномъ ступеньки. Вокругъ стѣнъ чайной залы стояли черные столы и скамейки; ихъ сдвигали въ одинъ общій столъ къ чаю и завтраку. По стѣнамъ тоже висѣли картины, изображавшія геройскіе подвиги русскихъ воиновъ, но висѣли настолько высоко, что, даже ставши на столъ, нельзя было разсмотрѣть, что подъ ними подписано... Вдоль обѣихъ залъ, какъ разъ посреди ихъ, висѣлъ длинный рядъ опускныхъ лампъ съ абажурами и мѣдными шарами для противовѣса...

Наскучивъ бродить вдоль этихъ безконечно-длинныхъ залъ, Буланинъ вышелъ на плацъ — большую квадратную лужайку, окруженную съ двухъ сторонъ валомъ, а съ двухъ другихъ — сплошной стѣной желтой акаціи. На плацу старички играли въ лапту, другіе ходили обнявшись, третьи съ вала бросали камни въ зеленый отъ тины прудъ, лежавшій глаголемъ шагахъ въ пятидесяти за линіей валовъ; къ пруду гимназистамъ ходить не позволялось, и чтобы слѣдить за этимъ — на валу во время прогулки торчалъ дежурный дядька.

Всѣ эти впечатлѣнія рѣзкими, неизгладимыми чертами запали въ память Буланина. Сколько разъ потомъ, за всѣ семь лѣтъ гимназической жизни, видѣлъ онъ и эти коричневые съ розовымъ стѣны, и плацъ съ чахлой травой, вытопанной многочисленными ногами, и длинные

узкіе коридоры, и чугунную лѣстницу — и такъ привыкъ къ нимъ, что они сдѣлались какъ бы частью его самого... Но впечатлѣнія перваго дня все-таки не умирали въ его душѣ, и онъ всегда могъ вызвать чрезвычайно живо передъ своими глазами тогдашній видъ всѣхъ этихъ предметовъ, — видъ, совсѣмъ отличный отъ ихъ настоящаго вида, гораздо болѣе яркій, свѣжій и какъ будто бы наивный.

Вечеромъ Буланину, вмѣстѣ съ прочими новичками, дали въ каменной кружкѣ мутнаго сладкаго чаю и половину французской булки. Но булка оказалась кислой на вкусъ, а чай отдавалъ рыбой. Послѣ чая дядька показалъ Буланину его кровать.

Спальня младшаго возраста долго не могла угомониться. Старички въ однѣхъ рубашкахъ перебѣгали съ кровати на кровать, слышался хохотъ, шумъ возни, звонкіе удары ладонью по голому тѣлу. Только черезъ часъ стали затихать этотъ кавардакъ, и умолкъ сердитый голосъ воспитателя, окликавшаго шалуновъ по фамиліямъ.

Когда же шумъ совершенно прекратился, когда отовсюду слышалось глубокое дыханіе спящихъ, прерываемое изрѣдка соннымъ бредомъ, Буланину сдѣлалось невыразимо тяжело. Все, что на время забылось имъ, что заволкло новыми впечатлѣніями, — все это вдругъ припомнилось ему съ безпощадной ясностью: домъ, сестры, братъ, другъ дѣтскихъ игръ — кухаркинъ племянникъ Савка и наконецъ это дорогое, близкое лицо, которое сегодня въ пріемной казалось такимъ просящимъ. Тонкая, глубокая нѣжность и какая-то болѣзненная жалость къ матери переполнили сердце Буланина. Ему припомнились всѣ тѣ случаи, когда онъ бывалъ съ нею недостаточно нѣженъ, непочтителенъ, порою даже грубъ. И ему представлялось, что если бы теперь, какимъ-нибудь волшебствомъ, увидѣлся онъ съ матерью, то онъ

сумѣлъ бы собрать въ своей душѣ такой запасъ любви, благодарности и ласки, что его хватило бы на многіе и многіе годы одиночества. Въ его разгоряченномъ, взволнованномъ и подавленномъ умѣ лицо матери представлялось такимъ блѣднымъ и болѣзненнымъ, гимназія — такимъ неуютнымъ и суровымъ мѣстомъ, а онъ самъ — такимъ несчастнымъ, заброшеннымъ мальчикомъ, что Буланинъ, прижавшись крѣпко ртомъ къ подушкѣ, заплакалъ жгучими, отчаянными слезами, отъ которыхъ вздрагивала его узкая желѣзная кровать, а въ горлѣ стоялъ какой-то сухой колючій клубокъ... Онъ вспомнилъ также сегодняшнюю исторію съ пуговицей и покраснѣлъ, несмотря на темноту. «Бѣдная мама! Какъ старательно пришивала она эти пуговицы, откусывая концы нитки зубами. Съ какою гордостью во время примѣрки любовалась она этой курточкой, обдергивая ее со всѣхъ сторонъ...» Буланинъ почувствовалъ, что онъ совершилъ сегодня утромъ противъ нея нехорошій, низкій и трусливый поступокъ, когда предлагалъ старичкамъ оторвать пуговицу.

Онъ плакалъ до тѣхъ поръ, пока сонъ не охватилъ его своими широкими объятіями... Но и во снѣ Буланинъ долго еще вздыхалъ прерывисто и глубоко, какъ вздыхаютъ послѣ слезъ очень маленькія дѣти. Впрочемъ, не онъ одинъ въ эту ночь плакалъ, спрятавшись лицомъ въ подушку, при тускломъ свѣтѣ висячихъ лампъ съ контръ-абажурами.

II.

Заря. — Умывалка. — Пѣтухъ и его рѣчь. — Учитель русскаго языка и его странности. — Четуха. — Одежда. — Цыпки.

— Тра-та-та, тра-та-та, та, та, та, та...

Буланинъ только-что собирался съ новенькой сѣтью и съ вѣрнымъ Савкою итти на перепеловъ... Внезапно

разбуженный этими пронзительными звуками, онъ испуганно вскочилъ на кровати и раскрылъ глаза. Надъ самой его головой стоялъ огромный, рыжій, веснучатый солдатъ и, приложивъ къ губамъ блестящую мѣдную трубу, весь красный отъ натуги, съ раздутыми щеками и напряженной шеей, игралъ какой-то оглушительный и однообразный мотивъ.

Было шесть часовъ ненастного августовскаго утра. По стекламъ сбѣгали зигзагами капли дождя. Въ окна виднѣлось хмурое сѣрое небо и желтая чахлая зелень акацій. Казалось, что однообразно-рѣзкіе звуки трубы еще сильнѣе и непріятнѣе заставляютъ чувствовать холодъ и тоску этого утра.

Въ первыя минуты Буланинъ никакъ не могъ сообразить, гдѣ онъ и какъ могъ онъ очутиться среди этой казарменной обстановки, съ длинной анфиладой розовыхъ арокъ и съ правильными рядами кроватей, на которыхъ подъ сѣрыми байковыми одѣялами ежились спящія фигуры.

Потрубивъ добрыхъ пять минутъ, солдатъ отвинтилъ у своей трубы мундштукъ, вытряхнулъ изъ нея слюну и ушелъ.

Дрожа отъ холода, воспитанники бѣжали въ умывалку, обвязавшись вокругъ пояса полотенцемъ. Всю умывалку занималъ длинный, узкій ящикъ изъ красной мѣди съ двадцатью подъемными стержнями снизу. Вокругъ него уже толпились воспитанники, нетерпѣливо дожидаясь очереди, толкаясь, фыркая и обливая другъ друга. Всѣ не выспались; старички были злы и ругались хриплыми, сонными голосами. Нѣсколько разъ, когда Буланинъ, улупивъ минутку, становился подъ кранъ, кто-нибудь сзади бралъ его за воротъ рубашки и грубо отталкивалъ. Умыться ему удалось только въ самой послѣдней очереди.

Послѣ чая пришли воспитатели, раздѣлили всѣхъ но-

вичковъ на два отдѣленія и тотчасъ же развели ихъ по классамъ.

Во второмъ отдѣленіи, куда попалъ Буланинъ, было двое второгодниковъ: Бринкенъ — длинный, худой остзеецъ съ упрямыми, водянистыми глазами и висячимъ нѣмецкимъ носомъ, и Сельскій — маленькій веселый гимназистъ, хорошепъкій, но немного кривоногій. Бринкенъ, едва войдя въ классъ, тотчасъ же объявилъ, что онъ забираетъ «камчатку». Новички нерѣшительно толпились вокругъ партъ.

Вскорѣ появился воспитатель. Его приходъ былъ возвѣщенъ Сельскимъ, закричавшимъ: «Тс... Пѣтухъ идетъ!..» Пѣтухомъ оказался тотъ самый военный въ бакахъ, котораго вчера видѣлъ Буланинъ въ пріемной; его звали Яковъ Яковлевичъ фонъ-Шеппе. Это былъ очень чистенькій, добродушный нѣмецъ. Отъ него всегда пахло немного табакомъ, немного одеколономъ и еще тѣмъ особеннымъ, не непріятнымъ запахомъ, который издаютъ мебель и вещи въ зажиточныхъ нѣмецкихъ семействахъ. Заложивъ правую руку въ задній карманъ сюртука, а лѣвой перебирая цѣпочку, висящую вдоль борта, и въ то же время то поднимаясь быстро на цыпочки, то опускаясь на каблуки, Пѣтухъ сказалъ небольшую, но прочувствованную рѣчь:

— Ну, такъ вотъ, господа... э... э... какъ бы сказать... я назначенъ вашимъ воспитателемъ. Да было бы вамъ извѣстно, что я имъ и останусь всѣ... весь... э... какъ бы сказать... всѣ семь лѣтъ вашего пребыванія въ гимназіи. Поэтому смѣю думать и надѣяться, что на васъ со стороны учителей, или какъ бы сказать... преподавателей — да, вотъ именно: преподавателей... не будетъ... э... не будетъ поступать неудовольствій и... какъ бы сказать... жалобъ... Помните, что преподаватели суть тѣ же ваши начальники, и кромѣ добраго... э... э...

какъ бы сказать... кромѣ добра, вамъ ничего не желаютъ...

Онъ помолчалъ немного и нѣсколько разъ подъ рядъ то поднимался, то опускался на цыпочкахъ, точно собираясь улетѣть (его за эту привычку, вѣроятно, и прозвали Пѣтухомъ), и продолжалъ:

— Да-съ! Такъ-то-съ. Намъ съ вами придется прожить вмѣстѣ очень и очень долгое время... потому и стараемся... э... какъ бы сказать... не ссориться, не браниться, не драться-съ.

Бринкенъ и Сельскій первые поняли, что въ этомъ фамиллярно-ласковомъ мѣстѣ рѣчи надо засмѣяться. Слѣдомъ за ними захихикали и повички.

Бѣдный Пѣтухъ вовсе не обладалъ краснорѣчіемъ. Кромѣ постоянныхъ: э... слово-ериковъ и «какъ бы сказать», у него была несчастная привычка говорить рюмами и въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ употреблять одни и тѣ же выраженія. И мальчишки, съ ихъ острой переимчивостью и наблюдательностью, очень быстро подхватили эти особенности Пѣтуха. Бывало, по утрамъ, будя разоспавшихся воспитанниковъ, Яковъ Яковлевичъ кричить: «Не копать, не валяться, не высиживать!..», а цѣлый хоръ изъ-за угла, зная заранѣе, какая реплика слѣдуетъ далѣе, оретъ, подражая его интонаціямъ: «Кто тамъ высиживаетъ?»

Окончивъ свою рѣчь, Пѣтухъ сдѣлалъ всему отдѣленію перекличку. Каждый разъ, встрѣтивъ болѣе или менѣе громкую фамилію, онъ, подпрыгивая, по своему обыкновенію, спрашивалъ:

— А вы не родственникъ такому-то?

И, получивъ большею частью отрицательный отвѣтъ, качалъ головою сверху внизъ и говорилъ мягкимъ голосомъ:

— Прекрасно-съ. Садитесь-съ.

Затѣмъ онъ размѣстилъ всѣхъ воспитанниковъ на

парты по-двое, при чемъ извлекъ Бринкена изъ «камчатки» на первую скамейку, и ушелъ изъ класса.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ Буланинъ своего соседа, толстощекаго румянаго мальчика въ черной курткѣ съ желтыми пуговицами.

— Кривцовъ. А тебя какъ?

— Меня — Буланинъ. Хочешь, будемъ дружитья?

— Давай. У тебя родные гдѣ живутъ?

— Въ Москвѣ. А у тебя?

— Въ Жиздрѣ. У насъ тамъ садъ большой и озеро, и лебеди плаваютъ.

• При этомъ воспоминаніи Кривцовъ не могъ удержать глубокаго, прерывистаго вздоха.

— А у меня есть собственная верховая лошадь, — Муцикъ зовутъ. Страсть какая быстрая, точно иноходець. И два кролика, ручные совсѣмъ, капусту прямо изъ рукъ берутъ.

Пѣтухъ опять пришелъ, на этотъ разъ въ сопровожденіи дядьки, несшаго на плечахъ большую корзину съ книгами, тетрадями, перьями, карандашами, резинками и линейками. Книги уже были давно знакомы Буланину: задачникъ Евтушевскаго, французскій учебникъ Марго, хрестоматія Поливанова и священная исторія Смирнова. Всѣ эти источники премудрости оказались сильно истрепанными руками предшествующихъ поколѣній, черпавшихъ изъ нихъ свои знанія. Подъ зачеркнутыми фамиліями прежнихъ владѣльцевъ на холщевыхъ переплетахъ писались новыя фамиліи, которыя, въ свою очередь, давали мѣсто новѣйшимъ. На многихъ книгахъ красовались безсмертныя изреченія въ родѣ: «Читаю книгу, а вижу фігу», или

Сія книга принадлежитъ,
Никуда не убѣжить,
Кто возьметъ ее безъ спросу,
Тотъ останется безъ носу.

или наконецъ: «Если ты хочешь узнать мою фамилію, см. стр. 45». На 45 страницѣ стоитъ: «См. стр. 118», а 118-я страница своимъ чередомъ отсылаетъ любопытнаго на дальнѣйшіе поиски, пока онъ не приходитъ къ той же самой страницѣ, откуда началъ искать незнакомца. Попадались также нерѣдко обидныя и насмѣшливыя выраженія по адресу учителя того предмета, который трактовался учебникомъ.

— Берегите ваши руководства, — сказалъ Пѣтухъ, когда раздача кончилась: — не дѣлайте на нихъ различныхъ... э... какъ бы сказать... различныхъ неприличныхъ надписей... За утерянный или попорченный учебникъ будетъ наложено взысканіе-съ и будутъ удержаны... э... какъ бы сказать... деньги-съ... съ виновнаго-съ... Затѣмъ назначаю старшимъ въ классѣ Сельскаго. Онъ — второгодникъ и все знаетъ-съ, всякіе... какъ бы сказать... порядки-съ и распорядки-съ... Если вамъ будетъ что-либо непонятно или... какъ бы сказать... желательнo-съ, извольте обращаться ко мнѣ черезъ него. Затѣмъ-съ...

Кто-то отворилъ двери. Пѣтухъ быстро обернулся и прибавилъ полушепотомъ:

— А вотъ и преподаватель русскаго языка.

Вошелъ съ класснымъ журналомъ подъ мышкой длинноволосый блондинъ иконописнаго облика, въ поношенномъ сюртукѣ, такой высокій и худой, что ему приходилось невольно горбиться. Сельскій закричалъ: «Встать! Смирно!» и подошелъ къ нему съ рапортомъ: «Господинъ преподаватель, во второмъ отдѣленіи перваго класса N-ской военной гимназіи все обстоитъ благополучно. По списку воспитанниковъ тридцать, одинъ въ лазаретѣ, па-лицо двадцать девять». Преподаватель (его звали Иваномъ Архиповичемъ Сахаровымъ) выслушалъ это, изобразивши всей своей нескладной фигурой вопросительный знакъ надъ маленькимъ Сельскимъ, который поневолѣ

долженъ былъ задирать голову кверху, чтобы видѣть лицо Сахарова. Затѣмъ Иванъ Архиповичъ мотнулъ головой на образъ и буркнулъ: «Молитву!» Сельскій совершенно тѣмъ же тономъ, какимъ сейчасъ рапортовалъ, прочелъ «Преплагій Господи».

— Садитесь! — приказалъ Иванъ Архиповичъ и самъ влѣзъ на каедрю (нѣчто въ родѣ ящика безъ задней стѣнки, поставленнаго на широкую платформу. Сзади ящика помѣщался стулъ для преподавателя, ногъ котораго такимъ образомъ классъ не видѣлъ).

Поведеніе Ивана Архиповича показалось Буланину болѣе чѣмъ страннымъ. Прежде всего онъ съ трескомъ развернулъ журналъ, хлопнулъ по нему ладонью и, выпятивъ впередъ нижнюю челюсть, сдѣлалъ на классъ страшные глаза. «Точь въ точь, — подумалось Буланину: — какъ великанъ въ сапогахъ-скороходахъ, прежде чѣмъ съѣсть одного за другимъ всѣхъ мальчиковъ». Потомъ онъ широко разставилъ локти на каедрѣ, подперъ подбородокъ ладонями и, запустивъ ногти въ ротъ, началъ параспѣвъ и сквозь зубы:

— Ну-съ, орлы заморскіе... ученики развращенные... Чтò вы знаете? (Иванъ Архиповичъ неожиданно качнулся впередъ и икнулъ). Ничего вы не знаете. Рровно ничего. И з-знать ничего не будете. Вы дома, небось, только въ бабки играли да голубей гоняли по крышамъ? И пре-кра-а-асно! Чуд-десно! И занимались бы этимъ дѣломъ до сихъ поръ. Да и зачѣмъ вамъ грамотѣ-то знать? Не дворянское дѣло-съ. Учитесь не учитесь, а все равно корову черезъ «ѣ» изображать будете, потому... потому... (Иванъ Архиповичъ опять качнулся, на этотъ разъ сильнѣе прежняго, но опять справился съ собою), потому, что ваше призваніе быть вѣчными Ми-тро-фа-ну-шка-ми.

Поговоривъ въ этомъ духѣ минутъ пять, а можетъ-быть, и болѣе того, Сахаровъ вдругъ закрылъ глаза и

потерялъ равновѣсіе. Локти его разскользнулись, голова безпомощно и грузно упала на раскрытый журналъ, и въ классѣ явственно раздался храпъ. Преподаватель былъ безнадежно пьянъ.

Это случалось съ нимъ почти каждый день. Раза два или три въ мѣсяцъ онъ, правда, являлся трезвымъ, по эти дни считались роковыми въ гимназической *) средѣ: тогда журналъ украшался безчисленными «колами» и нулями. Самъ Сахаровъ бывалъ мраченъ и молчаливъ и за всякое рѣзкое движеніе высылалъ изъ класса. Въ каждомъ его словѣ, въ каждой гримасѣ его опухшаго и краснаго отъ водки лица чувствовалась глубокая, острая, отчаянная ненависть и къ учительскому дѣлу, и къ тому вертограду, который онъ долженъ былъ посадить.

Зато воспитанники безнаказанно пользовались тѣми минутами, когда тяжелый сопъ похмелья овладѣвалъ больной головой Ивана Архиповича. Тотчасъ же кто-нибудь изъ «слабенькихъ» посылался «стеречь» у дверей, наиболѣе предприимчивые забирались на кафедру, переставляли въ журналѣ баллы и ставили по своему усмотрѣнію новые, вытаскивали изъ кармана преподавателя часы и разсматривали ихъ, мазали ему мѣломъ спину. Впрочемъ, къ чести ихъ надо сказать, едва только сторожъ, заслышавъ издали тяжелые шаги инспектора, пускалъ условное: «Тсс... Толкачъ идетъ!..» — немедленно десятки услужливыхъ, хотя и безцеремонныхъ рукъ принимались тормошить Ивана Архиповича.

Проспавъ довольно долгое время, Сахаровъ вдругъ, точно отъ внезапнаго толчка, поднялъ голову, обвелъ классъ мутными глазами и строго проговорилъ:

*) Конечно, въ настоящее время нравы кадетскихъ корпусовъ перемѣнились. Нашъ рассказъ относится къ той переходной эпохѣ, когда военныя гимназіи реформировались въ корпуса.

— Откройте ваши хрестоматіи на 36-й страницѣ.

Всѣ открыли книги съ преувеличеннымъ шумомъ. Сахаровъ указалъ кивкомъ головы на сосѣда Буланина.

— Вотъ вы... господинчикъ... какъ васъ? Да, да, вы самый... — прибавилъ онъ и замоталъ головой, видя, что Кривцовъ нерѣшительно приподнимается, ища вокругъ глазами: — тотъ, что съ желтыми пуговицами и съ бородавочкой... Какъ ваше заглавіе? Что-съ? Ничего не слышу. Да встаньте же, когда съ вами говорятъ. Заглавіе ваше какъ, я спрашиваю?

— Фамилію говори, — шепнулъ сзади Сельскій.

— Кривцовъ.

— Такъ и запишемъ. Что у васъ тамъ изображено на 36-й страницѣ, милостивый мой государь, господинъ Кривцовъ?

— «Чижъ и голубь», — прочелъ Кривцовъ.

— Возглашайте-съ.

Почти всѣ преподаватели отличались какими-нибудь страшностями, къ которымъ Буланинъ не только привыкъ очень быстро, но даже научился ихъ копировать, такъ какъ всегда отличался наблюдательностью и бойкостью. Покамѣстъ въ продолженіе первыхъ дней онъ разбирался въ своихъ впечатлѣніяхъ, два человека поневолѣ стали центральными фигурами въ его міровоззрѣніи: Яковъ Яковлевичъ фонъ-Шеппе — иначе Пѣтухъ — и отдѣленный дядька Томашъ Ціотухъ, родомъ литвинъ, котораго воспитанники называли просто Четухой. Четуха служилъ, кажется, чуть ли не съ основанія прежняго кадетскаго корпуса, но на видъ казался еще очень бодрымъ и красивымъ мужчиной, съ веселыми черными глазами и черными кудрявыми волосами. Онъ свободно втаскивалъ каждое утро на 3-й этажъ громадную вязанку дровъ, и въ глазахъ гимназистовъ его сила превосходила всякіе человѣческіе предѣлы. Онъ носилъ, какъ и всѣ дядьки, куртку

изъ толстаго сѣраго сукна, сшитую на манеръ рубахи. Буланинъ долгое время думалъ, что эти куртки, отъ которыхъ всегда пахло щами, махоркой и какой-то ѣдкой кислятиной, выдѣлываются изъ конскаго волоса, и потому мысленно называлъ ихъ власяницами. Изрѣдка Четуха напивался. Тогда онъ шелъ въ спальню, забирался подъ одну изъ самыхъ дальнихъ кроватей (всѣмъ воспитанникамъ было извѣстно, что онъ страшно боялся своей жены, которая его била) и спалъ тамъ часа три, подложивъ подъ голову полѣно. Впрочемъ, Четуха не былъ лишень своеобразнаго добродушія стараго солдата. Стоило послушать, какъ онъ, будя по утрамъ спящихъ воспитанниковъ и дѣлая видъ, будто сдергиваетъ одѣяло, приговаривалъ съ напускной угрозой: «Уставайтя! Уставайтя!.. А то я ваши булки зѣмь!.. Уставайтя!»

Первые дни Яковъ Яковлевичъ и Четуха только и дѣлали, что «пригоняли» повичкамъ одежду. Пригонка оказалась дѣломъ очень простымъ: построили весь младшій возрастъ по росту, дали каждому воспитаннику номеръ, начиная съ праваго фланга до лѣваго, а потомъ одѣли въ прошлогоднее платье того же номера. Такимъ образомъ Буланину достался очень широкій пиджакъ, достигавшій ему чуть ли не до колѣнъ, и необыкновенно короткія панталоны.

Въ буднее время, осенью и зимой, гимназисты носили черныя суконныя курточки (онѣ назывались пиджаками), безъ поясовъ, съ синими погонами, восемью мѣдными пуговицами въ одинъ рядъ и красными петлицами на воротникахъ. Праздничные мундиры носились съ кожаными лакированными поясами и отличались отъ пиджаковъ золотыми галунами на петлицахъ и рукавахъ. Прослуживъ свой срокъ, мундиръ передѣлывался въ пиджакъ и въ такомъ видѣ служилъ уже до истлѣнія. Шинели съ нѣсколько укороченными полами выдавались гимназистамъ

для ежедневнаго употребленія подъ именемъ тужурокъ, или «дежурокъ», какъ ихъ называлъ Четуха. Въ общемъ, въ обыкновенное время младшіе воспитанники имѣли видъ чрезвычайно растерзанный и грязный, и нельзя сказать, чтобы начальство принимало противъ этого рѣшительныя мѣры. Зимой почти у всѣхъ «малышей» образовались на рукахъ «цыпки», т.-е. кожа на наружной сторонѣ кисти шершавѣла, лупилась и давала трещины, которыя въ скоромъ времени сливались въ одну общую грязную рану. Чесотка тоже была явленіемъ не рѣдкимъ. Противъ этихъ болѣзней, какъ противъ всѣхъ остальныхъ, принималось одно универсальное средство — касторовое масло.

III.

Суббота. — Волшебный фонарь. — Бринкенъ торгуется. — Мѣна. — Покупка. — Козель. — Дальнѣйшая исторія фонаря. — Отпускъ.

Съ поступленія Буланина въ гимназію прошло уже шесть дней. Настала суббота. Этого дня Буланинъ дожидался съ нетерпѣніемъ, потому что по субботамъ, послѣ уроковъ, воспитанники отпускались домой до 8¹/₂ ч. вечера воскресенья. Показать дома въ мундирѣ съ золотыми галунами и въ кепи, надѣтомъ набекрень, отдавать на улицѣ честь офицерамъ и видѣть, какъ они въ отвѣтъ, точно знакомому, будутъ прикладывать руку къ козырьку, вызвать удивленно-почтительные взгляды сестеръ и младшаго брата — всѣ эти удовольствія казались такими заманчивыми, что предвкушеніе ихъ даже нѣсколько ступшеывало, оттирало на задній планъ предстоящее свиданіе съ матерью.

«А вдругъ мама не пріѣдетъ за мной? — безпокойно, въ сотый разъ, спрашивалъ самъ себя Буланинъ. — Можетъ-быть, она не знаетъ, что насъ отпускаютъ по субботамъ? Или вдругъ ей помѣшаетъ что-нибудь? Пусть ужъ тогда бы прислала горничную Глашу. Оно, правда,

неловко какъ-то воспитаннику военной гимназіи ѣхать по улицѣ съ горничной, ну, да что ужъ дѣлать, если безъ провожатаго нельзя...»

Первый урокъ въ субботу былъ Законъ Божій, но батюшка еще не приходилъ.

Въ классѣ стоялъ густой, протяжный, неумолкающій гулъ, напоминавшій жужжаніе пчелинаго роя. Тридцать молодыхъ глотокъ одновременно пѣло, смѣялось, читало вслухъ, разговаривало...

Вдругъ, покрывая всѣ голоса, въ дверяхъ раздался сильный окрикъ:

— Эй, малыши! Продаю волшебный фонарь! Совсѣмъ новый! Кто хочетъ купить? А? Продается по случаю очень дешево! Зам-мѣчательная парижская вещь!

Это предложеніе сдѣлалъ Грузовъ, вошедшій въ классъ съ небольшимъ ящикомъ въ рукахъ. Всѣ сразу затихли и повернули къ нему головы. Грузовъ вертѣлъ ящикъ передъ глазами сидѣвшихъ въ первомъ ряду и продолжалъ кричать тономъ аукціониста:

— Ну, кто же хочетъ, ребята? По случаю, по случаю... Ей-Богу, если бы не нужны были деньги, не продалъ бы. А то весь табакъ вышелъ, не на что купить новаго. Волшебный фонарь съ лампочкой и съ двѣнадцатью зам-мѣчательными картинками... Новый стоилъ восемь рублей... Ну? Кто же покупаетъ, братцы?

Долговязый Бринкенъ поднялся съ своего мѣста и потянулся къ фонарю.

— Покажи-ка...

— Чего покажи? Смотри изъ рукъ.

— Ну, хоть изъ рукъ... а то въ ящикѣ-то не видно... Можетъ-быть, что-нибудь сломано...

Грузовъ снялъ крышку. Бринкенъ сталъ осматривать фонарь настолько внимательно, насколько это ему позволяли руки Грузова, крѣпко державшія ящикъ.

— Трубка-то... треснула, — замѣтилъ нѣмецъ дѣловитымъ тономъ.

— Треснула, треснула! Много ты понимаешь, нѣмецъ, перецъ, колбаса, купилъ лошадь безъ хвоста. Просто распаялась чуть-чуть по шву. Отдай слесарю — за пяточокъ поправить.

Брикенъ заботливо постучалъ грязнымъ ногтемъ по жестяной стѣнкѣ фонаря и спросилъ:

— А сколько?

— Три.

— Рубля?

— А ты, можетъ-быть, думалъ — копейки? Ишь, ловкій, колбасникъ!

— Н-пѣтъ, я не думалъ... я такъ просто... Больно дорого. Давай лучше мѣняться. Хочешь?

Мѣна вообще была актомъ весьма распространеннымъ въ гимназической средѣ, особенно въ младшихъ классахъ.

Мѣнялись вещами, книжками, гостинцами, при чемъ относительная стоимость предметовъ мѣны опредѣлялась полюбовно обѣими сторонами. Нерѣдко мѣновыми единицами служили металлическія пуговицы, но не простыя, гимназическія, а тяжелыя, накладныя — буховскія, 1-го и 2-го сорта, при чемъ пуговицы съ орлами цѣнились вдвое, или стальные перышки (и тѣ и другія употреблялись для игры). Также мѣняли вещи — кромѣ казенныхъ — на булки, на котлеты и на третье блюдо обѣда. Между прочимъ, мѣна требовала соблюденія нѣкоторыхъ обрядностей. Нужно было, чтобы договаривающіяся стороны непременно взяли за руки, а третье, специально для этого приглашенное лицо разнимало ихъ, произнося обычную фразу, освященную многими десятилѣтіями:

Чуръ, мѣна —
Безъ размѣна,

Чуръ, съ разъемщика не брать,
А разъемщику давать.

Своеобразный опытъ показывалъ, что присутствіе при мѣнѣ однихъ простыхъ свидѣтелей иногда оказывалось недостаточнымъ, если при ней не было разъемщика. Недобросовѣстный всегда могъ отговориться:

— А насъ разнималъ кто-нибудь?

— Нѣтъ, но были свидѣтели, — возражалъ другой мѣнявшійся.

— Свидѣтели не считаются, — отрѣзывалъ первый, и его доводъ совершенно исчерпывалъ вопросъ — дальше уже слѣдовала рукопашная схватка.

— Ну, что жъ? Будешь мѣняться? — приставалъ Бринкенъ.

Пальцы Грузова сложились въ символическій знакъ и приблизились вплотъ къ длинному носу остзейца.

— На-ка-сь, выкуси.

— Я тебѣ дамъ банку килекъ и перочинный ножичекъ, — торговался Бринкенъ, отворачивая въ то же время голову отъ грузовскаго кукиша и отводя его отъ себя рукой.

— Проваливай!

— И три десятка пуговицъ. Всѣ накладныя, и изъ нихъ четырнадцать гербовыхъ.

— А ну тебя къ чорту, перецъ. Отвяжись.

— И шесть булокъ.

— Пошелъ къ чорту...

— Утреннихъ булокъ. Вѣдь не вечернихъ, а утреннихъ.

— Полѣзь еще, пока я тебѣ въ морду не далъ! — вдругъ свирѣпо обернулся къ нему Грузовъ. — Брысь, колбасникъ!.. Ну, молодежь, кто покупаетъ? За два съ полтиной отдаю, такъ и быть...

Новички молчали, до по ихъ горящимъ глазамъ видно

было, какимъ высокимъ счастьемъ казалось имъ обладаніе рѣдкой игрушкой.

— Ну, послѣднее слово, ребята — два цѣлковыхъ! — крикнулъ Грузовъ, подымая высоко надъ головой футляръ и вертя имъ. — Самому дорожке... Ну — разъ! два!

Въ это время его глаза встрѣтились съ напряженнымъ взглядомъ Буланина.

— А-а! Буланка! — кивнулъ ему головой Грузовъ. — Покупай фонарь, Буланушка.

Буланинъ смутился.

— Я бы съ радостью... только...

— Что только? Денегъ нѣтъ? Да я сейчасъ и не требую. Въ отпускъ пойдешь?

— Да.

— Вотъ и возьми у родныхъ. Эки деньги — два рубля! Небось, два-то рубля тебѣ дадутъ? А? Дадутъ два рубля, Буланка?

Буланинъ и самъ не могъ бы сказать: дадутъ ему дома два рубля или нѣтъ. Но соблазнъ пріобрѣсти фонарь былъ такъ великъ, что ему показалось, будто достать два рубля самое пустое дѣло. «Ну, у сестеръ добуду, что ли, если мама не дастъ... Вывернусь какъ-нибудь», — успокаивалъ онъ послѣднія сомнѣнія.

— Дома дадутъ. Дома мнѣ непременно дадутъ, только...

— Ну вотъ и покупай, и прекрасно, — супуль ему Грузовъ въ руки ящикъ. — Твой фонарь — владѣй, Оаддей, моей Маланьей! Дешево отдаю, да ужъ очень ты мнѣ, Буланка, понравился. А вы, братцы, — обратился онъ къ новичкамъ: — вы, братцы, смотрите, будьте свидѣтелями, что Буланка мнѣ долженъ два рубля. Ну, чуръ, мѣна безъ размѣна... Слышите? Ты, гляди, не вздумай надуть, — нагнулся онъ внушительно къ Буланину. — Отдашь деньги-то?

— Ну вотъ. Конечно, отдамъ.

— Забожись.

— Вотъ, ей-Богу, отдамъ, честное слово...

— Ладно... А то у пасъ знаешь какъ!..

И, поднеся къ лицу Буланина кулакъ, Грузовъ повернулся на каблукахъ и выплылъ изъ отдѣленія своей шатающейся походкой.

Новаго хозяина фонаря тотчасъ же окружили товарищи. Со всѣхъ сторонъ потянулись жадныя руки.

— А ну-ка, покажи фонарь, Буланка. Чего же ты его прячешь? Буланушка, дай посмотрѣть.

Фонарь сталъ переходить изъ рукъ въ руки, вызывая то завистливыя, то дѣловыя, то восторженныя, то критическія замѣчанія. Въ общемъ однако игрушка большинству очень понравилась: она обѣщала въ будущемъ всему отдѣленію много забавныхъ минутъ. Но самъ Буланинъ, слѣдившій ревнивыми глазами за фонаремъ, находившимся въ чужихъ рукахъ, въ то же время не ощущалъ въ себѣ ожидаемой радости, — въ рукахъ Грузова, издали, фонарь казался гораздо заманчивѣе и красивѣе.

— Ты смотри, Буланка, — посоветовалъ Сельскій, разглядывая на свѣтъ картинку, нарисованную на стеклянной пластинкѣ: — смотри, деньги-то непременно принеси.

— Конечно, конечно, принесу.

— Смотри же... а то...

— А то что? — спросилъ шопотомъ Буланинъ, и его сердце сжалось отъ неяснаго предчувствія.

— Бить будетъ, — сказалъ Сельскій также шопотомъ. — Ты его не знаешь... Онъ отчаянный. Если не надѣешься достать денегъ, лучше ужъ поди къ нему въ переѣмку и отдай назадъ фонарь.

— Нѣтъ, нѣтъ... зачѣмъ же? Я отдамъ... Что жъ... — залепеталъ Буланинъ упавшимъ голосомъ.

Послѣ словъ Сельскаго онъ сразу и окончательно охладѣлъ къ своей покупкѣ.

«И зачѣмъ мнѣ было покупать этотъ фонарь? — думалъ онъ съ бесполезной досадой. — Ну, пересмотрю я всѣ картинки, а дальше что же? Во второй разъ даже и неинтересно будетъ. Да и дастъ ли мама два рубля? Два рубля! Цѣлыхъ два рубля! А вдругъ она разсердится да и скажетъ: знать ничего не знаю, раздѣлывайся самъ, какъ хочешь. Эхъ, дернуло же меня сунуться!»

Пришелъ батюшка. Въ обоихъ отдѣленіяхъ перваго класса училъ не свой, гимназическій, священникъ, а изъ посторонней церкви, по фамиліи Пещерскій. А настоятелемъ гимназической церкви былъ о. Михайлъ, маленькій, сѣденькій, голубоглазый старичокъ, похожій на Николая Угодника, человекъ отмѣнной доброты и душевной нѣжности, заступникъ и ходатай передъ директоромъ за провинившихся — почти единственное лицо, о которомъ Буланинъ вынесъ изъ стѣнъ корпуса свѣтлое воспоминаніе.

Пещерскій собственно даже и не былъ священникомъ, а только дьякономъ, но его все равно величали «батюшкой». Это былъ гигантъ, весь ушедшій въ гриву черныхъ волосъ и въ густую огромную бородищу, при чемъ капризная судьба, точно насмѣхъ, дала ему, вмѣсто крѣпкаго баса, тоненькій, гнусавый и дребезжащій дискантъ. Вокругъ его темныхъ глазъ — большихъ, красивыхъ, влажныхъ и бессмысленныхъ — всегда лежали масляничные коричневые круги, что придавало его лицу подозрительный оттѣнокъ не то елейности, не то разврата. Про силу Пещерскаго въ гимназіи ходило множество легендъ. Говорили, что очень часто массивные дубовые стулья не выдерживали тяжести его огромнаго тѣла и ломались подъ нимъ. Рассказывали также, что въ старшихъ классахъ, говоря о различныхъ дарахъ, ниспосылаемыхъ небомъ человеку, онъ прибавлялъ: «Внимайте, юноши, съ усердіемъ слову Божію, и вы будете такъ же

щедро взысканы, какъ и я». И будто бы при этихъ словахъ Пещерскій вытаскивалъ изъ кармана мѣдный пятакъ и тутъ же, на глазахъ изумленной аудиторіи, свертывалъ его въ трубочку.

Но чѣмъ ужъ дѣйствительно его Господь не взыскалъ, такъ это краснорѣчіемъ. Объяснялъ онъ свой предметъ медленно, тягуче, скучно, съ безконечными «гм...» и «эге...», съ повтореніями одного и того же слова. Подъ его монотонное пиликанье невольно слипались глаза и голова сама собой опускалась на грудь, особенно если урокъ происходилъ послѣ завтрака. Воспитанники его не любили, несмотря даже на его легендарную силу, которая въ гимназіи цѣнилась выше всѣхъ даровъ, ниспосылаемыхъ небомъ человѣку. Въ немъ чувствовался лицемеръ. Онъ ставилъ хорошія отмѣтки, но часто жаловался на воспитанниковъ инспектору. Кромѣ того, онъ «за всякую малость» записывалъ провинившихся въ классный журналъ, что исполнялъ каллиграфическимъ почеркомъ, очень многословно и витіевато. Однажды онъ записалъ Буланина за «кощунство, свиноподобіе и строптивость». Свиноподобіе заключалось въ певычищенныхъ сапогахъ, строптивость — въ незнаціи урока, а кощунство — въ томъ, что кто-то изъ отдѣленія назвалъ Пещерскаго «Козломъ», — кто именно, осталось неизвѣстнымъ.

На этотъ разъ урокъ казался Буланину особенно длиннымъ. Только-что пріобрѣтенный фонарь не давалъ ему покоя.

«А что будетъ, если мама не дастъ двухъ рублей? Тогда уже навѣрное однѣми маслянками не отдѣлаешься, — размышлялъ Буланинъ. — Да, наконецъ, какъ я рѣшусь сказать ей о своей покупкѣ? Конечно, она огорчится. Она и безъ того часто говоритъ, что средства у насъ уменьшаются, что имѣніе ничего не приноситъ, что одной пенсіи не хватаетъ на такую большую семью, что надо

беречь каждую копейку и т. д. Нѣтъ, ужъ лучше послушаться совѣта Сельскаго и отвязаться отъ этого проклятаго фонаря».

Но вдругъ, точно искра, блеснуло въ головѣ Буланина тревожное опасеніе, и даже сердце у него заёкало отъ испуга... А что если его испортили, передавая изъ рукъ въ руки? Вдругъ растащили картинки или погнули что-нибудь? Тогда Грузовъ обратно ни за что уже не приметъ...

Онъ поспѣшно, дрожащими руками поднялъ крышку своего столика и, поддерживая ее головой, сталъ осматривать фонарь.

Нѣтъ, все въ порядкѣ... Трубка немного расходится по спаю, но это такъ и было... всѣ слышали, на все отдѣленіе можно сослаться... И картинки всѣ въ цѣлости — двѣнадцать штукъ... Вотъ еще лампочку надо осмотрѣть.

— Что это вы тамъ у себя въ столикѣ дѣлаете? — вдругъ услышалъ Буланинъ тоненькій голосъ Пещерскаго.

Онъ вздрогнулъ и быстро опустилъ крышку. Козель медленно подходилъ къ нему съ самымъ ласковымъ выраженіемъ лица, то собирая въ кулакъ свою густую бороду, то распуская ее вѣеромъ.

— Я... я... ничего... Я ничего не дѣлаю... право, ничего, — залепеталъ Буланинъ.

— Что у васъ тамъ?... Покажите, — сказалъ Козель, дѣлая внезапно строгіе и мутные глаза и кивкомъ головы указывая на парту.

— Право же, ничего, батюшка! Ей-Богу, ничего... Я просто... я книжку искалъ.

Бормоча эти несвязныя слова, Буланинъ крѣпко держался за края крышки, но Козель съ настойчивымъ, хотя и мягкимъ, усиліемъ потянулъ ее вверхъ и вытащилъ волшебный фонарь.

— Такъ это вы говорите — ничего? А еще божитесь! Божиться вообще нехорошо, а для прикрытія лжи и по-давно... Я вамъ здѣсь слово Божіе объясняю, а вы въ игрушечки играетесь. Нехорошо. Очень нехорошо... Очень, очень нехорошо.

— Батюшка, позвольте... отдайте... Батюшка, я никогда не буду больше... Отдайте, пожалуйста, — взмолился Буланинъ.

— Сынъ мой, — произнесъ Козель, дѣлая вдругъ свой голосъ необыкновенно нѣжнымъ, и его влажные глаза опять стали кроткими: — сынъ мой, я съ удовольствіемъ отдалъ бы вамъ вашу... вашу штучку... она мнѣ ни на что не нужна, но... — на этомъ «по» Козель повысилъ голосъ и прижалъ ладони къ груди: — но подумайте сами, имѣю ли я право это сдѣлать? Могу ли я скрывать ваши дурные поступки отъ лицъ, коимъ непосредственно ввѣрено ваше воспитаніе? Нѣтъ! — Онъ широкимъ жестомъ развелъ руки и съ негодованіемъ затрясъ бородой. — Я не могу принять этого на свою совѣсть, положительно не могу... нѣтъ, нѣтъ, и не просите... не могу-съ...

Въ залѣ рѣзко и весело прозвучала труба, играющая отбой *). Воспитанники высыпали изъ всѣхъ четырехъ отдѣленій шумной, беспорядочной гурьбой. Въ теченіе десяти минутъ «перемѣнки», полагавшейся между двумя уроками, надо было успѣть и напиться, и покурить, и сыграть цѣлую партію въ пуговицы, и подзубрить урокъ. Густая толпа обступила большую мѣдную, съ тремя краями, вазу, наполненную водой. Около этой вазы всегда была приязана на цѣпи тяжелая оловянная кружка, по ея обыкновенно никто не пользовался. Каждый нагибался къ одному изъ краевъ, бралъ его въ ротъ и, налившись

*) Передъ каждымъ урокомъ горнистъ или барабанщикъ игралъ сборъ, а послѣ урока — отбой.

такимъ образомъ, уступалъ свое мѣсто слѣдующему. Второклассники, наполнивъ «капернаумъ» и разбившись тамъ на кучки, курили подъ прикрытіемъ сторожа, поставленнаго у дверей.

Буланинъ не выходилъ изъ отдѣленія. Онъ стоялъ у окна, задѣланнаго рѣшеткой, и разсѣянно, съ стѣсненнымъ сердцемъ глядѣлъ на огромное военное поле, едва покрытое скудной желтой травой, и на дальнюю рощу, виднѣвшуюся неясной полосой сквозь сѣрую пелену августовскаго дождя. Вдругъ кто-то закричалъ въ дверяхъ:

— Буланинъ! Здѣсь нѣтъ Буланина?

— Здѣсь. Что нужно? — обернулся тотъ.

— Ступай скорѣе въ дежурную. Пѣтухъ зоветъ.

— Батюшка нажаловался?

— Не знаю. Должно-быть. Они между собой что-то разговариваютъ. Иди скорѣе!

Когда Буланинъ явился въ дежурную, то Пѣтухъ и Козель одновременно встрѣтили его, покачивая головами: Пѣтухъ кивалъ головой сверху внизъ и довольно быстро, что придавало его жестамъ укоризненный и недовольный оттѣнокъ, а Козель покачивалъ слѣва направо и очень медленно, съ выраженіемъ грустнаго сожалѣнія. Эта мимическая сцена продолжалась минуты двѣ или три. Буланинъ стоялъ, переводя глаза съ одного на другого.

— Стыдно-съ... совѣстно... Миѣ за васъ совѣстно, — заговорилъ наконецъ Пѣтухъ. — Такъ-то вы начинаете ученіе? На урокѣ Закона Божія вы... какъ бы сказать... развлекаетесь... игрушечками занимаетесь. вмѣсто того, чтобы ловить каждое слово и... какъ бы сказать... запечатлѣвать его въ умѣ, вы предаетесь пагубнымъ забавамъ... Что же будетъ съ вами дальше, если вы уже теперь... э... какъ бы сказать... такъ небрежно относитесь къ вашимъ обязанностямъ?

— Нехорошо. Очень плохо, — подтвердилъ Козель, упирая на «о».

«Не пустить въ отпускъ», — рѣшилъ въ умѣ Буланинъ, и Пѣтухъ, какъ бы угадывая его мысль, продолжалъ:

— Собственно говоря, я васъ долженъ безъ отпуска оставить...

— Господи-инъ капитанъ! — жалобно протянулъ Буланинъ.

— То-то вотъ — господинъ капитанъ. На первый разъ я ужъ, такъ и быть, не стану лишать васъ отпуска... Но если еще разъ что-либо подобное — помните, въ журналъ запишу-сь, взысканіе наложу-сь, подъ арестъ посажу-сь... Ступайте!..

— Господи-инъ капитанъ, позвольте мой фонарь.

— Нѣтъ-сь. Фонаря вы болѣе не получите. Сейчасъ же я прикажу дядкѣ его сломать и бросить въ помойную яму. Идите.

— Я-къ Як-личъ, пожалуйста... — просилъ Буланинъ со слезами въ голосѣ.

— Нѣтъ-сь и нѣтъ-сь. Идите. Или вы желаете (тутъ Пѣтухъ сдѣлалъ голосъ строже), чтобы я дѣйствительно... какъ бы сказать... оставилъ васъ на праздникъ въ гимназіи? Ступайте-сь.

Буланинъ ушелъ. Справедливость требуетъ сказать, что Пѣтухъ не сдержалъ своего слова относительно фонаря. Четыре года спустя Буланину по какому-то дѣлу пришлось зайти на квартиру Якова Яковлевича. Тамъ, въ углу гостиной, была свалена цѣлая горка игрушекъ, принадлежащихъ маленькому Карлушѣ — единственному чаду Пѣтуха, — и среди нихъ Буланинъ безъ труда узналъ свой злополучный фонарь. Онъ содержался въ образцовомъ порядкѣ и, повидимому, могъ рассчитывать на почтенную долговѣчность въ бережливомъ нѣмецкомъ семействѣ. Но сколько горькихъ, ужасныхъ впечатлѣній вы-

звалъ тогда въ отроческой памяти Булапина видъ этого невиннаго предмета!..

Шестой урокъ въ этотъ день былъ настоящей пыткой для новичковъ. Они совершенно не могли усидѣть на мѣстѣ, поминутно вертѣлись и то и дѣло съ страстнымъ ожиданіемъ оглядывались на дверь. Глаза взволнованно блестѣли, пальцы одной руки нервно мяли пальцы другой, ноги подъ столомъ выбивали нетерпѣливую дробь. Со всѣхъ сторонъ вопрошающія лица обращались къ лопоухому Страхову, сидѣвшему на задней скамейкѣ (у него одного во всемъ отдѣленіи были часы, вообще запрещенные въ гимназій), и Страховъ, подымая вверхъ растопыренныя пятерни и махая ими, показывалъ, сколько еще минутъ осталось до трехъ часовъ.

Общее волненіе до такой степени сообщилося Булапину, что онъ даже позабылъ о несчастномъ фонарѣ и о связанныхъ съ нимъ грядущихъ непріятностяхъ. Онъ такъ же, какъ и другіе, суетливо болталъ ногами, тискалъ ладонями лицо и судорожно ерошилъ на головѣ волосы, чувствуя, какъ у него въ груди замираетъ что-то такое сладкое и темнаго жуткое, отъ чего хочется потянуться или запѣть во все горло.

Но вотъ раздаются звуки отбоя, и всѣ вскакиваются съ мѣстъ, точно подброшенные электрическимъ токомъ. Какъ бы ни былъ строгъ и педантиченъ преподаватель, какъ бы ни былъ важенъ объясняемый имъ урокъ, у него не хватитъ духу испытывать въ эту минуту выдержку учениковъ. — «Благодаримъ Тебе, Создателю», — читаетъ на ходу, съ трудомъ пробираясь между скамейками, Сельскій, но никому даже и въ голову не придетъ перекреститься... Съ хлопашемъ открываются и закрываются попитры, увязываются веревками книги и тетради, которыя пужно взять съ собою, а ненужныя какъ попало швыряются и втискиваются въ ящикъ.

Молитва кончена. Двадцать человекъ летятъ, сломя голову, къ дверямъ, едва не сбивая съ ногъ преподавателя, который съ снисходительной, но нѣсколько боязливой улыбкой жметя къ стѣнѣ. Изъ всѣхъ четырехъ отдѣленій одновременно вырываются эти живые неудержимые потоки, сливаются, перемѣшиваются, и сотня мальчишекъ мчится, какъ стадо молодыхъ, здоровыхъ животныхъ, выпущенныхъ изъ тѣсныхъ клѣтокъ на волю...

Прибѣжать въ спальню, падѣть мундиръ, шинель и кепи, разложенные Четухою заранѣе по кроватямъ отпускиныхъ, — дѣло одной минуты. Теперь остается пойти въ «дежурную», гдѣ уже сидятъ всѣ четыре воспитателя, и «явиться» Пѣтуху.

— Господинъ капитанъ, честь имѣю...

— А почему у васъ пуговицы не почищены?

Ахъ, эти проклятыя пуговицы! Опять нужно бѣжать въ спальню, оттуда въ умывалку. Тамъ на доскѣ всегда лежатъ два большихъ красныхъ кирпича

Буланинъ быстро и крѣпко третъ ихъ одинъ о другой, потомъ обмакиваетъ мякоть ладони въ порошокъ и такъ торопливо чиститъ пуговицы, что обжигаетъ на рукѣ кожу. Большой палецъ дѣлается чернымъ отъ мѣди и кирпича, но мыться некогда, можно и послѣ успѣть...

— Господинъ капитанъ, честь имѣю явиться. Воспитанникъ I класса, II отдѣленія, Бу...

— А-а! Почистились? Хорошо-съ. А за вами пришли или прислали кого-нибудь?

О, Господи, опять ожиданіе — вотъ мука!

Въ чайную залу, примыкающую къ дежурной, то и дѣло выходятъ снизу изъ пріемной дядьки и громогласно вызываютъ воспитанниковъ:

— Свергинъ, Егоровъ, пожалуйста, за вами пріѣхали; Бахтинскій — въ пріемную!

«Неужели обо мнѣ забыли дома? — шепчетъ въ тре-

вогъ Буланинъ, но тотчасъ же пугается своей мысли. — Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ: мама знаетъ, мама сама соскучилась... Ну, вотъ, идетъ снова дядька... Теперь ужъ навѣрно меня».

Сердце Буланина отъ ожиданія бьется въ груди до боли.

— За Лампарёвымъ пріѣхали, — возвѣщаетъ дядька равнодушнымъ голосомъ, и это равнодушіе кажется Буланину оскорбительнымъ, почти умышленнымъ.

«Это онъ нарочно такъ... видитъ вѣдь, какъ мнѣ непріятно, и нарочно дѣлаетъ».

Наконецъ нервное напряженіе начинаетъ ослабѣвать. Его замѣняютъ усталость и скука. Въ шинели становится жарко, воротникъ давитъ шею, крючки рѣжутъ горло... Хочется сѣсть и сидѣть, не поворачивая головы, точно на вокзалѣ.

«Все кончено, все кончено, — съ горечью думаетъ Буланинъ: — я самый несчастный мальчикъ въ мірѣ, всѣми забытый и никому ненужный...»

Досадныя слезы просятся на глаза. Дядька выкликиваетъ все новыя и новыя фамилія, но появленіе его уже не вызываетъ нетерпѣливаго подъема всѣхъ чувствъ: Буланинъ смотритъ на него мутными, неподвижными и злобными глазами.

И вотъ, — какъ это всегда бываетъ, если ждешь чего-нибудь особенно страстно, — въ ту самую минуту, когда Буланинъ уже собирается итти въ спальню, чтобы снять отпускную форму, когда въ его душѣ подымается тяжелая, удручающая злость противъ всего міра: противъ Пѣтуха, противъ Грузова, противъ батюшки, даже противъ матери — въ эту самую минуту дядька, отъ котораго Буланинъ нарочно отворачивается, кричитъ на всю залу:

— За Буланинымъ пріѣхали! Просятъ поскорѣе одѣваться!

И ужъ на этотъ разъ голосъ дядьки кажется Буланину не умышленно-равнодушнымъ, а веселымъ, сочувственнымъ, даже радостнымъ.

IV.

Тріумфъ Буланина. — Герои гимназіи. — Пари. — Мальчишка-сапожникъ. — Честь. — Опять герои. — Фотографія. — Уныніе. — Нѣсколько нѣжныхъ сценъ. — На шарапъ! — Куча мала! — Возмездіе. — Попрошайки.

Отпускъ былъ великолѣпенъ. Кепи, надѣтое набекрень, и черная военная шинель въ накидку привлекали на улицѣ всеобщее вниманіе. Всѣ, положительно всѣ: и тѣ, что ѣхали на извозчикахъ, и пѣшеходы, и пассажиры конокъ — съ почтительнымъ любопытствомъ и радостнымъ изумленіемъ глядѣли на Буланина (во всякомъ случаѣ ему такъ казалось). Въ ихъ взглядахъ онъ каждый разъ читалъ безмолвное восклицаніе: «Посмотрите, посмотрите — военный гимназистъ!.. Удивительно — такой молодой и уже носить военный мундиръ. Вѣдь у нихъ, говорятъ, ужасная строгость, и даже учатъ маршировать съ настоящими ружьями».

Дома, передъ младшей сестрой, а въ особенности передъ восьмилѣтнимъ Васенькой, Буланинъ старательно выдерживалъ внѣшнее достоинство и нѣсколько суровый тонъ молодчинищи-старичка.

Когда Васенька, прельщенный видомъ золотыхъ галуновъ, хотѣлъ ихъ потрогать немного пальцемъ, старшій братъ замѣтилъ ему недовольнымъ басомъ:

— Отстань! Чего лѣзешь? Испортишь мундиръ, а мнѣ послѣ достанется. «Каптенармусъ» новаго ни за что не выдастъ.

Эти новыя техническія слова, въ родѣ какъ «каптенармусъ», «рапжиръ», «правый флангъ», «горнисть» и т. п., онъ особенно часто, иной разъ безъ всякаго по-

вода, но съ очень небрежнымъ видомъ вставлялъ въ свой разговоръ, чѣмъ Зина и Васенька были окончательно подавлены. Онъ разсказалъ имъ также и про Грузова и про его изумительную силу (вѣдь вечеръ воскресенья былъ еще такъ далеко!), и понятно, что въ доврчивыхъ поработенныхъ умахъ слушателей фигура Грузова приняла размѣры какого-то миѳическаго чудовища, чего-то въ родѣ Соловья-разбойника, съ «такими вотъ» — чуть ли не съ человѣческую голову величиной — кулаками.

— Это что еще! — продолжалъ Буланинъ удивлять свою маленькую аудиторію, и безъ того вытаращившую глазѣнки и разинувшую рты. — Это еще что-о! А вотъ у насъ есть воспитанникъ Солянка, — его, собственно, фамилія Красногорскій, но у насъ его прозвали Соляпкой, — такъ онъ однажды на пари съѣлъ десять булокъ. Понимаете ли, малыши: десять французскихъ булокъ! И ничѣмъ не запивалъ! А?

— Десять булокъ! — повторили шопотомъ малыши и переглянулись почти въ ужасѣ.

— Да, и выигралъ пари. А другой — Трофимовъ — поспорилъ на двадцать завтраковъ, что онъ три недѣли ничего не будетъ ѣсть... И не ѣлъ... Ни одного кусочка не ѣлъ.

Буланинъ, въ сущности, только лишь слегка преувеличивалъ цифры въ своихъ поразительныхъ разсказахъ. Подобныя пари были въ гимназической жизни явленіемъ обычнымъ и предпринимались исключительно изъ молодечества. Одинъ спорилъ, что онъ въ теченіе двухъ дней напишетъ всѣ числа отъ 1 до 1.000.000, другой брался выкурить, подъ рядъ и непремѣнно затягиваясь всей грудью, пятнадцать папиросъ, третій ѣлъ сырую рыбу или улитокъ и пилъ чернила, четвертый хвасталъ, что продержитъ руку надъ лампой, пока досчитаютъ до тридцати... Порождались эти пари мертвящей скукой будничныхъ дней,

отсутствіемъ книгъ и развлеченій, а также полнѣйшимъ равнодушіемъ воспитателей къ тому, чѣмъ заняты ввѣренныя ихъ надзору молодые умы. Спорили обыкновенно изъ десятки, иногда даже на сотни утреннихъ и вечернихъ булокъ, на котлеты, на третье блюдо, рѣже на гостинцы и деньги. За исходомъ такого пари весь возрастъ слѣдилъ съ живѣйшимъ интересомъ и не позволялъ мошенничать.

Мать Буланина была въ полномъ упоеніи, — въ томъ святомъ и эгоистическомъ упоеніи, которое овладѣваетъ всякой матерью, когда она впервые видитъ своего сына въ какой бы то ни было формѣ, и къ которому примѣшивается доля горделиваго и недовѣрчиваго удивленія. — «Какъ? Это мой сынъ? — говоритъ каждый ихъ краснорѣчивый взглядъ: — это-то и есть то самое странное существо, что когда-то жадно сосало мою грудь и прыгало босыми ножонками на моихъ колѣняхъ? И неужели именно его я вижу теперь одѣтымъ въ формѣ, почти членомъ общества, почти мужчиной?»

— Ахъ, ты, мой кадетъ! Ахъ, ты, кадетикъ мой милый! — поминутно говорила Аглая Ѳедоровна, крѣпко прижимая голову сына къ своей груди.

При этомъ она даже закрывала глаза и стискивала зубы, охваченная тѣй самой внезапной, порывистой страстью, которая неудержимо заставляетъ молодыхъ матерей такъ ожесточенно цѣловать, тискать, душить, почти кусать своихъ новорожденныхъ ребятъ.

А Буланинъ сурово моталъ головой и отпихивался.

Въ воскресенье, утромъ она повезла его въ институтъ, гдѣ учились ея старшія дочери, потомъ къ теткамъ на Дворянскую улицу, потомъ къ своей пансіонскѣй подружкѣ м-ме Гирчичъ. Буланина называли «его превосходительствомъ», «воиномъ», «героемъ» и «будущимъ Скобелевымъ». Онъ же краснѣлъ отъ удовольствія и стыда

и съ грубой поспѣшностью вырывался изъ родственныхъ объятій.

Точно такъ же, какъ и вчера, всѣ, кого только Буланинъ ни встрѣчалъ на улицахъ, были пріятно поражены видомъ новоиспеченнаго гимназиста. Буланинъ ни на секунду не усомнился въ томъ, что весь міръ занятъ теперь исключительно ликованіемъ по поводу его поступленія въ гимназію. И только однажды это триумфаторское шествіе было нѣсколько смущено, когда на поворотѣ въ какую-то улицу изъ воротъ большого дома выскочилъ перепачканный сажей мальчишка-сапожникъ, съ колодками подъ мышкой, и, промчавшись стрѣлой между Буланинымъ и его матерью, заоралъ на всю улицу:

— Кадетъ, кадетъ, на палочку надѣть!..

Погпаться за нимъ было невозможно, — гимназисту на улицѣ приличествуетъ «солидность» и серьезныя манеры, — иначе дерзкій, безъ сомнѣнія, получилъ бы жестокое возмездіе. Впрочемъ, самолюбіе Буланина тотчасъ же получило пріятное удовлетвореніе, потому что мимо проѣзжалъ генералъ. Этого случая Буланинъ жаждалъ всей душою: ему еще ни разу до сихъ поръ не довелось стать во фронтъ.

Онъ съ истиннымъ наслажденіемъ занимался отдаваніемъ чести. Не за четыре законныхъ, а по крайней мѣрѣ за пятнадцать шаговъ онъ прикладывалъ руку къ козырьку, высоко задирая кверху локоть, и тарацилъ на офицера сіяющіе глаза, въ которыхъ ясно можно было прочесть испугъ, радость и нетерпѣливое ожиданіе. Каждый разъ, продѣлавъ эту церемонію и получивъ въ отвѣтъ отъ улыбающаго офицера масонскій знакъ, Буланинъ слегка лишь косился на мать, а самъ принималъ такой дѣловой, озабоченный, даже какъ будто бы усталый видъ, точно онъ только-что окончилъ весьма трудную и сложную, хотя и привычную обязанность, непонят-

ную для постороннихъ, но требующую отъ исполнителя особенныхъ глубокихъ знаній. И такъ какъ онъ былъ совсѣмъ еще неопытенъ въ разбираниіи погоновъ и петличекъ, то съ одинаковымъ удовольствіемъ отдавалъ честь и фельдфебелямъ и акцизнымъ чиновникамъ, а одинъ разъ даже козырнулъ казачьему денщику, несшему судки съ офицерскимъ обѣдомъ, на что денщикъ тотчасъ же отвѣтилъ безъ малѣйшаго знака смущенія, но чрезвычайно вѣжливо, переложивъ судки изъ правой руки въ лѣвую.

Случилось такъ, что мать дернула его за рукавъ и тревожно шепнула:

— Миша, Миша, смотри, ты прозѣвалъ офицера (она испытывала при этихъ встрѣчахъ совершенно тѣ же наивныя, гордыя и пріятныя ощущенія, какъ и ея сысь).

Буланинъ отозвался презрительнымъ басомъ:

— Ну вотъ! Стоить о всякомъ офицеришкѣ заботиться. Навѣрно, только-что произведенный.

Онъ, конечно, слегка важничалъ передъ матерью, бравируя своей смѣлостью и просто-напросто повторяя грубоватое выраженіе, слышанное имъ отъ старыхъ гимназистовъ. У старичковъ, особенно у «отчаянныхъ», считалось особеннымъ шикомъ не отдать офицеру чести, даже, если можно, сопроводить этотъ поступокъ какой-нибудь дикой выходкой.

— Какъ я его здорово надулъ! — рассказывалъ часто какой-нибудь Грузовъ или Балкашинъ. — Прохожу мимо — нуль вниманія и фуптъ презрѣнія. Онъ мнѣ кричитъ: «Г. гимназистъ, пожалуйста сюда». А я думаю себѣ: «На-ка-сь, выкуси». Ходу! Онъ за мной. Я отъ него. Онъ вскакиваетъ на извозчика. «Ну, думаю: дѣло мое — табакъ, поймаешь». Вдругъ вижу сквозныя ворота, моментально — шмыгъ! и калитку на запоръ... Покамѣсть онъ стоялъ тамъ да ругался, да дворника звалъ, я давно ужъ удрать успѣлъ.

Въ тотъ же день Аглая Федоровна повела сына въ фотографію. Нечего и говорить о томъ, что фотографъ былъ несказанно пораженъ и обрадованъ честью сдѣлать снимокъ съ такого великолѣпнаго гимназиста. Послѣ долгихъ совѣщаній рѣшили снять Буланина во весь ростъ: правой рукой онъ долженъ опираться на колонну, а въ лѣвой, опущенной внизъ, держать кепи. Во все время сеанса Буланинъ былъ полонъ неподражаемой важности, хотя справедливость требуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ послѣдствіи, когда фотографія была окончательно готова, то всѣ двѣнадцать карточекъ могли служить нагляднымъ доказательствомъ того, что великолѣпный гимназистъ и будущій Скобелевъ не умѣлъ еще, какъ слѣдуетъ, застегнуть своихъ панталонъ.

За обѣдомъ были исключительно блюда, любимыя Мишенькой, но виновникъ торжества, казалось, навѣки потерялъ свой доселѣ непобѣдимый аппетитъ... Онъ уже чувствовалъ, что мало-по-малу приближается конецъ отпуска, и передъ нимъ вставало арестантское лицо Грузова — клыкастое, желтое и грубое, его энергично сжатый кулакъ и зловѣщая угроза, произнесенная сильнымъ голосомъ:

— А то... у насъ знаешь какъ!..

По мѣрѣ того, какъ стрѣлка стѣнныхъ часовъ приближалась къ семи, возрастала тоска Буланина, прямо какая-то животная тоска — неопредѣленная, боязливая, низменная и томительная. Послѣ обѣда Зина сѣла за рояль разучивать свои экзерсисы. Изъ-подъ ея неувѣренныхъ пальчиковъ потянулись, безконечно повторяясь все снова и снова, скучныя гаммы. Мутныя сумерки вползли въ окна и сгустились по дальнимъ угламъ... Нервы Буланина не выдержали, и онъ, забывъ все свое утреннее мужество, горько заплакалъ, уткнувшись лицомъ въ жесткую и холодную спинку кожанаго дивана.

— Миша, отчего ты? Что съ тобой, Мишенька? — спросила, подбѣжавъ къ нему, встревоженная Аглая Федоровна.

Моментъ былъ очень благопріятный, и Буланинъ это чувствовалъ. Теперь бы и слѣдовало рассказать откровенно все приключеніе съ волшебнымъ фонаремъ, но странная, стыдливая робость сковала его языкъ, и онъ только пробормоталъ, возя носомъ:

— Такъ себѣ... мнѣ тебя жалко, мамочка...

Въ половинѣ седьмого онъ и Аглая Федоровна стали собираться. Въ старую салфетку были завязаны гостинцы: десятокъ яблоковъ, нѣсколько домашнихъ сдобныхъ лепешекъ и банка малиноваго варенья.

— Смотри, Миша, — внушала мать: — варенье понемножку кушай... съ чаемъ... вотъ тебѣ и хватитъ на цѣлую недѣлю... Товарищамъ дай по ложечкѣ, пусть и они попробуютъ...

Затѣмъ она вписала въ готовомъ текстѣ отпускнаго билета, что «кадетъ... Буланинъ... въ теченіе отпуска находился... у меня и вель себя... очень хорошо... Подпись родителей или лицъ, ихъ замѣняющихъ... А. Буланина».

Ѣхать пришлось черезъ весь городъ. И мать и сынъ дорогой молчали, охваченные однимъ и тѣмъ же чувствомъ унынія. Чѣмъ ближе они подъѣзжали въ гимназіи, тѣмъ пустыннѣе становилась мѣстность... Уже совершенно стемнѣло, когда они переѣхали черезъ каменный мостъ, подъ которымъ узкой лентой извивалась зловонная рѣчка; въ ней дрожали, расплываясь, отраженія уличныхъ фонарей. Потомъ по обѣимъ сторонамъ мостовой потянулись длинныя, низкія, однообразныя казармы съ неосвѣщенными окнами. Вотъ наконецъ и огромное трехэтажное зданіе гимназіи, бывшій кадетскій корпусъ, а еще раньше — дворецъ екатерининскаго вельможи.

Дальше уже нѣтъ ни одной городской постройки, кромѣ военной тюрьмы; ея огни едва мерцаютъ далеко-далеко на краю военнаго поля, которое теперь кажется чернѣе ночи.

У крыльца Аглая Федоровна долго крестила и цѣловала сына. Но такъ какъ къ тому же подъѣзду ежеминутно подъѣзжали и подходили отпускные гимназисты, то въ Буланинѣ вдругъ заговорилъ ложный стыдъ: сцена могла показаться черезчуръ нѣжной, можетъ-быть, даже смѣшной, во всякомъ случаѣ не въ духѣ гимназическаго молодечества. Весь проникнутый жалостливой любовью къ матери и болью своего близкаго одиночества, онъ тѣмъ не менѣе сурово, почти грубо освободилъ шею отъ ея рукъ. Когда же она вдогонку ему крикнула, чтобы онъ былъ прилежнѣй, слушался воспитателей и «въ случаѣ чего-нибудь» немедленно писалъ (на что ему были уже даны конверты съ заранѣе написанными адресами и съ приклеенными марками), онъ, скрываясь въ дверяхъ, буркнулъ:

— Хорошо... Ладно, ладно...

Но онъ все-таки успѣлъ замѣтить, какъ мать крестила его вслѣдъ мелкими частыми крестами.

Онъ медленно взбирался на третій этажъ по грязной чугунной сквозной лѣстницѣ, слабо освѣщенной стѣнными лампами, и ему казалось, что онъ вдругъ осиротѣлъ, сдѣлался снова маленькимъ, беспомощнымъ мальчикомъ. Всѣ его мысли были тамъ, внизу, около покинутой имъ матери.

«Вотъ она сѣла въ пролетку, вотъ извозчикъ круто заворачиваетъ лошадь назадъ, вотъ, подъѣзжая къ углу, мама бросаетъ послѣдній взглядъ на подъездъ», — думалъ Буланинъ, глотая слезы, и все-таки ступенька за ступенькой подымался вверхъ.

Но на верхней площадкѣ его тоска возросла до та-

кой нестерпимой боли, что онъ вдругъ, самъ не сознавая, что дѣлаетъ, опрометью побѣжалъ внизъ. Въ одну минуту онъ уже былъ на крыльцѣ. Онъ ни на что не надѣялся, ни о чемъ не думалъ, но онъ вовсе не удивился, а только странно обрадовался, когда увидѣлъ свою мать на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько минутъ ее оставилъ. И на этотъ разъ мать должна была первой освободиться изъ лихорадочныхъ объятій сына.

Наконецъ онъ «явился» дежурному воспитателю (въ каждомъ возрастѣ дежурили по очереди свои воспитатели), который осмотрѣлъ очень тщательно его узелокъ. Такъ какъ вечерняя молитва уже кончилась, то отпускные изъ дежурной шли прямо въ спальню.

Тамъ, у самыхъ дверей, ихъ дожидалось человекъ двѣнадцать второклассниковъ. На Буланина, едва только онъ вошелъ со своимъ бѣлымъ узелкомъ, эта орава накинулась, какъ стая голодныхъ волковъ.

— Новичокъ, угости! Новичокъ, подѣлись! Дай гостинчика, Буланка!..

И всѣ руки тянулись къ узелку, сталкиваясь и цѣпляясь одна за другую. Каждый старался протиснуться впередъ и отпихивалъ плечомъ мѣшавшаго товарища.

— Господа... да позвольте же... я сейчасъ, — бормоталъ растерянный, оглушенный Буланинъ: — я сейчасъ... только... пустите же... я не могу всего...

Онъ поспѣшно развязалъ узелокъ, стараясь увернуться отъ хищныхъ рукъ, вырывавшихъ его, и сунулъ въ чью-то руку яблоко. Но въ это время на всю копошащуюся вокругъ Буланина массу налетѣлъ какой-то огромный рыжій малый и закричалъ неистовымъ голосомъ:

— На шаралъ!

Въ ту же секунду бѣлый узелокъ, подброшенный снизу сильнымъ ударомъ, взвился на воздухъ. Яблоки и лепешки разлетѣлись изъ него во всѣ стороны, точно изъ

лопнувшей ракеты, а банка съ вареньемъ треснула, ударившись объ стѣну. Свалка тотчасъ же закипѣла на полу, въ темнотѣ слабо освѣщенной спальни. «Старички» на четверенькахъ гонялись за катящимися по паркету яблоками, вырывая ихъ одинъ у другого изъ рукъ и изо рта; нѣкоторые немедленно вступили въ рукопашную. Кто-то наткнулся на разбитую банку съ вареньемъ, поднялъ ее и, запрокинувъ голову назадъ, лилъ варенье прямо въ свой широко раскрытый ротъ. Другой замѣтилъ это и сталъ вырывать. Банка окончательно разбилась въ ихъ рукахъ; оба обрѣзались до крови, но, не обращая на это вниманія, принялись тузить другъ друга.

На шумъ общей свалки прибѣжало еще трое «старичковъ». Однако они быстро сообразили, что пришли слишкомъ поздно, и тогда одинъ изъ нихъ, чтобы хоть немного вознаградить себя за лишеніе, крикнулъ:

— Куча мала, ребята!..

Произошло что-то невообразимое. Верхніе навалились на нижнихъ, нижніе рухнули на полъ и дѣлали судорожныя движенія руками и ногами, чтобы выбраться изъ этой кутерьмы. Тѣ, кому это удавалось, въ свою очередь карабкались на самый верхъ «мала-кучи». Нѣкоторые хохотали, другіе задыхались подъ тяжестью давившихъ ихъ тѣлъ, ругались, какъ ломовые извозчики, плакали и въ остервенѣніи кусали и царапали первое, что имъ попадалось, — все равно: будь это рука или нога, животъ или лицо неизвѣстнаго врага.

Повергнутый сильнымъ толчкомъ на землю, Буланинъ почувствовалъ, какъ чье-то колѣно съ силою уперлось въ его шею. Онъ пробовалъ освободиться, но то же самое колѣно втиснуло его ротъ и носъ въ чей-то мягкій животъ, въ то время, какъ на его спинѣ барахтались еще десятки рукъ и ногъ. Недостатокъ воздуха вдругъ придалъ Буланину припадочную силу. Ударивъ кулакомъ

въ лицо одного сосѣда и схватившись за волосы другого, онъ рванулся и выскочилъ изъ кучи.

Онъ не успѣлъ еще подойти къ своей кровати, какъ его окликнули:

— А! Буланка! А ну-ка, иди сюда.

Это былъ Грузовъ. Буланинъ сразу узналъ его голосъ и почувствовалъ, что блѣднѣетъ, и что у него задрожали колѣни. Однако онъ подошелъ къ Грузову, стоявшему въ амбразурѣ окна и раздиравшему зубами половину курицы.

— Принесъ? — лаконически спросилъ Грузовъ, вытирая руки о грудь пиджака.

— Голубчикъ... ей-Богу, не могъ, — жалобно забормоталъ Буланинъ. — Ну, вотъ честное благородное слово, никакъ не могъ. Въ слѣдующее воскресенье ужъ непременно принесу... непременно...

— Отчего же ты не могъ сегодня? Отжилить хочешь, подлець? Давай назадъ фонарь...

— У меня его нѣтъ, — прошепталъ Буланинъ. — Пѣтухъ отобралъ... я...

Онъ не успѣлъ договорить. Изъ его праваго глаза брызнулъ цѣлый снопъ ослѣпительно-бѣлыхъ искръ... Оглушенный ударомъ грузовскаго кулака, Буланинъ сначала зашатался на мѣстѣ, ничего не понимая. Потомъ онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

— Слышишь, чтобы въ слѣдующій разъ ты мнѣ или фонарь возвратилъ, или принесъ деньги. Только ужъ темерь не два, а два съ полтиной, — сказалъ Грузовъ, опять принимаясь за курицу. — У тебя есть гостинцы-то по крайней мѣрѣ?

— Нѣтъ... были яблоки и лепешки... и банка малиноваго варенья была... Я хотѣлъ все тебѣ отдать, — невольно солгалъ Буланинъ: — да у меня ихъ сейчасъ только отняли старички...

— Эхъ, ты!.. — протянулъ Грузовъ презрительно и вдругъ, съ мгновенно озвѣрѣвшимъ лицомъ, ударивъ изо всѣхъ силъ Буланина по затылку, онъ крикнулъ:

— Убирайся ты къ чорту, жулябія! Ну... живо... Чтобы я тебя здѣсь больше не видѣлъ, турецкая морда!..

До глубокой ночи шныряли «старички» между кроватями первоклассниковъ, подслушивая и поглядывая, не ѣдятъ ли они что-нибудь тайкомъ. Нѣкоторые дѣйствовали «партіями», другіе — въ одиночку. Если новичокъ отказывался «угостить», то его вещи, шкапчикъ, кровать и его самого подвергали тщательному обыску, наказывая за сопротивленіе тумаками.

У своихъ одноклассниковъ они хотя и не отнимали лакомствъ, но выпрашивали ихъ со всевозможными униженіями, самымъ подлымъ, нищенскимъ тономъ, съ обиліемъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ словечекъ, припоминая тутъ же какіе-то старые счеты по поводу какихъ-то кусочковъ.

Буланинъ уже лежитъ подъ одеяломъ, когда надъ его головой останавливаются двое второклассниковъ. Одинъ изъ нихъ называется Арапомъ (фамиліи его Буланинъ не зналъ). Опъ, громко чавкая и сопя, ѣстъ какія-то сладости. Другой — Федченко — попрошайничаетъ у него.

— Ара-апъ, да-ай кусочекъ шоколаду, — тянетъ Федченко умильнымъ тономъ.

Арапъ, не отвѣчая, продолжаетъ громко обсасывать конфету.

— Ну, Арапчикъ... ну, голубчикъ... Са-амый маленькій... хотъ вотъ такой-вотъ...

Арапъ молчитъ.

— Это свинство съ твоей стороны, Арапъ, — говоритъ Федченко. — Это подлость.

Арапъ, сопя носомъ и продолжая сосать шоколадъ, отвѣчаетъ своимъ картавымъ голосомъ:

— Убирлайся къ чорлту!

— 'Арапушка!

— Убирлайся, убирлайся... Нынче не суббота, не подаютъ.

— Ну, хоть са-амый маленькій. Дай хоть изъ рукъ откусить.

— Не прлоѣдайся.

— Ладно же, сволочь ты этакій! — говоритъ Федченко, вдругъ разсвирѣпѣвъ. — Попросишь ты у меня когда-нибудь гостинца!

— Даже и не подумаю прлосить, — сосеть равнодушно Арапъ свой шоколадъ.

— Я тебѣ это припомню, дрянъ, — не унимается Федченко. — Ты, небось, забылъ, какъ я тебя, подлеца, угощалъ? Забылъ?

Арапъ вдругъ оживляется, и слышно, что онъ съ хлопаньемъ вынимаетъ шоколадъ изо рта.

— Ты?.. Меня?.. Угощалъ?.. Когда?

— Когда? — съ задоромъ переспрашиваетъ Федченко.

— Да, когда?

— Когда?

— Ну, когда же? Ну?

— Когда? А помнишь, у меня были пирожки съ капустой. Чтò жъ, скажешь, я съ тобой не подѣлился? А? Не подѣлился?

— Все ты врлешь. Никакихъ у тебя пирложковъ не было, — хладнокровно отвѣчаетъ Арапъ и опять принимается за шоколадъ.

Наступаетъ длинное молчаніе, въ продолженіе котораго — Буланинъ чрезвычайно живо себѣ это представляетъ — Федченко не сводитъ жадныхъ глазъ со рта Арапа. Потомъ снова раздается тотъ же униженный, нищенскій голосъ:

— Ара-апчикъ... голу-убчикъ... ну, дай же маленькій кусочекъ... Ну, хоть вотъ такой крошечный... Самую капельку...

Слышно, какъ Федченко цѣпляется за рукавъ Арапа, и какъ Арапъ отталкиваетъ его локтемъ.

— Ну, чего въ самомъ дѣлѣ прлисталъ? Сказано: убирайся, и убирайся. Я у тебя на прошлой недѣлѣ прлосилъ мячикъ, а ты мнѣ что сказалъ?

— Ей-Богу, Арапчикъ, не мой мячикъ былъ. Вотъ тебѣ крестъ — не мой. Это Уткопоса былъ мячикъ, а онъ не велѣлъ никому давать. Ты знаешь, я тебѣ всегда съ удовольствіемъ... Ну, Арапчикъ, дай же откусить кусочекъ.

Неизвѣстно, что надоѣдаетъ Арапу: шоколадъ или приставање товарища, но онъ неожиданно смягчается.

— Чорлтъ съ тобой, кусай. Вотъ до этихъ поръ, гдѣ я ногтемъ дерлжу. На.

— Ишь ты ловкій. Обсосанный конецъ даешь, — обижается Федченко. — Дай съ другого.

— А! Не хочешь — не нужно.

— Ну, ладно ужъ, ладно, — испуганно торопится Федченко. — Давай, все равно. Скупердяй.

Слышится хрустѣніе откусываемаго шоколада и ожесточенное чавканье. Спустя минуту опять слышится молящій голосъ:

— А что же апельсинчика-то, Арапчикъ? Дай хоти полъ-ломтика.

Но конца этой торговли Буланинъ уже не слышитъ. Передъ его глазами быстрымъ вихремъ проносятся городскія улицы, фотографъ съ козлиной бородкой, Зиновкины гаммы, отраженіе огней въ узкой, черной, какъ чернила, рѣчкѣ, Грузовъ, пожирающій курицу, и наконецъ милое, кроткое родное лицо, тускло освѣщенное фонаремъ, качающимся надъ подъѣздомъ... Потомъ все пере-

мѣшивается въ его утомленной головѣ, и его сознаніе погружается въ глубокій мракъ, точно камень, брошенный въ воду.

V.

Нравственная характеристика.—Педагогика и собственный міръ.—Имущество и животъ.—Что значитъ дружитья и дѣлиться.—Форсилы.—Забывалы.—Отчаянные.—Триумвиратъ.—Солидные.—Силачи.

Каждые три мѣсяца всѣ воспитатели и учителя гимназіи собирались, подъ предсѣдательствомъ директора, внизу, въ общей учительской, на педагогическій совѣтъ. Тамъ устанавливались воспитательные и учебные приемы, опредѣлялось количество уроковъ по различнымъ предметамъ, обсуждались важнѣйшіе проступки воспитанниковъ. Въ виду послѣдняго каждый отдѣленный воспитатель обязанъ былъ вести «характеристики» своихъ воспитанниковъ. Для этого ему и выдавались, по числу гимназистовъ его отдѣленія, нѣсколько десятковъ синихъ съ желтыми корешками тетрадокъ, на обложкѣ которыхъ печатнымъ шрифтомъ было обозначено *):

Н р а в с т в е н н а я х а р а к т е р и с т и к а
воспитанника N — ской военной гимназіи,
« » класса « » отдѣленія

Имя:

Фамилія:

Воспитателю оставалось только заполнить на обложкѣ пустыя мѣста и затѣмъ излагать общими фразами свои безхитростныя наблюденія. И воспитатель, добросовѣстно относясь къ своему долгу, писалъ: «золотое сердце, но лѣнивъ крайне»; «видно дурное вліяніе домашней среды» (и это чаще всего писалось въ характеристикахъ); «съ не-

*) Конечно, держались эти характеристики въ строжайшемъ секретѣ отъ воспитанниковъ и ихъ родственниковъ, — отъ вторыхъ, вѣроятно, по причинамъ похвальной авторской стыдливости.

большими способностями, но весьма старательный» и т. д. Затѣмъ успѣхи въ наукахъ и благоправіе поощрялись на публичномъ актѣ 30 августа похвальными листами и разрозненными томами Брэма, а лѣнтыевъ, шалуповъ и порочныхъ оставляли безъ отпуска, лишали обѣдовъ и завтраковъ, ставили подъ лампу, ставили за обѣдомъ къ барабанщику, сажали въ карцеръ и даже изрѣдка постѣкали. И все это, взятое вмѣстѣ, составляло, по мнѣнію начальства, «твердо обдуманную воспитательную систему, принятую педагогическимъ совѣтомъ на основаніи глубокаго и всесторонняго изученія ввѣренныхъ его руководству дѣтскихъ натуръ и прочнаго довѣрія, питаемаго воспитанниками къ ихъ воспитателямъ».

А между тѣмъ внутренняя, своя собственная жизнь дѣтскихъ натур текла особымъ русломъ, безъ вѣдома педагогическаго совѣта, совершенно для него чуждая и непонятная, вырабатывая свой жаргонъ, свои нравы и обычаи, свою оригинальную этику. Это своеобразное русло было тѣсно и точно ограничено двумя недоступными берегами: съ одной стороны — всеобщимъ безусловнымъ признаніемъ правъ физической силы, а съ другой — также всеобщимъ убѣжденіемъ, что начальство есть исконный врагъ, что всѣ его дѣйствія предпринимаются исключительно съ ехиднымъ намѣреніемъ учинить пакость, стѣснить, урѣзать, причинить боль, холодъ, голодъ, что воспитатель съ большимъ аппетитомъ ѣстъ обѣдъ, когда рядомъ съ нимъ сидитъ воспитанникъ, оставленный безъ обѣда...

И, какъ это ни покажется страннымъ, но «свой собственный» мальчишескій мірокъ былъ настолько прочнѣе и устойчивѣе педагогическихъ ухищреній, что всегда бралъ надъ ними перевѣсъ. Это уже изъ одного того было видно,

что если и поступалъ въ число воспитателей свѣжій, сильный человѣкъ, съ самыми искренними и гуманными намереніями, то, спустя два года (если только онъ самъ не уходилъ раньше), онъ опускался и махалъ рукой на прежнія бредни.

Капля за каплей въ него вѣдрялось убѣжденіе, что эти проклятые сорванцы дѣйствительно его вѣчные, беспощадные враги, что ихъ необходимо выслѣживать, ловить, обыскивать, стращать, наказывать какъ можно чаще и кормить какъ можно рѣже. Такимъ образомъ собственный міръ торжествовалъ надъ формалистикой педагогическаго совѣта, и какой-нибудь Грузовъ съ его устрашающимъ давленіемъ на малышей, самъ того не зная, становился поперекъ всей стройной воспитательной системы.

Каждый второклассникъ имѣлъ надъ собственностью каждаго малыша огромныя права. Если новичокъ не хотѣлъ добровольно отдавать гостинцы, старичокъ безнаказанно вырывалъ ихъ у него изъ рукъ или выворачивалъ наизнанку карманы его панталонъ. Большинство вещей новичка, по своеобразному нравственному кодексу гимназій, старичокъ не смѣлъ касаться, но коллекціонныя марки, перышки и пуговицы, какъ предметы отчасти спортивнаго характера, могли быть отбираемы наравнѣ съ гостинцами. На казенную пищу также нельзя было насильственно покушаться: она служила только предметомъ мѣны или уплаты долга.

Вообще сильному у слабого отнять можно было очень многое — почти все, но зато весь возрастъ зорко и ревниво слѣдилъ за каждой «пропажей». Воровство было единственнымъ преступленіемъ, которое доводилось до свѣдѣнія начальства (не говоря уже о самосудѣ, производимомъ надъ виновными), и къ чести гимназій надо сказать, что воровъ въ ней совершенно не было. Если же

кто и грѣшилъ нечаянно, то потомъ уже закаивался на всю жизнь. Но и здѣсь, на ряду съ суровой честностью по отношенію къ товарищамъ, «своя собственная» нравственность давала вдругъ неожиданный скачокъ, разрѣшая и даже, пожалуй, поощряя всякаго рода кражу у воспитателей. Конечно, крали чаще всего съѣстное изъ шкапчиковъ въ офицерскихъ коридорахъ. Крали вина и наливки, и крали обыкновенно со взломомъ всякихъ замковъ.

Кромѣ правъ имущественныхъ, второклассникъ пользовался также правами и надъ «животомъ» малыша, т.-е. во всякое время дня и ночи могъ сдѣлать ему изъ лица «лимонъ» или «мопса», покормить «маслянками» и «орѣхами», «показать Москву» или «квартиры докторовъ «ай» и «ой», «загнуть салазки», «пустить дымъ изъ глазъ» и т. д.

Новичокъ съ своей стороны обязывался переносить все это терпѣливо, по возможности вѣжливо, и отнюдь не привлекать громкимъ крикомъ вниманія воспитателя. Выполнивъ перечисленную выше программу увеселеній, старичокъ обыкновенно спрашивалъ: «Ну, малышъ, чего хочешь, смерти или живота?» И, услышавъ, что малышъ болѣе хочетъ живота, старичокъ милостиво разрѣшалъ ему удалиться.

Всякій новичокъ считался общимъ достояніемъ второго класса, но бывали случаи, что одинъ изъ «отчаянныхъ» всецѣло завладѣвалъ какимъ-нибудь особенно питательнымъ малышомъ, бралъ его, такъ сказать, на оброкъ. Для этого отчаянный оказывалъ сначала новичку лестное вниманіе, ходилъ съ нимъ по залѣ обнявшись и въ концѣ концовъ обѣщалъ ему свое великодушное покровительство.

— Обижаетъ тебя кто-нибудь, малышъ?—спрашивалъ заботливо «отчаянный». — Ты мнѣ скажи правду, не бойся...

— Нѣтъ... то-есть, конечно, обижаютъ... Вотъ въ воскресенья пирожныя отняли...

— Кто же отнял-то?

— Я и самъ не знаю... Человѣкъ пять... Открыли парту и насильно отняли...

— Ну, ужъ это подлость!—возмущался «отчаянный».— Развѣ же можно такъ поступать? А?

— Конечно, нельзя...

— Прямо — свиство... Разъ пирожныя твои—никто не смѣетъ ихъ брать... Правда вѣдь?

— Конечно, правда... А то вотъ еще, — вспоминаетъ новичокъ, дѣлаясь смѣлѣе: — Занковскій вчера мнѣ руку вывернулъ и очень больно по спинѣ ударилъ...

— Вотъ скотина-то! — негодовалъ «отчаянный». — А ты знаешь что? Если тебя кто-нибудь тронетъ, ты мнѣ скажи... Я ужъ за тебя заступлюсь. Слышишь?

— Я скажу. Спасибо тебѣ.

— И знаешь что еще? Давай съ тобой будемъ дружитья... Ты мнѣ очень понравился съ перваго раза.

— Давай. Конечно, давай, — радостно соглашался новичокъ.

— Дружитья и дѣлиться? Ладно?

— Да, да, — ликовалъ новичокъ. — Вотъ-то будетъ хорошо!

Новые друзья протягивали другъ другу руки, и ближайшій свидѣтель, которому вкратцѣ объясняли дѣло, разнималъ ихъ, освящая этой формальностью обоюдный договоръ.

Но заключенная дружба вовсе не требовала, чтобы старичокъ, получивъ гдѣ-нибудь кусокъ пирога или десятокъ сливъ, тотчасъ же принесъ молодому другу половину, — молодой другъ изъ этой добычи не получалъ ни крошечки. Зато, если младшій дольщикъ приносилъ изъ дому кулечекъ съ провизіей, то по крайней мѣрѣ семь

восьмыхъ его содержамаго отбиралось старшимъ дольщикомъ, глядѣвшимъ на нихъ какъ на своего рода постоянный доходъ. Конечно, эти самые гостинцы могъ «вытрясти изъ новичка» и первый встрѣчный второклассникъ, но, какъ уже сказано было выше, авторитетъ физической силы стоялъ въ гимназїи настолько высоко, что ему подчинялись не только за страхъ, но и за совѣсть.

Этотъ всеобщій культъ кулака очень ярко раздѣлилъ всю гимназическую среду на угнетателей и угнетаемыхъ, что особенно было замѣтно въ младшемъ возрастѣ, гдѣ традиціи нерушимо передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но какъ между угнетателями, такъ и между угнетаемыми замѣчались болѣе тонкія и сложныя категорїи.

Надъ слабѣйшимъ можно было не только «форсить», можно было и «забываться», и Буланинъ весьма скоро уразумѣлъ разницу между этими двумя дѣйствїями.

«Форсила» рѣдко билъ новичка по злобѣ или ради вымогательства и еще рѣже отнималъ у него что-нибудь, но трепеть и замѣшательство малыша доставляли ему лишній разъ сладкое сознаніе своего могущества.

— Эй, молодой человѣкъ, псст!.. Молодой человѣкъ, пожалуйста сюда! — окликаетъ форсила новичка, который въ длинный осенній вечеръ безцѣльно бродитъ по залѣ и съ тоской заглядываетъ черезъ запотѣвшія окна въ холодную непроницаемую тьму.

Новичокъ вздрагиваетъ, оборачивается, неувѣренно подходитъ къ рослому второкласснику и останавливается молча въ двухъ шагахъ отъ него.

— Хочешь орѣшковъ, малышъ? — спрашиваетъ форсила. Новичокъ молчитъ. Онъ предчувствуетъ, что орѣхи, предложенные ему такъ внезапно, неудобоваримы.

— Ну, чего ротъ разинулъ? Корова влетитъ. Хочешь орѣховъ, я тебя спрашиваю?

— Я... не знаю... — бормочетъ, заикаясь, новичокъ.

— Не знаешь, такъ надо попробовать.. Держи пошире карманъ: разъ — орѣхъ! два — орѣхъ! Три, четыре...

Форсила методически щелкаетъ малыша въ лобъ, пока у того на глазахъ не выступятъ слезы.

— Довольно? Накушался? Ну, а теперь для пищеваренія не хочешь ли на скрипкѣ поиграть?

И на этотъ разъ, не дожидаясь согласія малыша, онъ беретъ въ руку послѣдніе суставы его пальцевъ и, поочередно нажимая на нихъ, заставляетъ импровизированную скрипку гримасничать и взвизгивать отъ боли.

— Хорошая скрипка, — говоритъ онъ, оставивъ наконецъ въ покоѣ руку новичка. — Ты ее береги, братецъ: это скрипка дорогая...

Но форсила все это продѣлываетъ «не изо всѣхъ силъ» и не со зла, потому что сейчасъ же онъ совсѣмъ добродушнымъ тономъ спрашиваетъ:

— Послушай-ка, малышъ, а ты знаешь какія-нибудь исторіи?

— Чтѣ? — удивляется и не понимаетъ новичокъ.

— Умѣешь ты рассказывать какія-нибудь исторіи? Ну... тамъ... про разбойниковъ или про войну... про дикарей тоже есть хорошія повѣсти...

И вотъ форсила ложится на подоконникъ и закрываетъ глаза, а новичокъ стоитъ въ это время около своего случайнаго повелителя и рассказываетъ, вспоминая читанное или изобрѣтая изъ своей головы занимательные эпизоды. Едва онъ замолчитъ, какъ повелитель спрашиваетъ полусоннымъ голосомъ:

— А дальше?

Гораздо страшнѣе для первоклассниковъ (кромѣ второгоднихъ: этихъ не только не трогали, но, въ память прошлаго года, позволяли имъ даже заходить во второй классъ) были «забывалы». Ихъ насчитывалось меньше,

чѣмъ первыхъ, но вреда они причиняли несравненно больше. Забывала, «изводя» новичка или слабенькаго одноклассника, занимался этимъ не отъ скуки, какъ форсила, а сознательно, изъ мести или корыстолюбія, или другого личнаго мотива, съ искаженной отъ злости физиономіей, со всей беспощадностью мелкаго тирана. Иногда онъ по цѣлымъ часамъ мучилъ новичка, чтобы «выжать» изъ него послѣдніе, уцѣлѣвшіе отъ расхвата, жалкіе остатки гостинцевъ, запрятанные гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ. Шутки забывалы носили жестокой характеръ и всегда оканчивались синякомъ на лбу жертвы или кровотеченіемъ изъ носу. Особенно и прямо-таки возмутительно-злы были забывалы по отношенію къ мальчикамъ, страдающимъ какимъ-нибудь физическимъ порокомъ: заикамъ, косоглазымъ, кривоногимъ и т. п. Дразня ихъ, забывалы проявляли самую неистощимую изобрѣтательность.

Но и забывалы были ангелами въ сравненіи съ «отчаянными», этимъ бичомъ Божиимъ для всей гимназіи, начиная съ директора и кончая самымъ послѣднимъ малышомъ. Удивительно, какими только путями, вслѣдствіе какихъ причинъ и уродливыхъ нравственныхъ воздѣйствій могъ сложиться этотъ безобразный типъ! Вѣроятно все это, онъ остался какъ печальное и извращенное наслѣдіе прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, когда дикіе люди, выросшіе подъ розгой, въ свою очередь розгой же, употреблявшейся въ ужасающемъ количествѣ, подготавливали другихъ дикихъ людей къ наилучшему служенію отечеству; а это служеніе опять-таки выражалось въ неистовой поркѣ подчиненныхъ... И такое предположеніе о происхожденіи «отчаянныхъ» тѣмъ болѣе справедливо, что сами «отчаянные» изрѣдка называли себя «закалами» или «закаленными» — терминъ, какъ свидѣтельствуютъ мемуары николаевскихъ майоровъ, возникшій въ корпусахъ

именно въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, въ эпоху знаменитыхъ субботъ, когда героемъ считался тотъ, кто «на зло начальству» безъ малѣйшаго стона выдерживалъ сотни ударовъ.

Прежде всего «отчаянные» выдѣлялись отъ товарищей наружностью и костюмомъ. Панталоны и пиджакъ у нихъ всегда бывали разорваны въ лохмотья, сапоги съ рыжими задниками, нечищенные пуговицы позеленѣли отъ грязи... Чесать волосы и мыть руки считалось между отчаянными лишней, пожалуй, даже вредной роскошью, «бабствомъ», какъ они говорили... Кромѣ того, такъ какъ отчаянный принадлежалъ въ то же время къ страстнымъ игрокамъ, то правый рукавъ пиджака у него былъ постоянно завороченъ, а въ карманахъ всегда брнчали десятки пуговицъ и перьевъ.

Воспитатели побаивались отчаянныхъ, потому что отчаянный «никому не спускалъ». Если къ нему кто-нибудь изъ воспитателей и учителей обращался на «ты» (это иногда случалось), то отчаянный обрывалъ хриплымъ басомъ:

— Ты мнѣ не тычь! Я тебѣ не Иванъ Кузьмичъ!

Въ концѣ концовъ начальство «махало на нихъ рукой» и дожидалось только, когда отчаянный, не выдержавъ вторично экзамена въ одномъ и томъ же классѣ, оставался на третій годъ. Тогда его отправляли въ Ярославскую прогимназію, куда ссылали изъ всѣхъ гимназій Россіи все, что было въ нихъ неспособнаго и порочнаго. Но Ярославская прогимназія—и та сортировала отчаянныхъ и спроваживала ихъ, въ свою очередь, въ Вольскую прогимназію. Объ этой Вольской прогимназіи между воспитанниками ходили самые недостоверные, но ужасные слухи. Говорили, что тамъ прогимназистовъ обучаютъ различнымъ ремесламъ простые кузнецы, слесаря и плотники, которымъ предоставлено право бить

своихъ учениковъ; говорили также, что тамъ по субботамъ обязательно дерутъ всѣхъ учениковъ: виноватыхъ— въ наказаніе, а правыхъ — въ поощреніе, на что будто бы каждую субботу истребляются цѣлые воза ивовыхъ прутьевъ.

Каждый отчаянный зналъ, что рано или поздно ему не миновать Вольской, и постоянно бравировалъ этимъ, бравировалъ, если только можно привести такое сравненіе, съ тѣмъ же напускнымъ самохвальствомъ, съ какимъ арестантъ, осужденный на каторгу за крупное убійство, хвастается и куражится передъ мелкими воришками:

— Ну что жъ, въ Вольскую, такъ въ Вольскую!—говорилъ отчаянный, сплевывая сквозь зубы. — Не боюсь никого, кромѣ Бога одного!

Трое отчаянныхъ особенно рѣзко запечатлѣлись въ памяти Буланина, и впослѣдствіи, уже окончивъ гимназію, онъ нерѣдко видѣлъ во снѣ, какъ ужасный кошмаръ, ихъ фізіономіи. Эти трое были: Грузовъ, Балкашинъ и Мячковъ—всѣ трое безъ роду, безъ племени, никогда не ходившіе въ отпускъ и взятые въ гимназію изъ какого-то благотворительнаго панісона. Вмѣстѣ они составляли то, что въ гимназіи называлось «партіей».

Грузова товарищи прозвали Волкомъ (конечно, никому изъ «слабенькихъ» не приходило въ голову назвать его такъ), и дѣйствительно, въ немъ было много общаго съ этимъ ночнымъ грабителемъ: и развалистая походка, и взглядъ исподлобья, и хищные инстинкты, и подлая смѣсь наглости съ трусостью. Передъ силачами, передъ богатыми товарищами онъ униженно заискивалъ. Нѣкоторые, не безъ основанія, подозрѣвали его въ двухъ-трехъ кражахъ, но оставляли его въ покоѣ, частью по неимѣнію уликъ, частью изъ боязни его злопамятства. Изъ всей партіи онъ былъ безспорно самый глупый, самый сильный и самый трусливый. Весь возрастъ отлично помнилъ,

что однажды, когда Грузова вели съчь, онъ ползалъ у директора въ ногахъ и цѣловалъ его сапоги. При каждомъ словѣ, на каждомъ шагу онъ ругался, какъ пьяный солдатъ, самой площадной бранью, и это служило ему оружіемъ, при помощи котораго онъ держалъ въ рукахъ даже силачей. Всякій намекъ на сентиментальность, всякое проявленіе порядочности: жалость къ обижаемому мальчику, состраданіе къ истязуемому животному, участіе къ больному преподавателю—въ какой бы формѣ эти чувства ни выразились—онъ встрѣчалъ ихъ такимъ градомъ сквернословія, что виновный невольно начиналъ стыдиться своего хорошаго движенія. И его глумленіе дѣйствовало тѣмъ неотразимѣе, что Грузовъ все-таки обладалъ хотя и грязнымъ и циническимъ, но несомнѣннымъ юморомъ.

Второй изъ партіи — Балкашинъ — былъ прямо-таки чудовищемъ. Всѣ животныя инстинкты, какіе себѣ только можно представить, развились у этого 12 — 13-лѣтняго мальчика до невѣроятной степени. Награбивъ цѣлую гору сластей и домашней провизіи, онъ пряталъ всю добычу въ постель и потомъ, покрывшись съ головой одѣяломъ, поѣдалъ ее потихоньку, какъ настоящій звѣрь. Послѣ рождественскихъ праздниковъ онъ выкидывалъ изъ своего стола всѣ учебныя пособія, такъ какъ туда иначе не могли бы вмѣститься захватанные имъ гостинцы. И онъ ѣлъ ихъ съ утра до вечера, во время уроковъ и въ перемѣнки, до обѣда и послѣ него. Едва успѣвъ обглодать курицу, онъ брался за смоквы, потомъ безъ малѣйшей передышки переходилъ къ свиному салу, которое тотчасъ же закусывалъ тянучками и калужскимъ тѣстомъ. Случалось, что среди этой оргіи лицо Балкашина вдругъ принимало блѣдно-зеленый оттѣнокъ, а глаза становились мутными и страдальческими... Но и тогда, прежде чѣмъ стрѣлой выскочить изъ класса, онъ находилъ въ себѣ настолько самообладанія, чтобы запереть свой столикъ на

огромный висячій замѣкъ. При добываніи гостинцевъ Балкашинъ не брезговалъ никакими средствами, а за обѣдомъ и завтракомъ подбиралъ и выпрашивалъ всякіе огрызки.

Если онъ не ѣлъ, то непременно спалъ гдѣ-нибудь: или подъ лавкой въ «камчаткѣ», или въ нишѣ коридора подъ ворохомъ шинелей. Онъ былъ развращенъ дѣйствительно ужъ «до мозга костей». Невозможно описать всѣхъ тѣхъ гадостей, какія онъ продѣлывалъ съ нѣкоторыми изъ первоклассниковъ, продѣлывалъ открыто, такъ сказать, всенародно, нимало не смущаясь вниманіемъ собравшейся публики.

Точно на смѣхъ, судьба подарила этому негодяю фізіономію настоящаго херувима: нѣжные шелковистые волосы льняного оттѣнка, большіе голубые глаза съ длинными, загнутыми вверхъ рѣсницами, очаровательнаго рисунка ротъ. Къ тому же онъ обладалъ прекраснымъ голосомъ и считался въ гимназическомъ церковномъ хорѣ постояннымъ солистомъ.

Душою «партіи», инициаторомъ всѣхъ совершаемыхъ ею пакостей былъ безспорно Мячковъ, самый изобрѣтательный и самый зловредный членъ тріумвирата. Мячковъ несомнѣнно носилъ въ себѣ зачатки лютой наследственной чахотки: объ этомъ говорила его узкая, впалая грудь, землисто-желтый цвѣтъ лица, сухія губы, облипшія вокругъ рѣзко очерченныхъ челюстей, и большіе черные глаза съ желтыми бѣлками и нехорошимъ блескомъ. Очень можетъ быть, что сознаніе болѣзни и смутное предчувствіе близкой смерти (онъ тогда уже покашливалъ, а умеръ шестнадцати лѣтъ) поддерживали въ немъ эту нечеловѣческую, безпощадную, вѣчную озлобленность. Своей утонченной жестокостью отъ возбуждалъ отвращеніе даже въ тѣхъ изъ «старичковъ», нервы которыхъ, казалось, притерпѣлись ко всему на свѣтѣ... Своихъ жертвъ онъ даже не мучилъ, а прямо пыталъ — обдуманно, посте-

ленно, съ очевиднымъ наслажденіемъ, стараясь какъ можно болѣе продлить этотъ пріятный актъ. Въ немъ было что-то ненормальное, болѣзненное и страшное... Это всѣ чувствовали, но никто не умѣлъ свести свои наблюденія даже въ мѣткомъ прозвищѣ.

Одна изъ любимыхъ штукъ Мячкова заключалась въ томъ, что онъ подходилъ къ новичку и заводилъ съ нимъ длинный дружелюбный разговоръ. Новичокъ таялъ. Между прочимъ, и какъ будто бы вскользь, Мячковъ хвалилъ сложеніе своего собесѣдника:

— А ты, должно-быть, очень сильный, братецъ. Гляди, въ будущемъ году изъ первыхъ силачей станешь. Только ты, навѣрно, силу скрываешь. Грудь-то, грудь у тебя какая молодецкая!

Новичокъ, польщенный комплиментомъ, краснѣлъ отъ удовольствія и еще больше выпячивалъ грудь.

— Ишь ты, просто, какъ печка, — продолжалъ хвалить Мячковъ. — Я думаю, если тебя по груди кто ударитъ, — тебѣ это пустяки? А? Навѣрно, и не почувствуешь? Правда?

— Разумѣется, правда, — хорохорился новичокъ. — Я... все могу...

— Можешь?

— Могу!

— Вытерпишь, значитъ?

— О! Я! Я все вытерплю!..

Зловѣщіе огоньки въ зрачкахъ Мячкова разгорались сильнѣе, и онъ спрашивалъ нѣжнымъ голосомъ:

— А можно попробовать?

— Пожалуйста... Сколько угодно! — продолжалъ хвастаться новичокъ. — Валяй, сдѣлай одолженіе. Мнѣ это все равно, что ничего. — И онъ выгибалъ грудь колесомъ.

Тогда Мячковъ размахивался и изо всѣхъ силъ ударялъ

паивнаго хвастуна, но не въ грудь, а подь ложечку, какъ разь туда, гдѣ кончается грудная клѣтка и гдѣ у дѣтей такое чувствительное мѣсто. Нѣсколько минутъ новичокъ не могъ передохнуть и съ вытаращенными глазами, перегнувшись пополамъ, весь посинѣвшій отъ страшной боли, только раскрывалъ и закрывалъ ротъ, какъ рыба, вытщенная изъ воды. А Мячковъ около него радостно потиралъ руки, кашлялъ и сгибался въ три погибели, заливаясь тоненькимъ ликующимъ смѣхомъ.

Мячковъ ѣлъ очень мало, а сладкаго и совсѣмъ не могъ ѣсть, по причинѣ дурныхъ зубовъ. Однако для того, чтобъ лишній разь насладиться чѣмъ-нибудь горемъ, онъ грабилъ новичковъ наравнѣ съ двумя прочими членами партіи, уступая имъ «свою порцію».

Пожалуй, къ категоріи угнетателей можно было отнести и немногочисленную группу «солидныхъ». Подъ «солидностью» въ гимназіи подразумѣвалась нѣсколько напыщенная важность, происходящая отъ глубокаго сознанія собственнаго достоинства; впрочемъ, тотъ смыслъ, который придавали этому слову воспитанники, почти непереводимъ на обычный языкъ. Принадлежа болшею частью къ порядочнымъ и зажиточнымъ семействамъ, солидные были настолько сильны и настолько самоувѣренны, что умѣли ограждать себя отъ насильственныхъ дѣйствій отчаянныхъ, форсилъ и забывалъ. Солидные очень заботились о своей наружности, танцовали на гимназическихъ балахъ и создавали господствующую въ возрастѣ моду. Такъ, на примѣръ, одинъ годъ самой модной считалась прическа съ проборомъ на лѣвой сторонѣ и съ большимъ кокомъ, взбитымъ на правой. На слѣдующій годъ эту прическу смѣнила другая—ежикомъ, и весь возрастъ принялся усердно взъерошивать волосы кверху щетками. Самыми шикарными панталонами считались «штаны съ колоколами», т.-е. узкіе, въ обтяжку до ко-

лѣнъ, а отъ колѣнъ расходящіяся внизъ трубой. Передѣлкой казенныхъ панталонъ въ модные «штаны съ колоколами» занимались за умеренное вознагражденіе гимназическіе портные, приходившіе каждую ночь чинить разорванное за день платье.

Даже языкъ и походку солидные выдумали для себя совсѣмъ нечеловѣческіе. Ходили они на прямыхъ ногахъ, подрагивая всѣмъ тѣломъ при каждомъ шагѣ, а говорили картавя и ломаясь, и замѣняя «а» и «о» оборотнымъ «э», что придавало ихъ разговору отгѣнокъ какой-то карикатурной гвардейской расслабленности.

Собственно солидныхъ нельзя было назвать угнетателями въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но все же въ ихъ обращеніи съ новичками всегда слышалось наигранное, оскорбительное пренебреженіе. Столкнувшись гдѣ-нибудь въ коридорѣ или на лѣстницѣ съ разбѣжавшимся новичкомъ, солидный бралъ его осторожно двумя пальцами за рукавъ и говорилъ съ брезгливой гримасой на лицѣ:

— Что жь ты сталъ, мѣльчишка? Прэхэди, п'жалста.

И затѣмъ пускалъ ему вдогонку одну изъ любимыхъ фразъ солидныхъ:

— Глюпъ, тупъ, нерэзвить... эттого, что мѣло битъ.

И только въ самомъ крайнемъ случаѣ, дѣйствительно разсердившись, солидный замѣчалъ сердито:

— Этэ мѣльчишество! Я вамъ, мѣлэдой чээкъ, всѣ ушонки эбэрву!

Еще снисходительнѣе къ малышамъ были «силачи», настоящіе, признанные всѣмъ возрастомъ, такъ сказать, патентованные силачи. Эти считали ниже своего достоинства форсить или забываться. И гостинцевъ у малышей они не отнимали, а довольствовались добровольными приношеніями — данью восхищенія и обожанія.

Въ каждомъ отдѣленіи былъ свой первый силачъ, второй, третій и т. д. Но, собственно, силачами считался

только первый десятокъ. Затѣмъ были главные силачи въ каждомъ возрастѣ, и наконецъ существовалъ великій, богоподобный, несравненный, поклоняемый — первый силачъ во всей гимназіи. Вокругъ его личности рѣяла легенда. Онъ подымалъ страшныя тяжести, одолѣвалъ трехъ дядекъ разомъ, ломалъ подковы. Малыши изъ младшаго возраста глядѣли на него издали во время прогулокъ, разинувъ рты, какъ на идола.

Чтобы повиситься въ лѣстницѣ силачей, было одно вѣрное, испытанное средство — драка. И часто впоследствии, во время урока, приходилось Буланипу писать такія, на примѣръ, летучія записочки, передаваемыя изъ рукъ въ руки по адресу:

«Козловъ, ты свинья. Послѣ Буркена выходи драться».

Дрались обыкновенно въ ватерклозетѣ. Все отдѣленіе присутствовало при этомъ. Иногда дерущимся туго перевязывали веревкой основаніе кисти для того, чтобы кулакъ налился кровью и сталъ тяжелѣе. Строго соблюдались правила: подножку не давать, лежачаго не бить, не переходить въ «обхватку», за волосы не хватать, голову подъ мышку не зажимать, лица рукавомъ не закрывать. Свидѣтели слѣдили за правильностью драки; они же рѣшали, на чьей сторонѣ побѣда. Надо сказать, что злобы въ этихъ дракахъ вовсе не было, и часто Буланинъ и Козловъ, омывъ разбитые носы у общаго умывальника, спокойно и дружелюбно играли черезъ пять минутъ въ пуговки или ѣздили верхомъ другъ на другѣ. Но существовало и еще одно строгое правило для такого рода дракъ. Если, на примѣръ, пятнадцатый силачъ побѣдилъ десятаго, то онъ долженъ былъ потомъ драться послѣдовательно съ четырнадцатымъ, тринадцатымъ, двѣнадцатымъ и одиннадцатымъ. И бывшій десятый продѣлывалъ то же самое, но въ обратномъ порядкѣ.

Угнетаемые также раздѣлялись на нѣсколько классовъ

Между ними были «фискалы» или «суки», были «слабенькіе» (у этихъ существовало и другое, совсѣмъ неприличное названіе), «тихони», «зубрилы», «подлизы» и наконецъ «рыбаки» или «мореплаватели».

VI.

Фискалы.—Письмо Буланина.—Дядя Вася.—Его рассказы и пародіи на нихъ.—Блинчики дяди Васи.—Сысоевъ и Квадратуловъ.—Загорь.—Сысоева „накрываютъ“.—Зубрилы.—Рыбаки.—Еще объ угнетаемыхъ.—Подлизы.

Въ гимназической жизни не было болѣе тяжкаго и опаснаго преступленія, какъ «фискальство». Фискала не принимали ни въ одну игру; не только дружитья съ нимъ или миролюбиво разговаривать, но даже подавать ему руку считалось унижительнымъ. Единственное обращеніе, допускаемое съ фискаломъ, были подзатыльники, сопровождаемые извѣстнымъ сатирическимъ куплетомъ:

Фискаль,
Зубоскаль,
По базару кишки таскаль.

Такимъ образомъ фискаль считался навсегда исключеннымъ изъ общества, и только какая-нибудь особенно дерзкая выходка, направленная къ спасенію «попавшагося» товарища или ко вреду нелюбимаго воспитателя, могла заслужить ему полное прощеніе.

Надо замѣтить, что сознательнаго фискальства — изъ выгодъ, изъ желанія отличиться или приобрѣсти довѣріе воспитателя — въ гимназій совсѣмъ не было, и устное преданіе не запомнило ни одного такого случая. Большею частью репутація фискала приобрѣталась невольно.

По издавна укоренившемуся правилу, воспитанникъ, волучившій въ дракѣ или по другому поводу здоровенный синякъ подъ глазомъ, долженъ былъ на вопросъ

воспитателя о причинѣ такого украшенія отвѣчать, что, молъ, упалъ съ лѣстницы и расшибся (и почему-то виноватой всегда оказывалась лѣстница, такъ что даже воспитатели къ этому привыкли и спрашивали иронически: «Что? Съ лѣстницы упали?»). Но иногда, по неопытности или движимый чувствами боли, мести или раздраженія, онъ называлъ истинную причину возникновенія синяка. Съ этого момента онъ уже становился фискаломъ.

Гимназическая среда ломала по-своему характеры и привычки. Чрезвычайно рѣдко попадали въ нее такія нервныя, самостоятельныя и чуткія ко всякому оскорбленію натуры, которыя отказывались мириться съ жестокимъ деспотизмомъ самодѣльныхъ обычаевъ. Одному Богу извѣстно, какъ калѣчила ихъ въ нравственномъ смыслѣ гимназія, и какой отпѣчатокъ клало на всю ихъ жизнь вѣчное истерическое озлобленіе, поддерживаемое въ нихъ беспощадной травлей цѣлаго возраста.

Начиналось это съ того, что прибитый кѣмъ-нибудь мальчикъ шелъ къ воспитателю и жаловался. Его били за это вторично, били въ третій и въ четвертый разъ... По мѣрѣ побоевъ росла упорная, безумная ненависть фискала къ его мучителямъ и доходила въ концѣ концовъ до того, что онъ самъ выскивалъ случая пойти наперекоръ установленнымъ законамъ. Покинутый, обѣгаемый и презираемый всѣми, онъ молча разжигалъ въ себѣ жгучую злобу противъ окружавшаго его маленькаго міра. Завязывалась страшная, неравная борьба между истерзаннымъ, полубольнымъ, слабымъ мальчикомъ и цѣлой ордой безшабашныхъ сорванцовъ...

Такого фискала, конечно, остерегались, потому что, если въ его присутствіи совершалось что-нибудь противозаконное, онъ говорилъ со злораднымъ торжествомъ: «А вотъ я пойду и пожалуюсь воспитателю!» И, несмотря на то, что его стращали самыми ужасными послѣдствіями,

онъ шелъ и дѣйствительно фискалилъ. Наконецъ обоюдная ненависть достигала такихъ предѣловъ, что дальше ей итти было некуда. Тогда противъ фискала употреблялось послѣднее звѣрское средство: его, выражаясь гимназическимъ жаргономъ, «накрывали».*

Одинъ такой случай остался неизгладимо въ памяти Буланина, даже запомнился мѣсяцъ и число, потому что на другой же день Буланинъ писалъ своей сестрѣ-институткѣ поздравленіе и вскользь упоминалъ о «случаѣ».

«Милая Любочка!

«Поздравляю тебя съ днемъ твоего ангела и отъ души желаю тебѣ всего-всего хорошаго. Хотѣлъ бы очень поздравить тебя лично, но, къ несчастью, невозможно. По-сылаю тебѣ двѣ налѣпныя картинки: кошечку и цвѣты. Извини, что ничего лучше не посылаю. А у насъ былъ вчера случай. Второклассники накрыли фискала, и онъ теперь въ лазаретѣ, чтобы не фискалилъ. Картинки я вымѣнялъ у Чижова на двѣ дюжины перьевъ съ Наполеономъ. А били его ночью, когда всѣ воспитанники заснули, только я все слышалъ. Засимъ цѣлую тебя крѣпко... Твой любящій тебя братъ М. Буланинъ».

Поздравленіе это было послано Буланинымъ 16 сентября, а событіе, о которомъ онъ въ немъ писалъ, произошло днемъ раньше, на дежурствѣ «дяди Васи».

«Дядей Васей» прозвали Василя Васильевича Бинкевича, одного изъ двухъ штатскихъ воспитателей младшаго возраста. У него также имѣлось два другихъ прозвища: Черноморъ — за густую, длинную бороду, и Вральманъ — за его отчаянно-неправдоподобные рассказы «изъ прежней жизни».

Дѣйствительно, дядя Вася за свою долгую воспитательскую практику изолгался до такой степени, что если бы онъ и вздумалъ рассказать когда-нибудь о настоя-

щемъ, невымышленномъ происшествіи, — ему не повѣрилъ бы ни одинъ малышъ. Вралъ онъ вовсе не для снисканія популярности, а искренно и безкорыстно, какъ заправскій художникъ. Импровизируя рассказы о самыхъ изумительныхъ, чудовищныхъ приключеніяхъ, которыя заставили бы покраснѣть самого барона Мюнхгаузена, дядя Вася увлекался до того, что, безъ сомнѣнія, не только глубоко вѣрилъ въ подлинность этихъ приключеній, но даже какъ будто бы переживалъ ихъ вторично.

Для дяди Васи вовсе не было тайной, что воспитанники чуть ли не въ глаза смѣются надъ нимъ, но все же, несмотря на это, онъ не могъ воздержаться отъ неистоваго вранья. Трудно сказать, какимъ образомъ эта черта родилась въ немъ и разрослась до такихъ удивительныхъ размѣровъ. Явилась ли она въ тѣ долгіе зимніе вечера, когда дежурные воспитатели, ошалѣвъ отъ скуки, безцѣльно по цѣлымъ часамъ бродили взадъ и впередъ по заламъ или изводили кипы бумаги, изображая сотни разъ подъ рядъ свою фамилію съ какимъ-либо замысловатымъ росчеркомъ? Было ли это вранье слѣдствіемъ рѣдкаго перевѣса фантазіи надъ разсудкомъ и волей? Или, можетъ-быть, въ немъ, въ этомъ враньѣ, находилъ себѣ позднее своеобразное утѣшеніе бывшій честолюбецъ, которому не улыбнулась судьба?.. Или, наконецъ, не скрывался ли за почтенной наружностью дяди Васи тихій, безопасный маньякъ?

Въ своихъ рассказахъ дядя Вася весьма небрежно обращался какъ съ историческими фактами, такъ и съ данными, вытекавшими изъ его предыдущихъ рассказовъ. Иногда онъ фигурировалъ въ нихъ въ качествѣ гражданскаго инженера, строившаго мостъ черезъ Волгу и реставрировавшаго Исаакіевскій соборъ; въ другой разъ онъ отправлялся чрезвычайнымъ посланникомъ въ Парижъ; въ слѣдующій вечеръ участвовалъ въ венгерской кампаніи,

будучи блестящимъ офицеромъ гвардейской кавалеріи. И если, напримѣръ, постройка моста черезъ Волгу совпала по времени съ чрезвычайной миссіей въ Парижъ и кто-нибудь изъ слушателей лукаво замѣчалъ это, дядя Вася отвѣчалъ, нимало не смущаясь:

— Ну да... что же тутъ особеннаго? Я такъ и дѣлалъ: недѣлю строю мостъ,—потомъ ѣду въ Парижъ; тамъ проведу недѣлю,—и опять на Волгу. Все на экстренныхъ поѣздахъ... По сто семидесяти верстъ въ часъ!..

Ему ничего не стоило рассказать хотя бы о томъ, какъ онъ по желанію императора Николая I читалъ лекціи инженернаго искусства и небесной механики его сыну, Александру. При этомъ дядю Васю вовсе не стѣсняло то обстоятельство, что онъ былъ приблизительно лѣтъ на десять моложе своего ученика.

Любовью гимназистовъ дядя Вася не пользовался, такъ же, какъ не пользовался ею ни одинъ воспитатель. Но такъ какъ дядя Вася большого вреда не дѣлалъ, не устраивалъ «куриламъ» ловушекъ и, зная гимназическіе нравы, не жаловалъ фискаловъ, то и вражды къ нему, возрастъ не питалъ. А вранье его даже привлекало всегда многочисленныхъ слушателей.

Обыкновенно послѣ обѣда, когда до вечернихъ занятій давалось два часа свободнаго времени, кто-нибудь изъ второклассниковъ «собиралъ компанію» слушать дядю Васю. Охотники сейчасъ же находились. Они разыскивали дядю Васю въ дежурной или въ одномъ изъ классовъ, окружали его и просили:

— Василь Василичъ, расскажите что-нибудь изъ вашей прежней жизни.

Дядя Вася сначала, для виду, отпѣкивался, говорилъ, что ему некогда, что онъ все давно и забылъ, и наконецъ (уже начиная сдаваться), что «не знаетъ, о чемъ бы это рассказать». Тогда его понемногу наталкивали на тему:

— Ну, расскажите что-нибудь про дворецъ. Вы же вѣдь бывали во дворцѣ, Василь Василичъ?

И онъ принимался рассказывать, сперва вяло, какъ будто бы нехотя, но потомъ закусывалъ удила и создавалъ одну вдохновенную импровизацію за другой. Тѣмъ временемъ слушатели подбѣгали со всѣхъ сторонъ, и вскорѣ вокругъ дяди Васи образовывалось густое сплошное кольцо. Нѣкоторые шли по бокамъ дяди Васи, другіе сзади, протискивая головы впередъ, чтобы лучше слышать, третьи, обнявшись и образовавъ неразрывную цѣпь, пятились задомъ. Каждый разъ, дойдя до одного изъ концовъ залы, дядя Вася медленно топтался на мѣстѣ, чтобы дать время повернуться всему окружающему его живому ядру.

— Былъ однажды я приглашенъ на парадный балъ во дворецъ,—говорилъ онъ, расправляя на обѣ стороны свою длинную бороду, придававшую ему видъ библейскаго патріарха. — Ну, понятно, вся знать здѣсь: иностранные кронпринцы, дипломатическій корпусъ, генералитетъ и все прочее... И ужъ, конечно, танцы танцуютъ не какіе-нибудь, а, на примѣръ, экоссезъ, полонезъ и все въ этомъ родѣ. Стою я на одномъ концѣ залы, а на другомъ сидитъ на бархатномъ малиновомъ диванѣ маркграфиня бранденбургская. Ну, прямо — писаная красавица... въ бѣломъ атласномъ платьѣ и шлейфъ аршинъ въ девять... Только вдругъ, вижу я, маркграфиня роняетъ вѣеръ... Тутъ сейчасъ же кидаются къ ней князья тамъ разные... графы, бароны... Понятно, каждому лестно услужить. А я и думаю себѣ: «Нѣтъ, думаю, хоть вы и бароны и графы, но вы еще не знаете Василь Василича Бинкевича...» А зала, надо вамъ сказать, шаговъ пятьсотъ имѣла въ длину. Разбѣжался я, знаете ли, подпрыгнулъ этакъ вверхъ и черезъ всю залу пролетѣлъ на одной шпорѣ. Пролетѣлъ, схватилъ раньше всѣхъ вѣеръ и уже несу марк-

графинѣ. А посланникъ американскій... забылъ его фамилію... страшный богачъ, милліонеръ... отводитъ меня въ сторону и говоритъ тихонько: «Послушайте, передайте мнѣ этотъ вѣрѣ, мнѣ необходимо для политическихъ видовъ, а я вамъ за него тотчасъ же выдамъ чистоганомъ пятьсотъ тысячъ долларовъ». Ну, ужъ я его и обрѣзалъ: «Нѣтъ, говорю, мистеръ... эхъ, бѣда, забылъ фамилію-то!.. ну, да у меня дома записано, потомъ припомню... нѣтъ, мистеръ, русскаго гвардейскаго офицера не только за полмилліона, а даже за всѣ сокровища Новаго Свѣта нельзя купить...» Послѣ этого государь меня къ себѣ подзываетъ. «Здравствуй, Василь Василичъ, давно мы съ тобой не видались». Я говорю: «Давненько, ваше величество». Ну, конечно, поговорили мы немного. Потомъ государь и говоритъ: «Знаешь, Василь Василичъ, я вѣдь тебя давно хотѣлъ видѣть. Не желаешь ли ты занять постъ министра путей сообщенія?» А я отвѣчаю: «Нѣтъ, ваше величество, эта должность хлопотливая, и при томъ многіе будутъ мнѣ завидовать, дайте мнѣ лучше мѣсто воспитателя въ военной гимназіи». «Ну, хорошо, — говоритъ государь: — будь по-твоему. А за то, что ты американца сконфузилъ, объявляю тебѣ мое спасибо»...

На темы разсказовъ дяди Васи ходили между воспитанниками пародіи, преувеличенныя до абсурда. Въ одной изъ нихъ говорилось, на примѣръ, о томъ, какъ дядю Васю во время его путешествія со Стэнли выбросило на необитаемый островъ. Тотчасъ же сбѣжались дикари, а дикари на этомъ необитаемомъ островѣ были поголовно людоѣды. Сначала они кинулись-было на дядю Васю съ томагауками, но тотчасъ же опомнились. «Ахъ, это вы, Василь Василичъ! Извините, пожалуйста, а мы-было васъ совсѣмъ не узнали». — «То-то же, негодяи, смотрите у меня въ другой разъ, — замѣтилъ имъ строго дядя Вася. — А гдѣ же здѣсь пройти въ Петербургъ?» —

«А вотъ-съ, сюда пожалуйста, сюда... Ступайте по этой дорожкѣ, все прямо, прямо, такъ и дойдете до самаго Петербурга»,—отвѣчали дикари, падая на прощанье въ ноги дядѣ Васѣ.

16-го сентября, послѣ обѣда, дядя Вася ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, окруженный, по обыкновенію, густой толпой воспитанниковъ. Онъ рассказывалъ о томъ, какъ во время блокады Парижа прусскою арміею осажденные— въ томъ числѣ, конечно, и дядя Вася— принуждены были питаться кониной и дохлыми крысами, и какъ потомъ, по совѣту дяди Васи, его задушевный другъ Гамбетта рѣшился сдѣлать путешествіе на воздушномъ шарѣ:

Разсказъ изобиловалъ комическими штрихами, и Бинкевичъ, поощряемый неумолкаемымъ дружнымъ хохотомъ публики, вралъ особенно затѣйливо. Но онъ и не догадывался, что причиной смѣха служили вовсе не комическія мѣста его импровизаціи, а тѣ рожи, которыя за его спиной строилъ второклассникъ Карауловъ (для чего-то перековерканный товарищами въ Квадратулова).

Особенная прелесть штукъ, откалываемыхъ Квадратуловымъ, заключалась въ томъ, что онъ только-что стащилъ въ дежурной комнатѣ со стола цѣлый десятокъ блинчиковъ съ вареньемъ, принесенныхъ на обѣдъ дядѣ Васѣ въ видѣ третьяго блюда. (Дядѣ Васѣ постоянно приносили обѣдъ въ возрастъ изъ дому, и это, между прочимъ, служило поводомъ нѣкотораго уваженія къ нему со стороны воспитанниковъ. Были и такіе воспитатели, какъ, на примѣръ, Утка, которые съѣдали казенный обѣдъ въ удвоенной порціи). И теперь за спиной дяди Васи Квадратуловъ поѣдалъ эти блинчики, то отправляя въ ротъ сразу по двѣ штуки и дѣлая видъ, что давится ими, то улыбаясь, какъ будто бы отъ большого удовольствія, доушей и поглаживая себя по животу, то, при поворотахъ, изображая лицомъ и всей фигурой страшнѣйшій испугъ.

Дядя Вася, набросивъ съ живописными подробностями процедуру надуванія шара, перешель уже къ тѣмъ трогательнымъ словамъ прощанья, которыя онъ сказалъ отлетавшему Гамбеттѣ. Но какъ разъ на этомъ интересномъ мѣстѣ его прервалъ дежурный воспитанникъ, подбѣжавшій съ докладомъ, что директоръ осматриваетъ спальню младшаго возраста. Дядя Вася поспѣшно выбрался изъ облѣпившей его толпы, обѣщавъ досказать воздушное путешествіе Гамбетты какъ-нибудь въ другой разъ.

Буланинъ былъ въ это время здѣсь же и видѣлъ, какъ второклассники со смѣхомъ окружили Квадратулова, поспѣшно доѣдавшаго послѣдній блинъ, и вмѣстѣ съ нимъ шумной гурьбой вошли въ отдѣленіе. Но минуту или двѣ спустя этотъ смѣхъ какъ-то вдругъ оборвался, потомъ послышался сердитый голосъ Квадратулова, закричавшаго на весь возрастъ: «А тебѣ что за дѣло, свинья!», затѣмъ, послѣ короткой паузы, раздался бѣшеный взрывъ общей руготни, и изъ дверей стремительно выбѣжалъ второклассникъ Сысоевъ.

Этотъ Сысоевъ, ненавидимый товарищами за несправимое фискальство и постоянно ими избиваемый, всегда и какъ-то мучительно тревожилъ любопытство Буланина. Гимназическая шлифовка не положила своего казеннаго отпечатка на его красивое, породистое и не дѣтски серьезное лицо съ нездоровымъ румянцемъ, выступавшимъ неровными розовыми пятнами на щекахъ и подъ бровями. Для Буланина не была новостью открытая, непримиримая вражда, шедшая между этимъ худымъ, нѣжнымъ мальчикомъ и всѣмъ вторымъ классомъ. И въ этой-то самой припадочной, безумной дерзости, съ которой Сысоевъ возставалъ противъ «всѣхъ», и заключалось для Буланина то загадочное, страшное и притягивающее, что такъ часто привлекало его вниманіе.

Выбѣжавъ изъ класса, весь блѣдный, трясущійся, съ

разорваннымъ чьими-то руками воротникомъ пиджака, Сысоевъ остановился въ дверяхъ и выкрикнулъ, задыхаясь отъ злобы:

— А вотъ нарочно... и пойду, и пожалуюсь... Скажу, кто укралъ, скажу!.. Вотъ нарочно профискалю... На зло, на зло, на зло...

Изъ класса со свистомъ и гиканьемъ выскочило человекъ десять съ Квадратуловымъ во главѣ. Сысоевъ бросился отъ нихъ, точно заяцъ, преслѣдуемый собаками, весь скорчившись, неровными скачками, спрятавъ голову между плечъ и поминутно оглядываясь. За нимъ гнались черезъ обѣ залы, и только тогда, когда онъ съ разбѣгу влетѣлъ въ «дежурную», преслѣдователи такъ же быстро рассыпались въ разныя стороны.

Въ этотъ вечеръ среди второклассниковъ было замѣчено странное, необычное, но глухое оживленіе. Въ тѣ свободные полчаса, что давались до вечерняго чая, они ходили кучками, по-четверо и по-пятеро, обнявшись. Говорили о чемъ-то чрезвычайно горячо, но вполголоса, наклоняясь одинъ къ другому и боязливо озираясь по сторонамъ: при приближеніи новичка они замолкали съ враждебнымъ видомъ. Другіе въ одиночку шныряли между этими кучками, подходили къ нимъ поочередно, бросали на лету какія-то слова, производившія еще большее волненіе, и торопливо, съ тайнственнымъ лицомъ, спѣшили къ слѣдующимъ кучкамъ. Новички съ боязливымъ любопытствомъ наблюдали за этой загадочной суетой. Чувствовалось, что готовится что-то большое, серьезное и нехорошее.

Буланинъ зазвалъ за классную доску Сельскаго, всегда благоволившаго къ нему, и сталъ просить умоляющимъ тономъ:

— Послушай, Сельскій, голубчикъ, что такое во второмъ классѣ дѣлается? Ну, миленькій, ну, расскажи, пожалуйста...

— Много будешь знать — скоро состаришься, — сухо отвѣтилъ Сельскій.

— Сельскій, душечка, ей-Богу, никому не скажу. Прошу тебя... пожалуйста...

Сельскій отрицательно покачалъ головой и хотѣлъ уйти изъ-за доски. Но Буланинъ ухватился за его рукавъ и еще настойчивѣе присталъ къ нему. Въ концѣ концовъ твердость Сельскаго не выдержала, тѣмъ болѣе, что у него самого, повидимому, чесался языкъ подѣлится секретомъ.

— Ну, такъ и быть... ладно, — сказалъ онъ, сдавшись окончательно. — Только смотри, помнишь уговоръ: чуръ, никому ни полсловечка.

И, обернувшись во всѣ стороны съ недовѣрчивымъ видомъ, Сельскій добавилъ, понижая голосъ:

— Сегодня ночью старички хотятъ «накрыть» Сысоева.

Буланинъ не понялъ всего смысла, заключавшагося въ словахъ Сельскаго, но тонъ, какимъ они были произнесены, и этотъ незнакомый терминъ — сразу произвели на него впечатлѣніе чего-то сверхъестественнаго и ужаснаго, подобно тѣмъ простымъ словамъ, которыя иногда въ лихорадочныхъ снахъ принимаютъ такое зловѣщее, потрясающее значеніе.

— Накрыть? Ты сказалъ — накрыть? — повторилъ Буланинъ, широко раскрывая глаза: — что это значитъ?

Доброе, миловидное лицо Сельскаго нахмурилось, и онъ отвѣчалъ съ напускной суровостью:

— А очень просто. Накроютъ голову одѣяломъ или подушкой, чтобъ не кричалъ, и отдуютъ по чемъ попало... И такъ и нужно, — добавилъ онъ, нарочно разогрѣвая въ себѣ злобное чувство. — Такъ и нужно. Въ другой разъ пусть не фискалитъ, каналья.

Буланинъ вдругъ почувствовалъ странный, раздражаю-

щій холодъ въ груди, и кисти его рукъ, мгновенно похолодѣвъ, сдѣлались влажными и слабыми. Ему представилось, что на его собственное лицо наложили мягкую подушку, и что онъ задыхается подъ ней.

— Про кого жъ онъ... профискалилъ? — спросилъ, справившись наконецъ со своимъ воображеніемъ, Буланинъ.

— Про Караулова. Карауловъ сперъ у дяди Васи какіе-то тамъ блинчики, что ли, а этотъ пошелъ и профискалилъ.

— Зачѣмъ же онъ это сдѣлалъ? Ему-то что?

— Ну, вотъ, поди же!.. Одно слово — психъ! — рѣшилъ Сельскій, выговаривая это опредѣленіе съ невыразимымъ презрѣніемъ.—Еще куда бы ни шло, если бъ онъ самому дядѣ Васѣ сказалъ, — дядя Вася не обратилъ бы вниманія, — а то онъ въ дежурной прямо на директора наткнулся да и бухнулъ при немъ. А директоръ взялъ и оставилъ Караулова до Рождества безъ отпуска. Можетъ-быть, даже погоны снимутъ...

Сельскій повернулся, чтобы выйти изъ-за доски, но Буланинъ еще разъ остановилъ его:

— Сельскій, подожди... А очень больно ему будетъ, когда его... накроютъ? — спросилъ онъ съ выраженіемъ страданія въ глазахъ.

— Н-да-а... Ужъ въ другой разъ позабудетъ, какъ и фискалитъ... Навѣрно, въ лазаретъ завтра пойдетъ. А ты, Буланка, вотъ что: если будешь болтать, плохо тебѣ придется. Понимаешь?

За вечернимъ чаемъ всѣ отдѣленія возраста сидѣли обыкновенно на разныхъ столахъ. Буланинъ со своего мѣста видѣлъ лицо Сысоева и его длинные, тонкіе пальцы, крошившіе нервными движеніями булку. Пятна румянца выступили рѣзче на его щекахъ, глаза были опущены внизъ, правый уголъ рта по временамъ судорожно по-

дергивался. «Знаетъ ли онъ? Предчувствуетъ ли онъ что-нибудь?—думаетъ Буланинъ, не отводя испуганныхъ глазъ отъ этого лица. — Что онъ будетъ чувствовать всю эту ночь? Что онъ будетъ чувствовать завтра утромъ?» И нестерпимое, жадное любопытство овладѣло Буланинымъ. Ему вдругъ до мученія, до боли захотѣлось узнать все, рѣшительно все, что теперь дѣлается въ душѣ Сысоева, ставшаго въ его глазахъ какимъ-то необыкновеннымъ, удивительнымъ существомъ; захотѣлось отождествиться съ нимъ, проникнуть въ его сердце, слиться съ нимъ мыслями и ощущеніями.

Подъ вліяніемъ пристальнаго взгляда Сысоевъ медленно поднялъ рѣсницы и повернулъ голову. Глаза его въ упоръ встрѣтились съ глазами Буланина и остановились, и въ ту же секунду Буланинъ совершенно ясно понялъ, что Сысоевъ уже знаетъ, что будетъ съ нимъ сегодня вечеромъ, знаетъ даже, что и Буланину это извѣстно, знаетъ даже и то, что теперь происходитъ въ душѣ самого Буланина. Какъ бы въ отвѣтъ на долгій взглядъ Буланина, какая-то чудная улыбка, слабая, грустная и ласковая, чуть-чуть тронула губы Сысоева, а рѣсницы его опять медленно опустились внизъ съ болѣзненнымъ и усталымъ выраженіемъ.

Послѣ молитвы въ спальнѣ младшаго вѣзраста не было обычной возни, хохота и бѣготни. Къ одиннадцати часамъ все стихло. Дядя Вася въ послѣдній разъ обошелъ всѣ проходы спальни и ушелъ въ дежурную. Слѣдомъ за нимъ по коридору прокрался кто-то босой, въ одной рубашкѣ, съ головой, закутанной тужуркой. Буланинъ догадался, что это «сторожъ». Дѣйствительно, черезъ пять минутъ «сторожъ» вернулся и, не открывая головы, протяжно свистнулъ. Тотчасъ же въ томъ отдѣленіи, гдѣ спалъ второй классъ, послышался звукъ, въ значеніи котораго Буланинъ не могъ ошибиться: кто-то опустилъ

висячую лампу-внизъ и затѣмъ быстро толкнулъ ее вверхъ, чтобы она потухла. Вслѣдъ за первой потушили и вторую лампу. Въ спальнѣ стало темнѣе.

Буланинъ лежалъ, чутко прислушиваясь, но ничего не могъ разобрать, кромѣ дыханія спящихъ сосѣдей и частыхъ, сильныхъ ударовъ своего сердца. Минутами ему казалось, что гдѣ-то недалеко слышатся медленные, крадущіеся шаги босыхъ ногъ. Тогда онъ задерживалъ дыханіе и напрягалъ слухъ. Отъ волненія ему начинало представляться, что на самомъ дѣлѣ и слѣва, и справа, и изъ-за стѣнъ — крадутся эти осторожныя босыя ноги, а сердце еще громче, еще тревожнѣе стучало въ груди.

И вдругъ среди этого жуткаго безмолвія раздастся громкій, прерывающійся голосъ Сысоева, въ которомъ слились вмѣстѣ и страхъ, и тоска, и ненависть:

— Кто тамъ? Я вижу... Я вижу тебя! Зачѣмъ ты прячешься?..

Буланинъ приподнялся и сѣлъ на кровати, со страхомъ вглядываясь въ темноту. Нижняя челюсть его, противъ воли, часто и сильно стучала о верхнюю.

— Оставь! — закричалъ пронзительно Сысоевъ. — Оставь меня!.. Ос...

Крикъ внезапно оборвался, окончившись глухимъ стономъ. «Они подушкой его... подушкой», — мелькнуло въ головѣ Буланина, охваченнаго жалостью и ужасомъ. Потомъ послышался сдержанный шумъ молчаливой, ожесточенной возни, тяжелое дыханіе, шлепанье босыхъ ногъ и частые, какъ градъ, тупые удары.

Сколько времени это продолжалось, Буланинъ не могъ опредѣлить: можетъ-быть — минуту; можетъ-быть — полчаса. Вдругъ «сторожъ» опять свистнулъ. Десятки босыхъ ногъ беспорядочно, быстро и звонко зашлепали по паркету, гдѣ-то повалили табуретку, кто-то задѣлъ за кровать, и тотчасъ же все опять стихло.

До слуха Буланина долетѣли слабые протяжные стоны... Сысоевъ уже не могъ кричать.

Сельскій былъ правъ: на другой же день фискала отравили въ лазаретъ, а черезъ мѣсяць родные вовсе взяли его изъ гимназіи. Непонятнымъ, поразительнымъ казалось Буланину, почему, покидая навѣкъ гимназію, Сысоевъ не воспользовался послѣдней местию, оставшейся у него въ рукахъ, почему онъ ни слова никому не сказалъ о томъ, что съ нимъ дѣлали въ ту страшную ночь: безъ сомнѣнія, зачинщиковъ по меньшей мѣрѣ сильно высѣкли бы. И въ этомъ умолчаніи Буланину чудилось присутствіе того же загадочнаго, таинственнаго, что такъ тянуло его къ Сысоеву за вечернимъ чаемъ.

Довольно сильнымъ утѣсненіямъ съ разныхъ сторонъ подвергались и «зубрилы-мученики».

Въ то время, когда форсилы и отчаянные не безъ хвастливой гордости декламировали:

Единицы да нули —
Вотъ и всѣ мои баллы.
Двоекъ, троекъ очень мало,
А пятерокъ и „шеперокъ“
Совершенно не бывало,

для зубрилы единица казалась самымъ страшнымъ предметомъ въ мірѣ. Чтобы избѣжать «кола», зубрила каждый вечеръ такъ старался, что на него и жалко и забавно было смотрѣть. Заткнувъ оба уха большими пальцами, а остальными плотно придавивъ зажмуренные глаза, и качаясь взадъ и впередъ, зубрила иногда въ продолженіе цѣлаго часа повторялъ одну и ту же фразу: «Для того, чтобы найти общее наименьшее кратное двухъ или нѣсколькихъ чиселъ... для того, чтобъ найти... чтобъ найти... чтобъ найти...» Но смыслъ этихъ словъ оставался для него темень и далекъ, а если наконецъ и

запечатлѣвалась въ умѣ его цѣлая фраза, то стоило рѣзвому товарищу подбѣжать и вырвать книгу изъ-подъ носа зубрилы или стукнуть его мимоходомъ по затылку, какъ все, зазубренное съ такимъ великимъ трудомъ, мгновенно выскакивало изъ его слабой головы. Несмотря на всѣ старанія зубрилы избѣжать единицы, онъ все-таки на другой день получалъ ее и каждый разъ неизмѣнно, садясь на мѣсто, заливался горькими слезами, вызывавшими дружный хохотъ отдѣленія.

Изъ числа угнетаемыхъ больше всего могли бы вызывать сожалѣніе «рыбаки» или «мореплаватели». Такъ назывались несчастные мальчики, страдавшіе весьма перѣдкимъ въ дѣтскомъ возрастѣ недостаткомъ, заключавшимся лишь въ неумѣніи во-время просыпаться ночью. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ этихъ робкихъ, запуганныхъ, нервныхъ дѣтей—будь поменьше за нимъ надзора и побольше снисхожденія къ нему—безъ труда выучился бы сдерживать свои невольныя отправленія. Но по отношенію къ нимъ—и начальство и товарищи дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы рыбаки ни на минуту не забывали о своемъ недостаткѣ...

Прежде всего начальство распорядилось отдѣлить рыбаковъ отъ товарищей и отвести имъ отдѣльное мѣсто, поближе къ умывалкѣ. Затѣмъ обыкновенные волосяные матрацы у рыбаковъ были замѣнены соломенными тюфяками, конечно, въ виду экономіи. Тюфяки эти не обновлялись въ теченіе цѣлаго года (и даже чуть ли не переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе), такъ что солома въ нихъ окончательно сгнивала, обращаясь въ зловонную густую массу. Проходя мимо «рыбацкой слободки», каждый воспитанникъ непременно зажималъ крѣпко носъ и на нѣсколько секундъ затаивалъ дыханіе. Нервныхъ субъектовъ прямо-таки тошнило отъ этого ужаснаго запаха.

Нечего и говорить о томъ, какъ «травили» и «изводили» бѣдныхъ мореплавателей товарищи. Каждый, проходившій вечеромъ около ихъ кроватей, считалъ своимъ долгомъ бросить по адресу «рыбаковъ» нѣсколько обидныхъ словъ, а рыбаки только молчали, глубоко сознавая свою вину передъ обществомъ. Иногда кому-нибудь вдругъ приходила въ голову остроумная мысль — заняться лѣченіемъ рыбаковъ. Почему-то существовало убѣжденіе, что отъ этой болѣзни очень хорошо помогаетъ, если пациента высѣчь ночью на порогѣ дверей сапожнымъ голенищемъ. И вотъ часовъ въ двѣнадцать цѣлая орда хватала спящаго рыбака за руки и за ноги, влекла его къ дверямъ, распластывала поперекъ порога и начинала, подъ общій хохотъ, свистъ и гиканье, симпатическое лѣченіе.

Товарищи все-таки обращали на рыбаковъ больше вниманія, чѣмъ начальство. Они, хотя и въ дикой формѣ, но проявляли своеобразную заботливость объ ихъ здоровьѣ. Начальство же и медицинскій персоналъ глядѣли на этотъ вопросъ съ невозмутимымъ равнодушіемъ.

«Тихони» и «слабенъкіе» были въ гимназій такими же, какъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. На «подлизъ» смотрѣли нѣсколько строже. Если замѣчали, что воспитанникъ черезчуръ часто суется къ преподавателямъ съ предложеніемъ ножичка и карандашика, или лѣзетъ къ нимъ съ просьбами объяснить непонятное мѣсто, или постоянно подымаетъ кверху руку, говоря: «Позвольте мнѣ, г. преподаватель, я знаю...», въ то время, когда спрешенный товарищъ только хлопаетъ въ недоумѣніи глазами, — когда замѣчали за кѣмъ-нибудь такое поведеніе, его считали подлизой...

Но «подлизываться» слишкомъ долго и слишкомъ откровенно — было и невыгодно и невозможно, потому что въ концѣ концовъ весь классъ ожесточался противъ под-

лизы. Тогда стоило ему только встать съ предложениемъ услугъ или поднять кверху руку, какъ весь классъ начиналъ топать ногами и кричать: «Садись!.. На мѣсто, на мѣсто...» Въ то же время безцеремонныя руки хватались за фалды его пиджака и тянули его обратно на скамейку. Съ цѣлымъ классомъ шутить было опасно, и если преподаватель въ этихъ случаяхъ спрашивалъ подлизу, что онъ хотѣлъ сказать или сдѣлать, подлиза, поспѣшно садясь на мѣсто, бормоталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, г. преподаватель. Я ошибся... я такъ...

Такъ сортировала эта безшабашная своеобразная мальчишеская республика своихъ членовъ, закаляя ихъ въ физическомъ отношеніи и калѣча въ нравственномъ. И много-много выпало на долю Буланина колотушекъ, голодныхъ дней, невыплаканныхъ слезъ и невысказанныхъ огорченій, пока онъ самъ не огрубѣлъ и не сдѣлался равноправнымъ челоуѣкомъ въ этомъ буйномъ мѣрѣ. Говорятъ, что въ теперешнихъ корпусахъ дѣло обстоитъ иначе. Говорятъ, что между кадетами и ихъ воспитателями создается мало-по-малу прочная, родственная связь. Такъ это или не такъ — это покажетъ будущее. Настоящее ничего не показало.

VII.

Военныя гимназіи. — Кадетскіе корпуса. — Финиковъ. — „Иванъ Ивановичъ“. — Трухановъ. — Рябковъ. — Дни рабства. — Катастрофа.

Какъ разъ въ этомъ же году военныя гимназіи превратились въ кадетскіе корпуса. Сдѣлалось это очень просто: воспитанникамъ прочитали Высочайшій указъ, а черезъ нѣсколько дней повели ихъ въ спальни и велѣли вмѣсто старыхъ кепи пригнать круглыя фуражки съ краснымъ околышемъ и съ козырькомъ. Потомъ появились цвѣтные пояса и буквы масляной краской на погонахъ.

Это было время перелома, время всевозможных брожений, страшнаго недоверія между педагогами и учащимися, распушенности въ строю и въ дисциплинѣ, чрезмерной строгости и нелѣпыхъ послабленій, время столкновенія гуманнаго милютинскаго штатскаго начала съ суровымъ солдатскимъ режимомъ.

Большая неразбериха господствовала въ отношеніяхъ. Штатскіе преподаватели еще продолжали учить фронту, произнося командныя слова на дьяконскій распѣвъ. Между ними были большіе чудаки, которымъ оставалось годъ-два до полной пенсіи; на этихъ воспитанники чуть не ѣздили верхомъ. И составъ преподавателей все еще былъ какимъ-то допотопнымъ. Чего, на примѣръ, стоилъ одинъ Финиковъ, учитель ариѳметики въ младшихъ классахъ. Приходилъ онъ въ классъ оборванный, нечесаный, принося съ собою возмутительный запахъ грязнаго бѣлья и никогда не мытаго тѣла. Должно-быть, онъ былъ вѣчно голоденъ. Однажды кадеты положили ему въ выдвижной ящичекъ, около каѳедры, куда обыкновенно клали мѣлъ и губку, кусокъ крупяника, оставшагося отъ завтрака. Финиковъ, какъ будто по разсѣянности, съѣлъ его. Съ тѣхъ поръ его прозвали «крупяникомъ», но зато мальчишки никогда ужъ впослѣдствіи не забывали Финикова: если на завтракъ давали какое-нибудь нелюбимое блюдо, на примѣръ, кулебяки съ рисомъ или зразы, то изъ числа тѣхъ кусковъ, которые удѣлялись дядькамъ, одинъ или два шли непременно въ пользу Финикова.

Ставя отмѣтки, онъ терпѣть не могъ середины — любимыми его баллами были двѣнадцать съ четырьмя плюсами или ноль съ нѣсколькими минусами. Иногда же, вписавъ въ журналъ круглый ноль, онъ окружалъ его со всѣхъ сторонъ минусами, какъ щетиной, — это у него называлось «ноль съ сіяніемъ». И при этомъ онъ ржалъ, раскрывая свою огромную грязную пасть съ черными зубами.

Про него между кадетами ходилъ слухъ, что онъ, производя какой-то физическій опытъ, посадилъ свою маленькую дочь въ спиртъ и уморилъ ее. Это, конечно, было мальчишескимъ враньемъ, но въ Финиковѣ и вправду чувствовалось что-то ненормальное; жизнь свою онъ кончилъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Многіе изъ учителей «зашибали». Этимъ порокомъ страдалъ добрейшій въ мірѣ человекъ — «Иванъ Ивановичъ», учитель исторіи. Но онъ никогда не терялъ внѣшняго приличнаго вида. Въ синемъ форменномъ фракѣ съ золотыми пуговицами, въ безукоризненномъ бѣльѣ, онъ, бывало, ходитъ-ходитъ по классу отъ оконъ къ дверямъ и вдругъ, точно мимоходомъ, юркнетъ за доску. Вынетъ изъ бокового кармана склянку, глотнетъ изъ нея нѣсколько разъ и опять выходитъ наружу, пожевывая какую-то лепешечку. По классу проносится струя спиртнаго запаха, кадеты гогочутъ, а «Иванъ Ивановичъ» говоритъ жалобнымъ тоненькимъ голоскомъ, прижимая пальцы къ вискамъ:

— Не смѣйтесь, господа, нехорошо смѣяться. Я человекъ больной, у меня порокъ сердца. Если я не буду принимать лѣкарства, я могу каждую минуту умереть.

Ставилъ онъ исключительно высшіе баллы, а въ старшихъ классахъ передъ экзаменами предлагалъ кадетамъ написать ему на общей бумажкѣ, кто что хочетъ отвѣчать. На урокахъ его каждый дѣлалъ, что хотѣлъ: читали романы, играли въ пуговики, курили въ отдушникъ, ходили съ мѣста на мѣсто. Онъ только нервно потиралъ свои виски пальцами и упрашивалъ:

— Господа, господа, потише... Пожалуйста, потише... Инспекторъ услышитъ...

У него было два прозвища: «Фанъ-Фанычъ» и — почему-то — «Елена съ ушами». Онъ былъ маленькій, бѣлокурый, лысенькій, въ пенсне, которое у него поминутно

спадало. Но у этого кроткого, забитаго чловѣка водилось одно рѣдкое и симпатичное пристрастіе — любовь къ исторіи Петра Великаго. На ея прохожденіе онъ тратилъ почти весь годъ въ седьмомъ классѣ и читалъ ее, конечно, не по Иловайскому, а по серьезнымъ научнымъ источникамъ. Когда кадетъ, отвѣчая урокъ о Полтавской битвѣ, приводилъ знаменитый Петровскій указъ, кончающійся словами: «а о Петрѣ вѣдайте, что Петру жизнь не дорога, жила бы только Россія, ея слава, честь и благоденствіе», «Иванъ Ивановичъ» неизмѣнно останавливалъ его и, потирая виски, со слезами на глазахъ восклицалъ тоненькимъ восторженнымъ голосомъ:

— Ахъ, какія слова! Повторите, пожалуйста, еще разъ это прекрасное мѣсто. Господа, господа, прислушайтесь, прошу васъ.

И ужъ, конечно, ставилъ отвѣчавшему двѣнадцать балловъ.

Иногда, прерывая свою лекцію о Петрѣ, онъ вдругъ восклицалъ мечтательно:

— Ахъ, господа! — Всегда самая моя завѣтная мысль была — это пріобрѣсти хорошую англійскую гравюру съ портрета Петра Великаго. Но я чловѣкъ бѣдный. Я бѣдный чловѣкъ, господа...

На почвѣ этой его необузданной любви къ памяти великаго царя произошелъ однажды смѣшной и трогательный эпизодъ. Кадетъ Трофимовъ — рыжій, длинный балбесъ со ртомъ до ушей и въ веснушкахъ — всталъ, науськанный кѣмъ-то, и спросилъ:

— Иванъ Ивановичъ, а правда, что Петра называли великимъ за то, что онъ былъ большого роста?

— Болванъ! — вдругъ завизжалъ «Иванъ Ивановичъ» и побагровѣлъ и затопалъ ногами. — Негодяй! Шутъ!

И, схвативши съ тумбочки губку, онъ запустилъ ею въ Трофимова. Но этого ему показалось мало. Онъ быстро

взбѣжалъ на кафедру, развернулъ журналъ и однимъ движеніемъ пера влѣпилъ Трофимову такую единицу, — первую единицу за всю свою учительскую дѣятельность, — которая растянулась по крайней мѣрѣ на шесть чужихъ клѣтокъ вверхъ и внизъ.

Пилъ и другой учитель — русскаго языка — Михайлъ Ивановичъ Трухановъ, и пилъ, должно-быть, преимущественно пиво, потому что при небольшомъ ростѣ и узкомъ сложеніи отличался чрезмѣрнымъ животомъ. У него была рыжая борода, синія очки и сиплый голосъ. Однако съ этимъ сиплымъ голосомъ онъ замѣчательно художественно читалъ вслухъ Гоголя, Тургенева, Лермонтова и Пушкина. Самые отчаянные лѣнтяи, завѣдомые лоботрясы слушали его чтеніе, какъ зачарованные, боясь пошевелинуться, боясь пропустить хоть одно слово. Какой удивительной красоты, какой глубины чувства достигалъ онъ своимъ простуженнымъ, пропитымъ голосомъ. Ему одному обязанъ былъ въ послѣдствіи Буланинъ любовью къ русской литературѣ.

Учителя нѣмецкаго языка всѣ, какъ на подборъ, — были педантичны, строги и до смѣшного скупы на хорошія отмѣтки. Ихъ ненавидѣли и травили. Зато съ живыми, веселыми французами жили по-дружески, смѣялись, остряли на ихъ урокахъ, хлопали ихъ по плечу. Если французскій языкъ былъ въ началѣ и въ концѣ классныхъ занятій, то особеннымъ шикомъ считалось вмѣсто молитвы до и послѣ ученья прочесть, на примѣръ, «Чижика» или «Эндеръ бэндеръ козу дралъ».

Однако были и свирѣпые преподаватели, на примѣръ, учитель географіи подполковникъ Левъ Васильевичъ Рябовъ. Сухой, желчный, вспыльчивый человекъ. Онъ рѣшительно всѣмъ воспитанникамъ, даже въ старшихъ классахъ, говорилъ «ты»; младшихъ дергалъ за уши и вытягивалъ линейкой между плечъ, а иногда даже ля-

гался шпорой. Но любимымъ для него развлеченіемъ было вытащить къ картѣ кадета съ польской фамиліей и непременно католика. Въ теченіе цѣлаго часа изощрялся надъ нимъ Рябковъ, зло и грубо карикатуря его языкъ, національность и религію. Тутъ бывало и «жѣчь посполита», и «отъ можа и до можа», и «крулевство польске», и «Матка Боска Ченстоховска, змилуйся надъ вами, надъ поляками, а надъ москалями, якъ собѣ хцешь».

Этотъ Рябковъ удивительно красиво и точно чертилъ на доскѣ мѣломъ географическія карты — прямо точно печаталъ.

Но бѣдному Буланину было въ этотъ годъ не до науки.

Чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ менѣе находилъ онъ въ себѣ рѣшимости признаться матери въ своемъ долгѣ Грузову за волшебный фонарь. Онъ смутно понималъ, что Аглая Ѳедоровна, по своему властному, придирчивому и чувствительному характеру, во что бы то ни стало выпытаетъ у Миши всѣ подробности и тогда ужъ непременно полетитъ жаловаться самому директору корпуса. Чтò ей за дѣло до того, что она навѣки погубитъ товарищескую репутацію Буланина въ его тѣсномъ, замкнутомъ кадетскомъ міркѣ. Конечно, она считаетъ всѣ эти желѣзные внутренніе законы просто мальчишескими выдумками, которыя разлетятся прахомъ, стòитъ только открыть глаза начальству. Такъ думалъ за нее Буланинъ, и не ошибался, и былъ въ данномъ случаѣ мудрѣе и проницательнѣе своей матери.

И онъ не открывался ей. Онъ предпочиталъ приходить въ корпусъ съ пустыми руками и получать жестокіе побои отъ Грузова. Иногда ему удавалось внести въ счетъ долга гривенникъ, или пару яблоковъ, или пятокъ украденныхъ у матери папиросъ. Но долгъ отъ этого уменьшался едва замѣтно, потому что Грузовъ запуталъ своего должника сложной системой ростовщичьихъ процентовъ.

Надъ нимъ стряслась жестокая и позорная катастрофа.

Наконецъ, однажды, зимнимъ утромъ, въ понедѣльникъ, послѣ чаю, когда во всѣхъ классахъ и залахъ горѣли лампы, а кадеты уныло дрожали отъ холода, Грузовъ ткнулъ Буланина кулакомъ въ зубы и сказалъ:

— Слушай меня, ты, жулябія! Вижу, что деньги мои ты зажилить. Начнемъ счетъ снова. Ну, вотъ я тебѣ говорю: утренняя булка двѣ копейки, вечерняя — копейка, завтракъ — три копейки, второе блюдо за обѣдомъ — двѣ, третье — три. Когда хочу — тогда спрашиваю. Согласенъ? И это пусть будетъ за проценты. А два рубля отдашь потомъ.

— Хорошо, — сказалъ Буланинъ, не поднимая глазъ.

— Кромѣ того будешь мнѣ каждый день чистить сапоги. Это тоже за проценты... Да?

— Хорошо.

Наступило для Буланина жуткое, тяжелое время. Грузовъ отбиралъ у него всѣ утреннія булки, всѣ вкусные завтраки и непременно третье блюдо за обѣдомъ, а иногда и третье и второе. Сапоги онъ долженъ былъ чистить Грузову до совершеннѣйшаго глянца, иначе тотъ билъ его и прогонялъ чистить вторично. Все это, вмѣстѣ съ недовѣріемъ къ матери, съ невозможностью объясниться съ нею и попросить помощи, сильно угнетало мальчика. Онъ опустился, сталъ разсѣянъ, сдѣлался неряхой, пересталъ учиться. Его постоянно наказывали, то ставя подъ лампу, то лишая пищи. И случалось нерѣдко, что за цѣлый день онъ питался только тарелкой супа и двумя кусками черного хлѣба — остальное шло Грузову и школьному правосудію.

Онъ поблѣднѣлъ, погрубѣлъ, обозлился и, самъ не желая этого, очутился на счету «отчаяннаго». Его все чаще и чаще лишали отпуска. Нельзя сказать, чтобы

эта воспитательная мѣра помогала его разстроенной душѣ. Когда же онъ изрѣдка приходилъ въ отпускъ, то Аглая Федоровна съ вечера субботы до вечера воскресенья выговаривала ему о томъ, каковы бываютъ дурные мальчики и какими должны быть хорошіе мальчики, о пользѣ труда и науки, о мудрости опыта, въ которую надо слѣпо вѣрить, а впоследствии благодарить за преподанные уроки, и о прочемъ. Все это были золотыя, но ужасно скучныя и неубѣдительныя истины.

Буланинъ и самъ ужъ не такъ охотно ходилъ въ отпускъ въ тѣ рѣдкія недѣли, когда это ему разрѣшалось. Онъ изнервничался, сталъ шутовать передъ товарищами, терялъ мало-по-малу вкусъ къ жизни и дѣтское самоуваженіе. Тутъ-то надъ нимъ и разразилась катастрофа.

Въ воскресенье онъ былъ безъ отпуска. Послѣ обѣдни устраивали «слона», играли «въ горки», переодѣвались въ вывернутые наизнанку мундиры, мазали себѣ лица сажей изъ печки. Буланинымъ овладѣла какая-то пьяная, истерическая скука. Стали ѣздить верхомъ другъ на другѣ. Буланинъ сѣлъ на плечи рослому Конисскому и долго носился на немъ по заламъ, пуская бумажныя стрѣлы.

Въ аркѣ, между залами, стоялъ штатскій воспитатель Кикинъ, — такъ, безличное существо, одинаково робѣвшее и заискивавшее какъ передъ мальчишками, такъ и передъ начальствомъ. Буланину бросились въ глаза пряди его маслянистыхъ, бурыхъ, разноцвѣтныхъ волосъ, спускавшихся съ затылка на воротникъ. Онъ велѣлъ своей «лошади» остановиться и взялъ осторожно двумя пальцами одну косичку. Для чего онъ это сдѣлалъ, онъ и самъ не зналъ. Противъ Кикина онъ не имѣлъ злобы. Молодечествовать тоже было не передъ кѣмъ, потому что кругомъ не было зрителей. Просто онъ это сдѣлалъ отъ темной, острой тоски, которая переполняла его душу.

Но Кикинъ вдругъ обернулся, поблѣднѣлъ, крикнулъ: «Что вы дѣлаете!»—и поспѣшно побѣжалъ въ дежурную. Черезъ полчаса Буланина отвели въ карцеръ, гдѣ продержали сутки.

А въ четвергъ, послѣ утренняго чая, всѣхъ кадетъ младшей роты, вмѣсто того, чтобы распустиить по классамъ, построили въ рекреационной залѣ. Собрались воспитатели всѣхъ четырехъ отдѣленій, перваго и втораго класса, и наконецъ — и это было ужъ совсѣмъ необыкновеннымъ явленіемъ — пришелъ директоръ. Было еще не свѣтло, и въ классахъ горѣли лампы.

Директоръ вынулъ изъ-за обшлага какую-то бумагу, и Буланинъ вдругъ задрожалъ мелкой, противной, безнадёжной дрожью.

— По постановленію педагогическаго комитета, кадетъ Буланинъ, позволившій себѣ такого-то числа возмутительно грубый поступокъ по отношенію къ дежурному воспитателю, приговаривается къ тѣлесному наказанію въ размѣрѣ десяти ударовъ розгами.

Случилось вдругъ отвратительное чудо. Прежде было сто мальчиковъ, ничѣмъ другъ отъ друга не отличавшихся, и между ними равный всѣмъ Буланинъ — и вотъ онъ выдѣлился, далеко отошелъ ото всѣхъ, заклеименный исключительнымъ позоромъ. Тяжесть навалилась на него, пригнула его къ землѣ, приплюснула.

— Кадетъ Буланинъ, выйдите впередъ! — приказалъ директоръ.

Онъ вышелъ. Онъ въ маленькомъ масштабѣ испыталъ всё, что чувствуетъ преступникъ, приговоренный къ смертной казни. Такъ же его вели, и онъ даже не помышлялъ о бѣгствѣ или о сопротивленіи, такъ же онъ рассчитывалъ на чудо, на ангела Божія съ неба, такъ же онъ на своемъ длинномъ пути въ спальню цѣплялся душой за каждую уходящую минуту, за каждый сдѣланный шагъ,

и такъ же онъ думалъ о томъ, что, вотъ, сто человѣкъ остались счастливыми, радостными, прежними мальчиками, а я одинъ, одинъ буду казненъ.

Въ спальнѣ, въ чистилкѣ, стояла скамейка, покрытая простыней. Войдя, онъ видѣлъ и не видѣлъ дядьку Балдѣя, державшаго руки за спиной. Двое другихъ дядекъ — Четуха и Куняевъ — спустили съ него панталоны, сѣли Буланину на ноги и на голову. Онъ услышалъ затхлый запахъ солдатскихъ штановъ. Было ужасное чувство, самое ужасное въ этомъ истязаніи ребенка — это сознаніе неотвратимости, непреклонности чужой воли. Оно было въ тысячу разъ страшнѣе, чѣмъ физическая боль...

Прошло очень много лѣтъ, пока въ душѣ Буланина не зажила эта кровавая, долго сочившаяся рана. Да, полно, зажила ли?

ПРАПОРЩИКЪ АРМЕЙСКІЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одинъ изъ моихъ близкихъ пріятелей получилъ прошлымъ лѣтомъ въ наслѣдство, послѣ умершей тетки, небольшой хуторъ въ Z — скомъ уѣздѣ, Подольской губерніи. Разбираясь въ доставшемся ему имуществѣ, онъ нашелъ на чердакѣ огромный, окованный жестью сундукъ, биткомъ - набитый книгами старинной печати, въ которыхъ всѣ «т» похожи на «ш», и отъ пожелтѣвшихъ листовъ которыхъ пахнетъ плѣсенью, засохшими цвѣтами, мышами и камфарой. Здѣсь были: и Эминъ, и Трехлистникъ, и Оракуль Соломона, и письмовникъ Курганова, и Иванъ Выжигинъ, и разрозненные томы Марлинскаго. Между книгами попадались письма и бумаги, большею частью дѣлового характера и совершенно неинтересныя. Только одна, довольно толстая пачка, обернутая въ сѣрую лавочную бумагу и тщательно обвязанная шнуркомъ, возбудила нѣкоторое любопытство моего пріятеля. Въ ней заключался дневникъ какого-то пѣхотнаго офицера Лашина и нѣсколько листовъ прекрасной, шершавой бристольской бумаги, украшенной цвѣтами ириса и исписанной мелкимъ женскимъ почеркомъ. Внизу листовъ стояла подпись: «Кэтъ», а на нѣкоторыхъ — просто одна буква «К». Не было никакого сомнѣ-

нія, что дневникъ Лапшина и письма Кэтъ писаны приблизительно въ одно и то же время и относятся къ однимъ и тѣмъ же событіямъ, происходившимъ лѣтъ за двадцать пять до нашихъ дней. Не зная, что сдѣлать со своей находкой, пріятель переслалъ мнѣ ее по почтѣ. Предлагая ее теперь вниманію читателей, я долженъ оговориться, что мое перо лишь слегка коснулось чужихъ строчекъ, исправивъ немного ихъ грамматику и уничтоживъ множество манерныхъ знаковъ въ родѣ кавычекъ, скобокъ.

I.

5 сентября. Скука, скука и еще разъ скука!.. Неужели вся моя жизнь пройдетъ такъ сѣро, одноцвѣтно, лѣниво, какъ она тянется до сихъ поръ? Утромъ занятія въ ротѣ:

— Ефименко, что такое часовой?

— Часовой — есть лицо неприкосновенное, ваше благородіе.

— Почему же онъ лицо неприкосновенное?

— Потому, что до его никто не сміе доторкнуться, ваше благородіе.

— Садись. Ткачукъ, что такое часовой?

— Часовой — есть лицо неприкосновенное, ваше благородіе.

И такъ безъ конца...

Потомъ обѣдъ въ собраніи. Водка, старые анекдоты, скучные разговоры о томъ, какъ трудно стало нынче попадать изъ капитановъ въ подполковники по линіи, длинные споры о второмъ приѣмѣ на изготовку и опять водка. Кому-нибудь попадается въ супѣ мозговая кость — это называется «оказіей», и подъ оказію пьютъ вдвое... Потомъ два часа свинцоваго сна и вечеромъ опять то же

неприкосновенное лицо и та же вѣчная «на-а-льба-ше-ренгою».

Сколько разъ начиналъ я этотъ самый дневникъ... Мнѣ почему-то всегда казалось, что должна же наконецъ судьба и въ мою будничную жизнь вплести какое-нибудь крупное, необычайное событіе, которое навѣки оставитъ въ моей душѣ неизгладимые слѣды. Можетъ-быть, это будетъ любовь? Я часто мечтаю о незнакомой мнѣ, таинственной и прекрасной женщинѣ, съ которой я долженъ встрѣтиться когда-нибудь и которая теперь такъ же, какъ и я, томится отъ тоски.

Развѣ я не имѣю права на счастье? Я не глупъ, умѣю держать себя въ обществѣ, даже, пожалуй, остроуменъ, если только не стѣсняюсь и не чувствую рядомъ съ собой соперника на томъ же поприщѣ. О наружности самому судить, конечно, трудно, но мнѣ кажется, что и собою я не совсѣмъ дурень, хотя, сознаюсь, бываютъ ненастные осеннія утра, когда мое собственное лицо кажется мнѣ въ зеркалѣ отвратительнымъ. Полковья дамы пахотъ во мнѣ что-то печоринское. Впрочемъ, послѣднее больше свидѣтельствуеть, во-первыхъ, о скудости полковыхъ библиотекъ и, во-вторыхъ, о томъ, что печоринскій типъ безсмертенъ въ армейской пѣхотѣ.

Въ смутномъ предчувствіи именно этой-то полосы жизни, я и начиналъ много разъ свой дневникъ, съ цѣлью заносить въ него каждую мелочь, чтобъ потомъ ее пережить, хотя и въ воспоминаніи, но возможно ярче и полнѣе... Однако дни проходили за днями, попережнему тягучіе и однообразные... Необыкновенное не наступало, и я, потерявъ всякую охоту къ ежедневной сухой лѣтописи полковыхъ событій, надолго забрасывалъ дневникъ за этажерку, а потомъ сжигалъ его вмѣстѣ съ другимъ бумажнымъ соромъ при переѣздѣ на новую квартиру.

7 сентября. Вот уже цѣлая недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ полкъ возвратился съ маневровъ. Наступилъ сезонъ вольныхъ работъ, и роты, одна за другой, уходятъ копать бураки у окрестныхъ помѣщиковъ; остались только наша да 11-я. Городъ точно вымеръ. Эта пыльная и душная жара, это дневное безмолвіе провинціального городка, нарушаемое только неистовымъ ораньемъ пѣтуховъ, — раздражаютъ и угнетаютъ меня...

Право, мнѣ жаль теперь кочевой жизни послѣднихъ маневровъ, которые подчасъ казались мнѣ такими невыносимо-тяжелыми! Какъ живо встаютъ въ моей головѣ незатѣйливыя картины походныхъ движеній, и какую скромную прелесть онѣ приобрѣтаютъ въ воспоминаніи! Вотъ и въ настоящую минуту я представляю себѣ: раннее утро... солнце еще не взошло. На холодномъ небѣ, глядящемъ сквозь дырявое полотнище старой двухскатной палатки, утреннія звѣзды едва мерцаютъ своимъ серебристымъ блескомъ... Бивуакъ ожилъ и закопошился... Слышится бѣготня, сдержанные сердитые голоса, лязгъ ружей, ржанье обозныхъ лошадей. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, выползаешь изъ-подъ мохнатого одѣяла, шерсть котораго сдѣлалась сверху совсѣмъ мокрой отъ ночной росы, выползаешь прямо на воздухъ, потому что въ низкой палаткѣ стоять нельзя, а можно только лежать или сидѣть. Денщикъ, только-что усердно раздувавшій своимъ сапогомъ жестяной самоваръ-научокъ (что ему, конечно, строжайше запрещено), кидается за водой и приноситъ ее прямо изъ ключевого ручья въ мѣдномъ походномъ котелкѣ. Раздѣвшись до пояса, умываешься на чистомъ воздухѣ и видишь, какъ отъ рукъ, отъ лица и отъ тѣла вьется тонкій розоватый парокъ... Кое-гдѣ, между палатками, офицеры устроили импровизированные костры изъ той самой соломы, на которой провели ночь, и разсѣлись вокругъ, ежась отъ холода и торопливо глотая

горячій чай. Еще нѣсколько минутъ — и палатки сняты: на томъ мѣстѣ, гдѣ только-что раскидывался «бѣлъ городъ полотняный», валяются лишь въ беспорядкѣ пучки соломы и куски бумаги... Гамъ встревоженнаго бивуака растетъ. Все поле кишить солдатскими фигурами въ бѣлыхъ рубахахъ, съ сѣрыми скатанными шинелями черезъ плечо. Сначала кажется, что въ этой сѣрой муравьиной суетѣ нѣтъ никакого порядка, но опытный взглядъ замѣтитъ, какъ изъ нея образуются мало-по-малу густыя кучки, и какъ постепенно каждая кучка развертывается въ длинный, правильный строй. Послѣдніе запоздавшіе люди торопливо бѣгутъ къ своимъ ротамъ, дожевывая на ходу кусокъ хлѣба и застегивая ремень съ патронными сумками. Еще минута — и роты, бряцнувъ одна за другой ружьями, сходятся на средину поля въ правильный огромный четырехугольникъ.

А потомъ утомительный тридцати-сорокаверстный переходъ. Солнце подымается все выше и выше. Къ восьми часамъ утра жара уже даетъ себя замѣтно чувствовать, солдаты начинаютъ скучать и поютъ неохотно, стройные ряды разрозниваются. Пыль съ каждой минутой становится гуще, она окутываетъ длиннымъ, желтымъ облакомъ всю колонну, медленно, на протяженіи цѣлой версты, извивающуюся вдоль дороги; она садится коричневымъ налетомъ на солдатскія рубахи и на солдатскія лица, на темномъ фонѣ которыхъ особенно ярко, точно у негровъ, блестятъ бѣлки и зубы. Въ густой запыленной колоннѣ трудно отличить солдата отъ офицера. Также на время какъ будто ослабѣваетъ между ними іерархическая разница, и тутъ-то поневолѣ знакомишься съ русскимъ солдатомъ, съ его мѣткимъ взглядомъ на всевозможныя явленія, — даже на такія сложныя, какъ корпусный маневръ — съ его практичностью, съ его умѣньемъ всюду и ко всему приспособляться, съ его хлесткимъ

образнымъ словомъ, приправленнымъ крупной солью, которую пропускаешь между ушей. Что бы и кто бы ни встрѣтился по дорогѣ: хохоль въ широкихъ бѣлыхъ шароварахъ, лѣнливо идущій рядомъ съ парой сивыхъ круторогихъ воловъ, придорожная корчма, еврейская «балагула», бархатное поле, распаханное подь озими, — все вызываетъ его пытливые вопросы и замѣчанія, дышащія то глубокимъ, почти философскимъ пониманіемъ простой обыденной жизни, то рѣзкимъ сарказмомъ, то неудержимымъ потокомъ веселья...

Начинаетъ темнѣть, когда полкъ подходитъ къ мѣсту ночлега. Видны уже кашевары около большихъ дымящихся ротныхъ котловъ, разставленныхъ въ полѣ, въ сторонѣ отъ дороги... Стой!.. Ружья въ козлы!.. Въ одинъ мигъ поле покрывается стройными рядами бѣлыхъ шалашиковъ... И вотъ, черезъ часъ или два, опять лежишь подь дырявымъ полотномъ, сквозь которое видны яркія мерцающія звѣзды на темномъ небѣ, и прислушиваешься, какъ утомняется постепенно сонный лагерь. И еще долго-долго слышатся откуда-то издали отдѣльные звуки, смягчаемые грустной тишиной вечера: то коснется до слуха однообразное пиликанье гармоники, то сердитый, безъ сомнѣнія, фельдфебельскій голосъ, то внезапно вырвавшееся звонкое ржаніе жеребенка... А сѣно, лежащее подь головой, примѣшиваетъ въ это время свой тонкій ароматъ къ рѣзкому, горьковатому запаху росистой травы.

8 сентября. Сегодня мой «ротный», Василій Акинѣевичъ спросилъ меня, не хочу ли я ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на осеннія работы.. Онъ заключилъ для роты очень выгодное условіе — чуть не по 2¹/₂ копейки за пудъ — съ управляющимъ господина Обольянинова. Работа будетъ заключаться въ копаніи бураковъ для мѣстнаго свекло-сахарнаго завода. Она неутомительна для солдатъ, и исполняютъ они ее очень охотно. Всѣ эти обстоятельства,

должно-быть, и привели ротнаго въ такое радужное настроеніе духа, что онъ не только предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ на работы; но даже, буде я соглашусь ѣхать, уступаетъ въ мою пользу полтора рубля изъ выговореннымъ имъ для себя суточныхъ денегъ. Другіе командиры ротъ никогда еще не проявляли по отношенію къ субалтернъ-офицерамъ такого великодушія.

Странное, вѣрнѣе сказать, смѣшанное у меня чувство къ Василию Акинѣевичу. На службѣ я его не терплю. Тутъ онъ проявляетъ злобную грубость и неумолимую мелочность. Во время ротнаго ученія онъ, не стѣсняясь солдатами, кричитъ на младшаго офицера: «Поручикъ, извольте держать равненіе! Идете, точно отецъ дьяконъ въ похоронной процессіи!» Если это и остроумно, то зато безжалостно и нетактично.

Съ солдатами Василий Акинѣевичъ изволить иногда расправляться собственной ручкой, но зато у него господа взводные даже и подумать не смѣютъ прибѣгнуть къ такой мѣрѣ исправленія. Солдаты его любятъ и, что всего важнѣе, вѣрятъ каждому его слову. Они всѣ хорошо знаютъ, что Василий Акинѣевичъ не только изъ ротнаго приварка копейки не тронетъ, но даже и собственныхъ рублей двадцать пять въ мѣсяць прибавить, что Василий Акинѣевичъ своего въ обиду не дастъ, а, наоборотъ, за него хоть съ самимъ полковымъ погрызется. Знаютъ все это, и я увѣренъ, что, въ случаѣ войны, всѣ до единого пойдутъ за Василиемъ Акинѣевичемъ, не колеблясь, хоть на самую очевидную смерть.

Очень мнѣ не нравится въ моемъ ротномъ его преувеличенная ненависть ко всему «благородному». Въ его умѣ со словомъ «благородство» связано понятіе о нелѣпомъ франтовствѣ, манерничаньи, полной неспособности къ службѣ, трусости, танцахъ и гвардіи. Даже самое слово «благородный» онъ произноситъ не иначе, какъ съ

оттѣнкомъ ядовитѣйшей насмѣшки и при томъ отчаянно-фатовскимъ тономъ, такъ что у него выходитъ нѣчто въ родѣ «бэгэрэдный». Впрочемъ, надо оговориться, что Василій Акинѣевичъ тянулъ служебную лямку съ солдатскихъ чиновъ. А въ ту эпоху, когда онъ только-что получилъ первый офицерскій чинъ, плохо приходилось бѣднымъ армейскимъ бурбонамъ отъ завитыхъ и напомаженныхъ армейскихъ моншеровъ.

Съ людьми онъ сходится туго, какъ и всякій закоренѣлый холостякъ, но, полюбивъ кого-нибудь, открываетъ ему, вмѣстѣ съ карманомъ, свою наивную, добрую и чистую душу. Но, даже и открывая душу, Василій Акинѣевичъ не перестаетъ ни на минуту сквернословить, — это тоже его дурная черта.

Меня онъ, кажется, по-своему, любитъ — я все-таки недурной фронтвикъ. Въ минуты денежнаго кризиса я свободно черпаю изъ его кошелька, и онъ никогда не торопитъ отдачей долга. Въ свободное отъ службы время онъ называетъ меня прапорщикомъ и прапоромъ. Этотъ развеселый армейскій чинъ давно уже отошелъ въ вѣчность, но старые служаки любятъ его употреблять въ ласкательно-игривомъ смыслѣ, въ память дней своей юности.

Мнѣ иногда бываетъ его жаль. Жаль хорошаго человека, у котораго вся жизнь ушла на изученіе тоненькой книжки устава и на мелочныя заботы объ антабкахъ и трынчикахъ. Жаль мнѣ бѣдности его мысли, никогда даже не интересовавшейся тѣмъ, что дѣлается за этимъ узенькимъ кругозоромъ. Жаль мнѣ его, однимъ словомъ, той жалостью, что невольно охватываетъ душу, если долго и пристально глядишь въ глаза очень умной собаки...

Я ловлю себя... А развѣ я-то самъ стремлюсь куда-нибудь? Развѣ такъ уже нетерпѣливо бьется моя плѣнная мысль?.. Нѣтъ, Василій Акинѣевичъ хоть что-ни-

будь да сдѣлалъ въ своей жизни, вонъ и два Георгія у него на груди, и на лбу шрамъ отъ черкесской шашки, и у солдатъ его такія толстыя и красныя морды, что смотрѣть весело... А я?..

Я сказалъ, что на работы поѣду съ удовольствіемъ. Можетъ-быть, это развлечетъ меня? Управляющій... у него жена, двѣ дочки, два-три сосѣднихъ помѣщика, можетъ-быть, маленькій романчикъ?..

Завтра выступаемъ.

11 сентября. Сегодня утромъ мы прибыли по желѣзной дорогѣ на станцію «Конскій Бродъ». Оказалось, что управляющій имѣнія, предупрежденный о нашемъ приѣздѣ телеграммой, выслалъ за Василиемъ Акинѣевичемъ и за мной коляску. Чортъ возьми, я еще никогда не ѣздилъ съ такимъ шикомъ! Четверня цугомъ породистыхъ, прекрасныхъ лошадей, резиновыя шины, коляска, серебряныя бляшки на сбруѣ, а на козлахъ здоровенный дѣтина, одѣтый не то казачкомъ, не то грумомъ: въ клеенчатомъ картузѣ и въ красномъ шарфѣ вмѣсто пояса. До Ольховатки версть восемь. Дорога чудная; съ обѣихъ сторонъ густыя пирамидальныя тополя. Навстрѣчу намъ то и дѣло попадались длинныя вереницы возовъ, нагруженныхъ до верху холщевыми мѣшками съ сахаромъ. По этому поводу Василий Акинѣевичъ сообщилъ мнѣ, что съ Ольховатскаго завода вывозится ежегодно около 100.000 пудовъ сахара. Цифра почтенная, въ особенности, если принять во вниманіе, что Обольяниновъ — единственный хозяинъ предпріятія.

Въ усадьбѣ насъ встрѣтилъ управляющій. Фамилія у него нѣмецкая — Бергеръ, но нѣмецкаго у него ничего нѣтъ ни въ акцентѣ ни въ наружности. Скорѣе всего, по-моему, онъ похожъ на того Фальстафа, котораго я видѣлъ гдѣ-то на выставкѣ, кажется, въ Петербургѣ, когда приѣзжалъ туда держать мой несчастный экзаменъ

въ академію генеральнаго штаба. Толстъ онъ необычайно, жиръ такъ и сквозитъ, такъ и лоснится у него на отвислыхъ щекахъ, покрытыхъ сѣтью мелкихъ красныхъ жилокъ; волосы на головѣ — короткіе, прямые, съ просѣдью, усы торчатъ воинственными щетками, короткая эспаньолка подъ нижней губой; глаза подъ густыми взъерошенными бровями, быстрые, лукавые и до смѣшного суженные опухлостью щекъ и скулъ; губы и, въ особенности, улыбка обличаютъ въ немъ сладострастнаго, веселаго, беззаастѣнливаго и очень наблюдательнаго человека. При этомъ онъ, должно-быть, глухъ, потому что въ разговорѣ отчаянно кричитъ.

Я думаю, Бергеръ намъ искренно обрадовался. Такимъ людямъ, какъ онъ, собесѣдникъ и собутыльникъ нужнѣе воздуха. Онъ ежеминутно подбѣгалъ то ко мнѣ; то къ капитану, обнималъ насъ за талію и все приговаривалъ: «Милости просимъ, господа, милости просимъ». Василию Акинѣевичу онъ, къ моему немалому удивленію, понравился. Мнѣ — тоже.

Бергеръ проводилъ насъ во флигель, гдѣ намъ приготовлены четыре комнаты, снабженныя всѣмъ нужнымъ и ненужнымъ съ такой щедрой заботливостью, какъ будто бы мы пріѣхали сюда не на мѣсяць, а, по крайней мѣрѣ, года на три. Капитанъ, повидимому, остался доволенъ этой внимательностью къ намъ со стороны хозяевъ. Только одинъ разъ, именно, когда Бергеръ, выдвинувъ ящикъ письменнаго стола, показалъ поставленную для насъ цѣлую коробку длинныхъ ароматныхъ сигаръ, Василій Акинѣевичъ пробурчалъ вполголоса:

— Ну, ужъ это лишнее... это ужъ бэгэрэдство и всякая такая вещь. (Я и забылъ упомянуть объ его привычкѣ прибавлять чуть ли не къ каждому слову: «и всякая такая вещь». Вообще онъ не изъ краснорѣчивыхъ капитановъ):

Вводя насъ, такъ сказать, во владѣніе, Бергеръ очень много суетился и кричалъ. Мы его усиленно благодарили. Наконецъ онъ, повидимому, усталъ и, обтирая лицо огромнымъ краснымъ платкомъ, спросилъ: не нужно ли намъ еще чего-нибудь? Мы, конечно, поспѣшили его увѣрить, что намъ и такъ всего болѣе чѣмъ достаточно. Уходя, Бергеръ сказалъ:

— Сейчасъ я вамъ пришлю казачка для услугъ. Чай, завтракъ, обѣдъ и ужинъ вы соблаговолите заказывать для себя сами, по своему желанію. Каждый вечеръ къ вамъ будетъ для этой цѣли приходить буфетчикъ. Нашъ погребъ тоже къ вашимъ услугамъ.

Цѣлый день мы провели въ томъ, что размѣщали въ пустыхъ сараяхъ солдатъ съ ихъ ружьями и амуницией. Вечеромъ казачокъ принесъ намъ холодной телятины, жареныхъ дупелей, какой-то фисташковый тортъ и нѣсколько бутылокъ краснаго вина. Едва мы сѣли за столъ, какъ явился Бергеръ.

— Кушаете? Ну и прекрасно, — сказалъ онъ. — А я вотъ притащилъ бутылочку стараго венгерскаго. Еще мой покойный фатеръ воспитывалъ его лѣтъ двадцать въ своемъ собственномъ имѣніи... У насъ подъ Гайсиномъ собственное имѣніе было... Вы не думайте, пожалуйста: мы, Бергеры, прямые потомки тевтонскихъ рыцарей. Собственно у меня есть даже права на баронскій титулъ, но... къ чему?... Дворянскіе гербы любятъ позолоту, а на нашемъ она давно стерлась. Милости прошу, господа защитники престола и отечества!

Однако, судя по тому, съ какими мѣрами боязливой предосторожности онъ извлекалъ заплѣсневѣлую бутылку изъ бокового кармана каламянковаго пиджака, я скорѣе склоненъ думать, что старое венгерское воспитывалось въ хозяйскихъ погребахъ, а не въ собственномъ имѣніи подъ Гайсиномъ. Вино — дѣйствительно великолѣпное.

Правда, оно совершенно парализуетъ ноги, лишаетъ жесты ихъ обычной выразительности и дѣлаетъ неповоротливымъ языкъ, но голова остается все время ясной, а духъ — веселымъ.

Бергеръ рассказываетъ смѣшно и живо. Онъ весь вечеръ болталъ о доходахъ помѣщика, о роскоши его петербургской жизни, о его оранжереѣ и конюшняхъ, о жалованьи, которое онъ платитъ служащимъ. Самого себя Бергеръ сначала отрекомендовалъ главноуправляющимъ всѣми дѣлами. Но черезъ полчаса онъ проболтался: оказалось, что въ числѣ управляющихъ имѣніями и служащихъ при заводѣ Фальстафъ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Онъ всего-навсего лишь смотритель Ольховатской усадьбы, попросту — экономъ, и получаетъ 900 рублей въ годъ на всемъ готовомъ, кромѣ платья.

— И куда столько добра одному человѣку! — воскликнулъ наивно капитанъ, видимо пораженный тѣми колоссальными цифрами нашихъ доходовъ и нашихъ расходовъ, которыми такъ щедро сыпалъ Фальстафъ.

Фальстафъ сдѣлалъ лукавое лицо.

— Все единственной дочкѣ пойдетъ. Ну-ка, вотъ вы, молодой человѣкъ, — онъ игриво ткнулъ меня большимъ пальцемъ въ бокъ: — ну-ка, возьмите да женитесь... Тогда и меня, старика, не забудете...

Я спросилъ съ небрежнымъ видомъ человѣка, видавшего виды:

— И хорошенькая?

Фальстафъ такъ и побагровѣлъ отъ хохота.

— Ага! Забираетъ? Прекрасно, воинъ, прекрасно... Атака съ мѣста въ карьеръ. Тра-тамъ-та-та-та. Люблю, когда по-военному. — Потомъ онъ вдругъ, точно отъ нажима пружинки, сразу пересталъ смѣяться и прибавилъ:

— Какъ вамъ сказать?... На чей вкусъ... Ужъ очень она того... субтильна. Жидка больно...

— Бэгэрэдство! — вставилъ капитанъ, скрививъ ротъ.

— Этого сколько угодно. Гордая. Сосѣдей знать не хочетъ. У! Бѣдовая. Прислуга ея пуще огня боится... И вѣдь нѣтъ того, чтобы крикнула на кого или побранила бы. И — никогда! Принесите то-то. Сдѣлайте то-то... Ступайте... И все это такъ холодно, не шевеля губами!

— Бэгэрэдство! — сказалъ капитанъ и презрительно шмыгнулъ носомъ.

Такъ мы просидѣли часовъ до 11-ти.

Подъ конецъ Фальстафъ совсѣмъ раскисъ и заснулъ, сидя на стулѣ, съ легкимъ храпомъ и съ блаженной улыбкой вокругъ глазъ. Мы его съ трудомъ разбудили, и онъ отправился домой, почтительно поддерживаемый нашимъ казачкомъ подъ локоть. Я забылъ написать, что онъ холостъ. Это, по правдѣ сказать, сильно разстраиваетъ мои планы.

Странное дѣло: какъ ужасно долго тянется день на новомъ мѣстѣ, и какъ въ то же время мало остается отъ него въ головѣ впечатлѣній. Вотъ я пишу теперь эти строки, и мнѣ кажется, что я уже давнымъ-давно, по крайней мѣрѣ, мѣсяца два живу въ Ольховаткѣ, и что моя уставшая память никакъ не можетъ зацѣпиться ни за одно событіе.

12 сентября. Сегодня я осмотрѣлъ почти всю Ольховатскую экономію... Барскій домъ, или, какъ здѣсь говорятъ крестьяне, палацъ, — одноэтажный, каменный, длинный, съ зеркальными стеклами въ окнахъ, съ балкономъ и съ двумя львами на подъѣздѣ. Вчера онъ мнѣ показался не такимъ большимъ, какъ сегодня. Передъ домомъ разбиты клумбы; дорожки между ними посыпаны краснымъ пескомъ; посрединѣ фонтанъ и блестящіе шары на тумбахъ, вокругъ — легкій заборъ изъ проволочной колючей рѣшетки. За домомъ — флигель, службы, скотный и птичій дворы, конный заводъ, хлѣбныя амбары,

оранжереи и, наконецъ густой, тѣнистый, раскинувшійся на трехъ-четырехъ десятинахъ садъ съ ручейками, гротами, висячими граціозными мостиками и съ озеромъ, по которому плаваютъ лебеди.

Я впервые въ моей жизни живу такъ близко, бокъ-о-бокъ, съ людьми, тратящими на себя въ годъ десятки, можетъ-быть, даже сотни тысячъ, съ людьми, почти не знающими, что значитъ «не мочь» чего-нибудь. Блуждая безъ всякой цѣли по саду, я никакъ не могъ оторвать мыслей отъ этого непонятнаго, чуждаго мнѣ и въ то же время такого привлекательнаго существованія. Что это за люди? Такъ ли они думаютъ и чувствуютъ, какъ и мы? Чувствуютъ ли они преимущество своего положенія? Приходятъ ли имъ въ голову тѣ будничныя мелочи, которыя гнетутъ нашу жизнь, знаютъ ли они о томъ, что мы испытываемъ, соприкасаясь съ ихъ высшимъ міромъ? Я склоненъ думать, что они все-таки ни о чемъ этомъ не думаютъ и никакихъ пытливыхъ вопросовъ себѣ не задаютъ, и сѣрое однообразіе нашей жизни имъ кажется такимъ же неинтереснымъ, такимъ же естественнымъ и такимъ же для насъ привычнымъ и незамѣтнымъ, какимъ кажется мнѣ міровоззрѣніе хотя бы моего денщика Пархоменки. Это все, конечно, въ порядкѣ вещей, но моя гордость почему-то бунтуется. Меня возмущаетъ сознаніе, что въ обществѣ этихъ людей, отшлифованныхъ и вылощенныхъ вѣковой привычкой къ роскоши и утонченному этикету, «я», именно «я», а не кто другой, буду смѣшонъ, дикъ, даже непріятенъ моей манерой ѣсть и жестикулировать, моими выраженіями и наружностью, можетъ-быть, вкусами и знакомствами... Однимъ словомъ, во мнѣ ропщетъ человѣкъ, созданный по образу и по подобію Божію, но — или потерявшій то и другое съ теченіемъ времени, или обокраденный кѣмъ-то...

...Воображаю, какъ фыркнеть бы мой Василій Акинѳевичъ, если бы я ему прочиталъ вслухъ эти размышленія!

13 сентября. Хотя сегодня и роковое число — чортова дюжина, но день выдался очень интересный.

Я опять бродилъ сегодня по саду. Не помню, гдѣ я вычиталъ сравненіе осенней природы съ той изумительной неожиданной прелестью, какую иногда пріобрѣтаютъ лица молодыхъ женщинъ, обреченныхъ на вѣрную и скорую смерть отъ чахотки. Нынче это странное сравненіе не выходитъ у меня изъ головы...

Въ воздухѣ разлитъ крѣпкій и нѣжный, похожій на запахъ хорошаго вина, ароматъ увядающихъ кленовъ. Подъ ногами шуршатъ желтые, мертвые листья, покрывающіе густымъ слоемъ дорожку. Деревья убрались пестро и ярко, точно для предсмертнаго пира. Еще оставшіяся кое-гдѣ мѣстами зеленыя вѣтки причудливо перемѣшаны съ осенними тонами, то свѣтло-лимонными, то палевыми, то оранжевыми, то розовыми и кровавыми, переходящими изрѣдка въ цвѣта лиловый и пурпурный. Небо густое, холодное, но его безоблачная синева пріятно ласкаетъ взоръ. И во всемъ этомъ яркомъ праздникѣ смерти чувствуется безотчетная томная грусть, отъ которой сердце сжимается медленной и сладкой болью.

Я шелъ вдоль длинной аллеи акацій, сплетающихся надъ головой сплошнымъ полутемнымъ сводомъ. Вдругъ до моего слуха коснулся женскій голосъ, говорившій что-то съ большимъ оживленіемъ и смѣхомъ. На скамейкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ густая стѣна акацій образовывала что-то въ родѣ ниши, сидѣли двѣ дѣвушки. (Я такъ сразу и подумалъ, что это дѣвушки. Потомъ мое предположеніе сразу оправдалось). Ихъ лицъ я не успѣлъ хорошенько рассмотреть, но замѣтилъ, что у старшей, брюнетки, задорный, сочный типъ малороссіянки, а младшая выглядываетъ подросткомъ, на головѣ у нея небрежно наки-

нуть бѣлый шелковый платокъ, надвинутый угломъ на лобъ и потому скрывающій волосы и всю верхнюю часть лица. Но мнѣ все-таки удалось увидѣть ея смѣющіяся розовыя губы и веселое сверканіе бѣлыхъ зубовъ въ то время, когда, не замѣчая моего приближенія, она продолжала рассказывать на англійскомъ языкѣ что-то, вѣроятно, очень забавное своей сосѣдкѣ.

Нѣкоторое время я колебался: итти ли мнѣ дальше или вернуться? И если итти, то кланяться имъ, или нѣтъ? Мною опять овладѣли вчерашнія сомнѣнія плебейской души. Съ одной стороны, думалъ я, эти дѣвушки, если не здѣшнія хозяйки, то навѣрное — гости, я въ нѣкоторомъ родѣ тоже гость и потому съ ними равноправенъ... Но, съ другой стороны, позволяетъ ли Германъ Гоппе въ своихъ правилахъ свѣтскаго такта кланяться незнакомымъ дамамъ? Не покажется ли барышнямъ мой поклонъ смѣшнымъ, или, что еще хуже, не сочтутъ ли онѣ его за знакъ подчиненности служащаго, «наемнаго человѣка»? И то и другое представлялось мнѣ одинаково ужаснымъ.

Однако, размышляя такимъ образомъ, я продолжалъ подвигаться впередъ. Брюнетка первая услышала шумъ сухихъ листьевъ подъ моими ногами и что-то быстро шепнула барышнѣ въ шелковомъ платьѣ, указывая на меня глазами.

Поровнявшись съ ними, но не глядя на нихъ, я прикоснулся пальцами къ фуражкѣ и не увидѣлъ, а скорѣе почувствовалъ, что обѣ онѣ медленно и едва замѣтно наклонили головы. Онѣ слѣдили за мной, когда я удалялся: это я узналъ по той сковывавшей движенія неловкости, которую я всегда испытываю отъ устремленныхъ на меня сзади пристальныхъ взглядовъ. На самомъ концѣ аллеи я обернулся. Въ ту же секунду, какъ это часто бываетъ, обернулась въ мою сторону и ба-

рышня въ бѣломъ платкѣ. До меня донеслось какое-то англійское восклицаніе и звонкій смѣхъ. Я покраснѣлъ. И восклицаніе и смѣхъ относились несомнѣнно къ моей особѣ.

Вечеромъ опять приходилъ Фальстафъ, на этотъ разъ съ какимъ-то изумительнымъ коньякомъ, и опять рассказывалъ что-то невѣроятное о своихъ предкахъ, участвовавшихъ въ крестовыхъ походахъ. Я его спросилъ какъ будто бы нечаянно:

— Вы не знаете, кто эти двѣ барышни, которыхъ я встрѣтилъ сегодня въ саду? Одна брюнетка, такая свѣженькая, а другая, почти дѣвочка, въ свѣтло-сѣромъ платьѣ?

Онъ широко улыбнулся, отъ чего все лицо его сморщилось, а глаза совершенно исчезли, и лукаво погрозилъ мнѣ пальцемъ:

— Ага! Попался на удочку, сынъ Марса! Ну, ну, ну, не сердись... не буду, не буду... А все-таки интересно?.. А?.. Ну, ужъ, такъ и быть, удовлетворю ваше любопытство. Которая помоложе — это молодая барышня, Катерина Андреевна, вотъ, чтò я вамъ говорилъ, наследница-то... Только какая же она дѣвочка? Развѣ что на видъ такая щупленькая, а ей добрыхъ лѣтъ 20 будетъ...

— Неужели?

— Да-а! Если еще не больше... У! Это такой бѣсенокъ... Вотъ брюнеточка — такъ она въ моемъ вкусѣ... этакая сдобненькая, — Фальстафъ плотоядно причмокнулъ губами: — люблю такихъ пышечекъ. Ее звать Лидіей Ивановной... Простая такая, добрая дѣвушка, и замужъ ей страсть какъ хочется выскочить... Она Оболяниновымъ какой-то дальней родственницей приходится, по матери, но бѣдная, — вотъ и гостить теперь на линіи подруги... А впрочемъ, ну ихъ всѣхъ въ болото! — заключилъ онъ неожиданно и махнулъ рукой. — Дайте коньякъ пить

Съ послѣднимъ доводомъ я не могъ внутренно не согласиться. Что мнѣ за дѣло до этихъ дѣвушекъ, съ которыми я сегодня увидѣлся, а завтра мы разойдемся въ разныя стороны, чтобы никогда даже не услышать другъ о другѣ?

Поздно ночью, по уходѣ Фальстафа (казачокъ опять почтительно поддерживалъ его за талию), когда я уже былъ въ постели, Василій Акиноіевичъ пришелъ ко мнѣ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ туфляхъ на босу ногу и со свѣчой въ рукѣ.

— А ну-ка, объясните мнѣ, умный человекъ, одну штуку, — сказалъ онъ, зѣвая и почесывая волосатую грудь. — Вотъ насъ и кормятъ здѣсь всякими деликатесами, и винищемъ этимъ самымъ поятъ, и казачка приставили, и сигары, и всякая такая вещь... А къ столу, къ своему-то, насъ вѣдь не приглашаютъ... Отчего бы это? Разрѣшите-ка...

И, не дожидаясь моего отвѣта, онъ продолжалъ язвительнымъ тономъ:

— Оттого, батенька вы мой, что всѣ эти бѣгэрэдные люди и всякая такая вещь... претонкіе дипломаты... Да-съ... У нихъ какая манера? Я ихняго брата хорошо изучилъ, шатаясь по вольнымъ работамъ.. Онъ и любезенъ съ тобой и обѣдъ тебѣ сервируетъ (справедливость требуетъ сказать, что капитанъ выговорилъ: «сервируетъ»), и сигарка, и всякая такая вещь... а ты все-таки чувствуешь, что онъ тебя разсматриваетъ, какъ червяка изменнаго... И замѣтьте, поручикъ, это только настоящіе, большіе «алистократы» (здѣсь онъ уже умышленно, для ироніи, исковеркалъ слово) такое обращеніе съ нашимъ братомъ имѣютъ. А какой поплосе да посомнительнѣе, тотъ больше форсить и ломается: сейчасъ стеклышко въ глазъ, губы распустить и думаетъ, что птица... Ну, а у настоящихъ — первое дѣло

простота... Потому что имъ и ломаться нечего; когда у нихъ въ крови презрѣніе живетъ къ нашему брату... И выходитъ очень естественно и прелестно; и всякая такая вещь...

Окончивъ эту обличительную рѣчь, Василій Акиноіевичъ повернулся ко мнѣ спиной и ушелъ въ свою комнату.

Что жъ? Вѣдь онъ, по-своему, пожалуй, и правъ. Но я все-таки нахожу, что хохотать вслѣдъ незнакомому человеку — какъ будто бы немножко нетактично.

14 сентября. Сегодня я опять встрѣтилъ ихъ обѣихъ и опять — въ саду. Онѣ шли обнявшись. Маленькая положила голову на плечо подруги и что-то напѣвала съ полузакрытыми глазами. При видѣ ихъ у меня тотчасъ мелькнула мысль, что мои случайныя прогулки могутъ быть истолкованы въ дурную сторону. Я быстро свернулъ по первой боковой дорожкѣ. Не знаю, замѣтили меня барышни, или нѣтъ, но очевидно, что мнѣ надо для прогулокъ выбрать другое время, иначе я рискую показаться назойливымъ армейскимъ кавалеромъ.

15 сентября. Вечеромъ Лидія Ивановна уѣхала на станцію. Должно-быть, въ Ольховатку она больше уже не вернется, потому, во-первыхъ, что слѣдомъ за ней повезли изрядное количество багажа, а во-вторыхъ — она хозяйская барышня очень ужъ долго и трогательно прощались передъ разставаньемъ. Кстати, при этомъ случаѣ я впервые увидѣлъ изъ своего окна самого Андрея Александровича и его жену. Онъ — совсѣмъ молодчина: стройный, широкоплечій, съ осанкой стараго гусара; съдые волосы на головѣ острижены подъ гребенку, подбородокъ — бритый, усы — длинные, пушистые и серебряные, а глаза — точно у ястреба, только голубого цвѣта, а то такіе же круглые, впалые, неподвижные и холодные. Жена производитъ впечатлѣніе запуганной и скромной особы: она держитъ голову немного набокъ, и съ

губъ ея не сходить не то виноватая, не то жалостливая улыбка. Лицо желтое и доброе. Вѣроятно, она въ молодости была очень красива, но зато теперь кажется гораздо старше своихъ лѣтъ. На балконѣ также появилась какая-то сгорбленная старушенція въ черной наколкѣ и зеленыхъ букляхъ, — вышла, опираясь на палку и еле волоча за собою ноги, хотѣла, кажется, что-то сказать, но закашлялась, замахала съ отчаяннымъ видомъ палкой и опять скрылась.

16 сентября. Василій Акинѣевичъ просилъ меня присмотрѣть за работами до тѣхъ поръ, пока онъ не оправится отъ внезапныхъ припадковъ своего балканскаго ревматизма. — «Въ особенности, — говорилъ онъ: — наблюдайте внимательно за приѣмкой бураковъ, потому что солдаты и такъ ужъ жалуются, что у здѣшнихъ десятниковъ берковцы черезчуръ полные. Я, по правдѣ говоря, побаиваюсь, какъ бы въ концѣ концовъ не вышло между тѣми и другими какого-нибудь крупнаго недоразумѣнія».

Солдаты работали по-трое. Они уже практическимъ путемъ выработали такую сноровку. Одинъ копачомъ выковыриваетъ бураки изъ почвы, двое ножами обрѣзаютъ ихъ и обчищаютъ отъ земли. Тройки эти состояются обыкновенно изъ работниковъ равной силы и ловкости, плохого нѣтъ расчета принимать — только другимъ будетъ помѣхой.

Читалъ я, — не помню гдѣ, кажется, что въ «Развѣдчикѣ», — соображенія какого-то досужаго мыслителя, будто отъ вольныхъ работъ нѣтъ никакой пользы: только одежда рвется, да солдатъ распускается... И вовсе это не правда... Нигдѣ нѣтъ такого довѣрчиваго, почти родственнаго согласія между начальникомъ и солдатомъ, какъ на вольныхъ работахъ. И ужъ если согласиться съ тѣмъ, что и нижнему чину нужны каникулы среди

его тяжелой военной науки, то вѣдь лучшаго отдыха для него, какъ любимый полевой трудъ, не сыскать. Только надо, чтобы всѣ заработанныя деньги шли солдату безъ всякихъ посредниковъ... Гдѣ у человѣка чешется, онъ самъ объ этомъ знаетъ.

А работаютъ наши прекрасно: нанятымъ крестьянамъ и вполонину за ними не угнаться. Только Замошниковъ, по обыкновенію, ничего не дѣлаетъ. Замошниковъ — это любимецъ и баловень всей роты, начиная отъ капитана и кончая послѣднимъ рядовымъ — Никифоромъ Спасобомъ (этотъ Спасобъ — со своей хромою ногою и бѣльмомъ на правомъ глазу — уже четвертый годъ представляетъ собою ходячее и вопіющее недоразумѣніе военной службы). Правда, Замошниковъ за всю свою службу никакъ не могъ выучить по азбукѣ Гребенюка гласныхъ буквъ, а въ «словесности» проявляетъ рѣдкую, исключительную тупость, но такого лихого запѣвалы, мастера на всѣ руки, сказочника и балагура не сыщется во всемъ полку... Онъ, повидимому, хорошо сознаетъ свою роль и смотритъ на нее, какъ на нѣкотораго рода служебную обязанность. На походѣ онъ поетъ безъ передышки, и его хлесткія, забористыя слова часто заставляютъ приставшихъ солдатъ сочувственно гоготать и нравственно встряхиваться. Василій Акиноіевичъ хотя и держитъ Замошникова чаще, чѣмъ другихъ, подъ ружьемъ, за что тотъ вовсе не въ претензіи, но признавался мнѣ какъ-то, что такой затѣйщикъ въ военное время, да при трудныхъ обстоятельствахъ — чистая драгоценность.

Однако Замошниковъ вовсе не плоскій шутъ и не лодырь, и за это-то я его особенно люблю. Просто жизнь въ немъ кипитъ неудержимымъ ключомъ и не даетъ ему ни минуты посидѣть спокойно на мѣстѣ.

Вотъ и нынче: пробираясь отъ партіи къ партіи и

дойдя наконецъ до бабьяго участка, онъ затѣялъ съ хохлушками длинный разговоръ, благодаря которому ближніе солдаты побросали работу и катаются отъ хохота по землѣ. Я еще издали слышу, какъ онъ подражаетъ то пискливой и стремительной бабьей ругани, то лѣнивому говору стараго хохла... Увидѣвъ меня, онъ дѣлаетъ озабоченное лицо, шарить по землѣ и спрашиваетъ: «ну, а кто изъ васъ, землячки, загубилъ моего копача?» Я кричу на него, стараюсь принять строгій видъ. Онъ вытягивается въ струнку, держась, какъ и всегда предъ начальствомъ, съ граціозной молодцоватостью, но въ его добрыхъ голубыхъ глазахъ еще дрожитъ огонекъ недавняго смѣшливаго задора...

17 сентября. Наше знакомство состоялось, но состоялось при самыхъ исключительно-комическихъ условіяхъ. Что скрывать предъ собой — я втайнѣ очень желалъ этого знакомства, но если бъ я могъ предчувствовать, что оно произойдетъ такъ, какъ оно сегодня произошло, я бы отъ него отказался.

Мѣстомъ дѣйствія опять-таки былъ садъ. Я уже писалъ, что тамъ есть озеро съ круглымъ островкомъ по срединѣ, заросшимъ густымъ кустарникомъ. На ближнемъ къ дому берегу построена небольшая каменная пристань, а около нея привязана на цѣпи длинная плоскодонная лодка.

Въ этой-то лодкѣ и сидѣла Катерина Андреевна, когда я проходилъ мимо. Держась обѣими руками за борта и перегибаясь тѣломъ то на одну, то на другую сторону, она старалась раскачать и сдвинуть съ мѣста тяжелую лодку, глубоко всосавшуюся въ илистое дно. На ней былъ матросскій костюмъ съ широкимъ вырѣзомъ на груди, позволявшимъ видѣть бѣлую, тонкую шею и худенькія ключицы, рѣзко выступавшія отъ мускульнаго напряженія, и тоненькую золотую цѣпочку, прятаннуюся

подъ платьемъ... Но я взглянулъ только мимоходомъ и, сдѣлавъ полупоклонъ, съ прежнимъ скромнымъ достоинствомъ отвернулся. Въ это время женскій голосъ, свѣжій и веселый, вдругъ крикнулъ:

— Пожалуйста, будьте такъ добры!

Я сначала подумалъ, что это восклицаніе относится къ кому-нибудь другому, идущему сзади меня, и даже невольно обернулся назадъ... Но она смотрѣла именно на меня, улыбалась и энергично кивала мнѣ головой.

— Да, да, да... вы, вы. Будьте такъ добры, помогите мнѣ чуть-чуть сдвинуть эту противную лодку. У меня одной не хватаетъ силъ.

Я отвѣшиваю самый галантный поклонъ, нагнувъ впередъ туловище и слегка приподнявъ назадъ лѣвую ногу, стремительно сбѣгаю къ водѣ и дѣлаю вторичный, такой же свѣтскій поклонъ. Воображаю, хорошъ я былъ! Барышня стоитъ въ лодкѣ, продолжаетъ смѣяться и говорить:

— Столкните ее немножко... Потомъ ужъ я сама справлюсь.

Я берусь обѣими руками за носъ лодки, широко разставляю для устойчивости ноги и предупреждаю съ изысканной вѣжливостью:

— Потрудитесь присѣсть, mademoiselle... Толчокъ можетъ выйти очень сильнымъ.

Она садится и глядитъ на меня въ упоръ смѣющимися глазами и говорить:

— Право, мнѣ такъ совѣстно; что я злоупотребляю вашей добротой...

— О, это такіе пустяки; mademoiselle!..

Ея вниманіе придаетъ моимъ движеніямъ увѣренную грацію. Я — хорошій гимнастъ и отъ природы обладаю достаточной физической силой. Но лодка не двигается, несмотря на всѣ мои старанія...

— Лучше не трудитесь, — слышу я нѣжный голосокъ. — Это, должно-быть, слишкомъ тяжело... и можетъ повредить вамъ... Право, мнѣ такъ...

Неоконченная фраза виснетъ въ пространствѣ... Сомнѣніе въ моихъ силахъ удесяттеряетъ ихъ... Мощное усиленіе — толчокъ — бухъ!.. Лодка летитъ, какъ стрѣлка, и я, по всѣмъ законамъ равновѣсія, шлепаюсь ничкомъ въ тину.

Когда я встаю, то чувствую, что у меня и лицо, и руки, и бѣлоснѣжный китель, только-что надѣтый въ это утро, — все покрыто сплошнымъ слоемъ коричневой, вязкой и вонючей грязи. Въ то же время я вижу, что лодка быстро скользитъ по самой серединѣ озера, и что со дна ея поднимается упавшая во время толчка со скамейки дѣвица... Первый предметъ, кидающійся ей въ глаза, — я. Неистовый хохотъ оглашаетъ весь садъ и сто разъ повторяется въ чащѣ деревьевъ... Я вынимаю платокъ и сконфуженно вожу имъ сначала по кителю, потомъ по лицу... Но въ-время соображаю, что отъ этого только сильнѣй размазывается грязь, и моя фигура пріобрѣтаетъ еще болѣе жалкій видъ. Тогда я дѣлаю геройскую попытку: самому расхохотаться надъ комичностью своего положенія... и потому испускаю какое-то идиотское ржанье. Катерина Андреевна пуще прежняго заливается смѣхомъ и едва можетъ выговорить:

— Уходите... уходите скорѣй... вы... схватите простуду...

Я кидаюсь, сломя голову, прочь отъ этого проклятаго мѣста, но всю дорогу, до самаго дома, въ моихъ ушахъ звенитъ беспощадный, несмолкаемый хохотъ...

Капитанъ, увидѣвъ меня, только руками развелъ.

— Хоро-ошъ! Нечего сказать!.. Гдѣ это васъ угораздило?

Я ему ничего не отвѣтилъ, захлопнулъ дверь своей комнаты и съ озлобленіемъ поворотилъ два раза ключъ...

Увы! Теперь все и навѣки потеряно...

Р. S. Хороша она или дурна собой?.. Я такъ былъ погруженъ въ свое геройство (казнись, казнись, несчастный!), что даже не успѣлъ путемъ взглядѣться въ нее... А впрочемъ, не все ли равно?

Завтра во что бы то ни стало ѣду въ полкъ, хотя бы для этого пришлось притвориться больнымъ... Здѣсь я своего позора не переживу.

Кэ т ь — Л и д и и.

18 с е н т я б р я. «Ольховатка.

«Милая и дорогая моя Лида!

«Поздравь меня скорѣй. Ледъ тронулся... Тайнственный незнакомецъ, оказывается, — самый любезный въ мірѣ *chevalier sans peur et sans réproche*. Честь этого открытія принадлежитъ мнѣ, потому что ты, гадкая, уѣхала, и некому меня удерживать отъ моихъ глупостей, которыхъ я успѣла надѣлать безъ тебя цѣлую тысячу.

«Раньше всего признаюсь тебѣ, что я устроила вчера на тайнственного незнакомца облаву. Я сѣла въ лодку и, когда онъ проходилъ мимо, попросила его оттолкнуть меня отъ берега. О, я отлично знаю, что ты удержала бы меня отъ такой выходки! Надо было видѣть поспѣшность, съ которой тайнственный незнакомецъ бросился исполнять мою просьбу... Но — бѣдный — онъ не рассчиталъ своихъ силъ, упалъ въ воду и весь перепачкался въ грязи... У него былъ самый плачевный и рѣзко то же время самый смѣшной видъ, какой только можно себѣ вообразить: шапка свалилась на землю, волосы упали на лобъ, и съ нихъ текла ручьями грязь, руки съ растопыренными пальцами точно окаменѣли... Я тотчасъ же подумала: «Не надо смѣяться... Онъ обидится». Ужъ лучше бы мнѣ не думать этого!.. Я принялась хохотать, хохотать, хохотать... Я хохотала до истерики... Напрасно я кусала себѣ до крови губы и щипала себя больно за

руку. Ничто не помогло... Переконфуженный офицеръ обратился въ бѣгство... Это съ его стороны было очень неостроумно, потому что я забыла на берегу весла. Пришлось до тѣхъ поръ носиться по волнамъ разъяренной стихіи, пока вѣтромъ не прибило мой утлый челнъ въ камышъ. Тамъ, хватаясь попеременно обѣими руками за стебли и подтягивая такимъ образомъ лодку, мнѣ удалось кое-какъ добраться до берега... Однако, выскакивая изъ лодки, я все-таки умудрилась промочить ноги и платье чуть-не до колѣнъ.

«Знаешь ли, онъ мнѣ очень нравится, и какое-то странное предчувствіе говорило мнѣ, что между нами завяжется интересный флиртъ, *un amour inachevé* — какъ говоритъ Прево... Въ немъ есть что-то мужественное, крѣпкое и въ то же время нѣжное. Надъ такимъ человекомъ пріятно властвовать. Кромѣ того, онъ, должно-быть, очень скромный, то-есть не болтливъ, кажется, не глупъ, а главное — въ его фигурѣ и движеніяхъ чувствуется прочное здоровье и большая физическая сила. Когда онъ такъ неудачно хлопоталъ около лодки, мною овладѣла дикая, но очень соблазнительная мысль: мнѣ страшно хотѣлось, чтобы онъ взялъ меня на руки и быстро-быстро несъ по саду... Это вѣдь не составило бы для него большого труда, милая моя Лидочка?..»

«Какая разница между нимъ и примелькавшимися нѣтербургскими танцорами и спортсменами, въ которыхъ всегда чувствуешь что-то поношенное, что-то привычно и непріятно-безстыдное. Мой офицеръ свѣжъ, какъ здоровое яблоко, сложенъ, какъ гладіаторъ, при томъ стыдливъ и, мнѣ кажется, страстенъ...»

«Завтра или послѣзавтра я буду дѣлать ему авансы (кажется, по-русски такъ выражаются?). Прошу тебя, Лидочка, исправлять безъ замѣчанія мои галлицизмы, какъ ты мнѣ сама обѣщала... Право, мнѣ стыдно, что...

я дѣлаю ошибки въ своемъ родномъ языкѣ. Что онъ такъ великолѣпно упалъ въ озеро — ничего не значитъ. Никто, кромѣ меня, не былъ свидѣтелемъ этого трагическаго происшествія... Дѣло другого рода, если бы онъ былъ такъ неловокъ передъ глазами большого общества. О, тогда я непременно стыдилась бы его... Это, должно-быть, такая наша, специально-женская психологія.

«Прощай, мой славный Лидочекъ. Цѣлую тебя.

«Твоя Катя».

19 сентября. Все въ мірѣ проходитъ — боль, горе, любовь, стыдъ — и это, въ сущности, чрезвычайно мудрый законъ. Третьяго-дня я была увѣрена, что если бы передъ моимъ отъѣздомъ я столкнулась гдѣ-нибудь нечаянно съ Катериной Андреевной, то я непременно умеръ бы отъ стыда. А между тѣмъ я не только не уѣхалъ изъ Ольховатки, но даже успѣлъ заключить дружбу съ этимъ очаровательнымъ существомъ. Да, да, именно дружбу. Она сегодня сама подъ конецъ нашей длинной и очень задушевной бесѣды сказала слово въ слово слѣдующую фразу: «Итакъ, ты и Майшинъ, будете друзьями, и пусть никто изъ насъ не вспоминаетъ болѣе объ этой несчастной исторіи». Конечно, подъ несчастной исторіей подразумѣвалось мое приключеніе съ лодкой.

Теперь я знаю ея наружность до самыхъ тончайшихъ подробностей, но описать ее я не могу. Да, по правдѣ сказать, я это вообще считаю невозможнымъ. Часто читаешь въ какомъ-нибудь романѣ описаніе наружности героини: «у нея было прекрасное, классически-правильное лицо, съ глазами, полными огня; прямымъ очаровательнымъ носикомъ и съ прелестными алыми губками, изъ-за которыхъ блестѣли два ряда великолѣпныхъ жемчужныхъ зубовъ». Удивительная наивность! Развѣ это пошлое описаніе дастъ хотя малѣйшее понятіе о той не-

уловимой совокупности и взаимной гармоніи чертъ, которыя дѣлаютъ каждую фیزیономію непохожей на миллионъ другихъ.

Вотъ и я въ настоящую минуту необыкновенно ярко вижу предъ собою ея лицо: круглый овалъ, матовая блѣдность, брови, почти прямыя, очень черныя и густыя; у переносья онѣ сходятся въ видѣ темнаго пушка, что придаетъ имъ нѣсколько суровое выраженіе; глаза большіе, зеленые, съ громадными близорукими зрачками; ротъ маленькій, чуть-чуть неправильный, чувственный, насмѣшливый и гордый, съ полными, рѣзко очерченными губами; матовые волосы собраны тяжелымъ и небрежнымъ узломъ на затылкѣ.

Ухвать вчера я не могъ. Капитанъ боленъ не на шутку: съ утра до вечера растирается муравьинымъ спиртомъ и пьетъ декоктъ изъ какой-то пѣтушиной травы... Бросить его въ такомъ положеніи было бы не по-товарищески. Тѣмъ болѣе, что капитанская «пѣтуховка» — не что иное, какъ замаскированный запой.

Вчера вечеромъ пошелъ въ садъ. Я даже не посмѣлъ признаться себѣ, что втайнѣ надѣялся застать тамъ Катерину Андреевну. Не знаю, видѣла ли она, какъ я входилъ въ калитку, или все объясняется случайностью, но мы встрѣтились лицомъ къ лицу на главной дорожкѣ въ то время, когда я только-что вышелъ на нее изъ аллеи.

Солнце садилось. Половина неба рдѣла, обѣщая на утро вѣтеръ. Катерина Андреевна была въ бѣломъ платьѣ, перехваченномъ въ талии зеленымъ бархатнымъ кушакомъ. На огненномъ фонѣ заката ея голова прозрачно золотилась тонкими волосами.

Увидѣвъ меня, она улыбается, но не зло, а скорѣе ласково, и протягиваетъ мнѣ руку.

— Я отчасти виновата во вчерашнемъ... Скажите, вы не простудились?

Тонъ ея вопроса искренній и участливый... Всѣ мои страхи разсѣиваются... Я даже нахожу въ себѣ столько смѣлости, что рискую самъ надъ собой пошутить:

— Пустяки... Маленькая ванна изъ грязи... Это, скорѣе, полезно... Вы слишкомъ добры, mademoiselle...

И мы оба принимаемся хохотать самымъ откровеннымъ образомъ. Дѣйствительно, что же было такого ужаснаго или постыднаго въ моемъ невольномъ паденіи? Я рѣшительно не понимаю!..

— Нѣтъ, этого такъ нельзя оставить, — говоритъ она, продолжая смѣяться. — Вы должны потребовать реваншъ... Вы умѣете грести?

— Умѣю, mademoiselle.

— Ну, такъ пойдете... Да не называйте меня постоянно mademoiselle... Впрочемъ, вы не знаете моего имени?

— Знаю. Катерина Андреевна?..

— Ахъ, это страшно длинно: Ка-те-ри-на, да еще вдобавокъ Андреевна. Дома меня всѣ называютъ Кэтъ... Зовите меня просто Кэтъ...

Я на ходу шаркаю по песку ногой, что должно означать молчаливое согласіе.

Я подтягиваю лодку къ берегу. Кэтъ, крѣпко опираясь на мою протянутую руку, увѣренно бѣжитъ по дощечкамъ для гребцовъ на корму. Мы медленно скользимъ по озеру. Поверхность такъ скользка и неподвижна, что кажется густой. Встревоженныя тихимъ движеніемъ лодки, за кормой, съ легкимъ журчаньемъ, лѣниво расплываются въ обѣ стороны морщинки, розовыя отъ послѣднихъ лучей солнца. У береговъ въ водѣ отражаются вверхъ ногами, но еще красивѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, прибрежныя косматые ветлы, на которыхъ зелень еще не тронута желтизной. Пара лебедей, легкихъ, какъ кусочки снѣга, плывутъ за нами издали, бѣлѣя въ темной водѣ.

— Вы постоянно проводите лѣто въ деревнѣ, — м-Не-
вѣтъ? — спрашиваю я.

— Нѣтъ. Въ прошломъ году мы ѣздили въ Ниццу,
а раньше были въ Баденъ-Баденъ... Я не люблю Ниццы—
это городъ умирающихъ. Кладбище какое-то... Зато я
пипрала въ Монте-Карло. Просто, какъ безумная!.. А вы
были за границей?

— Какъ же! И даже съ приключеніями.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это, должно-быть, интересно. Раз-
скажите, пожалуйста.

— Это случилось два года тому назадъ, весною. Нашъ
батальонъ стоялъ въ отдѣлѣ, въ крошечномъ погранич-
номъ мѣстечкѣ — Гусятинѣ. Оно обыкновенно называется
русскимъ Гусятинымъ, потому что по ту сторону узень-
кой рѣчки, всего въ какихъ-нибудь пятидесяти ша-
гахъ, находится австрійскій Гусятинъ... И когда я говорю
не безъ гордости: въ бытность мою за границей, — я под-
разумѣваю именно этотъ самый австрійскій Гусятинъ.

— Однажды, заручившись благосклонностью становаго при-
става, мы собрались туда довольно большимъ обществомъ,
состоявшимъ исключительно изъ офицеровъ и полковыхъ
дамъ... Проводникомъ былъ мѣстный штатскій докторъ,
онъ же служилъ намъ и переводчикомъ... Едва мы всту-
пили, выражаясь высокимъ штилемъ, на чуждую терри-
торию, какъ насъ окружила толпа оборванныхъ, гряз-
ныхъ ребятишекъ-русиновъ. Тутъ мы, кстати, имѣли слу-
чай убѣдиться въ той глубокой симпатіи, которую къ
намъ, русскимъ, питаютъ наши западные братья-славяне.
— Мальчишки, слѣдую за нами отъ плотины и до самыхъ
дверей рестораціи, ни на секунду не переставали осыпать
насъ отборнѣйшею русскою бранью... Австрійскіе евреи
кучками стояли на улицѣ, въ хвостатыхъ мѣховыхъ шап-
кахъ, съ пейсами до плечъ, въ лалсердакахъ, изъ-подъ
которыхъ виднѣлись бѣлые чулки и пантуфли. При на-

шемъ приближеніи они указывали на насъ другъ другу пальцами, и въ ихъ быстромъ гортанномъ говорѣ, съ характерными завываніями на концахъ фразъ, было что-то угрожающее.

Наконецъ мы добрались до ресторана и заказали себѣ гуляшъ и маляшъ. Первое — какое-то національное мясное кушанье пополамъ съ краснымъ перцемъ, а второе — приторное венгерское вино. Пока мы ѣли, въ крошечную залу набралась густая толпа гусятинскихъ обывателей, созерцавшихъ съ откровеннымъ любопытствомъ чужеземныхъ гостей. Потомъ трое человѣкъ изъ этой толпы подошли и поздоровались съ докторомъ — онъ тотчасъ же представилъ ихъ нашимъ дамамъ. За этими тремя подошло еще четверо, потомъ еще человѣкъ шесть. Что это были за субъекты, — я до сихъ поръ не могу себѣ представить, но несомнѣнно, что всѣ они занимали административныя должности. Между ними находился какой-то панъ комисаржъ, и панъ подкомисаржъ, и панъ довудца, и еще какіе-то паны. Всѣ они ѣли съ нами гуляшъ, пили маляшъ и поминутно говорили дамамъ: «служу пани» и «идамъ до ногъ панскихъ»... Въ заключеніе панъ комисаржъ просилъ насъ остаться до вечера и посѣтить назначенный на этотъ день складковый балъ. Мы согласились.

Все обстояло самымъ прекраснымъ образомъ, и наши дамы съ увлеченіемъ носились въ вихрѣ вальса съ своими новыми знакомыми. Насъ, правда, немного поражалъ заграничный обычай: каждый танцоръ долженъ самъ заказывать для себя танецъ, платя за него музыкантамъ двадцать копеекъ. Съ этимъ обычаемъ мы вскорѣ примирились, но пассажъ не замедлилъ произойти и совсѣмъ для насъ неожиданно.

Кому-то изъ насъ захотѣлось пива, и онъ сказалъ объ этомъ одному изъ нашихъ новыхъ знакомыхъ — предста-

вительному черноусому господину съ великолѣпными манерами, про котораго наши дамы рѣшили, что онъ непременно долженъ быть однимъ изъ окрестныхъ магнатовъ. Магнатъ оказался чрезвычайно любезнымъ человекомъ. Онъ крикнулъ: «заразъ панове!», исчезъ на минутку и тотчасъ же воротился съ двумя бутылками пива, штопоромъ и салфеткой подъ мышкой. Обѣ бутылки были имъ открыты съ такимъ удивительнымъ искусствомъ, что наша полковница даже выразила вслухъ свое одобреніе. На ея комплиментъ магнатъ возразилъ со скромнымъ достоинствомъ: «О, это для меня дѣло привычное, сударыня!.. Вѣдь я же служу въ этомъ самомъ заведеніи кельнеромъ!» Конечно, послѣ этого неожиданнаго признанія, наша компанія оставила австрійскій балъ съ поспѣшностью, даже нѣсколько неприличной.

Въ то время, когда я рассказываю, Кэтъ звонко смѣется, наша лодка огибаетъ островокъ и въѣзжаетъ въ узенькій каналъ, надъ которымъ свѣсившіяся съ обоихъ береговъ деревья образуютъ полутемный, прохладный сводъ. Здѣсь пахнетъ сильно болотной травой, вода кажется черной, какъ чернила, и кипитъ подъ весломъ.

— У! Какъ хорошо! — восклицаетъ Кэтъ и содрогается плечами.

Такъ какъ разговоръ грозитъ изсякнуть, я спрашиваю:

— Вамъ, вѣроятно, очень скучно въ деревнѣ?

— Очень скучно, — отвѣчаетъ, чуть-чуть помолчавъ, Кэтъ и небрежно прибавляетъ, бросая на меня быстрый кокетливый взглядъ: — по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ. Еще пока лѣтомъ гостила здѣсь моя подруга, — вы ее кажется, видѣли? — когда хоть было съ кѣмъ поболтать...

— Развѣ у васъ совсѣмъ нѣтъ знакомыхъ среди окрестныхъ помѣщиковъ?

— Нѣтъ. Папа никому не хотѣлъ дѣлать визитовъ...

Ужасно скучно... По утрамъ на мнѣ лежитъ обязанность читать вслухъ бабушкѣ «Московскія Вѣдомости»... Вы не повѣрите, какая это тоска!.. Въ саду такъ хорошо, а тутъ изволь читать про какіе-то конфликты между просвѣщенными державами и про сельскохозяйственный кризисъ... Я иной разъ съ отчаянія возьму да пропущу строкъ двадцать или тридцать, такъ что во всей статьѣ не останется ровно никакого смысла... Бабушка однако далека отъ подозрѣнія и часто удивляется: «Ты замѣчаешь, Кэтъ, какъ нынче непонятно стали писать?» Я, конечно, соглашаюсь: «Дѣйствительно, бабушка, очень непонятно». Зато, когда чтеніе кончается, я чувствую себя, какъ школьница, отпущенная на каникулы...

Разговаривая такимъ образомъ, мы катаемся по озеру до тѣхъ поръ, пока не начинается темнѣть... При прощаніи Кэтъ, фразой, брошенной вскользь, даетъ мнѣ понять, что ежедневно утромъ и вечеромъ она имѣетъ обыкновеніе гулять по саду.

Это все случилось вчера, но я не успѣлъ ничего вчера записать въ дневникъ, потому что все остальное время до полуночи лежалъ на кровати, глядѣлъ въ потолокъ и предавался тѣмъ несбыточнымъ, невѣроятнымъ мечтамъ, которыя, несмотря на ихъ невинность, совѣстно передавать на бумагѣ.

Сегодня мы опять встрѣтились, но уже безъ малѣйшаго смущенія, какъ старые знакомые. Кэтъ необыкновенно добра и мила. Когда я въ разговорѣ выразилъ, между прочимъ, сожалѣніе, что прискорбный случай съ лодкой сдѣлалъ меня въ ея глазахъ смѣшнымъ, она протянула мнѣ откровеннымъ движеніемъ руку и произнесла незабвенныя слова:

— Будемте друзьями, m-r Лапшинъ, и не станемъ вспоминать объ этой исторіи.

И я знаю, что ласковый тонъ этихъ словъ никогда

не изгладится изъ моей памяти никакими другими словами. Во вѣки вѣковъ.

20 сентября. О, я не ошибся. Кэтъ дѣйствительно вчера намекала на то, что намъ можно ежедневно утромъ и вечеромъ встрѣчаться въ саду. Жаль только, что она сегодня была не въ духѣ, по причинѣ сильной головной боли. Видъ у нея очень утомленный: глаза очерчены легкой тѣнью и щеки блѣднѣе обыкновеннаго.

— Вы не обращайтесь особеннаго вниманія на мое нездоровье, — сказала она въ отвѣтъ на мое соболѣзнованіе. — Это пройдетъ... Я приобрѣла нехорошую привычку читать въ постели. Не замѣтишь, какъ увлечешься, и читаешь часа три подъ рядъ, а потомъ начинается безсонница.

Потомъ, полушутя, полусерьезно она спросила:

— Вы не умѣете гипнотизировать?

Я отвѣчалъ, что не пробовалъ, но, вѣроятно, сумѣю.

— Возьмите меня за руку, — сказала Кэтъ: — и глядите мнѣ пристально въ глаза. Въ то же время мысленно приказывайте, чтобы моя голова перестала болѣть.

Я такъ и сдѣлалъ. Ея маленькая, холодная и узкая ручка легла слабо въ мою руку. Глядя въ большіе черные зрачки Кэтъ, я старался сосредоточиться и собрать всю силу воли, но глаза мои смущенно перебѣгали съ глазъ на губы. Былъ одинъ моментъ, когда мои пальцы нечаянно дрогнули и чуть-чуть сжали руку Кэтъ. Какъ будто бы въ отвѣтъ на мое бессознательное движеніе, я тоже почувствовалъ слабое пожатіе. Но, конечно, это произошло случайно, потому что тотчасъ же она выдернула свою руку со словами:

— Нѣтъ, вы мнѣ не поможете. Вы совсѣмъ о другомъ думаете...

— Напротивъ, я думалъ о васъ, м-ше Кэтъ, — возразилъ я.

— Можетъ-быть. Но только доктора никогда не глядятъ такими глазами. Вы — нехорошій...

Я — нехорошій! Свидѣтель Богъ, что ни одна дурная мысль, даже ни одинъ оттѣнокъ дурной мысли не шевельнулся у меня въ головѣ. Или, можетъ-быть, мое несчастное лицо имѣетъ способность выражать вовсе не то, что я чувствую?

Однако — странная вещь — замѣчаніе Кэтъ вдругъ заставило меня впервые почувствовать въ ней женщину, и мнѣ стало неловко.

Такъ мой опытъ гипнотизированія и не удался. Мигрень у Кэтъ не только не прошла, но съ минуты на минуту становилась все сильнѣе. Когда она уходила, ей, вѣроятно, стало жаль видѣть мое разочарованное лицо. Она позволила мнѣ на секунду болѣе, чѣмъ слѣдовало, задержать ея руку и сказала:

— Вечеромъ я не буду гулять. Подождите до завтра. Но какъ это было хорошо сказано! Какое значеніе можетъ иногда женщина вложить въ самую пустую, самую обыденную фразу. Это «подождите» я перевелъ такимъ образомъ: «Я знаю, что вамъ очень пріятно со мной видѣться; мнѣ это тоже не противно, но вѣдь мы можемъ встрѣчаться ежедневно, и времени у насъ впереди много — не правда ли?» Кэтъ даетъ мнѣ право ждать себя! У меня даже голова кружится отъ восторга при этой мысли.

Что, если простое любопытство, знакомство отъ скуки, случайныя встрѣчи перейдутъ во что-нибудь болѣе серьезное и нѣжное? Блуждая послѣ ухода Кэтъ по дорожкамъ сада, я невольно мечталъ объ этомъ. Вѣдь ни о чемъ не запрещено мечтать ни одному человѣку? И я представлялъ себѣ, какъ между нами возникаетъ пламенная; скромная и довѣрчивая любовь, ея первая любовь, моя, хотя не первая. но зато самая сильная и послѣд-

няя. Я представлялъ себѣ ночное свиданіе, скамейку, облитую кроткимъ сіяніемъ луны, голову, доврчиво прижавшуюся къ моему плечу, и сладкое, еле слышное «люблю», робко произнесенное въ отвѣтъ на мое пылкое признаніе. «Да, я люблю тебя, Кэтъ, — говорю я съ подавленнымъ вздохомъ: — но мы должны разстаться. Ты — богата, я — бѣдный армейскій офицеръ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ безмѣрной любви къ тебѣ. Неравный бракъ принесетъ тебѣ несчастье. Ты будешь потомъ упрекать меня». — «Я люблю тебя и не могу безъ тебя жить! — отвѣчаетъ она. — Я пойду за тобой на край свѣта». — «Нѣтъ, дорогая, намъ нужно разстаться... Тебя ждетъ иная жизнь... Помни только одно, что я никогда, никогда въ моей жизни не перестану любить тебя».

Ночь, скамейка, луна, поникшія деревья, сладкія слова любви... Какъ все это возвышенно, мило, старо и... глупо. Вотъ и теперь, пока я пишу эти строки, капитанъ, только-что выпившій на ночь «пѣтуховки», кричитъ мнѣ изъ своей постели:

— Что это вы все строчите, поручикъ? Ужъ не стихи ли часомъ? Вотъ бы разодолжили такимъ «бэгэрэдствомъ».

Капитанъ, кажется, больше всего на свѣтѣ ненавидитъ стихи и природу... Кривя ротъ въ сторону, онъ говоритъ иногда:

— Стишки-съ? Кому это нужно-съ?

И онъ язвительно декламируетъ:

Передо мной портретъ стоитъ
Неодушевленный, но въ рамкѣ;
Передъ нимъ свѣча горитъ
Букетъ торчитъ
И роза въ банкѣ.

— Чепуха-съ, ерунда-съ и всякая такая вещь...

Но и онъ не чуждъ искусству и поэзіи. Въ періодъ усиленныхъ пріемовъ пѣтуховки онъ играетъ иногда на

гитарѣ и поетъ старыя, диковинныя, смѣшныя романсы, какихъ теперь не поютъ уже лѣтъ тридцать.

Сейчасъ я лягу въ кровать, но знаю, что заснуть мнѣ будетъ трудно... Но развѣ мечты, хотя бы самыя несбыточныя, не составляютъ неотъемлемаго и утѣшительнаго права каждаго смертнаго?

21 сентября. Если бы мнѣ вчера кто-нибудь сказалъ, что я и капитанъ будемъ обѣдать у самого Андрея Александровича, я бы разсмѣялся въ лицо этому предсказателю. Я, между прочимъ, только-что вернулся изъ пѣлаца, и даже въ зубахъ у меня дымится еще та самая сигара, которую я закурилъ въ великолѣпномъ кабинетѣ. Капитанъ въ своей комнатѣ растирается муравьинымъ спиртомъ и ворчитъ что-то про «бэгэрэдство и всякую такую вещь». Однако онъ сбить съ панталыку и, очевидно, сознаётъ себя смѣшнымъ въ своихъ сегодняшнихъ лаврахъ торреадора и безстрашнаго спасителя особы прекраснаго пола. Увы! Должно-быть, сама судьба избрала насъ обоихъ выступать здѣсь въ комическихъ роляхъ: меня — въ приключеніи на берегу озера, его — въ сегодняшнемъ подвигѣ.

Впрочемъ, надо рассказать все по порядку. Было часовъ одиннадцать утра. Я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и писалъ своимъ домашнимъ письмо, въ ожиданіи капитана, который долженъ былъ прійти къ завтраку. Онъ дѣйствительно пришелъ, но въ самомъ неожиданномъ видѣ: весь въ пыли, красный, переконфуженный и злой.

Я поглядѣлъ на него вопросительно. Онъ началъ стаскивать съ себя сюртукъ, продолжая браниться.

— Это вотъ... такая вышла вотъ... глупая штука и... всякая такая вещь!.. Представьте себѣ — иду сейчасъ съ работъ... Прохожу дворомъ и вижу, что изъ палисадника, что передъ палацомъ, выползаетъ эта са-

мая старушка, ну... мать или бабушка, что ли, или кто тамъ? — не знаю. Прекрасно-съ. Бредеть она себѣ потихонечку, вдругъ, откуда ни возмись, выскакиваетъ теленокъ, знаете, обыкновенный теленокъ, еще и году ему нѣтъ... скачетъ, знаете, хвостъ кверху, и всякая такая вещь... ну, просто телячій восторгъ на него накатилъ... Увидаль старушку и прямо къ ней. Та — кричать! Палкой на него машеть... А теленокъ еще пуще — такъ вокругъ нея и танцуетъ, думаетъ, играютъ съ нимъ. Покатилась моя старушка на землю... ни жива ни мертва и даже кричать больше не можетъ... Вижу я, что нужно помогать — бѣгу изо всей мочи... прогоняю этого дурацкаго телка... смотрю, а старушка лежитъ, чуть дышитъ и даже кричать больше не можетъ. Я думалъ, что уже дуба дала со страху. Ну, поднялъ ее кое-какъ, отряхнулъ отъ пыли, спрашиваю, не ушиблась ли? Та — только глазами ворочаетъ и стонетъ. Наконецъ. говорить: «проведите меня въ домъ». Обнялъ я ее вокругъ спины, поволокъ, на балконъ втащилъ. На балконѣ сидитъ сама хозяйка здѣшняя, жена самого... Перепугалась ужасъ какъ. Охаетъ. «Что такое съ вами, «маманъ», что случилось?..» Усадили мы съ ней старушку въ кресло, натерли какими-то духами. Ничего... отдышалась поне-многу. Ну и начала же она потомъ расписывать. Я ужъ не зналъ, куда мнѣ и дѣваться... «Иду я, говорить, по двору, и вдругъ прямо на меня летитъ быкъ... огромный бѣшенный быкъ... глаза въ крови, морда вся въ пѣнѣ... Налетѣлъ на меня, ударилъ въ грудь рогами, свалилъ на землю... Дальше я, говорить, ничего не помню»... Ну, однимъ словомъ, оказалось, что я какое-то чудо совершилъ: кинулся будто бы этому самому быку навстрѣчу, схватилъ его за рога и, ей-Богу, чуть ли не черезъ себя перекинулъ... Я слушалъ-слушалъ и говорю наконецъ: «Вы ошибаетесь, сударыня, это не быкъ,

это былъ просто телокъ...» Куды тебѣ! И слушать не хочетъ. «Вы, говорить, это изъ скромности». Въ это время приходитъ барышня ихняя. Тоже разохалась. Старушка ей всю эту комедію рассказала. Чортъ знаетъ, что за идіотская исторія! Называютъ меня и героемъ и спасителемъ, жмутъ руки, и всякая такая вещь... Слушаю ихъ: и смѣшно мнѣ и стыдно, право... Ну, думаю, попалъ въ исторію, нечего сказать... Насилу-то насилу отъ нихъ отдѣлался. Этакая вѣдь, глупая штука вышла! Глупѣе, кажется, и нарочно не выдумаешь...

Мы сѣли завтракать. За завтракомъ, послѣ нѣсколькихъ рюмокъ «пѣтуховки», капитанъ немного успокоился. Онъ уже собирался опять итти на работы, какъ вдругъ стремглавъ влетѣлъ въ комнату нашъ казачокъ, съ лицомъ, перекошеннымъ отъ испуга и съ вытаращенными глазами.

— Пань... сами пань сюды идутъ!

Мы тоже, Богъ вѣсть почему, испугались, вскочили, забѣгали, стали торопливо надѣвать скинутые сюртуки. Въ эту самую минуту въ дверяхъ показался Обольянинъ и остановился съ легкимъ полупоклономъ:

— Господа, я боюсь, что причинилъ вамъ бѣзпокойство моимъ визитомъ, — сказалъ онъ съ самой непри-
нужденной и въ то же время холодной любезностью: — пожалуйста, оставайтесь, какъ были, по-домашнему...

Онъ былъ въ легкой просторной чесучовой парѣ, удивительно шедшей къ его большому росту и молодившей его лицо. А лицо у него истинно-аристократическое: я никогда не видѣлъ такого изысканнаго профиля, такого тонкаго, гордаго, орлинаго носа, такого своевольнаго, круглаго подбородка и такихъ надменныхъ губъ.

Затѣмъ онъ обратился къ капитану:

— Позвольте мнѣ выразить мою глубокую признательность... Если бы не ваша смѣлость...

— Помилуйте, что вы-съ? — возразилъ капитанъ, конфузясь и дѣлая руками несообразные жесты. — Да я же ничего особеннаго не сдѣлалъ, за что благодарить? Телокъ-съ! Собственно говоря, просто неловко, и всякая такая вещь.

Обольяниновъ опять сдѣлалъ не то насмѣшливый, не то вѣжливый поклонъ.

— Эта скромность дѣлаетъ честь вашему мужеству; капитанъ. Тѣмъ не менѣе я считаю долгомъ принести благодарность и отъ матушки и отъ себя лично.

Тутъ капитанъ совсѣмъ застыдился, покраснѣлъ, — отъ чего лицо его сдѣлалось коричневымъ, — и еще нелѣпѣе замахалъ руками.

— Да помилуйте... ничего тутъ особеннаго... просто телокъ... Да я... сдѣлайте одолженіе... всегда... вижу, телокъ бѣжить, ну, я сейчасъ... помилуйте...

Я увидѣлъ, что капитанъ рѣшительно запутался, и поспѣшилъ къ нему на помощь.

— Присядьте, прошу васъ, — сказалъ я, придвигая ему стулъ.

Онъ вскользь окинулъ меня равнодушнымъ взглядомъ, бросилъ небрежное merci, но не сѣлъ, а только взялся рукой за спинку стула.

— Миѣ очень жаль, господа, что мы до сихъ поръ не были знакомы, — сказалъ помѣщикъ, протягивая капитану руку. — Во всякомъ случаѣ сдѣлаемте это: лучше поздно, чѣмъ никогда...

Растерявшійся капитанъ ничего не могъ отвѣтить и только чрезвычайно низко поклонился, пожимая бѣлую выхоленную руку.

Что касается меня, я довольно бойко отрекомендовался: поручикъ Лапшинъ, а потомъ прибавилъ, хотя нѣсколько неразборчиво.

— Очень пріятно... повѣрьте... такая честь...

Въ концѣ концовъ я не увѣренъ, кто изъ насъ сдѣлалъ лучше: я, или капитанъ.

— Я думаю, вы, господа, не откажетесь отобѣдать у меня, — сказалъ Обольяниновъ, беря со стула свою шляпу. — Мы обѣдаемъ ровно въ семь...

Мы еще разъ поклонились, и нашъ хозяинъ удалился съ той же великолѣпной непринужденностью, какъ и вошелъ.

Къ семи часамъ мы явились въ палацъ. Всю дорогу капитанъ ворчалъ что-то про «бэгэрэдство», постоянно поправлялъ нацѣпленный для чего-то на грудь иконостасъ и, повидимому, находился въ самомъ подавленномъ настроеніи духа... Впрочемъ, надо сказать, и я чувствовалъ себя не особенно развязно.

Когда мы пришли, то попали прямо въ столовую, — большую, нѣсколько мрачную комнату, всю отдѣланную массивнымъ рѣзнымъ дубомъ. Андрея Александровича не было, въ столовой находились только его жена да старушка-мать, спасенная отъ смерти капитаномъ. Произошло легкое замѣшательство, конечно, больше съ нашей стороны. Мы должны были сами представляться... Насъ попросили сѣсть... Разговоръ неминуемо зашелъ объ утреннемъ происшествіи, но, продержавшись минутъ пять, истощился безъ всякой надежды на возобновленіе, и мы четверо сидѣли молча и глядѣли другъ на друга, тяготясь нашимъ молчаніемъ.

Къ счастью, скоро въ столовую вошла Кэтъ въ сопровожденіи отца. Увидѣвъ меня, она удивленно закусила нижнюю губку, и брови ея высоко поднялись. Насъ представили. По лицу Кэтъ я догадался, что о нашемъ случайномъ знакомствѣ въ саду никому не должно быть извѣстно... Милая дѣвушка! Конечно я исполнилъ твое безмолвное приказаніе. *

Послѣ обѣда, во время котораго Обольяниновъ тщетно

старался вызвать капитана на разговоръ, — на меня онъ почему-то мало обращалъ вниманія, — старуха выразила желаніе сыграть въ ералашъ. Такъ какъ Василій Акинѣевичъ никогда не беретъ картъ въ руки, то четвертымъ усадили меня. Въ продолженіе двухъ часовъ я мужественно переносилъ самую томительную скуку. Старая дама два первыхъ роббера играла еще туда-сюда. Но потомъ ея старческое вниманіе утомилось. Она начала путать ходы и брать чужія взятки... Когда требовались пики, несла бубны.

— Матап, вѣдь у васъ есть еще пики, — замѣчалъ ей съ нѣскольکو насмѣшливымъ почтеніемъ Андрей Александровичъ.

— Ну, вотъ, ты меня еще учить вздумалъ! — обижалась старушка. — Стара я, голубчикъ, стала, чтобы меня учили... Если не даю пикъ, стало-быть, у меня ихъ и нѣтъ.

Однако, спустя минуту, она сама начинала ходить съ отыгранныхъ пикъ.

— Видите, матап, нашлись же у насъ пики, — говорилъ ей сынъ съ тѣмъ же оттѣнкомъ добродушной насмѣшки, и она совершенно искренно изумлялась.

— Не понимаю, голубчикъ, откуда онѣ у меня взялись! Просто — не понимаю...

Впрочемъ, я самъ игралъ разсѣяннo. Я все время прислушивался, не раздадутся ли сзади меня легкіе шаги Кэтъ... Она, бѣдная, билась около получаса, стараясь занять капитана, но всѣ ея старанія разбивались о капитанское каменное молчаніе. Онъ только краснѣлъ, вытиралъ клѣтчатымъ платкомъ вспотѣвшій лобъ и на каждый вопросъ отвѣчалъ: «да-съ, сударыня... нѣтъ, сударыня». Наконецъ Кэтъ принесла ему цѣлую груду альбомовъ, гравюръ, и онъ всецѣло погрузился въ нихъ. Нѣскольکو разъ Кэтъ нарочно проходила мимо кар-

точного столика. Наши глаза каждый разъ встрѣчались, и каждый разъ въ ея глазахъ я видѣлъ лукавый и нѣжный огонекъ... Наше никѣмъ не подозрѣваемое знакомство дѣлало насъ чѣмъ-то въ родѣ двухъ заговорщиковъ, двухъ людей, посвященныхъ въ одну тайну, и эта таинственность притягивала насъ другъ къ другу крѣпкими задушевыми нитями.

Было уже темно, когда, окончивъ ералашъ и покуривъ въ кабинетѣ, мы возвращались домой. Капитанъ шелъ впереди. На террасѣ я вдругъ почувствовалъ, да, именно почувствовалъ, чье-то присутствіе. Я раскурилъ сильнѣе сигару и въ красноватомъ, вспыхивающемъ и потухающемъ свѣтѣ увидѣлъ платье и дорогое улыбающееся лицо.

— Умница, пайлька-мальчикъ, хорошо себя велъ, — услышалъ я тихій шопотъ.

Въ темнотѣ моя рука схватила ея руку. Темнота вдругъ придавала мнѣ необыкновенную смѣлость. Сжавъ эти нѣжные холодные пальчики, я поднесъ ихъ къ губамъ и сталъ быстро и жадно цѣловать. Въ то же время я твердилъ радостнымъ шопотомъ:

— Кэтъ, моя милая... Кэтъ!

Она не разсердилась. Она только слабо отдергивала свою руку и говорила съ притворнымъ нетерпѣніемъ:

— Не надо, не надо... Идите... Ахъ, какой вы непослушный!.. Ступайте, вамъ говорятъ.

Но, когда я, боясь на самомъ дѣлѣ ее разсердить, разжалъ свои пальцы, она вдругъ удержала ихъ и спросила:

— Какъ ваше имя? Вы мнѣ до сихъ поръ не говорили.

— Алексѣй, — отвѣтилъ я.

— Алексѣй? Какъ это хорошо!.. Алексѣй... Алексѣй... Алеша...

Потрясенный этой неожиданной лаской, я стремительно

протянулъ впередъ руки, но... онѣ встрѣтили пустоту. Кэтъ уже не было на балконѣ.

О, какъ безумно я ее люблю!

Кэтъ — Лидіи.

21 сентября. «Ты, конечно, помнишь, милая моя Лидочка, какъ папа возставалъ противъ нашихъ офицеровъ? Какъ онъ называлъ ихъ насмѣшливо «армеутами»? Поэтому ты, безъ сомнѣнія, удивишься, если я тебѣ скажу, что они сегодня у насъ обѣдали. Самъ папа отправился къ нимъ во флигель и пригласилъ ихъ. Причина этой внезапной переменны — та, что сегодня утромъ старшій изъ офицеровъ спасъ мою *grande mère* отъ неизбежной смерти. Въ томъ, что рассказываетъ бабушка, есть что-то невѣроятное. Она будто бы шла по двору, на нее внезапно налетѣлъ бѣшеный быкъ, храбрый офицеръ кинулся между ней и быкомъ, — вообще цѣлая картина во вкусѣ Шпильгагена.

«Положивъ руку на сердце, я тебѣ скажу, мнѣ не особенно нравится то, что папа притащилъ ихъ. Во-первыхъ, они оба въ обществѣ такъ теряются, что на нихъ мучительно смотрѣть... Въ особенности старшій: онъ ѣлъ рыбу прямо съ ножа, все время странно конфузился и имѣлъ самый смѣшной видъ. Во-вторыхъ, мнѣ жаль, что наши свиданія въ саду потеряли почти всю прелесть своей оригинальности. Раньше, когда никто не могъ даже и подозрѣвать о нашемъ случайномъ знакомствѣ, въ этихъ свиданіяхъ было что-то запретное, выходящее изъ ряда. Теперь уже — увы! — никому даже не придетъ въ голову удивиться, увидавъ насъ вмѣстѣ.

«Что Лапшинъ влюбленъ въ меня по-уши, въ этомъ я уже совсѣмъ не сомнѣваюсь — у него очень, даже черезчуръ краснорѣчивые глаза! Но онъ такъ скромень и нерѣшителенъ, что мнѣ волей-неволей приходится итти къ нему навстрѣчу. Вчера, когда онъ уходилъ отъ насъ,

я нарочно ждала его на балконѣ. Было темно, и онъ сталъ цѣловать мои руки. Ахъ, дорогая Лидочка, въ этихъ поцѣлуяхъ было что-то обворожительное! Я ихъ чувствовала не только на рукахъ, но на всемъ моемъ тѣлѣ, по которому каждый поцѣлуй пробѣгалъ сладкой нервной дрожью. Въ эту минуту я очень жалѣла, зачѣмъ я не замужемъ. Мнѣ такъ хотѣлось еще продлить и усилить эти новыя, незнакомыя для меня ощущенія.

«Ты, конечно, прочтешь мнѣ нотацію за то, что я кокетничаю съ Лапшинымъ. Но вѣдь это меня ни къ чему не обязываетъ, а ему, безъ сомнѣнія, доставляетъ удовольствіе. Кромѣ того, не больше чѣмъ черезъ недѣлю мы уѣдемъ отсюда. У него и у меня останутся воспоминанія — и больше ничего.

«Прощай, милая Лидочка. Жаль, что ты не будешь зимой въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ, не забывай писать мнѣ. Поцѣлуй отъ меня твою маленькую сестренку. Твоя навѣки Кэтъ».

22 сентября. «Счастье, призракъ ли счастья?.. Не все ли равно?»

Я не знаю, какому поэту принадлежитъ эта строчка, но она сегодня не выходитъ изъ моей головы.

Да и правда, не все ли равно? Если я былъ счастливъ хоть часъ, хоть одно только короткое мгновенье, зачѣмъ отравлять его сомнѣніями, недоувѣріемъ, вѣчными вопросами неудовлетвореннаго самолюбія?..

Передъ вечеромъ Кэтъ вышла въ садъ. Я дожидался, и мы пошли вдоль по густой аллеѣ, по той самой аллеѣ, гдѣ я впервые увидалъ мою несравненную Кэтъ, королеву моего сердца. Она была задумчива и часто отвѣчала невпопадъ на мои вопросы, которые я безъ толку предлагалъ, чтобъ только избавиться отъ неловкихъ, тяготившихъ и ее и меня, молчаливыхъ паузъ. Но ея глаза не избѣгали моихъ: они смотрѣли на меня съ такой нѣжностью.

Когда мы поровнялись съ той скамейкой, я сказалъ:

— Какъ мнѣ памятно и дорого это мѣсто, m-lie Кэтъ!

Она спросила:

— Почему?

— Здѣсь я впервые увидѣлъ васъ. Помните, вы сидѣли съ своей подругой и еще разсмѣялись, когда я прошелъ мимо.

— О, да, конечно, помню! — воскликнула Кэтъ, и ея лицо озарилось улыбкой. — Съ нашей стороны было совсѣмъ нетактично такъ громко смѣяться. Вы, можетъ-быть, приняли этотъ смѣхъ по своему адресу?

— Признаться — да.

— Видите, какой вы подозрительный! Это нехорошо! А дѣло просто-напросто было такъ: когда вы прошли, я сказала Лидѣ на ухо одну вещь, — дѣйствительно про васъ, но я не хочу вамъ ея повторять, чтобъ не испортить вашего самолюбія лишнимъ комплиментомъ. Лида остановила меня, потому что боялась, что вы услышите мои слова. Она очень «prude» и всегда останавливаетъ мои выходки. Тогда я нарочно, чтобы подразнить ее, сказала голосомъ моей бывшей гувернантки — очень чопорной старой миссъ: — «стыдно, shocking, стыдно». Вотъ и все. И эта буффонада заставила насъ громко расхохотаться. Ну что? Вы теперь довольны?

— Совершенно. Но что вы сказали обо мнѣ?

Кэтъ покачала головой съ укоризненнымъ, лукавымъ видомъ.

— Вы — черезчуръ любопытны, и я ничего вамъ не скажу, я и безъ того слишкомъ добра съ вами. Не забывайте, пожалуйста, что вы еще должны быть наказаны за вчерашнее дурное поведеніе.

Я понялъ, что она вовсе не думаетъ на меня сердиться, но на всякій случай опустилъ съ виноватымъ видомъ голову внизъ и сказалъ съ притворнымъ смущеніемъ:

— Простите меня, m-lle Кэтъ... Я увлекся и не могъ совладать со своимъ чувствомъ.

И, видя, что она не перебиваетъ меня, я прибавилъ еще болѣе тихимъ, но въ то же время страстнымъ тономъ:

— Вы такъ прекрасны, m-lle Кэтъ!

Минута была благопріятная. Мнѣ казалось, что Кэтъ дожидается продолженія моихъ словъ, но внезапная робость овладѣла мной, и я только спросилъ, умоляюще заглядывая ей въ глаза:

— Вѣдь вы не совсѣмъ разсердились на меня? Скажите... Меня это такъ мучить.

— Нѣтъ, не сержусь, — прошептала Кэтъ, отворачивая отъ меня свою голову стыдливимъ и безсознательно-красивымъ движеніемъ.

«Ну, вотъ, моментъ готовъ, — подбодрилъ я себя внутренно. — Впередъ! Впередъ! Въ любви нельзя останавливаться на полдорогѣ! Смѣлѣй!»

Но смѣлость рѣшительно покинула меня, и наше молчаніе послѣ словъ, почти близкихъ къ признанію, стало еще тягостнѣе. Должно-быть, потому-то Кэтъ, дойдя вторично до конца аллеи, и простилась со мной.

Когда она мнѣ протянула свою маленькую, нѣжную, но рѣшительную ручку, я задержалъ ее въ своей и посмотрѣлъ вопросительно въ глаза Кэтъ. Мнѣ показалось, что я читаю въ нихъ молчаливое согласіе. Я сталъ опять такъ же жадно, какъ тогда на террасѣ, цѣловать эту милую ручку. Сначала Кэтъ сопротивлялась и называла меня непослушнымъ, но потомъ я вдругъ почувствовалъ на своихъ волосахъ глубокое теплое дыханіе, и моей щеки быстро коснулись свѣжія, очаровательныя губки. Въ ту же секунду — я не успѣлъ даже выпрямиться — Кэтъ выскользнула изъ моихъ рукъ, отбѣжала на нѣсколько шаговъ и только тамъ, на безопасной дистанціи, остановилась.

— Кэтъ, подождите, ради Бога, мнѣ такъ много нужно вамъ сказать! — воскликнулъ я, подходя къ ней.

— Стойте на мѣстѣ и молчите!—приказала Кэтъ, сдвигая брови и топая нетерпѣливо ногой по шуршащимъ листьямъ.

Я остановился. Кэтъ сдѣлала изъ ладони вокругъ своего рта подобіе рупора, наклонилась слегка впередъ и тихо, но явственно прошептала:

— Завтра, когда только взойдетъ луна, ждите меня у пристани. Я уйду потихоньку. Мы будемъ кататься, и вы мнѣ скажете все, что хотите... Понимаете? Понимаете вы меня?

Послѣ этихъ словъ она повернулась и быстрымъ шагомъ, ни разу не оглянувшись назадъ, пошла по направленію къ калиткѣ... А я стоялъ и глядѣлъ ей вслѣдъ, растерянный, взволнованный и счастливый...

Кэтъ, дорогая моя Кэтъ! Если бы твое и мое положеніе въ обществѣ были одинаковы... Положимъ, говорятъ, что любовь выше всякихъ сословныхъ и иныхъ предразсудковъ... Но нѣтъ, нѣтъ! Я останусь твердымъ и самоотверженнымъ.

О, Боже мой! Какъ быстро разлетаются мои бѣдныя, наивныя, смѣшныя мечты! Я пишу эти строки, а за стѣнной капитанъ, лежа въ кровати, играетъ на гитарѣ и поетъ сильнымъ голосомъ старинную-старинную пѣсню.

Жалкій человѣчишка!—говорю я самому себѣ:—для того, чтобы ты не набивалъ себѣ голову празднымъ и невыполнимымъ вздоромъ, сядь и на зло самому себѣ запиши слова:

Юный прапорщикъ армейскій
Сталъ ухаживать за мной,
Мое сердце встрепенулось
Къ нему любовью роковой

* *
*

Моя маменька узнала,
Что отъ свадьбы я не прочь,

И съ улыбкою сказала:
„Слушай, миленькая дочь!

* *
*

„Юный прапорщикъ армейскій
Тебя хочеть обмануть,
Отъ руки его злодѣйской
Трудно будетъ усклизнуть“.

* *
*

Юный прапорщикъ армейскій
Проливалъ потоки слезъ,
Какъ-то утромъ на разсвѣтѣ
Въ ближайшій городокъ увезъ.

* *
*

Тамъ въ часовнѣ деревянной
Предъ иконою Творца
Попъ какой-то полупьяный
Сочеталъ наши сердца.

* *
*

А потомъ въ простой телѣгѣ
Онъ домой меня отвезъ.
Ахъ! какъ это не по модѣ,
Много пролила я слезъ.

* *
*

Нѣтъ ни сахару ни ча-аю,
Нѣтъ ни пива ни вина,
Вотъ теперь я понимаю,
Что я прапора жена...
Вотъ теперь я понимаю,
Что я прапора жена.

Да, да, стыдись, бѣдный армейскій прапорщикъ. Рви
себя за волосы! Плачь, плачь въ тишинѣ ночи! Спасибо,
Василій Акиноіевичъ, за мудрый урокъ.

24 сентября. И ночь, и любовь, и луна, какъ

поеть мадамъ Рябкова, жена командира второй роты, на нашихъ полковыхъ вечерахъ... Я никогда, даже въ самыхъ дерзновенныхъ грезахъ, не смѣлъ вообразать себѣ такого упоительнаго счастья. Я даже сомнѣваюсь, не былъ ли весь сегодняшній вечеръ сномъ, — милымъ, волшебнымъ, но обманчивымъ сномъ? Я и самъ не знаю, откуда взялся въ моей душѣ этотъ едва замѣтный, но горькій осадокъ разочарованія?..

Я пришелъ къ пристани поздно. Кэтъ дожидалась меня, сидя на высокой каменной балюстрадѣ, окаймляющей площадку пристани.

— Такъ что жъ, ѣдемъ? — спросилъ я.

Кэтъ еще плотнѣе укуталась въ свою накидку и нервно содрогнулась подъ ней плечами.

— О, нѣтъ, слишкомъ холодно... Смотрите, какой туманъ на водѣ...

Дѣйствительно, темная поверхность озера видна была только на пять шаговъ. Дальше вставали и двигались неровные, причудливые клочья сѣдого тумана.

— Походимте лучше по саду, — сказала Кэтъ.

Мы пошли. Въ этотъ странный часъ свѣтлой и туманной осенней ночи запущенный паркъ казался печальнымъ и таинственнымъ, какъ заброшенное кладбище. Луна свѣтила блѣдная. Тѣни оголенныхъ деревьевъ лежали на дорожкахъ черными, измѣнчивыми силуэтами. Шелестъ листьевъ подъ нашими ногами пугалъ насъ.

Когда мы вышли изъ-подъ темнаго и какъ будто бы сырого свода акацій, я обнялъ Кэтъ за талію и тихо, но настойчиво привлекъ ее къ себѣ. Но она и не сопротивлялась. Ея тонкій, гибкій, теплый станъ слегка лишь вздрогнулъ отъ прикосновенія моей руки, горѣвшей точно въ лихорадкѣ. Еще минута — и ея голова прислонилась къ моему плечу, и я услышалъ нѣжный аромат ея пушистыхъ, разбившихся волосъ.

— Кэтъ... какъ я счастливъ... Какъ я люблю васъ, Кэтъ... Я обожаю васъ...

Мы остановились. Руки Кэтъ обвились вокругъ моей шеи. Мои губы увлажнилъ и обжегъ поцѣлуй, такой долгій, такой страстный, что кровь бросилась мнѣ въ голову, и я зашатался... Луна нѣжно свѣтила прямо въ лицо Кэтъ, въ это блѣдное, почти бѣлое лицо. Ея глаза увеличились, стали громадными и въ то же время такими темными и такими глубокими подъ длинными рѣсницами, какъ таинственныя пропасти. А ея влажныя губы звали все къ новымъ, неутоляющимъ, мучительнымъ поцѣлуямъ.

— Кэтъ... милая... ты моя?.. совсѣмъ моя?..

— Да... совсѣмъ... совсѣмъ...

— Навсегда?

— Да, да, мой милый...

— Мы съ тобой никогда не разстанемся, Кэтъ?..

По ея лицу промелькнуло неудовольствіе.

— Зачѣмъ ты объ этомъ спрашиваешь? Развѣ тебѣ не хорошо со мной?..

— О, Кэтъ!..

— Такъ зачѣмъ же спрашивать о томъ, что будетъ? Живи настоящимъ, мой дорогой.

Время остановилось... Я не могъ дать себѣ отчета, сколько прошло минутъ или часовъ съ начала нашего свиданья. Кэтъ опомнилась первая и сказала, выскользнувъ изъ моихъ объятій:

— Поздно... меня могутъ хватиться... Проводи меня домой, Алеша...

Когда мы опять шли по темной аллеѣ изъ акацій, она прижималась ко мнѣ съ зябкой и ласковой кошачьей граціей.

— Мнѣ одной было бы здѣсь страшно, Алеша... Какой ты сильный... Обними меня... Еще... крѣпче... крѣпче... Возьми меня на руки, Алеша... понеси меня...

Она была легка, какъ перышко. Держа ее на рукахъ, я почти бѣгомъ пробѣжалъ аллею, а Кэтъ все сильнѣй, все нервнѣй обвивала мою шею, цѣловала мою шею и високъ и шептала, обдавая мое лицо порывистымъ горячимъ дыханіемъ:

— Скорѣй, еще скорѣй!.. Ахъ, какъ хорошо — какъ мнѣ хорошо. Алеша! Скорѣе!..

У калитки мы простились.

— Что вы сейчасъ будете дѣлать? — спросила Кэтъ, когда я, поклонившись, цѣловалъ попеременно ея руки.

— Я сейчасъ буду писать свой дневникъ, — отвѣтилъ я.

— Дневникъ?.. — Лицо Кэтъ выразило удивленіе и — какъ мнѣ показалось — не пріятное удивленіе. — Вы пишете дневникъ?

— Да, почти ежедневно.

— Вотъ какъ!.. И я тоже фигурирую въ вашемъ дневникѣ?

— Да. Можетъ-быть, это вамъ не пріятно?

Она разсмѣялась принужденнымъ смѣхомъ.

— Это смотря по тому... Конечно, вы когда-нибудь покажете мнѣ вашъ дневникъ?

Я пробовалъ отнѣкиваться, но Кэтъ такъ настаивала, что въ концѣ концовъ пришлось согласиться.

— Смотрите жъ, — сказала она, прощаясь со мной и грозя мнѣ пальцемъ: — если я увижу хоть одну пометку — берегитесь!

Когда я пришелъ домой и стукнулъ дверью, капитанъ проснулся и заворчалъ на меня:

— Гдѣ это вы все шляетесь, поручикъ? На рандеву, небось, ходили? Бэгэрэдство и всякая такая вещь...

Сейчасъ только я перечиталъ всѣ глупости, которыя я писалъ въ этой тетрадкѣ съ самаго начала сентября. Нѣтъ, нѣтъ, Кэтъ не увидитъ моего дневника, а то мнѣ придется краснѣть за себя каждый разъ, какъ только я о немъ вспомню. Завтра предаю этотъ дневникъ уничтоженію.

25 с е н т я б р я. Опять ночь, опять луна и опять странная, неизъяснимая для меня смѣсь очарованія любви и мученій ущемленнаго самолюбія. Не игрушка ли... Чьи-то шаги подь окномъ...

Кэ т ь — Л и д і и.

28 с е н т я б р я. «Ангель мой, Лидочекъ!

«Мой короткій романъ близится къ мирному окончанію. Завтра мы уѣзжаемъ изъ Ольховатки. Я нарочно не предупредила Лапшина, а то бы онъ, чего добраго, вздумалъ бы явиться на вокзалъ.

«Онъ очень чувствительный молодой человекъ и, вдобавокъ, совершенно не умѣетъ владѣть своей мимикой. Я думаю, онъ былъ бы способенъ расплакаться на вокзалѣ.

«Романъ нашъ вышелъ очень простымъ и въ то же время очень оригинальнымъ романомъ. Оригиналенъ онъ потому, что въ немъ мужчина и женщина помѣнялись своими постоянными ролями. Я нападала, онъ защищался. Онъ требовалъ отъ меня клятвъ въ вѣрности чуть ли даже не за гробомъ. Наконецъ онъ мнѣ порядкомъ-таки наскучилъ. Это — человекъ не нашего круга, не нашихъ манеръ и привычекъ, и даже говоритъ не однимъ съ нами языкомъ. Въ то же время у него слишкомъ большія требованія. Щадя его самолюбіе, я ему ни разу даже не намекнула о томъ, какъ могъ бы его принять папа, если бы онъ явился предъ нимъ въ качествѣ претендента на мою руку.

«Глупый! Онъ самъ не хотѣлъ продлить эти томительныя наслажденія неудовлетворенной любви. Въ нихъ есть нѣчто очаровательное. Задохаться въ тѣсномъ объятіи и медленно сгорать отъ желанія — что можетъ быть лучше этого? Наконецъ — почему знать? Можетъ-быть, есть еще болѣе дерзкія и еще болѣе томительныя ласки, о которыхъ я даже и представленія не имѣю. Ахъ, если бы

въ немъ было хотъ немножко той смѣлости, изобрѣтательности и... и испорченности, которую я раньше съ отвращеніемъ чувствовала во многихъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ!

«А онъ, вмѣсто того, чтобъ становиться съ каждымъ днемъ смѣлѣе и смѣлѣе, нылъ, вздыхалъ, говорилъ съ горечью о неравенствѣ нашихъ положеній (какъ будто бы я согласилась когда-нибудь стать его женой!), намекалъ чуть ли не на самоубійство. Повторяю тебѣ, это стало невыносимо. Только одно, одно наше свиданіе осталось у меня въ памяти, — это когда онъ носилъ меня на рукахъ по саду и, по крайней мѣрѣ, молчалъ. Ахъ, да, милая Лидочка, между прочимъ, онъ проболтался мнѣ, что пишетъ дневникъ. Это меня испугало. Богъ знаетъ, куда могъ бы потомъ попасть этотъ дневникъ. Я потребовала, чтобы онъ далъ мнѣ его. Онъ обѣщаль, но обѣщанія своего не исполнилъ. Тогда (нѣсколько дней тому назадъ), послѣ долгой ночной прогулки и уже попрощавшись съ Лапшинымъ, я подкралась къ его окну. Я застигла его на мѣстѣ преступленія. Онъ писалъ, и когда я его окликнула, онъ страшно перепугался. Первымъ движеніемъ его было — закрыть бумагу, но, ты понимаешь, я велѣла ему отдать мнѣ все написанное. Ну, моя дорогая! Это такъ смѣшно и такъ трогательно, и такъ много жалкихъ словъ!.. Я сохраню этотъ дневникъ для тебя.

«Не упрекай меня. Я не боюсь за него — онъ не застрѣлится, и я не боюсь также и за себя — онъ будетъ торжественно-молчаливъ во всю свою жизнь. Но, признаюсь, мнѣ отчего-то неопредѣленно-тоскливо... Впрочемъ, все это пройдетъ въ Петербургѣ, какъ впечатлѣніе дурного сна.

«Обнимаю тебя, моя возлюбленная сестра. Пиши мнѣ въ Петербургъ. Твоя К.»

СЪ УЛИЦЫ.

I.

Да, совершенно вѣрно. Это вы совершенно правильно опредѣлили, господинъ... извините, не имѣю высокой чести знать ваше имя, отчество... Главная причина, отчего я погибъ и теперь такъ низко пресмыкаюсь — это слабость моего характера. Такъ и присяжный повѣренный объяснялъ на судѣ, когда меня судили. «Передъ вами, господа присяжные засѣдатели, яркій примѣръ физическаго и нравственнаго вырожденія, на почвѣ наследственнаго алкоголизма, плохого питанія, истощенія и дурныхъ болѣзней». Передъ этимъ меня трое профессоровъ осматривали, и они то же самое сказали въ одинъ голосъ. Я тогда же эти слова занесъ себѣ въ записную книжку. Потому что, долженъ признаться: я хоть и потерялъ обликъ и подобіе интеллигентнаго человѣка, но люблю людей съ образованіемъ и уважаю науку.

Поглядѣвъ на меня, вы вѣдь, конечно, не скажете, что сей самый, сидящій передъ вами субъектъ тоже въ свое время стоялъ на хорошей дорогѣ и могъ сдѣлать себѣ имя и карьеру. Но это поистинѣ такъ. Выразусь символически. Тутъ есть на Пересыпи одинъ трактирчикъ, подъ названіемъ «Ягодка», съ правомъ крѣпкихъ напитковъ. самый — извините — вертелъ. И въ этомъ трак-

тирѣ висятъ за буфетомъ двѣ картины, въ родѣ какъ бы указаніе или напоминаніе, если кто еще въ трезвомъ видѣ. На одной изображенъ нѣкій оборванный мужчина, скажемъ, въ родѣ меня; спитъ въ грязи подъ заборомъ, и тутъ же рядомъ хрюкаетъ свинья. И подписано: «Могъ бы быть человѣкъ» съ восклицательнымъ знакомъ. А на другой картинѣ написано: «Покупалъ за наличныя, — покупалъ въ кредитъ», и нарисованы два индивидуума. Одинъ худой, обдерганый, штаны снизу собачки обкусаи, схватилъ себя за голову, и глаза у него паружу вылѣзли — это, который въ кредитъ. А другой сидитъ къ нему задомъ, этакій, знаете, толстый буржуй съ бакенбардами, развалился съ сигарой и смѣется, а передъ нимъ касса, и вся набита золотыми столбиками. Картины эти — лубочныя, дешевка, и я самъ по торговой части никогда не занимался, но вниманія заслуживаютъ. Потому что это въ родѣ намека на мою собственную жизнь. Х-ха! Буфетчикомъ тамъ Вуколь Наумычъ. Жестокій старикъ. Я ему разъ говорю: «Ты бы, Вуколь Наумовъ, заказалъ бы еще и третью картину нарисовать. Какъ будто бы этотъ общипанный схватилъ этого самаго банкира одной рукой за манишку, а другой рукой нырнулъ въ несгораемую кассу. А внизу подпись: «И что изъ этого вышло». Но, конечно, буфетчикъ шутокъ не понимаетъ. Я ему сказалъ просто, для аллегоріи, а онъ хотѣлъ городского кричать. Что какъ будто бы я его самого угрожалъ такимъ способомъ. Извѣстно — хамъ.

Про третью картину, то-есть это про мою фантазію, я вамъ, милостивый мой государь, не напрасно сдѣлалъ примѣръ. Потому что я самъ однажды попробовалъ такой практикой заняться, и черезъ это вычеркнулъ изъ списка жизни. Слава еще Богу, что коронный судъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, призналъ меня въ состояніи невмѣняемости и отпустилъ на свободу. А то

пришлось бы мнѣ итти добывать «мѣдь и золото» въ мѣстахъ столь отдаленныхъ.

Если ужъ къ этому подошло, то, позвольте, я лучше все по порядку. Вы меня извините, господинъ, но по вашей внѣшности и по разговору я всего скорѣе заключу, что вы, должно-быть, сотрудникъ. Ну, что жъ, можетъ-быть, моя автобіографія пригодится вамъ для воскреснаго фельетона или для популярно-научной статьи. Я съ удовольствіемъ. Напримѣръ, озаглавьте: «Къ вопросу о томъ, какъ нѣкоторыя личности безтолково устраиваютъ свою жизнь». Или, еще лучше — просто: «Исповѣдь преступнаго типа». Можно, кстати, васъ разорить еще на парочку? Только ужъ позвольте спросить обыкновеннаго, за восемь копеекъ. Оно, по крайности, безъ глицерину. Эй, пссть! чижикъ!.. Пару пива. Чего ты смотришь, дуракъ, какъ козелъ на новыя ворота? Это баринъ угощаютъ. Не видишь, кому служишь, болванъ?

Не довѣряетъ, холуй. Правда, я здѣсь какъ-то однажды большой тарарамъ надѣлалъ. Ну, кромѣ того, и экипировка моя. Знаете, какъ въ «Грандъ-Отелъ» одна шансонетка поетъ:

„Арри-ги-налиный мой кустюмъ,
Блестящій мо-ой наррядъ,
Тара-тара, тири-тири“...

Слушаю-съ, господинъ буфетчикъ. Виноватъ; самъ знаю, въ такомъ мѣстѣ, и вдругъ — куплеты. Не буду больше, молчу. Да. Такъ вотъ. Вы меня извините пожалуйста, господинъ. Если по-настоящему разсуждать, то я съ вами и въ одной комнатѣ быть недостоинъ. Кто вы — и кто я! Но вы чувствуете состраданіе къ человѣку, убитому судьбой, и даже не побрезговали посадить съ собой рядомъ. Позвольте, я вамъ за это ручку поцѣлую. Ну, ну, ну, не буду... Не сердитесь, извините.

Да. Такъ вотъ. Давеча я вамъ назвался бывшимъ сту-

дентомъ, но это все неправда. Просто, увидѣлъ, что вы — человекъ интеллигентный, и думаю: онъ всего скорѣе клонеть на студента. И стрѣльнулъ. Но вы обошлись со мной по-благородному, и потому я съ вами буду совершенно откровенно... Былъ я въ университетѣ только одинъ разъ въ жизни, и то на археологическомъ съѣздѣ, когда служилъ репортеромъ въ газетѣ. Былъ, не утаю, сильно намочившись, и что тамъ такое бормотали, ничего не понялъ. О какихъ-то каменныхъ бабахъ какого-то періода...

Однако, позвольте вамъ замѣтить, я все-таки не безъ образованія. Помилуйте, до сихъ поръ помню: Алкивиадъ былъ богатъ и знатенъ; природа щедро надѣлила его умственными способностями... и тамъ еще про собаку, какъ онъ ей отрубилъ хвостъ... исключенія на іс и все такое прочее...

Отецъ мой былъ обойщикъ и драпировщикъ, имѣлъ собственную мастерскую въ Кудринѣ, въ Москвѣ. А мать я плохо помню. Помню только, что была она женщина толстая и съ однимъ глазомъ, а другимъ все какъ будто подмигивала кому-то. Помню еще, но это ужъ точно во снѣ, какъ ее при мнѣ обнималъ нашъ старшій мастеръ Шикуновъ и говорилъ: «Ничего. Андрюшка маленькій, онъ ничего не понимаетъ, вотъ мы ему копейку дадимъ»... Пили они, должно-быть, шибко, мои папаша съ мамашей — всегда отъ нихъ виномъ пахло — и лупили меня, чѣмъ попало, — какъ говорится: палкой, скалкой, трепалкой. Воспитаніемъ моимъ неглижировали, и росъ я, какъ сорная трава, на улицѣ и на дворѣ. Настоящимъ же моимъ воспитателемъ былъ нашъ мальчикъ-подмастерье; его звали Юшка.

Долженъ я вамъ сказать, видалъ я въ моей жизни множество самыхъ разныхъ фигуръ. Достаточно того одного, что сидѣлъ въ тюрьмѣ. Но вотъ, ей-Богу, такого

безобразника и безстыдника, какъ онъ, я ни разу не встрѣчалъ. Чему онъ насъ, мальчишекъ, училъ, что заставлялъ насъ дѣлать тамъ, за каретнымъ сараемъ, между дровами, я вамъ даже не смѣю сказать — совѣстно. Ей-Богу. А вѣдь былъ онъ самъ почти ребенокъ...

Это еще пустяки, что курили, пили водку, играли въ орлянку и въ карты — налѣво, направо — и что я таскалъ у отца потихоньку деньги. Отецъ и самъ по праздникамъ, когда у насъ бывали гости, забавлялся тѣмъ, что накачивалъ меня допьяна и заставлялъ плясать... Съ Юшкой хуже бывало. Одиннадцати лѣтъ узналъ я женщину; это было опять-таки на задворкахъ, подъ руководствомъ того же самаго Юшки. Удивительно, право! Этотъ человекъ совсѣмъ исчезъ съ моего горизонта, и я не знаю, гдѣ онъ: на каторгѣ, или его убили гдѣ-нибудь, какъ собаку... Но никто никогда не имѣлъ на меня такого адскаго вліянія. Боялся я его до чрезвычайности. Повѣрите ли: даже теперь иногда вижу его во снѣ, будто онъ меня дубасить, и отъ страха просыпаюсь. За ваше здоровье! А вы сами? Нѣтъ? Ну, какъ изволите. Хорошо! Холодное.

Однако я тѣмъ временемъ подросъ. Не знаю ужъ, какой чудотворецъ пропихнулъ меня въ гимназію, въ przygotowательный классъ. Думаю, что не обошлось здѣсь безъ барашка въ бумажкѣ — сунули, должно-быть, кому слѣдуетъ. Вотъ тутъ-то и началось хожденіе моей грѣшной души по мытарствамъ. Въ три года я, кажется, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ перебивалъ, въ классическихъ и реальныхъ. Гдѣ учителю жеваной бумаги въ карманъ насовалъ, гдѣ попался пьянымъ на улицѣ. Въ одномъ мѣстѣ у товарища укралъ коллекцію перышекъ... е цетерà е цетерà, въ томъ же родѣ.

Приду, бывало, домой — отецъ сразу по глазамъ видитъ. «Вышибли?» Я молчу. «Ахъ ты, с... сынъ! Вотъ

погоди, отдамъ я тебя въ сапожники, тогда взвоешь. Ступай, принеси веревку».

Наконецъ, больше поступать стало некуда. Осталась всего только одна частная гимназія Хацимовскаго. Можетъ-быть, слышали? Зам-мѣч-чательнѣйшее было, доложу вамъ, учрежденіе, однимъ словомъ — замѣчательное чудо и волшебство. Какой-нибудь купеческій оболтусъ до пятнадцати лѣтъ голубей гонялъ, папу-маму безъ ошибки написать не можетъ, а, глядишь, отъ Хацимовскаго лѣтъ черезъ пять вышелъ съ аттестатомъ зрѣлости. Это правда: сидѣли тамъ въ послѣднихъ классахъ очень зрѣлые мужики, годовъ по двадцати пяти — бородатые, почтенные люди. Про одного такого ээіопа рассказывали, что онъ въ гимназію вмѣстѣ съ сыномъ ходилъ. Сынъ въ приготовительный, а онъ въ седьмой. И обоимъ имъ дома дѣлали на завтракъ бутерброды.

Помѣщали туда больше купеческихъ сыновей и дворянчиковъ — все исключительно тѣхъ, которыхъ отовсюду уже вышвырнули. Деньги брали за ученіе солидные. И было это заведеніе въ родѣ звѣринца: архаровцы, скандалисты, обломы; всѣ какъ на подборъ — самые развращенные мальчишки. На учителяхъ верхомъ ѣздили. Ну, ужъ и учителя у насъ были. Та-акіе гуси!..

У Хацимовскаго я окончательный лоскъ получилъ. Но и оттуда меня въ скоромъ времени — фить! За что? Да за разное. Длинная исторія. Началось это съ того, что отобралъ у меня надзиратель альбомъ этакихъ, знаете, карточекъ со стихотворными поясненіями моей собственной музы, ну и такъ далѣе... Что вспоминать! Пассонъ, какъ говорятъ французы.

Пришелъ я домой. Отецъ опять-было за веревку, но увидѣлъ, что я сильнѣе его сталъ, и осѣкся, — стопъ! Разсердился очень.

— Одна, говоритъ, тебѣ дорога осталась, орясины непутевая. Ступай въ солдаты!

Поступилъ я вольноопредѣляющимся. Четыре года подъ рядъ держалъ экзаменъ въ юнкерское училище, никакъ не могъ одолѣть бездны премудрости. Наконецъ надоѣла, должно-быть, моя фizioномія экзаменаторамъ, — пропустили. Да изъ училища въ полкъ обратно отчисляли три раза за всякія художества. Изъ училища былъ выпущенъ подпрапорщикомъ, протрубилъ въ этомъ кисломъ званіи два года и былъ произведенъ въ офицеры.

II.

Ну, о томъ, что я въ офицерскихъ чинахъ выкомаривалъ, не буду распространяться. Подробности письмомъ. Скажу коротко: пилъ, буянилъ, писалъ векселя, танцевалъ кадрили въ публичныхъ домахъ, билъ жидовъ, сидѣлъ на гауптвахтѣ. Но одно скажу: вотъ вамъ честное мое благородное слово — въ картахъ всегда бывалъ корректенъ. А выкинули меня все-таки изъ-за картъ. Впрочемъ, настоящая-то причина была, пожалуй, и похуже. Эхъ, не слѣдовало бы. Ну, да все едино — расскажу.

Была у меня въ полку любовница, жена одного офицера. Знаете: глушь, скверный южный городишко, тоска, грязь — только и было у насъ у всѣхъ развлеченія: служба — солдатъ по мордасамъ щелкать, да водка, да еще карты, да еще эти самые романы. И такъ мы усердно романсовали, что всѣ, какъ есть, приходились родственниками другъ другу. И никто въ этомъ не видѣлъ ничего особеннаго. Такъ всѣ и знали: такой-то живетъ съ такой-то, а ея мужа застали съ такой-то, а съ ней живетъ поручикъ Ивановъ, а раньше поручикъ Ивановъ жилъ... словомъ — маседуанъ.

Звали ее Марьей Николаевной. Была она тоненькая,

хрупкая, лицо, какъ у печальнаго ангела — худенькое, нѣжненькое, ротикъ маленькій, розовый, блондинка, глаза большущіе, свѣтлые, голубые. Образованная. Кончила институтъ съ медалью, играла наизусть господина Шопена, хорошей дворянской фамиліи была и со средствами. Много у насъ вокругъ нея народу вертѣлось, какъ тетеревей на току, но — никому ничего. А я, знаете, подошелъ и взялъ ее наглостью, да еще такъ нечаянно вышло это, что я и самъ не ожидалъ. Двое дѣтей у нея было, двѣ дѣвочки.

Дѣлалъ я на Пасху визиты. Собственно говоря, визиты — это просто былъ предлогъ для сугубаго пьянства. Наймешь на цѣлый день фаэтонъ и жарешь изъ одного дома въ другой. Приѣдешь куда-нибудь, а тамъ цѣлый столъ выпивки и закуски: барашки эти самые изъ сливочнаго масла, мазурки, бабы съ розанами, ветчина въ бумажныхъ завиткахъ, терновки, зубровки, сливовица. Трахъ, трахъ, рюмокъ пять-шесть хлопнулъ, навралъ-навралъ и поѣхалъ къ слѣдующимъ знакомымъ. «Ахъ, что вы, мы ни съ кѣмъ не цѣлуемся!» — «Нѣтъ, позвольте-съ, какія же вы, барышни, послѣ этого христіанки? Нѣ-ѣтъ. Даже и въ священномъ писаніи поется: другъ друга обьемъ, рцемъ»... и такъ далѣе. Программа извѣстная.

Приѣхалъ я къ Марьѣ Николаевнѣ уже подъ вечеръ. Сижу — и ничего не соображаю, что ѣмъ, что пью, что болтаю. Мужъ ея, подполковникъ, рядомъ храпитъ въ спальнѣ, тоже съ визитовъ вернулся. Время такое сѣренькое было, не то день, не то вечеръ, на дворѣ дождикъ, скука, часы стучать, разговоръ не клеится. Тоска на меня нашла. Сталъ я Марьѣ Николаевнѣ про свое дѣтство рассказывать, про Юшку, про отца, про веревку, про то, какъ меня изъ гимназіи гоняли. И заплакалъ. И вѣдь какъ человѣкъ бываетъ подлѣ, послушайте.

Самъ плачу, сморкаюсь, слезы у меня и изъ глазъ и изъ носу текутъ, трясусь весь, рассказываю красивой образованной дамѣ самые грязные ужасы — ужъ, кажется, всю душу вывернулъ на изнанку! А вѣдь нѣтъ, — себя-то я все-таки въ привлекательномъ видѣ выставилъ: что, молъ, никѣмъ я непонятая, такая возвышенная хрѣновина, въ родѣ, что ли, Евгенія Онѣгина; тяжелое дѣтство, ожесточенная душа, ласки никогда не видѣлъ — чего я тутъ только ни намоталъ. Гляжу, а она тоже плачетъ. Склонила, знаете, голову набокъ, руки на колѣняхъ сложила, глаза огромные стали, свѣтлые, а слезы по щекамъ бѣгутъ быстро, быстро, быстро. Тутъ и подхватило меня. Слышу я, что мужъ рядомъ храпитъ, кинулся къ ней и точно первый любовникъ въ театрѣ: «О! неужели ты можешь плакать? О ко-омъ? Обо мнѣ? О, эти святые слезы! Чѣмъ я искуплю ихъ?» И уже мну ее руками. Не сопротивлялась она, ни одного слова не сказала — отдалась мнѣ, какъ овечка. И лицо у нея все мокрое отъ слезъ было.

Узналъ я тогда, что это за штука — власть надъ человекомъ. Сдѣлалась Марья Николаевна съ того вечера моей рабой. Въ буквальномъ смыслѣ. Что хотѣлъ — то съ ней и дѣлалъ. И она мнѣ потомъ часто сама говорила: «Да, я знаю, что ты негодяй; ты — грязный человекъ, ты развратникъ, ты, кромѣ того, еще маленькій-маленькій, подленькій человекъ, ты алкоголикъ, ты измѣняешь мнѣ съ самыми низкими тварями; ты всякой маломальски себя уважающей женщинѣ долженъ быть омерзитель и физически и нравственно... и все-таки я люблю тебя. Я твоя раба, твоя собственность, твоя вещь. Если ты убьешь кого-нибудь, ограбишь, изнасилуешь ребенка, — отъ тебя вѣдь всего можно ожидать, — я все-таки не перестану тебя любить всю мою жизнь. Ты — моя болѣзнь».

Подобные акаѳисты она мнѣ нерѣдко читала, а также писала въ письмахъ, и я эти слова запомнилъ хорошо... И отчего это, скажите мнѣ, — вотъ вы человѣкъ, видимо, образованный и начитанный, — отчего это такъ часто умныя, милыя, прекрасныя женщины любятъ различныхъ прохвостовъ? Отъ противоположности, можетъ-быть? Вѣдь сколько, сколько я такихъ случаевъ видѣлъ въ своей жизни. Вы думаете, она была какая-нибудь особенно страстная, Марья Николаевна? О, ничуть. Уступала всегда только моимъ настояніямъ, а то относилась ко мнѣ, какъ мать. Не такъ, какъ моя родная мамашенька, которая меня произвела на свѣтъ, а по-настоящему: кротко, терпѣливо, нѣжно, заботливо...

Да. Я говорилъ сейчасъ про власть, и, можете себѣ представить, стала мнѣ Марья Николаевна до того противна, что и сказать нельзя. Измывался я надъ ней звѣрскимъ образомъ: гналъ ее отъ себя, когда приходила; назначалъ свиданія и разъ по пяти не являлся; письма ея — милыя, ласковыя, добрыя письма — на диванѣ, на полу у меня по недѣлямъ валялись нераспечатанными. Деньги я тянулъ у нея постоянно, на кутежъ, на игру, а то и на женщинъ бралъ. И, знаете, чтò я вамъ скажу? Философская мысль. Никакое зло на семъ свѣтѣ не пропадаетъ. Если ты еще мальчишкой у жука крылья оторвалъ, то и это тебѣ зачтется и приложится. Господь Богъ намъ всѣмъ, у Себя наверху, двойную итальянскую бухгалтерію ведетъ: приходъ и расходъ — все у Него разнесено по графамъ. Впрочемъ, по Дарвину, Бога нѣтъ. Ну, тогда — судьба, это все равно. И я твердо увѣренъ, что если меня впослѣдствіи, ухъ, какъ здорово по затылку стукало, то это за нее, за Марью Николаевну. Оборвалъ я ей крылышки, погубилъ ее, затопталъ, загрязнилъ ея душу, и все это дѣлалъ безъ пощады, и ее самое ненавидѣлъ до дрожи, до бѣшенства!..

Разъ собралась у меня холостая компанія. Пили, играли, пѣли, потомъ опять пили и опять играли. Я профершипиллся до тла. Посылалъ дважды денщика къ Марьѣ Николаевнѣ за подкрѣпленіемъ и опять прогоралъ. Помню, во второй разъ она мнѣ прислала записку: «Дорогой мой, постарайтесь воздержаться отъ такихъ поступковъ, въ которыхъ завтра будете сами раскаиваться. И, что бы ни случилось, помните, что у васъ есть другъ, который все для васъ готовъ сдѣлать». Я это письмо въ сѣняхъ, когда принималъ отъ денщика деньги, разорвалъ на мелкіе кусочки и швырнулъ на полъ.

Поручикъ Парфененко забралъ всѣ деньги, какія у насъ у всѣхъ были въ сложности, и вдругъ заболѣлъ животомъ и убѣжалъ домой, потому что не хотѣлъ на мѣлокъ играть. А мы опять пить. Шли уже вторыя сутки, безъ просыпу. Вотъ мы разговорились о нашихъ дамахъ. У той ноги длинныя, это хорошо, но зато худыя очень: въ платъѣ красиво, а раздѣнешь — швахъ. У этой родинка на поясницѣ. У другой словечки есть такія особенныя, излюбленныя, въ тайныя минуточки-то. Третья вотъ такъ-то цѣлуется. Однимъ словомъ, всѣхъ разобрали до послѣдней жилочки. Что намъ стѣсняться въ родномъ отечествѣ? Вал-ляй!

Стали про мою спрашивать. А я въ пьяномъ задорѣ и ляпни: да, хотите, только свистну, и она, какъ собачка, сюда прибѣжитъ и все вамъ сама покажетъ? Усомнились. Я сейчасъ же, моментально, съ денщикомъ записку: «такъ и такъ, дорогая Мари, приходите немедленно, иначе никогда меня больше не увидите. И чтобы вы не думали, что это шутка или праздная угроза, то, какъ только пріѣдетъ вашъ мужъ, въ тотъ же день все ему открою»... и слово «все» три раза подчеркнулъ.

Что вы думаете? Прибѣжала. Блѣдная, запыхалась, еле на ногахъ держится. Вошла и стала въ дверяхъ,

оперлась о косякъ, губы синія, какъ у трупа, зубы стучать. «Здравствуйте, Андрей Михайловичъ! Шла мимо, вижу свѣтъ, думаю, не у васъ ли мужъ? Боялась, какъ бы вы его въ карты не засадили. Вы вѣдь такой со-вратитель». Словомъ, невѣсть что бормочетъ, точно въ бреду; вѣдь всему полку извѣстно, что мужъ ея поѣхалъ въ округъ принимать боевые патроны! Говоритъ и сама старается улыбаться, а глаза — огромные, синіе — глядятъ на меня съ ужасомъ. Ухъ, ненависть меня взяла на нее. «Раздѣвайся», — говорю. Сняла она тальму — руки такъ и ходятъ, точно у пьяницы. Поняла вѣдь она, поняла съ первой же секунды, чего я отъ нея хочу. Сняла тальму. А я кричу: «Дальше раздѣвайся, снимай лифъ, юбку долой!» Она и не моргнула даже, глазъ отъ меня отвести не могла. Взясась за верхнюю пуговицу — разстегнула, стала вторую нащупывать, да сразу-то не найдетъ, пальцы прыгаютъ. И ни слова, ни звука. Ну, тутъ товарищи вступились. Были они всѣ пьяные, озвѣрѣлые, красные, опухшіе, но ихъ эта пантомима уязвила. До того уязвила, что, когда она ушла, — мы глядимъ — подпоручикъ Бакановъ въ обморокъ лежитъ. Былъ онъ совсѣмъ зеленый мальчикъ, застѣнчивый, вѣжливый такой, приличненькій, хоть и пилъ крѣпко. Обѣщались они — и ей и мнѣ — все сохранить въ тайнѣ, но гдѣ же удержаться. Сдѣлалась исторія извѣстна всему полку, и чаша моихъ злодѣяній, выражаясь высокимъ штилемъ, переполнилась. Стали всѣ на меня глядѣть этакимъ басомъ, вижу — руку избѣгаютъ подавать, а кто и подастъ, такъ глазами шпырять по бокамъ, точно виноватый. Открыто не рѣшались мнѣ ничего сказать, потому что жалѣли Марью Николаевну. Какъ-то сразу тогда догадались, что здѣсь не романецъ, не пустая связка отъ скуки, а что-то нелѣпое, огромное, больное — какая-то не то психологія, не то психіатрія. И мужа

ея жалѣли. Былъ онъ заслуженный шипкинскій подполковникъ и пребывалъ и, кажется, до сихъ поръ пребываетъ въ сладкомъ невѣдѣшии.

И всѣ ждали случая.

Какъ-то играли въ собраніи въ ландскнехтъ. Игра — официально недозволенная въ офицерскомъ клубѣ, но на это смотрѣли — вотъ такъ! Подошелъ и я. Везло мнѣ звѣрски въ этотъ вечеръ, просто до глупости везло, но сердце у меня было какое-то тревожное, невеселое. И еще вотъ что странно: встрѣтился я въ передней съ подпоручикомъ Бакановымъ, не поздоровались мы даже съ нимъ, а только такъ, мелькомъ взглянули другъ на друга, но отчего-то сдѣлалось мнѣ вдругъ какъ-то грустно и противно.

Обошелъ кругъ разъ семь или восемь, наступила опять моя очередь держать банкъ. Положилъ я, какъ теперь помню, направо двойку бубень, налѣво короля пикъ и выметываю середину, разъ, два, три, пять, девять, вижу — заметалась карта, и про себя твержу: «заметалась — въ пользу банкмета» — извѣстное игрецкое суевѣріе. Наконецъ — хлопъ! — выбрасываю двойку. Моя! Но — вѣдь какая судьба! — обмишулился: выпало сразу двѣ карты. И вдругъ слышу сзади: «Вы, подпоручикъ, кромѣ того, что негодяй, еще и шулеръ!» Я обернулся, а Бакановъ какъ швырнетъ мнѣ цѣлой колодой въ лицо. И кто-то еще рядомъ по щекѣ ударилъ, и еще, и еще, — со всѣхъ сторонъ! Я кричу: «Господа, позвольте же! Что такое? Это недоразумѣніе!» А мнѣ кричатъ: «Вонъ изъ собранія! Выгнать его! Выбросить въ окно! Шулеръ! Завтра же вонъ изъ полка!»

Вы понимаете: они не хотѣли Марью Николаевну скандалить передъ всѣмъ обществомъ, и вотъ и придрались къ случаю. Черезъ два дня судъ общества офицеровъ предложилъ мнѣ подать прошеніе объ увольненіи въ за-

пасъ. Такъ и выкинули изъ полка, точно шелудивую собачонку... И подѣломъ. Чтò жъ... я справедливъ: самъ знаю, что заслужилъ. Ну... да, ничего... пассонъ! Еще пива? Благодарю, я не откажусь. Ву зетъ тре земабль. Только мнѣ какъ-то неловко все одному да одному...

III.

Чѣмъ я былъ потомъ? Вы спросите лучше, чѣмъ я не былъ. Та-акая пошла со мной кувырколегія! Былъ я десятникомъ при устройствѣ канализаціи, былъ кочегаромъ въ Азовскомъ пароходствѣ, чертежникомъ, коммивояжеромъ, ученикомъ у зубного врача, таскалъ кули на пристани, вотъ въ этомъ самомъ городѣ, наборщикомъ служилъ въ типо-литографіи. Между прочимъ; въ то время, когда былъ наборщикомъ, женился. По-дурацки это какъ-то произошло. Да, все равно, черезъ полтора года я ушелъ и жену бросилъ съ мальчишкой. Занятный былъ у насъ ребяенокъ — ахъ, какая прелесть! Да я и вообще-то дѣтей до безумія люблю! — дѣтей и животныхъ. И не было у насъ при прощаніи ничего: ни ссоры, ни драки, ни измѣны. А просто меня въ одно прекрасное майское утро потянуло въ бѣга. Была, кромѣ того, у меня еще и другая мысль, что безъ меня еще жена какъ-нибудь устроится, а со мной все равно ей надо пропадать. И потому, «не говоря ни съ кѣмъ ни слова, плащомъ прикрывши полъ-лица», сунулъ я паспортъ въ боковой карманъ и фуръ-фуръ въ другой городъ.

Былъ я потомъ пѣвчимъ, служилъ въ опереткѣ въ хорѣ; послужилъ также и въ драматической труппѣ, ампуа мое было — простакъ и второй комикъ съ пѣніемъ. Послушникомъ прожилъ въ монастырѣ около года. Господи, всего и не упомнишь!

Изъ монастыря меня ловко турнули — въ одинъ моментъ. Былъ я приставленъ службой въ монастырскую гостиницу. Ничего, весело жилось. Изъ кружечнаго сбора причиталось десять цѣлковыхъ въ мѣсяць, на всемъ готовомъ, да еще кое-какіе доходишки были посторонніе. Выпивали мы изрядно, и насчетъ прочаго... Вообще — занятно. Лукавый-то, онъ всегда около святыхъ мѣстъ бродить... Искушеніе! Лѣтомъ къ намъ, къ престолу, до тысячи бабъ стекалось, крестьянки больше, мѣщаночки, купчихи, мелкія помѣщицы, — всякія: и молодыя и старыя. Поразительно: нѣтъ для женщины больше сладости, какъ грѣшить и каяться, каяться и грѣшить. А ужъ тѣмъ паче, когда кругомъ этакая молитвенная обстановка, благолѣпіе всякое, смиреніе, воздыханіе, умиленіе... А попросили меня изъ святого мѣста вотъ почему:

Висѣли у насъ по стѣнамъ въ гостиницѣ этакіе печатные листы: не молитвы, а такъ... стихотворное упражненіе нѣкоего отца Павсикакія. Озаглавлено было такъ: «Духовная борьба противъ невидимаго врага». Я и теперь помню кусочками: «Брате, затворяй съ молитвою дверь, дабы не ворвался душевредный звѣрь... Разинетъ онъ грѣха огнепылающую пасть, а ты не медли кресты и поклоны класть... Тщится онъ ужалить тебя лѣности хвостомъ, а ты отгоняй его сокрушеньемъ и постомъ... Противъ его любострастья батарей — траншею воздержанья возводи скорѣй... Будетъ онъ пускать въ тебя зависти картечь, но щитомъ тебѣ да послужить спасительная рѣчь»... И такъ далѣе, съ гранатами и съ бомбами, съ патронами и пулями... А я какъ-то съ однимъ гостиничнымъ монашкомъ, Прохоромъ, урѣзалъ муху, да взялъ карандашомъ кое-гдѣ сверху строкъ и написалъ свои собственныя рѣмочки, въ родѣ тѣхъ, извините, которыя въ извѣстныхъ уединенныхъ мѣстахъ пишутся на стѣнкахъ. И совсѣмъ забылъ объ этомъ обстоятельстве.

А тутъ вдругъ назначили къ намъ новаго преосвященнаго. Приѣхалъ владыка въ монастырь, все осмотрѣлъ, все благословилъ, остался очень доволенъ порядкомъ. Наконецъ шествуетъ въ гостиницу, видный такой пастырь, осанистый, бородатый — не архіерей, а конфета! За нимъ отецъ игумень, отецъ казначей, отецъ экономя, іеромонахи, вся соборная братія. И мы, гостиничные служки, жмемъ вдоль стѣнъ и, аки нѣкія безгласныя тѣни, благоговѣнно трепещемъ.

Владыка вдругъ спрашиваетъ: «А это у васъ что такое на стѣнахъ?» — «А это, — говоритъ экономя: — у насъ развѣшано для поученія темнаго народа... какъ бы въ стихотворной формѣ». Подошелъ преосвященный, поглядѣлъ съ минутку, потомъ повернулся къ братіи, весь красный отъ гнѣва. «Чей же грязный карандашъ написалъ эти гнусности?» Обвелъ насъ всѣхъ очами. Прозорливый былъ архипастырь: увидѣлъ, что на Прохорѣ лица нѣтъ, и тотчасъ въ него перстомъ. «Ты!» Прохоръ — бацъ въ ноги! «Прости, преосвященный владыка, былъ лишь свидѣтелемъ сего и, по слабости, не остановилъ. Писалъ послушникъ Андрей». Тогда владыка ко мнѣ. «Если, — говоритъ: — въ яблокѣ завелся червь, то вырѣзаютъ сердцевицу и отметають, дабы не погибъ весь плодъ. Завтра же убрать этого писателя изъ монастыря. Пусть упражняетъ свое скверное воображеніе въ уличныхъ газеткахъ».

И — что вы думаете — истинный провидецъ оказался владыка! Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ, по волѣ судьбы, я дѣйствительно примазался къ одной газеткѣ — сначала корректоромъ, а потомъ репортеромъ

Воздухъ тамъ былъ легкій и веселый, ни грамоты ни таланта не требовалось, дѣла дѣлались больше по кабачкамъ, по кофейнямъ, народъ кругомъ тебя все — аховый, тертый. Любо! Но и тутъ я сорвался — такая моя участь.

Пропитывались мы всё, по малости, разными вспомогательными путями. Напримѣръ, въ загородныхъ садахъ, въ кафе-шантанахъ около буфета. Упомянешь въ десяти строкахъ, что вотъ, молъ, вчера мы видѣли вновь ангажированную неутомимымъ хозяиномъ «Гвадалквивира» мексиканскую этуаль Пузу-Лаперузу, являющуюся несравненной исполнительницей... пу и... кредитъ. Фельетонисты рекламировали, какъ будто мимоходомъ, гастрономическіе магазины, романисты водили своихъ героевъ въ извѣстные рестораны и такъ далѣе. Кормились мы также вокругъ мировыхъ судей. Привлекаютъ булочника за то, что у него мастера спятъ на кадкахъ, трактирщика тянутъ за грязь, бакалейщика — за сахаринъ, но больше всего булочниковъ и кондитеровъ. А я сижу въ камерѣ на видномъ мѣстѣ и пѣтъ-нѣтъ черкну что-нибудь въ записную книжку. Ну, кому же лестно попасть въ газетную хронику? А глазомъ-то я все-таки кошу вбокъ: вижу — мой булочникъ не уходитъ, хоть его дѣло давно и кончилось, и все на меня съ безпокойствомъ поглядываетъ. Выжду я минутъ съ десятокъ и совершенно неглиже, какъ будто у себя дома, выхожу изъ камеры. Онъ за мной. На улицѣ этакимъ сдобнымъ голоскомъ спрашиваетъ: «А. позвольте узнать, вы не репортёръ?» Я на него барбосомъ: «Репортёръ. А вамъ что?» — «Да такъ-съ... хе-хе-хе-съ!.. Вотъ и мое тоже сейчасъ дѣльце разбиралось, можетъ-быть, слышали?» — «Слыхалъ». — «И записали?» — «Записалъ-съ». — Эхъ, дѣла-то какія! А вѣдь совершенно понапрасну меня запротоколили... У насъ, видите ли, околоточный... Да, позвольте, что же мы на улицѣ стоимъ? Не угодно ли вамъ зайти со мной на минуточку... Здѣсь рядомъ есть ресторанчикъ... я бы вамъ все по порядку... Знаете, и время теперь такое, что на рюмку позываетъ. А тутъ замѣчательно готовятъ фляки по-польски. Право, не завернемъ ли?» Я моментально на

себя строгость напускаю. «Да пож-жалуй, я бы и самъ, собственно говоря, не прочь, но только впередъ уговоръ: платить пополамъ. У насъ въ редакціи насчетъ разныхъ угощеній ни-ни!» Ну, конечно, уходишь изъ кабака и сытъ, и пьянъ, и четвертной билетъ въ карманѣ.

Но, повторяю, сорвался --- сорвался потому, что кусъ не по себѣ заглотивъ. Былъ у насъ въ газетѣ нѣкій фруктъ, вель онъ городскую хронику и писалъ воскресный фельетонъ. Прямо вамъ скажу — левъ былъ, а не человѣкъ! Посудите сами, много ли на думѣ наколотишь да на двухъ тысячахъ строкъ фельетона? Ну, скажемъ, двѣсти, триста рублей. А онъ лихача помѣсячно держалъ, обѣдалъ въ «Бельвию» и у Бьянки, имѣлъ содержанку-француженку, одѣвался — какъ царь Соломонъ во всей славѣ своей. Пилъ одно шампанское — такъ прямо къ супу ему и подавали флаконъ. Словомъ, рвачъ былъ.

Вотъ онъ однажды въ редакціи отзываетъ меня въ уголь. Таинственно! «Слушайте, — говоритъ: — есть дѣло. Можно обоимъ заработать тысячу. Хотите?» — «Ну, какъ не хотѣть!» — «Хорошо, такъ вотъ вамъ готовыя цифры. Поѣдете къ Дехтяренкѣ. Знаете?» — «Знаю». — «Черезъ двѣ недѣли онъ объявитъ себя несостоятельнымъ, но теперь для него страшно важно, чтобы никто не зналъ, въ какомъ у него состояніи дѣло. А мнѣ по нѣкоторымъ причинамъ самому неловко. Понимаете?» И далъ мнѣ самую подробную инструкцію.

Приѣхалъ я къ Дехтяренкѣ. «Принимаютъ?» — «Принимаютъ». — «Передайте карточку». А на карточкѣ у меня: сотрудникъ такой-то газеты, корреспондентъ такого-то столичнаго листка, ли-те-ра-торъ и сверху еще, на страхъ врагамъ, дворянская корона! Выходитъ. «Имѣю честь съ гослодиномъ Дехтяренко?» — «Эге-жъ, я самый, что треба?» — «А вотъ, видите ли, собираюсь я написать цѣлый рядъ популярно-экономическихъ статей по вопро-

самъ южной промышленности. Конечно, одно изъ самыхъ крупныхъ мѣстъ будетъ отведено вашей фирмѣ, широкой районъ которой...» словомъ — возъ комплиментовъ. Онъ ничего, слушаетъ, молчитъ, здоровенный этакій хохлище, сивый, усатый, глазки маленькіе, жуликоватые. «Все это такъ, — говоритъ: — а только какое жъ мое тутъ дѣло?» — «А, вотъ, — говорю: — собралъ я кое-какія цифровыя данныя, вотъ въ этой самой книжечкѣ, такъ пріѣхалъ для вѣрности, на всякій случай: можетъ-быть, вы, достоуважаемый Тарасъ Кирилычъ, что-нибудь доба-ви-те?» Засмѣялся хохоль, взялъ книжечку, ушелъ. Черезъ минуту появляется. «Нѣтъ, — говоритъ: — тутъ ловко состряпано. Кое-что я, впрочемъ, доба-вилъ... Но печатать вы все-таки подождите трошки. Можетъ-быть, я черезъ недѣлю вамъ другія цифры сообщу. До свиданія».

Вышелъ я на подъѣздъ, поглядѣлъ — пять радужныхъ. Мало. Тутъ, знаете, этотъ самый монастырскій душевредный звѣрь и выстрѣлилъ въ меня бомбой жадности. Пріѣхалъ въ редакцію — магъ и волшебникъ меня ждетъ. «Ну, чтò?» — «Да, ровно ничего, — говорю: — выслушалъ меня, посмотрѣлъ въ книжку и вернулъ обратно: «Это, говоритъ, меня не касается». — «Слушайте, крокодилъ, вы не врете?» — «Ей-Богу, какъ честный человѣкъ!..» «Ага, — говоритъ: — когда такъ... хорошо же. Я ему пропишу ижицу». На другой день закатилъ статью. Да вѣдь какъ ловко, шельма, сдѣлалъ-то, ни фамиліи не назвалъ ни имени, а каждому младенцу ясно, что Дехтяренко въ трубу летитъ. Ну, тутъ плохая штука вышла. Дехтяренко, какъ прочиталъ номеръ, взъерепенился и сейчасъ же къ губернатору; губернаторъ редактора къ себѣ вызвалъ, и въ тотъ же вечеръ меня, раба Божьяго, изъ редакціи — кишь на улицу, къ чортовой матери.

IV.

Два года послѣ этого я существовалъ, но чѣмъ? — ей-Богу, до сихъ поръ не знаю. Не платилъ за квартиру, — это само собой, — должалъ по кабачкамъ, бѣгалъ въ ломбарды. А главное, жилъ займами. Знакомыхъ пропасть было въ городѣ, еще по газетному дѣлу. Тутъ я глубоко постигъ изреченіе: острить и занимать деньги надо внезапно. Встрѣтишься съ кѣмъ-нибудь на бульварѣ, поговоришь-поговоришь, а потомъ вдругъ съ этакимъ небрежнымъ видомъ: «Ахъ, кстати, нѣтъ ли у васъ до завтрашняго дня рубля или двухъ?» Рубль — такія деньги, что вѣдь совѣстно не одолжить. И такъ, ничего не дѣлая, умудрялся я не только не умереть съ голоду, но еще каждый день къ вечеру бывалъ въ легкомъ подпитіи.

Изрѣдка перепадала кое-какая работишка. Оди́нъ профессоръ какъ-то пожалѣлъ меня, поручилъ мнѣ привести въ порядокъ его библіотеку и составить каталогъ. Славный былъ стариканъ, весь серебряный, красивый такой, и доброты неописуемой. Мѣсяцевъ семь я у него устраивалъ библіотеку, а какъ вздумалъ онъ однажды ее провѣрить, — такъ и ахнулъ, бѣдняга. Заплакалъ даже. «Хоть скажите мнѣ, — говоритъ: — ради Бога, кому продавали? Я втрое, вчетверо дороже отдамъ, это вѣдь все рѣдкости, единственные экземпляры!» Жалко мнѣ его стало ужасно, самъ я прослезился, только гдѣ же упомнить? Продавалъ все больше на толкучкѣ изъ рукъ въ руки. А то на вѣсѣ.

Женщины меня тоже поддерживали. И вотъ судьба моя какая проклятая: все мнѣ попадались бабы самыя душевныя, самыя кроткія — даже между кухарками, торговками, номерантками, даже между обыкновенными па-

нелыными дѣвицами. Почему ужъ это такъ выходило — чортъ ихъ знаетъ! Я не знаю...

Но все-таки жить приходилось со всячинкой. Узналъ я ходъ въ ночлежки. Разъ ночевалъ я во Флоровскомъ монастырѣ (вообще мнѣ пришлось довольно-таки много потереться около разныхъ богоспасаемыхъ мѣстъ). Это хоть и женскій монастырь, но есть тамъ спальные учрежденія для особъ того и другого пола, въ отдѣльности. Дворянское отдѣленіе стѣитъ гривенникъ. Мы эту страннопріимицу называли, по имени монастыря, отель Флорида, а иначе — гостиница Флоренція. Пришелъ я поздно, сильно дрызнувши. Тамъ, знаете, такая длинная стеклянная галлерей, и направо все каморки, на четыре человѣка каждая. Мнѣ показали свободную койку, я и легъ.

Рано утромъ дворникъ всѣхъ будить, по положенію. Я не выспался, голова трещить съ похмелья, золь — какъ сто дьябловъ. Смотрю, напротивъ меня копошится молодой человѣкъ, остриженъ ежикомъ, бородка а-ля Анри Катръ, но бѣлье на немъ, съ позволенія сказать, заношено до послѣдняго градуса. Я гляжу съ неудовольствіемъ, что будетъ дальше? Начинаетъ молодой человѣкъ чистить сапоги. Чистиль-чистиль, кряхтѣль-кряхтѣль, наконецъ кончилъ: въ сапоги хоть смотришь; потомъ припимается такъ же рачительно чистить пиджачокъ, жилеточку; потомъ вдругъ вынимаетъ изъ-подъ матраца панталоны; оказывается, онъ на нихъ всю ночь спалъ. Я спрашиваю: «Это вы что же, юноша, для сохранности? Чтобы не украли?» Онъ смѣется. «Нѣтъ, это я для того, чтобы фасонъ не терялся, лучше будутъ сидѣть». Я говорю: «Не все ли равно, какъ, въ нашемъ съ вами положеніи, сидятъ панталоны? Была бы только чистая совѣсть и рюмка водки». — А онъ смѣется и спрашиваетъ: «Что такое совѣсть? Ее ѣдятъ?» Поправился онъ мнѣ, вижу — человѣкъ не скучный, предлагаю ему

спорхнуть вмѣстѣ въ трактирчикъ. «Я, — говоритъ: — вообще-то пріемлю и даже очень, но по утрамъ боюсь, будетъ пахнуть, а мнѣ на дѣло итти». — «Э, пустяки, возьмите чаю, пожуйте, и все пройдетъ». Сталъ онъ колебаться: «Развѣ что, въ самомъ дѣлѣ, чаю?» А самъ тѣмъ временемъ одѣлся: манишку бумажную съ гвоздя снялъ, воротничокъ чистенькій, галстукъ черный съ синими звѣздами, — смотрю, ахъ, ты, чортъ! — прямо членъ парижскаго жокей-клуба изъ журнала модъ, и даже на панталонахъ спереди складки. Я говорю: «Вотъ такъ превращеніе!» А онъ только улыбается: «Намъ иначе нельзя».

Слово за слово, закатились мы съ нимъ въ одинъ кабачокъ, въ другой, въ бильярдную... Наконецъ вижу — изсякли наши фонды окончательно, и расплатиться намъ нечѣмъ. Тогда онъ спрашиваетъ, который часъ. «Четыре? Подождите меня съ четверть часа». Шапку съ дворянскимъ околышкомъ на голову и въ дверь. Повѣсилъ я носъ на квинту и говорю самому себѣ: «Ну, старый дружище, теперь центръ тяжести перенесенъ на тебя. Очевидно, дѣло безъ участка не обойдется. Ловкій однако пассажъ устроилъ юноша». Но, тѣмъ не менѣе, жду. Спросилъ газету. Проходитъ четверть часа, и двадцать минутъ, и полчаса, и больше... Я ужъ усиѣлъ даже всѣ объявленія перечитать: сбѣжалъ черный пудель, ищутъ репетитора... Признаюсь, упалъ духомъ. Лакей ходитъ мимо меня съ самымъ наглымъ видомъ. Подойдетъ къ столу и давай салфеткой у меня подъ носомъ скатерть обмахивать и посуду безъ нужды переставлять. Чтò дѣлать? Набралъ я ужъ-было воздуха, чтобы счетъ спросить, какъ вдругъ вбѣгаетъ мой молодой человѣкъ. «Чтò? Заждались, небось?» — «Н-да-а, признаться...» — «Ну, это пустяки. Человѣкъ, сколько слѣдуетъ?» — «Два двадцать». — «Дай еще бутылку краснаго вина и получи». Брякъ — золотой на столъ.

Сдружились мы съ нимъ за этотъ день, а вечеромъ онъ мнѣ во всемъ открылся. «Дѣло мое, — говоритъ: — очень простое, хотя и не такое легкое, какъ кажется спервоначалу. Я — стрѣляю». — «То-есть какъ это стрѣляете? Просите на бѣдность?» — «Н-нѣтъ, не совсѣмъ такъ. Просятъ на бѣдность на улицѣ личности небритыя, съ сизыми носами и въ рубищѣ; для такихъ двугривенный — богатство Шехеразады. А вы сами посудите, кто же мнѣ рискнетъ предложить двугривенный, если у меня форменная фуражка, чистенькій костюмчикъ и вдобавокъ хорошая дворянская фамилія? Являюсь я прямо на домъ, приказываю о себѣ доложить, представляюсь, какъ равный, за ручку. «Прошу извинить меня за безпокойство, временно пахожусь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, со дня на день ожидаю полученія мѣста...» и прочее и прочее... Какъ у него хватить духу дать мнѣ меньше рубля? Ни въ жизнь не хватить».

Поправилось мнѣ все, что онъ рассказывалъ. Попробовалъ и я на другой день эту тактику. Страшно было сначала, но ничего, понемногу обтерпѣлся, привыкъ и сталъ стрѣлять по чемъ зря. Если бы не заболѣлъ, такъ бы и не отсталъ отъ этой жизни. Оно — и унинительно и опасно, но занимательно и всегда деньги въ карманѣ — большія, легкія деньги.

Разсчитываешь всегда на психологію. Являюсь я, на примѣръ, къ инженеру — сейчасъ быю на техника по строительной части: высокіе сапоги, изъ кармана торчитъ деревянный складной аршинъ; съ купцомъ я — бывший приказчикъ; съ покровителемъ искусства — актеръ; съ издателемъ — литераторъ; среди офицеровъ мнѣ, какъ бывшему офицеру, устраиваютъ складчину. Энциклопедія!.. Лавируешь и скользишь, какъ змѣя, каждую минуту на чеку, весь — вниманіе: не сорваться, не переборщить, не впасть въ нищенскій тонъ. Все время смот-

ришь ему въ глаза, нѣтъ, и не въ глаза, а въ переносицу — такъ, по крайней мѣрѣ, и самъ неловкости не испытываешь, и ему кажется, что это у тебя такой прямой и честный взглядъ бѣднаго труженика, преслѣдуемаго судьбой. Главное — жди, пока онъ не сконфузится: за тебя или за себя ему станетъ стыдно, или за свой роскошный кабинетъ. Самаго твердаго человѣка можно въ концѣ концовъ такъ застыдить, что онъ глазами забѣгаетъ и начнетъ рукой въ карманѣ пащупывать портмоне. Тутъ сейчасъ же нажми педаль, тутъ ужъ не бойся перестараться. Все равно, онъ тебѣ въ душѣ не вѣритъ, и гадокъ ты ему до послѣдней степени, но ужъ не дать онъ не посмѣетъ, не рѣшится. Здѣсь — психологія.

Правда, бывали обратные случаи. Стрѣлялъ я однажды у члена какого-то не то Славянскаго, не то Балканскаго общества въ Одессѣ. Нѣтъ, позвольте, не Славянскаго общества, а — я потомъ узналъ — онъ самъ какое-то общество затѣвалъ. Былъ онъ, кажется, чехъ, или хорватъ, или что-то въ этомъ родѣ. Общество же его было такое: чтобы собирались въ извѣстные дни, по праздникамъ, дѣти и взрослые — по преимуществу изъ простого народа — въ большое помѣщеніе, и между прочимъ, чтобы никому запрету не было: и студентъ, и офицеръ, и гимназистка можетъ прійти. Нужно также высшее начальство заинтересовать, — хорошо, если губернаторъ посетитъ, архіерей, полицеймейстеръ; словомъ, идиллія подъ сѣнью древесъ. И чтобы всѣ въ этомъ обществѣ, подъ управленіемъ этого самаго далмата, пѣли бы пѣсни — исключительно патріотическія и духовно-правственные. Охъ, сильно я подозреваю, что все это духовно-пѣвческое общество было не что иное, какъ та же стрѣльба, только въ болѣе широкомъ масштабѣ! По крайней мѣрѣ, извѣстно мнѣ навѣрное, что писалъ онъ постоянно письма

разнымъ высокопоставленнымъ особамъ и все кланчилъ пособія на поддержку патріотической идеи.

Размахнулся я къ нему. Ба-альшой, рослый баринъ, борода по грудь, лицо этакое открытое, благожелательное, лобъ лысый. «Вы — предсѣдатель этого прекраснаго, симпатичнаго общества?» — «Какъ же, я, я, я! Весь къ вашимъ услугамъ». И обѣими руками жметъ мою руку. Началъ я ему пѣть; пѣлъ-пѣлъ, а онъ все ласковѣе становится и головой въ тактъ качаетъ, точно фарфоровый слонъ. Наконецъ говоритъ: «Все это прекрасно; я, конечно, готовъ, чѣмъ могу, но мнѣ, простите, надо быть увѣреннымъ, то ли вы именно лицо, какимъ рекомендуетесь. Позвольте посмотрѣть вашъ паспортъ». Кольнуло меня что-то въ сердце, но по неопытности и легкомыслию вынимаю изъ бокового кармана видъ — въ стрѣлковомъ дѣлѣ его всегда надо при себѣ носить, — подаю ему. Онъ моментально паспортъ въ столъ, дринь! — ящикъ на ключъ и пальцемъ въ электрическій звонокъ. «Даша! Сходите, позовите сейчасъ же полицію!» Сталъ я его молить, на колѣни становился, руки его волосатые цѣловалъ — куда тебѣ! Заговорилъ я-было съ нимъ подтверже, а онъ преспокойно вынулъ изъ другого ящика револьверъ и положилъ передъ собой. «Попробуйте», говоритъ. Энергическій мужчина. Пришлось мнѣ тогда отсидѣть два мѣсяца за профессиональное прошеніе милостыни.

Но это былъ случай единственный. О другихъ подобныхъ я даже и не слыхалъ никогда. Потому что — говорю это, какъ передъ Богомъ, положа руку на сердце — потому что люди, если только ихъ брать не гуртомъ, а по отдѣльности, большею частью хорошіе, добрые, славные люди, отзывчивые къ бѣдности. Правда, помогаютъ они чаще не тѣмъ, кому слѣдуетъ. Ну, что жъ подѣлаешь: наглость всегда правдоподобнѣе нужды. Чему вы смѣетесь? За ваше здоровье!..

Потомъ, еще чѣмъ эта жизнь была пріятна, такъ это свободой. Надоѣло въ одномъ городѣ — стрѣльнулъ на дорогу, иногда даже билетъ II-го класса выудишь, уложилъ чемоданъ, — айда въ другой, въ третій, въ столицу, въ уѣздъ, по помѣщикамъ, въ Крымъ, на Волгу, на Кавказъ. Денегъ всегда масса — иногда я по двадцати пяти рублей въ день зарабатывалъ — пьешь, женщинъ мѣняешь, сколько хочешь — раздолье!

Правда, приходилось временами поджимать животъ. Бывало, пріѣдешь въ городъ, гдѣ всѣ адреса испорчены: или слишкомъ много стрѣлковъ съѣхалось, или нѣкоторые пьяные являлись, или кто-нибудь влопался въ полицію и попалъ въ газеты, и — стопъ! — не везетъ совсѣмъ. Жмешься, жмешься, изъ гостиницы въ ночлежку переѣдешь, одежду лишнюю спустишь, бѣлье... Тогда ужъ приходилось не брезговать на улицѣ палить. Тутъ, я вамъ скажу, выработался шаблонъ. Надо стрѣлять быстро, чтобы не надоѣсть, не задержать, да и фараоновыхъ мышей опасаться, поэтому и стараешься совмѣстить все сразу: и кротость, и убѣдительность, и цвѣты краснорѣчія. Бьешь на актера, на примѣръ: «Милостивый государь, минуту вниманія! Драматическій актеръ — въ роли нищаго! Контрастъ поистинѣ ужасный! Злая иронія судьбы! Не одолжите ли нѣсколько сантимовъ на обѣдъ?» Студенту говорю такъ: «Коллега! Помогите бывшему рабочему, административно лишенному столицы. Три дня во рту маковой росинки не было!» Если идетъ веселая компанія въ подпитіи, вали на оригинальность: «Господа, вы срываете розы жизни, мнѣ же достаются тернии. Вы сыты, я — голоденъ. Вы пьете лафитъ и со-тернъ, а моя душа жаждетъ казенной водки. Помогите на сооруженіе полдиковинки бывшему профессору бѣлой и черной магіи, а нынѣ кавалеру зеленаго змія!» Ничего... засмѣются и дадутъ. Часто больше, чѣмъ ждешь!

Какіе козыри между нами были! Одинъ, напрімѣръ, по фамиліи Заблонскій: высокаго роста, красавецъ, усы и бороду брилъ, лицо полное, носъ орлиный — ну, точка въ точку, первый любовникъ со столичной сцены! Тотъ тысячи четыре въ годъ наколачивалъ. И не пилъ, съ женщинами не путался. Была у него слабость — шикарно одѣваться. Сюртукъ всегда самый модный, фракъ — на всякій случай, коричневая перчатки, костюмчикъ цвѣта этакого электрикъ, трость съ серебрянымъ набалдачникомъ, пальто сезонное балахономъ. Гордится: «Я съ пятнадцати лѣтъ своимъ роднымъ ни копейки не стою». Удивительно, какъ онъ зналъ географію Россіи! Бывало, назовешь ему для шутки какой-нибудь дрянненькій уѣздный городишко, а онъ — моментально: «Стоитъ на рѣкѣ Вихляди; вальцовая мельница, мукомоль — свѣтлая личность; предсѣдатель земской управы — такой-то, даетъ, но скупю; исправникъ свирѣпый, предводитель дворянства, когда трезвъ — гонитъ, пьяный — дастъ, сколько просишь». И такъ всѣ подробности.

Чудной народишка! Были между нами такіе, которые сами не стрѣляли, а только указывали адреса, служили въ родѣ справочныхъ книжекъ. Тотъ всегда выходитъ вмѣстѣ съ тобой на дѣло; идетъ по улицѣ и вдругъ начинаетъ въ носъ бормотать, таинственно: «Направо каменный особнякъ, Шпехтъ Арнольдъ Карловичъ, архитекторъ; непременно лично; будетъ сначала ругать скверными словами; не смущайся, уговаривай его, какъ верблюда; пятерка». Или: «Аристарховъ, Павелъ Павловичъ; дома не даетъ, надо ловить въ земельномъ банкѣ, отъ трехъ до пяти; не терпитъ длинныхъ разговоровъ». «Гирчичъ, пароходчикъ, мимо; избитое мѣсто, ни одного пенса». «Маргарита Францовна Паули; прекрасная женщина; къ ней надо письменю, отличнымъ почеркомъ и книжнымъ языкомъ; любитъ хорошую литературу». И

такъ далѣе. Понятно, такому путеводителю полагается половина или треть, смотря по условію.

Были и такіе, которые только писали письма для слабыхъ въ грамотѣ. Тутъ опять шаблонъ: «Премного всѣми уважаемая, милостивая государыня! Ваше великодушное сердце и сострадательность къ ближнимъ, обездоленнымъ судьбой, даютъ мнѣ смѣлость» и прочее и прочее. Такихъ писемъ съ собой носятъ на всякій случай пять или шесть, безъ имени, кому попадется. Иные при письмѣ влагаютъ свой паспортъ и потомъ приходятъ за нимъ.

Были старички, которые въ двухъ-трехъ мѣстахъ получали ежемѣсячно пенсію и этимъ жили. Для такого старца — главное — благообразная наружность, украшенная сѣдинами. Да у нихъ какія и потребности! Чай, табакъ, рюмка водки, газета — и больше ничего.

Былъ еще, помню, нѣкто Богоявленскій, изъ семинаристовъ; умнѣйшая, золотая голова, но на видъ — чистый сапожникъ и при томъ косою. Тотъ, бывало, сидитъ цѣлый день у себя въ номерѣ, въ одномъ бѣльѣ, и пьетъ и пишетъ письма. А около него всегда нѣсколько чело-вѣкъ ютятся для разсылки. Ахъ, какъ онъ писалъ! Прежде всего почеркъ — круглый, черный — писалъ онъ тушью — красоты неописанной и четкой, какъ самая крупная печать. А потомъ — слогъ. Дѣлалъ онъ письмами чудеса. Известно, на примѣръ, что духовную особу нѣтъ никакой возможности растрогать — это ужъ фактъ! Кремни. Мы ихъ всегда избѣгали. А онъ закатитъ какому-нибудь архипастырю страницъ восемь, да съ текстами разными, да и тексты-то подбиралъ не такіе, что «рука дающаго не оскудѣетъ», или «просите и дастся вамъ», а, на примѣръ, изъ «Премудростей сына Сирахова», изъ пророка Варуха, да еще въ скобкахъ обозначить: глава такая-то, стихъ такой-то. Блестящія писалъ письма и отказа не зналъ никогда.

Нѣтъ, денегъ никто не копилъ, все проживалось. Женщины—тѣ иногда откладывали на сберегательныя книжки, но и то до перваго любовнаго увлеченія. У женщинъ манера извѣстная — стрѣлять на швейную машину. Помогаютъ имъ иногда довольно крупно, но если хорошенькая — рѣдко задаромъ.

Если хотите, пожалуй, и интересно. Но только сначала, а потомъ... Ужъ очень народъ они сволочь, эти стрѣлки, хуже арестантовъ. У тѣхъ, по крайней мѣрѣ, есть хоть какое-нибудь товарищество, дерзость, удалъ есть. У этихъ — ничего. За рубль продадутъ и выдадутъ другъ друга, напакостятъ, донесутъ, насплетничаютъ. Завистники, лгуны, трусишки, жадные. Да и вообще я вамъ скажу: сколько я шатущаго народа ни видалъ, нѣтъ хуже, какъ тѣ, которые изъ образованныхъ свихнулись: всѣ эти корнеты отставные, пропившіеся студенты или вотъ еще — актеры. Мразь! До сладенькаго куска охочи, а работу ненавидятъ всѣми фибрами души. Чтò жъ, я вѣдь и о себѣ здѣсь говорю, я правду говорю. Эхъ, не то, что настоящіе бродяжки, по призванію. Тотъ лежитъ на солнцѣ кверху пузомъ, и ничего ему не надо. Лопаеть воблу, черный хлѣбъ съ арбузомъ. Отлежался — пошелъ на пристань хребетъ ломать. Ему чтò: ничего онъ не боится, никого не уважаетъ, никому не кланяется. И, надо признаться, глядѣли они на насъ, стрѣлковъ по профессіи, какъ на гадовъ. Да чтò! Воришки мелкіе, марвихеры, и тѣ насъ презирали. Тоже вѣдь и съ ними приходилось въ ночлежкахъ встрѣчаться.

V.

Ну-съ, попалъ я такимъ стрѣлковымъ порядкомъ въ Крымъ. Крымъ, знаете, да и вообще югъ, это настоящее гнѣздо всѣхъ шатуновъ и аферистовъ; кто разъ по-

бывалъ тамъ, того ужъ непременно опять туда потянетъ. Тепло, море, горы, красота, деньги кругомъ шалыя. Оттого тамъ всегда такъ и кишить бездѣльный народъ.

Застрялъ и я. Съ одной стороны, съ бабой связался, а кромѣ того, стала у меня итти кровь горломъ. Вотъ я тамъ и пустилъ корни.

Сначала везло мнѣ, но вдругъ оборвалось. Наступила зима, холодно, а я совсѣмъ ослабъ, ночью потѣю, днемъ трясеть меня; начну кашлять — чуть съ ногъ не валюсь. Бѣда! Главное — сезонъ кончился, золотыя овцы уѣхали въ Москву, въ Петербургъ, осталась только одна болящая голь. А мѣстнымъ жителямъ, аборигенамъ, такъ сказать, моя личность до тошноты примелькалась. Встрѣчаютъ сухо: «Позвольте-съ, это опять вы? Въ четвертый разъ? Извините, я не Вандербильтъ, чтобы всѣхъ содержать на субсидіи. До свиданія-съ». Или иное что-нибудь въ этомъ духѣ.

Женщина меня бросила. Красивая она была, бестія, горячая, злая, нетерпѣливая, алчная, — одна такая мнѣ за всю жизнь и попалась. Жить любила широко. Полька. Ее звали Зося. Напоследокъ оскандалила меня на улицѣ, — разсердилась, что я ничего не досталъ. «Ты! — кричить: — Стрѣлокъ несчастный, гадина осторожная, дохлая падалъ!» Ушла и домой не вернулась.

Потерялъ я голову. Кое-какъ, по милости одного капитана, перебрался пароходомъ изъ Крыма сюда. Здѣсь пошло еще хуже, просто — шабашъ! Зима суровая, хожу въ лѣтнемъ пальтишкѣ, сапоги дырявые, отъ кашля корчусь въ три погибели. А вѣтеръ съ моря за жариваетъ — ухъ! — такъ и шатаетъ во всѣ стороны. Какъ я живъ тогда остался — удивляюсь! И хуже всего — всякую смѣлость потерялъ. Прошу — голосъ срывается, слезы дуться. И тутъ-то я узналъ, что на истинную, заправ-

дашную нужду трудно найти сожалѣніе. Настоящее горе всегда почему-то ненатуральнымъ выходитъ. «Ты пьянъ, мерзавецъ, отъ тебя несеть, какъ изъ погреба, ступай проспись». А я не то, что не пилъ — не ѣлъ со вчерашняго дня.

Пошелъ я къ доктору. Нарочно со злобы выбралъ самаго дорогого. И что вы думаете? — оказался распрекраснѣйшимъ человѣкомъ. Не говорю уже, что лѣчилъ задаромъ. Надо сказать, что на докторовъ мы никогда не жаловались. Если ужъ очень важный, то, бывало, скажетъ: «Эхъ, некогда мнѣ съ вами возиться, вотъ вамъ карточка, идите къ моему ассистенту». Да еще вдогонку крикнетъ: «Постойте, куда же вы? Вамъ вѣдь деньги нужны? Нате и проваливайте поскорѣе». А этотъ — просто душа-человѣкъ былъ, хоть и жидъ. Лѣчилъ даромъ, деньги давалъ на лѣкарство, костюмами снабжалъ, которые, знаете, второго срока. Пальто подарилъ теплое на шерстяной ватѣ.

Сталъ я понемногу поправляться. Однажды мой докторъ и говоритъ: «Слушайте, сэръ, не все же вамъ безъ дѣла околачиваться; у меня есть для васъ въ виду мѣсто. Хотите поступить конторщикомъ въ «Южную Звѣзду»? — «Помилуйте, съ руками, ногами!» — «Ну, такъ отправляйтесь туда завтра къ одиннадцати часамъ, спросите хозяина и скажите, что отъ меня пришли. Онъ уже знаетъ».

Поступилъ я въ гостиницу и немного вздохнулъ. Обязанность легкая — сиди и пиши отъѣзжающимъ счета. Жалованья двадцать пять рублей, столъ, чай — хозяйскій, номеръ, правда, подъ лѣстницей, какъ у Хлестакова, но все-таки номеръ, свое логово. Оглядѣвшись, я еще нѣсколько на счетахъ наживалъ. Дѣлалось это очень просто: жильцу пишешь счетъ преувеличенный, а въ книгу заносишь настоящій, — разницу себѣ. Недоразумѣнія выходили очень рѣдко. Случалось, вломится въ контору ка-

кой-нибудь ольгопольскій помѣщикъ въ парусинномъ балахонѣ и начинаетъ дѣлать гармидеръ, а ты ему моментально съ любезной улыбкой: «Ахъ, да неужели? Такому почтенному гостю? О, это мы сейчасъ же разслѣдуемъ... Знаете, сто двадцать номеровъ, суматоха»... Заговоришь его, онъ и размякнетъ.

А все-таки положеніе было довольно утлое. Сталь я понемногу оглядываться вокругъ себя и вдругъ вижу, что лакеи въ сто разъ лучше моего живутъ. Худо-худо четыре-пять рублей въ день зарабатываютъ, а то шесть, семь—даже десять, при удачѣ. И надо отдать справедливость, ко мнѣ они относились довольно-таки санфасонисто.

Подумалъ я, подумалъ, и вотъ какъ-то разъ, освободилась одна лакейская вакансія, пошелъ я къ хозяину и попросился. Тотъ сначала-было глазами захопалъ. «Помилуйте, вы — бывший офицеръ, вамъ вѣдь «ты» будутъ говорить; да, знаете, и мнѣ будетъ неловко съ вами обращаться, какъ съ офиціантомъ, а дѣлать разницу — вы сами понимаете — неудобно». Но я его успокоилъ тѣмъ, что открылъ ему часть моей жизни—не самая, конечно, темная мѣста, но все-таки рассказалъ кое-какія приключенія. Согласился. Умный былъ мужикъ.

На первыхъ порахъ крѣпко меня лакеи утѣсняли: все-таки въ родѣ какъ благородный, былъ офицеромъ, недавно въ конторѣ бариномъ сидѣлъ. Но ненадолго. Во-первыхъ, я и самъ съ острыми зубами, а во-вторыхъ, есть у меня дорогая способность: во всякую жизнь вживаться. И еще чѣмъ я внушилъ имъ уваженіе — это познаніями по судебной части. У лакеевъ постоянно дѣла у мировыхъ судей и въ сѣздѣ. Все больше въ области дебоша и неуплаченныхъ счетовъ.

Трудно также было привыкать къ службѣ. Лакейское дѣло только съ виду кажется такимъ легкимъ. Прежде

всего, цѣлый день торчишь на ногахъ — бываютъ дни, что и присѣсть некогда. Старые лакеи меня, впрочемъ, съ самаго начала учили, что лучше и совсѣмъ не садиться, а то разомлѣешь и весь разобьешься. Первое время, когда я приходилъ домой, такъ ныла спина и ноги, что хоть кричи.

Потомъ память нужна особая: на какой столъ подаешь, что на кухнѣ заказано, сколько марокъ за буфетъ надо отдать, а когда счетъ потребовали, надо все сразу вспомнить. Перепутаешь — сердятся.

Но и тутъ я скоро освоился и сталъ работать не то, что не хуже, а даже лучше другихъ. Страшно меня полюбили постоянные гости, особенно тѣ, которые въ кабинеты ѣздили съ порядочными дамами. Должно-быть, оттого, что былъ я въ жизни все-таки поопытнѣе прочихъ. Знаю свое дѣло: глазъ не пялю на даму, безъ дѣла въ кабинетъ не лѣзу, у двери не торчу, держу себя скромно и свободно. Другой и старый офиціантъ, зубы проѣлъ на лакейскомъ занятіи, а не понимаетъ, какъ въ этихъ случаяхъ надо служить. Ведетъ себя какимъ-то заговорщикомъ; чуть не подмигиваетъ. Лѣзетъ безъ спросу занавѣски спускать на окнахъ. «Мы, молъ, понимаемъ, для чего вы пріѣхали. Понимаемъ, но молчимъ». Ну, а я всю эту политику скоро постигъ. Любили меня и тѣ компаніи, въ которыхъ широко кутили. Бывало, навезутъ пѣвичекъ, шансонетокъ этихъ самыхъ. Такія безобразія дѣлаютъ, что другой только плюнулъ бы, а я ничего — служу, точно вокругъ меня не люди, а неодушевленные предметы. И мои гости такъ обыкновенно и говорили офиціантамъ: «Нѣтъ, голубчикъ, на тебѣ лучше на чай, а ты ступай и позови сюда служить Андрея, мы къ нему привыкли».

Когда у насъ въ гостиницѣ кончались ужины, то у буфета оставался только одинъ дежурный лакей, на слу-

чай, если изъ номеровъ что потребуютъ. А мы, большею частью, фраки въ узелки и уходили въ ресторанчикъ «Венецію» посидѣть часъ-другой, поиграть въ карты и на бильярдъ.

Какъ мы тамъ съ прислугой обращались, Боже мой! Развалимся на стульяхъ, ноги чуть не на столъ положимъ. «Эй, ты, лакуза! шестерка!» Другихъ и названій не было для служащихъ. «Не видишь, с... сынъ, кому служишь? Какой ликеръ принесъ? Въ морду васъ бить, хамовъ». Тотъ, конечно, видитъ, что надъ нимъ кочевряжится свой же братъ, холуй несчастный, но, по должности, молчитъ. И на чай при этомъ мы давали туго.

Ухъ, какъ мы господъ промежъ себя чехвостили, которые къ намъ въ ресторанъ ходили. Да вѣдь и то, правду сказать, господа думаютъ, что мы — въ родѣ манекеновъ, ничего не видимъ, не слышимъ и не понимаемъ. А отъ насъ ничто не скроется. И кто на чужой счетъ выпить любить, и кто деньги тайкомъ отъ товарищей въ узелокъ платка завязываетъ или потихоньку въ башмакъ опуститъ, и что одинъ про другого говорятъ въ отсутствіи. А ужъ если дама въ кабинетъ пришла сначала съ однимъ мужчиной, а потомъ съ другимъ, то, будьте покойны, мы отлично разберемъ, который мужъ и который такъ. И не было у насъ для нихъ другихъ словъ, какъ сволочь, шантрапа и прохвость.

Еще у насъ былъ любимый разговоръ о хозяевахъ гостиницы: какъ кто изъ нихъ пошелъ въ гору. Вотъ гдѣ я узналъ настоящія «Тайны мадритскаго двора»! Что ни имя — то преступленіе: грабежъ, убійство или еще хуже.

Не угодно ли, вотъ вамъ коллекція. Ищенко: отель «Берлинъ», первоклассная гостиница, въ ресторанѣ по вечерамъ играютъ румыны, двадцать тысячъ чистаго дохода. И сейчасъ же историческая справка: служилъ швейцаромъ въ публичномъ домѣ, черезъ три года открылъ тем-

ный кабачокъ, черезъ пять — «Берлинъ», теперь держитъ своихъ рысаковъ на бѣгахъ. Замѣчательно, что именно въ томъ домѣ, гдѣ онъ былъ швейцаромъ, видѣли въ послѣдній разъ помѣщика Онопріенко, который — можетъ-быть, помните? — исчезъ безслѣдно. По этому поводу держали Ищенко шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, но выпустили, по недостатку уликъ.

Цыпенюкъ и Лещенецкій. Одинъ держитъ буфеты на пароходахъ, другой — гостиницу «Варшава». У обоихъ собственные дома. Цыпенюкъ — гласный. У Лещенецкаго — содержанка вѣнская этуаль. А раньше оба служили коридорными въ «Кіевѣ». При нихъ одинъ купецъ изъ Москвы скоропостижно скончался въ номерѣ и какъ будто не по собственному почину. Цыпенюка схватили, — царянины у него оказались на рукахъ и на лбу, — мариновали въ острогѣ полтора года, но ничего не могли съ нимъ подѣлать: уперся, какъ быкъ. Тоже выпустили.

Теперь — Казимиръ Хржановскій. Садъ «Тиволи» съ кафе-шантаномъ. Ѣздитъ на автомобилѣ. Занимался сводничествомъ; трехъ своихъ сестеръ пустилъ въ оборотъ, каждую по пятнадцатому году, чѣмъ и положилъ основаніе дальнѣйшей карьерѣ. Нагурскій былъ на содержаніи у шестидесятилѣтней старухи. Маліевичъ — мебелированный домъ на Большой Дворянской, 300 номеровъ — то же самое, только еще хуже, стыдно говорить. И такъ далѣе. Словомъ, все «Уложеніе о наказаніяхъ» въ лицахъ. Да и вообще, долженъ замѣтить, что я въ эти рассказы о мужичкахъ-простачкахъ, которые приходятъ въ столицу съ лаптями за спиной, а умираютъ въ тридцати милліонахъ — я въ эти рассказы плохо вѣрю. Въ фундаментѣ такихъ внезапныхъ богатствъ лежитъ всегда мошенничество, если не кровь.

Вы думаете, мы ихъ осуждали? О, наоборотъ. Только, бывало, и слышишь: «Эхъ, молодчинище, какъ ловко обтя-

паль! Чего зѣвать? Дай мнѣ въ руки такой случай, я бы и самъ по головѣ кокнулъ!» Разгорались мы всѣ, когда объ этихъ вещахъ говорили.

VI.

Особенно одинъ. Былъ у насъ такой офиціантъ, Михайла, хохоль... Виновать, господинъ буфетчикъ, сейчасъ кончаемъ. Пожалуйста, господинъ, меня онъ не послушаетъ, а вы попросите у него еще одну бутылочку, послѣднюю. Скажите, что, молъ, единымъ духомъ. Сейчасъ и исторіи моей конецъ...

Вотъ такъ. Мерси. Чего ты, болванъ, на часы вылутился? Слышалъ — хозяинъ разрѣшилъ. То-то!

Ире гезундхейтъ! Былъ этотъ Михайла человекъ сложенія жидковатаго, характеромъ — меланхоликъ, по происхожденію — изъ Мазепъ. Обожалъ до безумія церковныя службы; все, бывало, мурлычетъ: «Изра-илю пѣшеходя-ащю». Говорить много не любилъ, но, когда эти разговоры пойдутъ, его и силой не оттащить. Да какъ, да что, да куда деньги спрятали — даже надоѣсть иногда. И глаза станутъ черные такіе, масляные. Служилъ онъ лакеемъ въ первомъ этажѣ.

Почему я такъ ему понравился, ужъ не умѣю сказать. Должно-быть, общая у насъ судьба была, и потому тянуло насъ другъ къ другу. Стали мы съ нимъ какъ будто отъ прочихъ товарищей уединяться. И все у насъ разговоръ объ одномъ, все объ одномъ. И наконецъ мы оба въ этихъ разговорахъ послѣдній стыдъ потеряли. Нѣкоторымъ образомъ въ родѣ какъ голые ходили другъ передъ другомъ. Настоящаго слова еще не сказали, но уже чувствовали, что намъ даромъ не разойтись.

А я къ тому времени опять прихварывать началъ. Перемогался изо всѣхъ силъ. Случалось — подаю на столъ,

вдругъ какъ забьетъ меня кашель. Сначала держусь, а потомъ, когда не станетъ возможности, брошу приборы на столъ и бѣгомъ въ коридоръ. Кашляю, кашляю, даже въ глазахъ потемнѣетъ. Этакихъ вещей вѣдь въ хорошихъ ресторанахъ не любятъ. Ты, скажутъ, или служи, или ступай — въ больницу ложись. Здѣсь не богадѣльня. У насъ публика чистая.

Такъ я и чувствовалъ, что мнѣ вотъ-вотъ по шапкѣ дадутъ. И думалъ я: опять улица, холодъ, клопы въ ночлежкахъ, конская колбаса, грязь, гадость. Кстати, и моя Зоська ко мнѣ вернулась въ эту пору, — пронюхала, гадюка, что изъ меня опять можно деньги сосать. Есть деньги — она спокойна, ласкова, даже черезчуръ ласкова, такъ что не въ моготу бывало, а нѣтъ — кричить мнѣ при сосѣдяхъ: «Лакей вониючій! хамъ! шестерка! продажная тварь!» Только у ней тогда и оказывалось словъ.

Самое тяжелое это время было въ моей жизни, на что ужъ я, кажется, сквозь всякія горнила прошелъ. Бывало, въ мой выходной день брожу по улицамъ и мечтаю: вдругъ кто-нибудь бумажникъ потерялъ, а я найду, а въ немъ три тысячи... Или вдругъ подходитъ ко мнѣ старенькій, добренькій милліонеръ и спрашиваетъ съ участіемъ: «Почему у васъ такой грустный видъ, симпатичный молодой человѣкъ? Скажите откровенно, что васъ тревожитъ? Можетъ-быть, я смогу помочь вамъ?»

Въ это время и пріѣхалъ къ намъ въ гостиницу этотъ человѣкъ, царствіе ему небесное. Что? Странно вамъ, что я крещусь? Нѣтъ, вы не думайте: я къ ночи въ Господа Бога очень вѣрую. Днемъ, правда, впопыхахъ и въ пьянствѣ, забываю Его, моего благодѣтеля.

Разсказывать ли дальше! Непріятно вамъ это будетъ, тяжело?.. Ну, если такъ, буду продолжать по порядку.

Былъ онъ крупная шишка. Управлялъ какими-то имѣ-

ніями въ Крыму и на Кавказѣ; на Волгѣ, подъ его начальствомъ, состояло болѣе двадцати тысячъ десятинъ, кромѣ того что-то орудовалъ съ нефтью и съ желѣзомъ. Видѣлъ я его каждый день. Утромъ, бывало, выйдетъ къ завтраку — въ часъ или въ два — просто страшно на него смотрѣть. Огромный, опухшій, лицо земляное, подъ глазами черные мѣшки, а глаза оловянные, безсмысленные, чуть не выскакиваютъ наружу. Дышать ему очень трудно было; что-то такое дѣлалось у него съ легкими или съ сердцемъ, — кажется, была грудная жаба. Ляжетъ грудью на столъ, локти растопыритъ и дышитъ не то что горломъ, а спиной и животомъ и головой. Набираетъ воздуху — голову и грудь подыметъ кверху, ротъ раскроетъ, а какъ выпуститъ воздухъ, такъ весь и рухнетъ опять на столъ. Такъ и трепыхается, бѣдный, съ полчаса. Но ничего: ошарашитъ передъ завтракомъ сколько-нибудь водки, бутылку грѣтаго краснаго вина, глядишь — и поправился, и повеселѣлъ.

Крупная онъ, должно-быть, дѣла дѣлалъ и все съ шуточками, съ приговорками, за обѣдомъ, за шампанскимъ. Но и въ карты сильно игралъ и развратничалъ широко. Щедрый былъ. Много отъ него нашему брату перепадало.

Остановился онъ въ четвертомъ номерѣ, у Михайлы, въ бельэтажѣ, и странно, — съ этихъ поръ у насъ съ Михайлой нашу дружбу — чикъ! — точно ножомъ отрѣзало. Охладѣли другъ къ другу — и шабашъ. Только разъ, помню: кончилъ я службу и иду внизъ по лѣстницѣ, а онъ меня сверху кличетъ: «Андрей!» Гляжу, онъ черезъ перила перевѣсилъ и манитъ меня пальцемъ. И лицо все у него кривится, какъ у дьявола: не то смѣется, не то нарочно рожи строить. Я поднялся къ нему, спрашиваю: «Что?» А онъ говоритъ: «Вчера Николай Яковлевичъ (это такъ номера четвертаго звали), вчера Николай

Яковлевичъ пьяный вернулся и, когда легъ, сейчасъ же захрипѣлъ и двери не успѣлъ запереть. Я его толкалъ, толкалъ: «Не угодно ли, молъ, раздѣться?»—Ку-да!» Понялъ я, поглядѣлъ на Михайлу, онъ на меня. «Такъ что же?» — шопотомъ спрашиваю. А онъ, этакъ, съ растяжкой: «Да н-ничего». — «Прощай, — говорю, — Михайла». А онъ опять такъ же лѣнливо: «Прощай, Андрей».

А потомъ и случилось это самое. Подалъ я вечеромъ въ красный кабинетъ устрицы, матлотъ изъ палима и какое-то бѣлое вино и стою въ коридорѣ около часовъ. Было четверть перваго. Вдругъ точно меня кто-то сзади толкнулъ въ спину. Обернулся, гляжу — въ концѣ коридора стоитъ Михайла. Лицо бѣлое, — такое бѣлое, что отъ манишки не отличишь. Стоитъ — и ни звука. И, знаете, — удивительно: сразу я понялъ, въ чемъ дѣло. И ни онъ мнѣ не сказалъ ничего, ни я ему. Но замѣтилъ я, что у него на рукахъ бѣлыя перчатки.

Онъ впереди шелъ, я сзади. Подошли къ номеру четвертому. Въ коридорѣ ни души, и ужъ лампы потушены. Я шепчу ему: «Тише!» А онъ нарочно со всего размаха какъ дернетъ дверь! И сейчасъ же меня впередъ пропихнулъ и заперъ дверь на ключъ.

Темно было въ номерѣ, — такъ темно, что я Михайлу сразу же потерялъ, да и самъ не могу понять, куда я попалъ, гдѣ двери, въ какую сторону итти? Заблудился. Вдругъ слышу — чиркнули спичкой, огонь. Гляжу, Михайла въ комнатѣ около зеркала зажигаетъ свѣчку; думаю: «что же онъ, болванъ, такое дѣлаетъ?» А онъ со свѣчкой моментально за перегородку въ спальню. Слышу, говоритъ: «Баринъ, а баринъ, Николай Яковлевичъ, извольте раздѣваться, неудобно вамъ такъ будетъ. Позвольте, я васъ въ кроватку уложу». Помолчалъ немного и вдругъ опять: «Эй, ты, бугай черкасскій, вставай! А то какъ дамъ каблукомъ въ животъ!» И опять тихо,

только слышать, дышитъ баринъ тяжело такъ, съ на-тугой. Вдругъ Михайла зоветъ меня: «Андрей, поди сюда».

Вошелъ я за перегородку. Лежитъ Николай Яковлевичъ на спинѣ, животъ огромный, какъ гора, ротъ раскрытъ, и по бородѣ слюни потекли, одна нога на кровати, дру-гая внизъ свѣсилась. Охъ, какъ же онъ дышалъ! Видали рыбу, когда ее на берегъ вытаскать? Точь въ точь. Видно, попадала ему въ легкія всего одна чайная ло-жечка воздуху, такъ онъ ее ртомъ, и носомъ, и гор-ломъ... Стонетъ, кряхтитъ, нудится, и лицо все искри-вилось, а проснуться не можетъ...

А Михайла опять: «Просыпайся, что ли, нечистая душа! Вотъ мы вдвоемъ пришли тебя раздѣвать!» Да съ этими словами моментально хватъ у него одну подушку изъ-подъ головы. Тотъ ничего, только головой, какъ теле-нокъ, мотнулъ, всхлипнулъ и опять давай воздухъ лю-вить. Обернулся ко мнѣ Михайла, страшный такой, точно звѣрь. «Садись, — говоритъ, — на ноги и держи». А самъ подушку ему на лицо и — навалился.

Что Михайла дѣлалъ, я не видалъ, не знаю: спиной онъ ко мнѣ былъ. Помню, дрыгнулъ баринъ ногами разъ, два, три, но совсѣмъ слабо, потомъ какъ будто икнулъ одинъ разъ, — и все. Должно-быть, и самъ не замѣтилъ, какъ умиралъ. Былъ я точно въ отупѣніи. Чувствую, тянетъ меня Михайла съ кровати. — «Слѣзай!» Всталъ я, ничего не понимаю! Вижу, Михайла шарить по комо-дамъ, по столамъ, въ одеждѣ; вижу, Николай Яковле-вичъ лежитъ ужъ на двухъ подушкахъ и ноги вмѣстѣ, точно спитъ, а я, какъ идіотъ, ничего не понимаю. Помню только, что въ другой комнатѣ все какой-то стаканъ дребезжалъ: должно-быть, ѣхала по улицѣ телѣга.

Потомъ стало опять темно... Михайла мнѣ шепчетъ: «Пойдемъ... кончено»... У меня ни страха ни жалости, —

одеревянѣлъ весь. Подошли къ двери, послушали—тихо, вышли въ коридоръ — никого! Поглядѣлъ на меня Михайла и говорить: «Эхъ, дурень, на что ты похожъ! Иди ко мнѣ въ буфетную, выпей водки». Я ушелъ, а онъ еще остался въ коридорѣ.

Знаете, сколько времени это все заняло? Восемь минутъ! Меня даже ни въ одномъ кабинетѣ не успѣли хватиться. Я нарочно въ оба забѣжалъ и спросилъ: «Не вы изволили звонить?» — «Нѣтъ, — говорятъ, — мы не звонили». И вѣдь сложилось же такъ: ни одинъ офиціантъ не замѣтилъ, что я уходилъ. И весь этотъ вечеръ я служилъ точно заводной автоматъ, даже не сбился ни разу, даже не кашлялъ.

— Не сердитесь, господинъ хозяинъ. Сейчасъ уходимъ. Вы себѣ гасите лампы, мы сейчасъ.

Все равно мнѣ осталось два слова. Пришелъ я домой. Зоська, по обыкновенію, на меня наскочила-было съ руганью, но мнѣ — можете себѣ представить — все равно, точно машинѣ! И она вдругъ притихла. Раздѣлась молча и легла около меня и ко мнѣ прижалась. И долгое время я чувствовалъ, какъ ея рѣсницы мнѣ лицо щекотали.

Спалъ я въ эту ночь чудесно. Даже ни разу не проснулся. Это ужъ потомъ, въ тюрьмѣ, мнѣ все мерещилось, какъ его ноги у меня подъ руками дрыгали, и какъ рядомъ стаканъ дребезжалъ... Зато, какъ утромъ проснулся, такъ и ошалѣлъ отъ ужаса. «Господи, думаю, да неужели же это было не во снѣ? Вѣдь человека, человека мы убили съ Михайлой!» Одѣлся я.

— Уходимъ, уходимъ, не раздражайтесь. До свиданія, хозяинъ. Спасибо вамъ...

Эка, какой вѣтрило! Брр!.. Что, не надоѣлъ я вамъ своими приключеніями? Ну, я сейчасъ кончу.

Одѣлся я, вышелъ на улицу. Было утро раннее, часовъ шесть-семь. На улицахъ никого не было. Толкнулся

я къ Михайлѣ — говорятъ, дома не ночевалъ, должно-быть, въ гостиницѣ остался. Въ ресторанъ мнѣ итти рано, да и не могу туда итти — противно. Ходилъ я, ходилъ по городу. Отворили турецкія кофейни, тамъ посидѣлъ, чашку кофе выпилъ чернаго. Гляжу на людей и думаю: «всѣ, всѣ вы счастливые, у каждаго свое дѣло, у каждаго чистыя руки... а я!»

Потомъ пошелъ на бульваръ. Солнце взошло. Сыро на дорожкахъ. Гимназистки идутъ въ гимназію — маленькія болтушки, личики свѣженькія, только-что вымытыя... Сѣлъ я на скамейку и задремалъ. Вдругъ вижу, идетъ городовикъ и этакъ сызбоку на меня посматриваетъ, точно ворона на мерзлую кость. А у меня сейчасъ же мысль: «подозрѣваетъ»... Подошелъ онъ ко мнѣ. «Сидѣть, господинъ, на бульварѣ каждому дозволяется, которые проходящіе, этого мы не запрещаемъ, а чтобы спать — нельзя. У насъ пальцимейстеръ. Строго».

И что тутъ такое со мною случилось, — я до сихъ поръ понять не могу. Всталъ я со скамейки и говорю ему: «Городовой, веди меня въ участокъ, я этой ночью человѣка убилъ».

Не повѣрилъ онъ сначала. «Иди, пропись. Вино въ тебѣ вчерашнее бродить!» Подумалъ я-было одну секунду: «Можетъ-быть, это сама судьба благопріятствуетъ? Уйти развѣ?» Но почему-то не смогъ уйти. Отвелъ онъ меня.

Вотъ и все. Михайла упирался сначала, но подъ конецъ не выдержалъ, сдался. Уликъ противъ него никакихъ не было, кромѣ меня. Охъ, какой же твердый человѣкъ онъ былъ! Представьте себѣ, пока я ходилъ къ нему водку пить, что онъ сдѣлалъ. Гостиница у насъ была хоть первоклассная, но старинной постройки, и на дверяхъ еще оставались внутренніе крючки. Такъ онъ, прежде чѣмъ уйти, поставилъ крючокъ стоймя, да какъ дверью-то хлопнулъ, такъ крючокъ и запалъ самъ со-

бой въ петлю. Руки у него осматривали — ни одной ссадины: не даромъ онъ перчатки тогда надѣлъ. Словомъ, не признайся я, никогда бы на насъ и подозрѣнія не пало.

Защитникъ у меня былъ знаменитый, изъ Петербурга. Онъ такъ и говорилъ: «Во всѣхъ дѣйствіяхъ подсудимаго видна бессмысленность, слабоволіе и слабоуміе. Его одинаково можно вовлечь и въ хорошее и въ дурное». Здорово онъ во мнѣ разобрался — до нитки. И про отца вспомнилъ, и про Юшку, и про разныя мои болѣзни, и про Зоську. Меня оправдали, а Михайлу, какъ главнаго зачинщика, а также за его упорство, закатали на шесть лѣтъ. Держали меня потомъ полгода въ сумасшедшемъ домѣ, но рѣшили, что я хоть и не того... психически... но безвреденъ, — и выпустили на волю. Вотъ и все.

Я знаю, господинъ, что такихъ вещей, вообще, не рассказываютъ, и теперь поэтому намъ съ вами дорога: если вамъ налѣво, то мнѣ направо, и наоборотъ. Вы ужъ не сердитесь, но я еще разъ злоупотреблю вашей гуманностью. Знаете: ночлежка, завтра рюмку водки, пожевать что-нибудь... О, куда же мнѣ такъ много!.. Ну, а впрочемъ, мерси бьенъ.

Куда я пойду? Да, пока что, на улицу. Я — человекъ съ улицы. Не скрою отъ васъ, что, по щедротамъ вашимъ, завинчу сегодня въ какую-нибудь веселенькую трущобку. Вы говорите — подняться? Э-эхъ, что тамъ! Мой циклъ свершенъ окончательно, и никуда мнѣ больше нѣтъ ходу, кромѣ улицы.

Знаете ли-съ... Позвольте, я вамъ краткую притчу... Всѣ мы у Господа Бога нашего квартиранты. Но одни занимаютъ бельэтажъ и платятъ за десять лѣтъ впередъ, и старшій дворникъ при видѣ ихъ не знаетъ, какъ ему лучше кувыркнуть. Другіе живутъ себѣ подъ крышей, но честно, аккуратно, и просрочку считаютъ для себя несмываемымъ позоромъ. Есть и такіе, которые самовольно

контрактъ разрываютъ — это ужъ прямо скандалисты... А есть и такіе, вотъ и я въ томъ числѣ, которые и денегъ не платятъ, и осточертѣли всѣмъ до чорта, а выжить ихъ съ квартиры никакими силами нельзя.

Вотъ такъ-то-съ... Однако что же это я васъ на холодѣ держу? Простите великодушно...

О резервуаръ, мусью, какъ говорятъ французы, и глубокое вамъ мерси.

Чувствую, въ темнотѣ чувствую, какъ вы тревожитесь: «протянуть ему руку или нѣтъ?». Пожалуйста, не беспокойте себя пустяками. Что за предрасудки? Ну-съ, желаю вамъ... У, какой дьявольскій вѣтеръ!..

КОРЬ.

I.

Передъ обѣдомъ докторъ Ильяшенко и студентъ Воскресенскій искупались. Жаркій юго-восточный вѣтеръ развелъ на морѣ крупную зыбь. Вода у берега была мутная и рѣзко пахла рыбой и морскими водорослями; горячія качающіяся волны не освѣжали, не удовлетворяли тѣла, а, наоборотъ, еще больше истомляли и раздражали его.

— Вылѣзайте, коллега, — сказалъ докторъ, поливая пригоршнями свой толстый бѣлый животъ. — Такъ мы до обморока закупаемся.

Отъ купальни нужно было подыматься вверхъ, на гору, по узкой тропинкѣ, которая была зигзагами проложена въ сыпучемъ черпомъ шиферѣ, поросшемъ корявымъ дубнячкомъ и блѣдно-зелеными кочнями морской капусты. Воскресенскій взбирался легко, шагая рѣдко и широко своими длинными мускулистыми ногами. Но тучный докторъ, покрывшій голову, вмѣсто шляпы, мокрымъ полотенцемъ, изнемогалъ отъ зноя и одышки. Наконецъ онъ совсѣмъ остановился, держась за сердце, тяжело дыша и мотая головой.

— Фу! Не могу больше... Хоть снова ползай въ воду...
Постоимъ минутку...

Они остановились на плоскомъ закругленіи между двумя колѣнами дорожки и оба повернулись лицомъ къ морю. Взбудораженное вѣтромъ, мѣстами освѣщенное солнцемъ, мѣстами затѣненное облаками, — оно все пестрѣло разноцвѣтными заплатами. У берега широко бѣлѣла пѣна, тая на пескѣ кисейнымъ кружевомъ, дальше шла грязная лента свѣтло-шоколаднаго цвѣта, еще дальше — жидкая зеленая полоса, вся сморщенная, вся изборожденная гребнями волнъ, и наконецъ — могучая, спокойная синева глубокаго моря съ неправдоподобными яркими пятнами — то густо-фіолетовыми, то нѣжно-малахитовыми, съ неожиданными блестящими кусками, похожими на ледъ, занесенный снѣгомъ. И вся эта живая мозаика казалась опоясанной у горизонта черной, спокойной, неподвижной лентой безбрежной дали.

— А все-таки здорово какъ! — сказалъ докторъ. — Красота вѣдь, а?

Онъ протянулъ впередъ короткую руку съ толстенькими, какъ у младенца, пальцами и широко, по-театральному, черкнулъ ею по морю.

— Да... ничего, — равнодушно отвѣтилъ Воскресенскій и зѣвнулъ полупритворно. — Только надоѣдаетъ скоро. Декорація.

— Та-акъ! Мы ихъ ѣли. Это, знаете, анекдотъ есть такой, — пояснилъ Ильяшенко. — Пришелъ солдатъ съ войны къ себѣ въ деревню, ну и, понятно, вретъ, какъ слонъ. Публика, конечно, обалдѣвши отъ удивленія. «Были мы, говоритъ, на Балканахъ, въ самыя, значить, облака забрались, въ самую середку». — «Ахъ, батюшки, да неужто жъ въ облака?» А солдатъ этакъ съ равнодушіемъ: «А что намъ облака? Мы ихъ ѣли. Все одно, какъ стю-день».

У доктора Ильяшенки была страсть рассказывать анекдоты, особенно изъ простонароднаго и еврейскаго быта. Въ глубинѣ души онъ думалъ, что только по капризному расположенію судьбы изъ него не вышло актера. Дома онъ изводилъ жену и дочь Островскимъ, а въ гостяхъ у паціентовъ любилъ декламировать никитинскаго «Ямщика», при чемъ неизмѣнно для этого вставалъ, переворачивалъ передъ собою стулъ и опирался на его спинку вывороченными врозь руками. Читалъ же онъ самымъ неестественнымъ, нутрянымъ голосомъ, точно чревоушца-тель, полагая, что именно такъ и долженъ говорить русскій мужикъ.

Разсказавъ анекдотъ о солдатѣ, онъ тотчасъ же, первый, радостно захохоталъ свободнымъ груднымъ смѣхомъ. Воскресенскій принужденно улыбнулся.

— Видите ли, докторъ... югъ, — началъ онъ вяло, точно затрудняясь въ словахъ: — не люблю юга. Здѣсь все какъ-то масляно, какъ-то... не знаю... чрезмѣрно. Ну, вотъ, цвѣтетъ магнолія... позвольте, да развѣ это—растеніе? Такъ и кажется, что ее нарочно сдѣлали изъ картона, выкрасили зеленой масляной краской, а сверху навели лакъ. Природа! Солнце встало изъ-за моря — и жара, а вечеромъ бултыхъ за горы — и сразу ночь. Нѣтъ птицъ. Нѣтъ нашихъ сѣверныхъ зорь съ запахомъ молодой травки, нѣтъ поэзіи сумерокъ, съ жуками, съ соловьемъ, со стадомъ, бредущимъ въ пыли. Какая-то оперная декорация, а не природа...

— Въ ва-ашемъ до-омѣ, — сиплымъ теноркомъ запѣлъ докторъ. — Извѣстно, — вы кацапъ.

— А эти лунныя ночи, чортъ бы ихъ дралъ! — продолжалъ Воскресенскій, оживляясь отъ давнишнихъ мыслей, которыя онъ до сихъ поръ думалъ въ одиночку. — Одно мученье. Море лоснится, камни лоснятся, деревья лоснятся. Олеографія! Цикады дурацкія орутъ, отъ луны

никуда не спрячешься. Противно, безпокойно какъ-то, точно тебя щекочуть въ носу соломинкой.

— Варваръ! Зато, когда у васъ въ Москвѣ 25 градусовъ мороза, и даже городовые трещать отъ холода, — у насъ цвѣтутъ розы, и можно купаться.

— И южнаго народа не люблю, — упрямо продолжалъ студентъ, слѣдившій за своими мыслями. — Скверный народишко — лѣнивый, сладострастный, узколобый, хитрый, грязный. Жрутъ всякую гадость. И поэзія у нихъ какая-то масляная и приторная... Вообще — не люблю!

Докторъ остановился, развелъ руками и сдѣлалъ круглые, изумленные глаза.

— Тю-тю-тю-у! — засвисталъ онъ протяжно. — И ты, Брутусъ? Узнаю духъ нашего почтеннаго патрона въ вашихъ словахъ. Русская пѣсня, русская рубаха, а? Русский Богъ и русская подоплѣка? Жидишки, полячишки и прочіе жалкіе народишки? А?

— Будетъ вамъ, Иванъ Николаевичъ. Оставьте, — рѣзко сказалъ Воскресенскій. Лицо у него вдругъ поблѣднѣло и сморщилось точно отъ зубной боли. — Тутъ смѣяться не надъ чѣмъ; вы знаете хорошо мои взгляды. Если я до сихъ поръ не сбѣжалъ отъ этого попугая, отъ этого гороховаго шута, то только потому, что ѣсть надо, а это все скорѣе прискорбно, чѣмъ смѣшно. Довольно и того, что за двадцать пять рублей въ мѣсяць я ежедневно отказываю себѣ въ удовольствіи высказать то, что меня давитъ... душитъ за горло... что оподляетъ мои мысли!

— Пре-елестъ, ну зачѣмъ такъ сильно!

— У! Я бы ему сказалъ много разныхъ словъ! — воскликнулъ злобно студентъ, потрясая передъ лицомъ крѣпкимъ, поблѣвшимъ отъ судорожнаго напряженія кулакомъ. — Я бы... О, какой это шарлатанъ!.. Ну, да ладно... Не на вѣкъ связаны.

Глаза доктора вдругъ сузились и увлажнились. Онъ

взялъ Воскресенскаго подъ руку и, баловливо прижимаясь головой къ его плечу, зашепталъ:

— Слушайте, радость, зачѣмъ такъ кирпичиться? Ну что толку, если вы Завалишина изругаете? Вы его, онъ васъ — и выйдетъ шкандалъ въ благородномъ домѣ, и больше ничего. А вы лучше соедините сладость мести съ пріятностью любви. Вы бы Анну Георгіевну... А? Или уже?

Студентъ промолчалъ и дѣлалъ усилія высвободить свою руку изъ рукъ доктора, но тотъ еще крѣпче притиснулъ ее къ себѣ и продолжалъ шептать, играя смѣющимися глазами:

— Чудакъ-человѣкъ, вы вкусу не понимаете. Женщинѣ 35 лѣтъ, самый расцвѣтъ, огонь... тѣлеса какія! Да будетъ вамъ жасминничать — она на васъ, какъ котъ на сало, смотритъ. Чего тамъ стѣсняться въ родномъ отечествѣ? Запомните афоризмъ: женщина съ опытомъ подобна вишнѣ, надклеванной воробьемъ — она всегда слаще... Эхъ, гдѣ мои двадцать лѣтъ? — заговорилъ онъ по-театральному, высокимъ блеющимъ горловымъ голосомъ. — Гдѣ моя юность! Гдѣ моя пышная шевелюра, мои тридцать два зуба во рту, мой...

Воскресенскому удалось наконецъ вырваться отъ повисшаго на немъ доктора, но сдѣлалъ онъ это такъ грубо, что обоимъ стало неловко.

— Простите, Иванъ Николаичъ, а я... не могу такихъ мерзостей слушать... Это не стыдливость, не цѣломудріе, а... просто грязно, и... вообще... не люблю я этого... не могу...

Докторъ насмѣшливо растопырилъ руки и хлопнулъ себя по ляжкамъ.

— Очарованіе мое, значить, вы не понимаете шутокъ? Я самъ вполне уважаю чужія убѣжденія и, увѣряю васъ, радуюсь, когда вижу, что среди нынѣшней молодежи мно-

гіе смотрять чисто и честно на эти вещи, но почему же нельзя пошутить? Сейчас же фрр... и хвостъ вѣеромъ. Къ чему?

— Извините, — глухо сказалъ студентъ.

— Ахъ, родной мой, я же вѣдь это не къ тому. Но только всѣ вы теперь какіе-то дерганые стали. Вотъ и вы: здоровенный мужчище, грудастый, плечистый, а нервы, какъ у институтки. Кстати, знаете, что, — прибавилъ докторъ дѣловымъ тономъ: — вы бы, сладость моя, порѣже купались. Особенно въ такую жару. А то, знаете, можно съ непривычки перекупаться до серьезной болѣзни. У меня одинъ паціентъ нервную экзему схватилъ отъ того, что злоупотреблялъ моремъ.

Они шли теперь по послѣднему, почти ровному излому тропинки. Справа отъ нихъ обрывалась круто внизъ гора и безконечно далеко уходило кипящее море, а слѣва лѣпились по скату густые кусты шиповника, осыпаннаго розовыми, нѣжными цвѣтами, и торчали изъ красно-желтой земли, точно спины лежащихъ животныхъ, большіе, сѣрые, замшѣлые камни. Студентъ смущенно и сердито глядѣлъ себѣ подъ ноги.

«Нехорошо это вышло, — думалъ онъ, морщась. — Нелѣпо какъ-то. Въ сущности, докторъ славный, добрый человекъ, всегда внимательный, уступчивый, ровный. Правда, онъ держитъ себя немножко паяцомъ и болтливъ, ничего не читаетъ, сквернословитъ, опустился благодаря легкой курортной практикѣ... Но все-таки онъ хорошій, и я поступилъ съ нимъ рѣзко и невѣжливо».

А Ильяшенко въ это время безпечно сбивалъ тросточкой тонкіе бѣлые цвѣточки павилики, крѣпко пахнувшіе горькимъ миндалемъ, и напѣвалъ вполголоса:

Въ вашемъ до-омѣ узналъ я впервые-ые...
Сладость чистой и нѣжн-ай любви.

II.

Они вышли на шоссе. Надъ бѣлой каменной оградой, похожей своею массивностью на крѣпостную стѣну, вышала дача, затѣйливо и крикливо выстроенная въ видѣ стилизованнаго русскаго терема, съ коньками и драконами на крышѣ, со ставнями, пестро разрисованными цвѣтами и травами, съ рѣзными наличниками, съ витыми колонками, въ формѣ бутылокъ, на балконахъ. Тяжелое и несуразное впечатлѣніе производила эта вычурная, пряничная постройка на фонѣ сіяющаго крымскаго неба и воздушныхъ, сѣро-голубыхъ горъ, среди темныхъ, задумчивыхъ, изящныхъ кипарисовъ и могучихъ платановъ, обвитыхъ съ верху до низу плющемъ, вблизи отъ прекраснаго, радостнаго моря. Но ея владѣлецъ, Павелъ Аркадьевичъ Завалишинъ, бывшій корнетъ армейской кавалеріи, затѣмъ комиссіонеръ по продажѣ домовъ, позднѣе — нотаріусъ въ крупномъ портовомъ городѣ на югѣ, а нынѣ извѣстный нефтяникъ, пароходовладѣлецъ и предсѣдатель биржевого комитета, — не чувствовалъ этого противорѣчія. «Я — русскій, и потому имѣю право презирать всѣ эти ренессансы, рококо и готики! — кричалъ онъ иногда, стуча себя въ грудь. — Намъ заграница не указъ. Будетъ-съ: довольно накланялись. У насъ свое, могучее, самобытное творчество, и мнѣ, какъ русскому дворянину, начихать на иностранщину!»

На огромномъ нижнемъ балконѣ уже былъ накрытъ столъ. Дожидались Завалишина, который только-что пріѣхалъ изъ города и переодѣвался у себя въ комнатѣ. Анна Георгіевна лежала на креслѣ-качалкѣ, томная, изнемогающая отъ жары, въ легкомъ халатѣ изъ молдаванскаго полотна, шитаго золотомъ, съ широкими, разрѣзными до подмышекъ рукавами. Она была еще очень кра-

сива тяжелой, самоуверенной, пышной красотой, — красотой полной, хорошо сохранившейся брюнетки южного типа.

— Здравствуйте, докторъ, — сказала она низкимъ голосомъ, чуть-чуть картавя. — Отчего вы вчера не догадались пріѣхать? У меня была такая мигрень!

Не подымаясь съ кресла, она лѣниво протянула Ивану Николаевичу руку, при чемъ свисшій внизъ рукавъ открылъ круглое, полное плечо съ бѣлой оспинкой, и голубыя жилки на внутреннемъ сгибѣ локтя, и темную хорошенькую родинку немного повыше. Анна Георгиевна (она требовала почему-то, чтобы ее называли не Анной, а Ниной) знала цѣну своимъ рукамъ и любила ихъ показывать.

Ильяшенко приникъ къ протянутой рукѣ такъ почти-тельно, что ее пришлось у него выдернуть насильно.

— Вотъ видите, какой у насъ докторъ галантный, — сказала Анна Георгиевна, переводя на Воскресенскаго смѣющіеся, ласковые глаза. — А вы никогда у дамъ рукъ не цѣлуете. Медвѣдь! Подите сюда, я перевяжу вамъ галстухъ. Вы Богъ знаетъ какъ одѣваетесь!

Студентъ неуклюже подошелъ и нагнулся надъ ней, ощущая, сквозь сильный аромат духовъ, запахъ ея волосъ. Ловкіе, нѣжные пальцы забѣгали по его шеѣ.

Воскресенскій былъ цѣломудренный молодой человекъ, въ прямомъ, здоровомъ смыслѣ этого слова. Конечно, еще съ первыхъ классовъ гимназіи онъ, по наслышкѣ, зналъ все, что касается самыхъ интимныхъ отношеній между женщиной и мужчиной, но его просто никогда не тянуло дѣлать то, что дѣлали и чѣмъ хвастливо гордились его товарищи. Въ немъ сказывалась спокойная и здоровая кровь устойчивой старинной поповскою семьи. Но и лице-мѣрнаго, ханжескаго негодованія противъ «безстыдниковъ» у него не было. Онъ равнодушно слушалъ то, что гово-

рилось по этому поводу, и не возмущался, если при немъ рассказывали тѣ извѣстные анекдотцы, безъ которыхъ въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ не обходится ни одинъ разговоръ.

Онъ хорошо понималъ, что значило постоянное заигрываніе съ нимъ Анны Георгіевны. Здороваясь и прощаясь, она подолгу задерживала его руку въ своей мягкой, изнѣженной и, въ то же время, крѣпкой рукѣ. Она любила, подъ видомъ шутки, ерошить ему волосы, звала его иногда покровительственно уменьшительнымъ именемъ, говорила при немъ рискованныя, двусмысленныя вещи. Если имъ обоимъ случалось нагнуться надъ альбомомъ, или опереться рядомъ на перила балкона, слѣдя за пароходомъ въ морѣ, она всегда жалась къ нему своей большой грудью и горячо дышала ему въ шею, при чемъ завитки ея жесткихъ, курчавыхъ волосъ щекотали его щеку.

И она возбуждала въ Воскресенскомъ странное, смѣшанное чувство — боязливости, стыда, страстнаго желанія и отвращенія. Когда онъ думалъ о ней, она представлялась ему такой же чрезмѣрной, ненатуральной, какъ и южная природа. Ея глаза казались ему черезчуръ выразительными и влажными, волосы черезчуръ черными; губы было неправдоподобно ярки. Лѣнивая, глупая, безпринципная и сладострастная южанка чувствовалась въ каждомъ ея движеніи, въ каждой улыбкѣ. Если она подходила къ студенту слишкомъ близко, то онъ сквозь одежду, на разстояніи, ощущалъ теплоту, исходящую отъ ея большого, полного, начинающаго жирѣть тѣла.

Двое подлѣтковъ-гимназистовъ, съ которыми занимался Воскресенскій, и три дѣвочки, поменьше, сидѣли за столомъ, болтая ногами. Воскресенскій, стоявшій согнувшись, поглядѣлъ на нихъ искоса, и ему вдругъ стало совѣстно за себя и за нихъ, и въ особенности за голыя, теплыя руки ихъ матери, которыя двигались такъ близко пе-

редь его губами. Онъ неожиданно выпрямился, съ покраснѣвшимъ лицомъ.

— Позвольте-съ, я самъ, — сказалъ онъ хрипло.

На балконѣ показался Завалишинъ, въ фантастическомъ русскомъ костюмѣ: въ чесучовой поддевкѣ поверхъ шелковой голубой косоворотки и въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ. Этотъ костюмъ, который онъ всегда носилъ дома, дѣлалъ его похожимъ на одного изъ провинціальныхъ садовыхъ антрепренеровъ, охотно щеголяющихъ передъ купечествомъ широкой натурой и одеждой въ русскомъ стилѣ. Сходство дополняла толстая золотая цѣпь черезъ весь животъ, бряцавшая десятками брелоковъ-жетоновъ.

Завалишинъ вошелъ быстрыми, тяжелыми шагами, высоко неся голову и картинно расправляя обѣими руками на двѣ стороны свою пушистую, слегка сѣдѣющую бороду. Дѣти, при его появленіи, вскочили съ мѣстъ. Анна Георгиевна медленно встала съ качалки.

— Здравствуйте, Иванъ Николаевичъ. Здравствуйте, Цицеронъ, — сказалъ Завалишинъ, небрежно протягивая руку студенту и доктору. — Кажется, я заставилъ себя ждать? Боря, молитву.

Боря съ испуганнымъ видомъ залепеталъ:

— Оч-чи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ...

— Прошу, — сказалъ Завалишинъ, короткимъ жестомъ показывая на столъ. — Докторъ, водки?

Закуска была накрыта сбоку на отдѣльномъ маленькомъ столикѣ. Докторъ подошелъ къ ней шутовскимъ шагомъ, немного согнувшись, присѣдая, подшаркивая каблуками и потирая руки.

— Одному фрукту однажды предложили водки, — началъ онъ по обыкновенію паясничать. — А онъ отвѣтилъ: — «Нѣтъ, благодарю васъ; во-первыхъ, я не пью, во-вторыхъ, теперъ еще слишкомъ рано, а въ-третьихъ, я уже выпилъ».

— Изданіе двадцатое,—замѣтилъ Завалишинъ.—Возьмите икры.

Онъ придвинулъ къ доктору деревянный лакированный ушатъ, въ которомъ, во льду, стояла серебряная бадья съ икрой.

— Удивляюсь, какъ вы можете въ такую жару пить водку, — сказала, морщась, Анна Георгіевна.

Завалишинъ поглядѣлъ на нее съ серьезнымъ видомъ, держа у рта серебряную чеканную чарочку.

— Русскому человѣку отъ водки нѣтъ вреда, — отвѣтилъ онъ внушительно.

А докторъ, только-что выпившій, громко крякнулъ и прибавилъ дьяконскимъ басомъ:

— Во благовременіи... Чтò же, Павелъ Аркадьевичъ? Отецъ Мелетій велить по третьей?

За столомъ прислуживалъ человѣкъ во фракѣ. Прежде онъ носилъ что-то въ родѣ ямщичьей безрукавки, но Анна Георгіевна въ одинъ прекрасный день нашла, что господамъ и слугамъ неприлично рядиться почти въ одинаковые костюмы, и настояла на европейской одеждѣ для лакея. Но зато вся столовая мебель и утварь отличались тѣмъ безшабашнымъ, ёрническимъ стилемъ, который называется русскимъ декадансомъ. вмѣсто стола стоялъ длинный, закрытый со всѣхъ сторонъ ларь; сидя за нимъ, нельзя было просунуть ногъ впередъ, — приходилось все время держать ихъ скорченными, при чемъ колѣни больно стучались объ углы и выступы рѣзного орнамента, а къ тарелкѣ нужно было далеко тянуться руками. Тяжелые, низкіе стулья, съ высокими спинками и растопыренными ручками, походили на театральные деревянные троны— жесткіе и неудобные. Жбаны для кваса, кувшины для воды и сулеи для вина имѣли такіе чудовищные размеры и такія нелѣпыя формы, что наливать изъ нихъ приходилось стоя. И все это было вырѣзано, выжжено и

разрисовано разноцвѣтными павлинами, рыбами, цвѣтами и неизбѣжными пѣтухами.

— Нигдѣ такъ не ѣдятъ, какъ въ Россіи, — сочнымъ голосомъ говорилъ Завалишинъ, заправляя бѣлыми, волосатыми руками уголь салфетки за воротникъ. — Да, господинъ студентъ, я знаю, что вамъ это непріятно, по—увы! — это такъ-съ. Во-первыхъ, рыба. Гдѣ въ мірѣ вы отыщете другую астраханскую икру? А камскія стерляди, осетрина, двинская семга, бѣлозерскій снітокъ? Найдите, будьте любезны, гдѣ-нибудь во Франціи ладожскаго сига или гатчинскую форель. Ну-ка, попробуйте, найдите; я васъ объ этомъ усердно прошу. Теперь возьмите дичь. Все, что вамъ угодно, и все въ несмѣтномъ количествѣ: рябчики, тетерки, утки, бекасы, фазаны на Кавказѣ, вальдшнепы. Потомъ дальше: черкасское мясо, ростовскіе поросята, нѣжинскіе огурцы, московскій молочный теленокъ! Да, словомъ, все, все... Сергѣй, дай мнѣ еще ботвиньи.

Павель Аркадьевичъ ѣлъ много, жадно и некрасиво. «А вѣдь онъ порядочно наголодался въ молодости», — подумалъ студентъ, наблюдая его украдкой. Случалось иногда, что среди фразы Завалишинъ клалъ въ ротъ слишкомъ большой кусокъ, и тогда нѣкоторое время тянулась мучительная пауза, въ продолженіе которой онъ, торопливо и неряшливо прожевывая, глядѣлъ на собеседника выпученными глазами, мычалъ, двигалъ бровями и нетерпѣливо качалъ головой и даже туловищемъ. Въ эти минуты Воскресенскій опускалъ глаза на тарелку, чтобы не выдать своей брезгливости.

— Докторъ, а вина? — съ небрежной любезностью предлагалъ Завалишинъ. — Рекомендую вамъ вотъ это бѣленькое. Это Орианда 93-го года. Вашъ стаканъ, Демосѣенъ.

— Я не пью, Павель Аркадьевичъ. Простите.

— Эт-то уд-дивительно! Юноша, который не пьетъ и

не курить. Скверный признакъ, молодой человѣкъ! — вдругъ строго возвысилъ голосъ Завалишинъ. — Скверный признакъ! Кто не пьетъ и не курить, тотъ мнѣ всегда внушаетъ подозрѣніе. Это—или скряга, или игрокъ, или развратникъ. Пардонъ, къ вамъ сіе не касательно, господинъ Эмпедоклъ. Докторъ, а еще? Это — Орианда; право же, недурное винишко. Спрашивается, зачѣмъ я долженъ выписывать отъ колбасниковъ разные тамъ мозельвейны и другую кислятину, если у насъ, въ нашей матушкѣ Россіи, выдѣлываютъ такія чудныя вина. А? Какъ вы думаете, профессоръ? — вызывающе обратился онъ къ студенту.

Воскресенскій принужденно и вѣжливо улыбнулся.

— У всякаго свой вкусъ...

— Де густибусь?.. знаю-съ. Тоже учились когда-то... Чему-нибудь и какъ-нибудь, выразился великій Достоевскій. Вино, конечно, пустяки, киндершпиль, но важенъ принципъ. Принципъ важенъ, да! — закричалъ неожиданно Завалишинъ. — Если я истинно-русскій, то и все вокругъ меня должно быть русское. А на нѣмцевъ и французовъ я плевать хочу. И на жидовъ. Чтò, не правду я говорю, докторъ?

— Да... собственно говоря — принципъ... это, конечно... да, — неопредѣленно пробасилъ Ильяшенко и развелъ руками.

— Горжусь тѣмъ, что я русскій! — съ жаромъ воскликнулъ Завалишинъ. — О, я отлично вижу, что господину студенту мои убѣжденія кажутся смѣшными и, такъ сказать, дикими, но ужъ чтò подѣлаешь! Извините-съ. Возьмите такимъ, каковъ есть-съ. Я, господа, свои мысли и мнѣнія высказываю прямо, потому что я человѣкъ прямой, настоящій русопетъ и привыкъ рубить съ плеча. Да, я смѣло говорю всѣмъ въ глаза: довольно намъ стоять на заднихъ лапахъ передъ Европой. Пусть не мы ея, а

она, насъ боится. Пусть почувствуютъ, что великому, славному, здоровому русскому народу, а не имъ, тараканьимъ мощамъ, принадлежитъ рѣшающее властное слово! Слава Богу! — Завалишинъ вдругъ размахисто перекрестился на потолокъ и всхлипнулъ. — Слава Богу, что теперь все больше и больше находится такихъ людей, которые начинаютъ понимать, что кургузый нѣмецкій пиджакъ уже трещить на русскихъ могучихъ плечахъ; которые не стыдятся своего языка, своей вѣры и своей родины, которые довѣрчиво протягиваютъ руки мудрому правительству и говорятъ: «веди насъ!..»

— Поль, ты волнуешься, — лѣниво замѣтила Анна Георгиевна.

— Я ничего не волнуюсь, — сердито огрызнулся Завалишинъ. — Я высказываю только то, что долженъ думать и чувствовать каждый честный русскій подданный. Можетъ-быть, кто-нибудь со мной не согласенъ? Что жъ, пускай мнѣ возразить. Я готовъ съ удовольствіемъ выслушать противное мнѣніе. Вотъ, напримѣръ, господину Воздвиженскому кажется смѣшнымъ...

Студентъ не поднялъ опущенныхъ глазъ, но поблѣднѣлъ, и ноздри у него вздрогнули и расширились.

— Моя фамилія — Воскресенскій, — сказалъ онъ тихо.

— Виновать, я именно такъ и хотѣлъ сказать: Вознесенскій. Виновать. Такъ вотъ, я васъ и прошу: чѣмъ строить разныя кривыя улыбки, вы лучше разбейте меня въ моихъ пунктахъ, докажите мнѣ, что я заблуждаюсь, что я не правъ. Я говорю только одно: мы плюемъ сами себѣ въ кашу. Мы продаемъ нашу святую, великую, обожаемую родину всякой иностранной шушерѣ. Кто орудуетъ съ нашей нефтью. — Жиды, армяшки, американцы. У кого въ рукахъ уголь? руда? пароходы? электричество? — У жидовъ, у бельгійцевъ, у нѣмцевъ. Кому принадлежать сахарные заводы? — Жидамъ, нѣмцамъ и по-

лякамъ. И, главное, вездѣ жидъ, жидъ, жидъ!.. Кто у насъ докторъ?—Шмуль. Кто аптекарь? банкиръ? адвокатъ? — Шмуль. Ахъ, да чортъ бы васъ побралъ! Вся русская литература танцуетъ маюфесъ и не вылѣзаетъ изъ миквы. Чтò ты дѣлаешь на меня страшные глаза, Анечка? Ты не знаешь, чтò такое миква? Я тебѣ потомъ объясню. Да. Недаромъ кто-то сострилъ, что каждый жидъ—прирожденный русскій литераторъ. Ахъ, помилуйте, евреи! израэлиты! сіонисты! угнетенная невинность! священное племя! Я говорю одно,—Завалишинъ свирѣпо и звонко ударилъ вытянутымъ пальцемъ о ребро стола:—я говорю только одно: у насъ, куда ни обернешься, сейчасъ на тебя такъ мордой и претъ какая-нибудь благородная оскорбленная нація. «Свободу! языкъ! народныя права!» А мы-то передъ ними разстилаемся. «О, бѣдная, культурная Финляндія! О, несчастная, поработенная Польша! Ахъ, великій, истерзанный еврейскій народъ!.. Бейте насъ, голубчики, презирайте насъ, топчите насъ ногами, садитесь къ намъ на спины, поѣзжайте». Н-но нѣтъ!—грозно закричалъ Завалишинъ, внезапно багровѣя и выкатывая глаза.—Нѣтъ!—повторилъ онъ, ударивъ себя изо всей силы кулакомъ въ грудь. — Этому безобразію подходитъ конецъ. Русскій народъ еще покамѣстъ только чешется спросонья, но завтра, Господи благослови, завтра онъ проснется. И тогда онъ стряхнетъ съ себя блудливыхъ радикальствующихъ ин-тел-ли-гентовъ, какъ собака блохъ, и такъ сожметъ въ своей мощной длани всѣ эти угнетенныя невинности, всѣхъ этихъ жидишекъ, хохлишекъ и полячишекъ, что изъ нихъ только сокъ брызнетъ во всѣ стороны. А Европѣ онъ просто-напросто скажетъ: тубо, старая...

— Bravo, bravo, bravo!—голосомъ, точно изъ граммофона, подхватилъ докторъ.

Гимназисты, сначала испуганные крикомъ, громко захо-

хотали при послѣднемъ словѣ, а Анна Георгіевна сказала, дѣлая страдальческое лицо:

— Поль, зачѣмъ ты такъ при дѣтяхъ!

Завалишинъ однимъ духомъ проглотилъ стаканъ вина и торопливо палилъ второй.

— Пардонъ. Сорвалось. Но я говорю только одно: я сейчасъ высказалъ всѣ свои убѣжденія. По крайней мѣрѣ—честно и откровенно. Пусть теперь они, т.-е., я хочу сказать, господинъ студентъ, пусть они опровергнутъ меня, разубѣдятъ. Я слушаю. Это все-таки будетъ честнѣе, чѣмъ отдѣлываться разными кривыми улыбочками.

Воскресенскій медленно пожалъ плечами.

— Я не улыбаюсь вовсе.

— Ага! Не даете себѣ труда возражать? Кон-нечно! Это сам-мое лучшее. Стоите выше всякихъ споровъ и доказательствъ?

— Нѣтъ... совсѣмъ не выше... А просто, намъ съ вами невозможно столкнуться. Зачѣмъ же понапрасну сердиться и портить кровь?

— Та-акъ! Пон-ним-маю! Не удостоиваете, значить?— Завалишинъ пьянѣлъ и говорилъ преувеличенно громко.— А жаль, очень жаль, милый вьюноша. Лестно было бы усладиться млекомъ вашей мудрости.

Въ эту секунду Воскресенскій впервые поднялъ глаза на Завалишина и вдругъ почувствовалъ приливъ острой ненависти къ его круглымъ, свѣтлымъ, выпученнымъ глазамъ, къ его мясистому, красному и точно рваному у ноздрей носу, къ покатутому назадъ, бѣлому, лысому лбу и фатоватой бородѣ. И неожиданно для самого себя онъ заговорилъ слабымъ, сдавленнымъ, точно чужимъ голосомъ:

— Вамъ непременно хочется вызвать меня на споръ? Но, увѣряю васъ, это бесполезно. Все, что вы изволили сейчасъ съ такимъ жаромъ высказывать, я слы-

шалъ и читалъ сотни разъ. Вражда ко всему европейскому, свирѣпое презрѣніе къ инородцамъ, восторгъ передъ мощью русскаго кулака и такъ далѣе, и такъ далѣе... Все это говорится, пишется и проповѣдуется на каждомъ шагу. Но при чемъ здѣсь народъ, Павелъ Аркадьевичъ, этого я не понимаю. Не могу понять. Народъ — т.-е. не вашъ лакей и не вашъ дворникъ, и не мастеровой, а тотъ народъ, что составляетъ всю Россію, — темный мужикъ, троглодитъ, пещерный человѣкъ! Зачѣмъ вы его-то пристегнули къ вашимъ національнымъ мечтамъ? Онъ безмолвствуетъ, ибо благоденствуетъ, и вы его лучше не трогайте, оставьте въ покоѣ. Не намъ съ вами разгадать его молчаніе...

— Позвольте-съ, я не хуже васъ знаю народъ...

— Нѣтъ, ужъ теперь вы позвольте мнѣ, — дерзко перебилъ его студентъ. — Вы давеча изволили упрекнуть меня въ томъ, что я будто бы смѣюсь надъ вашими разглагольствованіями... Такъ я вамъ скажу ужъ теперь, что смѣшного въ нихъ мало, такъ же какъ и страшнаго. Вашъ идеальный всероссійскій кулакъ, жмуцій сокъ изъ народишекъ, никому не опасенъ, а просто-напросто омерзительнъ, какъ и всякій символъ насилія. Вы — не болѣзнь, не язва, вы — просто неизбежная, надоѣдливая сыпь, въ родѣ кори. Но ваша игра въ широкую русскую натуру, всѣ эти ваши птицы-сирины, ваша поддевка, ваши патріотическія слезы — да, это, дѣйствительно, смѣшно.

— Такъ. Пре-красно. Продолжайте, молодой человѣкъ, въ томъ же духѣ, — произнесъ Завалишинъ, язвительно кривя губы. — Чудесные полемическіе приемы, докторъ, не правда ли?

Воскресенскій и самъ чувствовалъ въ душѣ, что онъ говоритъ неясно, грубо и сбивчиво. Но онъ уже не могъ остановиться. Въ головѣ у него было странное ощущеніе пустоты и холода, но зато ноги и руки стали тя-

желыми и вялыми, а сердце упало куда-то глубоко внизъ и тамъ трепетало и рвалось отъ частыхъ ударовъ.

— Э, что тамъ приемы. Къ чорту! — крикнулъ студентъ, и у него этотъ крикъ вырвался неожиданно такимъ полнымъ и сильнымъ звукомъ, что онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ злобную и веселую радость. — Я слишкомъ много намолчался за эти два мѣсяца, чтобы еще разбираться въ приемахъ. Да! И стыдно, и жалко, и смѣшно глядѣть, Павелъ Аркадьевичъ, на вашу игру. Знаете, лѣтомъ въ увеселительныхъ садахъ выходятъ иногда дуэтисты-лапотники. Знаете:

Разъ Ванюша, крадучись,
Дуню увидалъ
И, схвативши ея ручку,
Нѣжно цѣловалъ.

Что-то мучительно-фальшивое, наглое, позорное! Такъ и у васъ. «Русскія щи, русская каша — мать наша». А вы видѣли эти щи когда-нибудь? Пробовали? Сегодня съ такимъ, а завтра съ нѣтомъ? Вы ѣли ихній хлѣбъ? Вы видали ихнихъ ребятъ съ распученными животами и съ ногами колесомъ? А у васъ поваръ 60 рублей въ мѣсяцъ получаетъ, и лакей во фракѣ, и паровая стерлядка. Такъ и во всемъ вы. Русское терпѣніе! Русская желѣзная стойкость! Да вѣдь какими ужасами рабства, какимъ кровавымъ путемъ куплено это терпѣніе! Смѣшно даже! Русское несокрушимое здоровье — эхъ, раззудись плечо! — русская богатырская сила! — у этого-то изможденнаго работой и голодомъ, опившагося, надорваннаго человѣка?.. И въ довершеніе всего этого неистовый вопль: долой сюртуки и фраки! Вернемся къ доброй, славной, просторной и живописной русской одеждѣ! И вотъ вы, на смѣхъ своей прислугѣ, наряжаетесь, точно на святки, въ поддевку по семи рублей за аршинъ, на муаровой подкладкѣ. Эхъ, весь вашъ націонализмъ на муаровой под-

кладкѣ. Господи, и когда вы заведете рѣчь о русской пѣснѣ—вотъ чепуха какая! Тутъ у васъ и море слышится, и степь видится, и лѣсъ шумить, и какая-то безпредѣльная удаль... И все вѣдь это неправда: ничего вы здѣсь не слышите и не чувствуете, кромѣ болѣзненнаго стона или пьяной икотки. И никакой широкой степи вы не видите, потому что ея и нѣтъ вовсе, а есть только потное, искаженное мукой лицо, вздущіяся жилы, кровавые глаза, раскрытый, окровавленный ротъ...

— Вамъ, духовенству, виднѣе съ колокольні, — презрительно фыркнулъ Завалишинъ, но студентъ только отмахнулся рукой и продолжалъ:

— Ну-съ, а теперь, изволите ли видѣть, вошло въ моду русское зодчество! Рѣзные пѣтухи, какіе-то деревянные поставцы, ковши, енды, подсолнечники, кресла и скамьи, на которыхъ невозможно сидѣть, какіе-то дурацкіе колпаки... Господи, да неужели же вы не чувствуете, какъ все это еще больше подчеркиваетъ страшную скудость народной жизни, узость и бѣдность фантазіи? Сѣрое, сумеречное творчество, папуасская архитектура... Игра, именно игра. Игра гнусная, если все это дѣлается нарочно, чтобы водить дураковъ и ротозѣевъ за носъ, и жалкая, если это только модное баловство. Какой-то нелѣпый маскарадъ! Все равно, если бы доктора, приставленные къ больницѣ, вдругъ надѣли бы больничные халаты и стали бы въ нихъ откалывать канкаль. Вотъ онъ что такое, вашъ русскій стиль на муаровой подкладкѣ!..

Что-то перехватило горло Воскресенскому, и онъ замолчалъ. Только теперь, спохватившись, онъ сообразилъ, что во время своей безсвязной рѣчи онъ, незамѣтно для самого себя, всталъ во весь ростъ и колотилъ кулаками по столу.

— Можетъ-быть, вы еще что-нибудь прибавите, молодой человекъ? — съ усиленной вѣжливостью, преувели-

ченно мягко спросилъ весь поблѣднѣвшій Завалишинъ. Губы у него кривились и дергались, а концы пышной бороды тряслись.

— Все, — глухо отвѣтилъ студентъ. — Больше ничего...

— Тогда позвольте ужъ и мнѣ послѣднее слово. — Завалишинъ всталъ и швырнулъ салфетку на стулъ. — Убѣжденія — убѣжденіями, и твердость въ нихъ вещь почтенная, а за своихъ дѣтей я все-таки отвѣчаю передъ церковью и отечествомъ. Да. И я обязанъ ограждать ихъ отъ вредныхъ, развращающихъ вліяній. А поэтому, — вы ужъ извините, — но одному изъ насъ — или мнѣ, или вамъ — придется отстраниться отъ ихъ воспитанія...

Воскресенскій молча кивнулъ головой. Павелъ Аркадьевичъ рѣзко повернулся и большими шагами пошелъ отъ стола. Но въ дверяхъ онъ остановился. Его еще душила злоба. Онъ чувствовалъ, что студентъ взялъ надъ нимъ нравственный верхъ въ этомъ безтолковомъ спорѣ и взялъ не убѣдительною мыслей, не доводами, а молодой, несдержанной и хотя сумбурной, но все-таки красивой страстностью. И ему хотѣлось, прежде чѣмъ уйти отсюда, нанести студенту послѣднее оскорбленіе, потяжелѣе, похлеще...

— Мой человѣкъ принесетъ вамъ наверхъ деньги, которыя вамъ слѣдуетъ, — сказалъ онъ въ носъ, отрывисто и надменно. — А также, по условію, деньги на дорогу.

И вышелъ, такъ громко хлопнувъ дверью, что хрустальная посуда на столѣ задрезжала и запѣла тонкими голосами.

На балконѣ всѣ продолжительно и неловко замолчали. Воскресенскій дрожащими холодными пальцами каталъ хлѣбный шарикъ, низко наклонивъ лицо надъ столомъ. Ему казалось, что всѣ, даже шестилѣтняя Вавочка, смотрятъ на него съ любопытствомъ и брезгливой жалостью. «Пойти и дать ему пощечину? — безсвязно мелькало у него

въ головѣ. — Вызвать на дуэль? Ахъ, какъ все это вышло скверно, какъ пошло! Вернуть ему назадъ деньги? Швырнуть въ лицо? Фу, какая гадость!»

— Милый Сашенька, не придавайте такого значенія, — ласкающимъ голосомъ, точно съ маленькимъ, заговорила Анна Георгіевна. — Голубчикъ, не стѣбитъ. Черезъ часъ опъ самъ сознается, что былъ неправъ, и извинится. Ужъ если говорить правду, то, вѣдь и вы ему порядочно наговорили.

Онъ не отвѣтилъ. Больше всего на свѣтѣ онъ хотѣлъ бы сейчасъ же встать, уйти куда-нибудь подальше, спрятаться въ какой-нибудь темный, прохладный уголь, но сложная, мучительная нерѣшительность приковывала его къ мѣсту. Докторъ заговорилъ о чемъ-то слишкомъ громко, неестественно-развязнымъ тономъ. «Это онъ оттого такъ, что ему за меня стыдно», — подумалъ Воскресенскій и сталъ прислушиваться, почти не понимая словъ.

— Одинъ мой знакомый, который хорошо знаетъ арабскій языкъ, такъ онъ сравнивалъ арабскія поговорки съ русскими. И получились прелюбопытныя параллели. Напримеръ, арабы говорятъ: «Честь—это алмазь, который дѣлаетъ нищаго равнымъ султану». А по-русски выходитъ: «Что за честь, коли нечего ѣсть». То же насчетъ гостепріимства. Арабская пословица говоритъ...

Воскресенскій вдругъ всталъ; не глядя ни на кого, съ потупленными глазами неуклюже обошелъ столъ и торопливо сбѣжалъ съ балкона въ цвѣтникъ, гдѣ сладко и масляно пахло розами. За своей спиной онъ слыгалъ тревожный голосъ Анны Георгіевны:

— Сашенька, Александръ Петровичъ, куда же вы! Сейчасъ подадутъ фрукты!..

III.

Придя наверхъ, Воскресенскій переодѣлся, вытащилъ изъ-подъ кровати свой старый, порыжѣлый, весь обклеенный багажными ярлыками чемоданъ и сталъ укладывать въ него. Съ ожесточеніемъ швырялъ онъ въ чемоданъ книги и лекціи, съ излишней энергіей втискивалъ скомканное кое-какъ бѣлье, яростно затягивалъ узлы веревокъ и ремни. И по мѣрѣ того, какъ расходовалась его физическая сила, взбудораженная недавнимъ неудовлетвореннымъ гнѣвомъ, — онъ самъ понемногу отходилъ и успокаивался.

Покончивъ съ чемоданомъ, онъ выпрямился и оглянулся кругомъ. Внезапно ему стало жаль своей комнаты, точно въ ней оставалась часть его существа. По утрамъ, когда онъ просыпался, то ему не надо было даже приподымать голову отъ подушки, чтобы увидѣть прямо передъ собою темную, синюю полосу моря, подымавшуюся до половины оконъ, а на окнахъ въ это время тихо колебались, парусясь отъ вѣтра, легкія, розоватыя, прозрачныя занавѣски, и вся комната бывала по утрамъ такъ полна свѣтомъ, и такъ въ ней крѣпко и бодро пахло морскимъ воздухомъ, что въ первые дни, просыпаясь, студентъ нерѣдко начиналъ смѣяться отъ бессознательнаго, расцвѣтавшаго въ немъ восторга.

Воскресенскій вышелъ на балконъ. Далеко впереди выдавался въ море узкій длинный мысокъ, кончавшійся правильнымъ закругленіемъ, которое здѣсь называли батареей. Изъ-за батареи, круто огибая ее, выплывалъ маленькій паровой катеръ, и отчетливо доносилось его торопливое фырканье, похожее на дыханіе запыхавшейся собаки. Подъ полотнянымъ тентомъ можно было разглядѣть темныя человѣческія фигуры. Катеръ покачивало, но онъ бодро подымался на одну волну и, съ замедленіемъ

перевалившись черезъ нее, смѣло зарывался носомъ въ слѣдующую, между тѣмъ какъ разрѣзанная имъ вода взмывала къ самымъ бортамъ. А еще дальше, какъ будто по серединѣ между берегомъ и горизонтомъ, плавно, безъ малѣйшаго звука и сотрясенія, двигалась черная, могучая громадина большаго парохода съ наклоненными назадъ трубами. И тотчасъ же, сквозь легкое облачко набѣжавшей грусти, Воскресенскій почувствовалъ то сладкое и дерзкое замираніе сердца, которое онъ всегда испытывалъ при мысляхъ о дальнихъ поѣздкахъ, о новыхъ впечатлѣніяхъ, о новыхъ людяхъ — о всей безбрежной ирротѣ лежащей передъ нимъ молодой, неисчерпанной жизни.

«Завтра и я буду толкаться по пароходу вмѣстѣ съ другими, буду знакомиться, смотрѣть на берега, на море, — подумалъ онъ. — Хорошо!»

— Сагенька, гдѣ вы здѣсь? Подите ко мнѣ, — услышалъ онъ голосъ Анны Георгіевны.

Онъ быстро вернулся въ комнату, застегивая на ходу воротъ красной рубахи и поправляя волосы. Какой-то мимолетный испугъ, какое-то темное, раздражающее предчувствіе на мгновеніе шевельнулось въ его душѣ.

— Устала! — говорила Анна Георгіевна, слегка задыхаясь. — Какъ у васъ хорошо. Прохладно.

Она сѣла на подоконникъ. На фонѣ ослѣпительнаго, бѣло-голубого неба сверху и густой синевы моря снизу — ея высокая, немного полная фигура, въ бѣломъ капотѣ, обрисовалась съ тонкой, изящной и мягкой отчетливостью, а жесткіе, рыжеватые противъ солнца завитки волосъ зажглись вокругъ ея головы густымъ золотымъ сіяніемъ.

— Ну, что, сердитый воробей, — спросила Анна Георгіевна съ нѣжной фамиллярностью: — еще не простыли?

— Простылъ. Сейчасъ вотъ, ѣду, — угрюмо отвѣтилъ студентъ.

— Саша!..

Она произнесла его имя тихо и такимъ страннымъ, протяжнымъ, волнующимъ звукомъ, какого Воскресенскій не слыхалъ никогда въ жизни. Онъ вздрогнулъ и пристально поглядѣлъ на нее. Но она сидѣла спиной къ яркому свѣту, и выраженія ея лица нельзя было разсмотрѣть. Однако студенту показалось, что ея глаза блестятъ не по обыкновенному.

— Саша, родной мой, вы не уѣдете! — вдругъ заговорила она, спѣла и задыхаясь. — Нѣтъ, нѣтъ, милый, вы не уѣдете. Слышите? Подите сюда. Да сюда же, ко мнѣ... ко мнѣ, вамъ говорятъ!.. Охъ, какой безтолковый... Слышите, не смѣйте ѣхать. Я не хочу. Дорогой мой, вы останетесь...

Она схватила его руки, крѣпко сжала ихъ и, не выпуская изъ своихъ, положила къ себѣ на колѣни, такъ что онъ на секунду ощутилъ подъ легкой шерпавой тканью капота ея твердое и точно скользкое тѣло.

— Останетесь? Да? — спросила она быстрымъ шопотомъ, близко заглядывая ему въ лицо.

Онъ поднялъ глаза и встрѣтился съ ея затуманеннымъ, неподвижнымъ, жаднымъ взглядомъ. Горячая радость хлынула у него изъ сердца, разлилась по груди, ударила въ голову и забилась въ вискахъ. Смущеніе и неловкость исчезли. Наоборотъ, было жуткое, томительное наслажденіе — глядѣть такъ долго, такъ безстыдно и такъ близко, не отрываясь и не произнося ни слова, въ эти прекрасные, еще сіяющіе слезами, обезсмысленные страстью глаза. Потомъ онъ полусознательно почувствовалъ, что она смотритъ ниже его глазъ, и онъ самъ перевелъ глаза на ея крупныя, яркія раскрытыя губы, за которыми сверкала влажная бѣлизна зубовъ. Ему вдругъ показалось, что воздухъ въ комнатѣ сталъ знойнымъ; во рту у него сразу пересохло, и стало трудно дышать.

— Останетесь? Да? Правда?

Онъ обнялъ ее и тотчасъ же почувствовалъ ея большое, роскожное тѣло легкимъ, живымъ, послушнымъ каждому движенію, каждому намеку его рукъ. Какой-то жаркій, сухой вихрь вдругъ налетѣлъ и скомкалъ его волю, разсудокъ, всѣ его гордыя и цѣломудренныя мысли, все, что въ немъ было человѣческаго и чистаго. Почему-то вдругъ, обрывкомъ, вспомнилось ему купанье передъ обѣдомъ и эти теплыя, качающіяся, ненасытныя волны.

— Милый, правда? Правда? — повторяла безъ конца женщина.

Онъ грубо, по-звѣрски, схватилъ ее на руки и поднялъ. Точно въ бреду онъ слышалъ, какъ она съ испугомъ прошептала:

— Дверь... ради Бога... дверь!

Онъ машинально оглянулся назадъ, увидѣлъ раскрытую настежь дверь и темноту коридора за нею, но не понялъ ни смысла этихъ словъ, ни значенія этой двери, и тотчасъ же забылъ о нихъ. Полузакрытые черные глаза вдругъ очутились такъ близко около его лица, что очертанія ихъ стали неясными, расплывчатыми, и сами они сдѣлались огромными, неподвижными, страшно блестящими и совсѣмъ незнакомыми. Горячія, качающіяся волны хлынули на него, разомъ затопили его сознаніе и загорѣлись передъ нимъ странными вертящимися кругами...

Потомъ онъ очнулся и услышалъ съ удивленіемъ ея точно о чемъ-то умоляющій голосъ:

— Я обожаю тебя... Мой сильный, молодой, красивый...

Она сидѣла рядомъ съ нимъ на его постели и съ покорнымъ, заискивающимъ видомъ жалась головой къ его плечу, стараясь поймать его взглядъ. А онъ глядѣлъ въ сторону, хмурился и трясущейся рукой нервно теребилъ бахрому своего пледа, висѣвшаго на спинкѣ кровати. Непобѣдимое отвращеніе росло въ немъ съ каждой секундой

къ этой женщинѣ, только-что отдавшейся ему. Онъ и самъ понималъ, какъ эгоистично было это чувство, но не могъ его пересилить даже изъ благодарности, даже изъ сострадательной вѣжливости. Ему было физически гадко ея близкое присутствіе, ея прикосновеніе, шумъ ея частаго прерывистаго дыханія, и хотя онъ во всемъ происшедшемъ винилъ одного себя, но слѣпая, неразумная ненависть и презрѣніе къ ней наполняли его душу.

«О, какой я подлецъ! Какой подлецъ!» — думалъ онъ и боялся въ то же время, что она прочитаетъ его мысли и чувства у него на лицѣ.

— Милый мой, обожаемый, — растроганно говорила Анна Георгіевна. — Зачѣмъ ты отвернулся? Ты сердишься? Тебѣ неприятно? О, мой дорогой, неужели ты не замѣчалъ, что я тебя люблю? Съ самаго начала, съ самаго перваго дня... Ахъ, впрочемъ, нѣтъ!.. Когда ты къ намъ пришелъ въ Москвѣ, ты мнѣ не понравился. Я думала: у, какой злюка. Но зато потомъ!.. Милый, посмотри же на меня...

Студентъ пересилилъ себя и какъ-то сбоку, неуклюже, исподлобья взглянулъ на нее. И у него даже захватило горло: до того противнымъ показалось ему ея раскраснѣвшееся лицо со слѣдами пудры у ноздрей и на подбородкѣ, мелкія морщинки около глазъ и на верхней губѣ, которыхъ онъ раньше не замѣчалъ, и въ особенности ея молящій, тревожный, полный виноватой преданности, какой-то собачій взглядъ. Содрогаясь спиной отъ гадливости, онъ отвернулся.

«Но почему же я-то ей не противенъ? — подумалъ онъ съ отчаяніемъ. — Почему? Ахъ, я подлецъ, подлецъ!..»

— Анна. Георгіевна... Нина, — сказалъ онъ, заикаясь, фальшивымъ, деревяннымъ, какъ ему самому показалось, голосомъ. — Вы меня простите... Вы меня извините, я взволнованъ и не знаю, что говорю... Поймите меня и

не сердитесь... Мнѣ нужно побыть одному... У меня голова кружится.

Онъ сдѣлалъ невольное движеніе, какъ бы отстраняясь отъ нея, и она поняла это. Ея руки, обвивавшія его шею, бессильно упали вдоль колѣнъ, и голова опустилась внизъ. Такъ она посидѣла еще минуту и затѣмъ встала, молча, съ покорнымъ видомъ.

Она понимала лучше, чѣмъ студентъ, то, что съ нимъ теперь происходило. Она знала, что у мужчинъ первые шаги въ чувственной любви сопряжены съ такими же ужасными, болѣзненными ощущеніями, какъ и первыя затыжки опиумомъ для начинающихъ, какъ первая папироса, какъ первое опьяненіе виномъ. И она знала также, что до нея онъ не сближался ни съ одной женщиной, что она была для него первой, знала это по его прежнимъ словамъ, чувствовала это по его дикой и суровой застенчивости, по его неловкости и грубости въ обращеніи съ ней.

Ей хотѣлось утѣшить, успокоить его, объяснить ему въ нѣжныхъ материнскихъ выраженіяхъ причины его страданій, такъ какъ она видѣла, что онъ страдаетъ. Но она — всегда такая смѣлая, самоувѣренная — не находила словъ; она смущалась и робѣла, точно дѣвушка, чувствуя себя виноватой и за его паденіе, и за его молчаливую тревогу, и за свои 35 лѣтъ, и за то, что она не умѣетъ, не находитъ, чѣмъ помочь ему.

— Саша, это пройдетъ, — сказала она чуть слышно. — Это пройдетъ, успокойтесь, вѣрьте мнѣ. Только не уѣзжайте... слышите? Вы вѣдь скажете мнѣ, если захотите уѣхать?

— Да... хорошо... да... да... — повторялъ онъ нетерпѣливо и все оглядывался назадъ, на дверь.

Она вздохнула и тихо вышла изъ комнаты, беззвучно притворивъ за собою дверь. А Воскресенскій обѣими ру-

ками вцѣпился себѣ въ волосы и со стономъ повалился лицомъ въ подушку.

IV.

На другой день Воскресенскій ѣхалъ въ Одессу на большомъ пассажирскомъ пароходѣ «Ксенія». Онъ позорно и малодушно сбѣжалъ отъ Завалииныхъ, не вытерпѣвъ жестокаго раскаянія, не находя въ себѣ рѣшительности встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Анной Георгіевной. Прележавъ до сумерокъ въ постели, онъ, какъ только стало темно, собралъ свои вещи и потихоньку, крадучись, точно воръ, заднимъ крыльцомъ вышелъ въ виноградникъ, а оттуда спрыгнулъ на шоссе. И во все время, пока онъ добрался до почтовой станціи, пока ѣхалъ въ дилижансѣ, биткомъ набитомъ молчаливыми турками и татарами, пока устраивался въ ялтинской гостиницѣ на ночь, его не оставялъ колючій стыдъ и беспощадное омерзѣніе къ себѣ самому, къ Аннѣ Георгіевнѣ, ко всему, что вчера произошло, и къ собственному мальчишескому побѣгу. «Вышло такъ, какъ будто бы послѣ ссоры, изъ мести, я взялъ и укралъ что-то у Завалииныхъ и убѣжалъ отъ нихъ», — думалъ онъ, злобно стискивая зубы.

День былъ жаркій, безвѣтренный. Море лежало спокойное, ласковое, нѣжно-изумрудное около береговъ, свѣтлосинее посрединѣ и лишь кое-гдѣ едва тронутое лѣнивыми фіолетовыми морщинками. Внизу подъ пароходомъ оно было ярко-зелено, прозрачно и легко, какъ воздухъ, и бездонно. Рядомъ съ пароходомъ бѣжала стая дельфиновъ. Сверху было отлично видно, какъ они въ глубинѣ могучими, извилистыми движеніями своихъ тѣлъ разсѣкали жидкую воду и вдругъ съ разбѣгу, одинъ за другимъ, выскакивали на поверхность, описавъ быстрый темный полукругъ.

Берегъ медленно уходилъ назадъ. Постепенно показывались и скрывались густые, взбирающіеся на холмы парки, дворцы, виноградники, тѣсныя татарскія деревни, бѣлыя стѣны дачъ, утонувшихъ въ волнистой зелени, а сзади голубыя горы, испещренныя черными пятнами лѣсовъ, и надъ ними тонкія, воздушныя очертанія ихъ вершинъ.

Пассажиры толпились на правомъ борту, у перилъ, лицомъ къ берегу. Называли вслухъ мѣста и фамиліи владѣльцевъ. На серединѣ палубы, около люка, двое музыкантовъ — скрипка и арфа — играли вальсъ, и избитый, пошлый мотивъ звучалъ необыкновенно красиво и бодро въ морскомъ воздухѣ.

Воскресенскій нетерпѣливо искалъ глазами знакомую дачу въ видѣ русскаго терема. И когда она показалась наконецъ изъ-за густой чащи княжескаго парка и стала вся видна надъ своей огромной, бѣлой крѣпостной стѣной, онъ часто задышалъ и крѣпко прижалъ руку къ холодѣвшему сердцу.

Ему показалось, что онъ различаетъ на нижней террасѣ бѣлое пятно, и ему хотѣлось думать, что тамъ сидитъ теперь эта странная женщина, ставшая вдругъ для него такой таинственной, непонятной и привлекательной, и что она смотритъ на пароходъ такими же, какъ и онъ, печальными, полными слезъ глазами. Онъ представилъ себѣ самого себя, стоящаго тамъ на балконѣ, рядомъ съ ней, но не теперешняго себя, а вчерашняго, недѣлю назадъ, — прежняго себя, какого уже больше никогда не будетъ. И ему стало жалко, — нестерпимо, до боли жалко той полосы жизни, которая ушла отъ него навсегда и никогда не вернется, никогда не повторится... Съ необычайной яркостью, въ радужномъ туманѣ слезъ, застилавшихъ глаза, встало передъ нимъ лицо Анны Георгіевны, но не торжествующее, не самоувѣренное, какъ всегда,

а кроткое, съ умоляющимъ выраженіемъ, виноватое, и сама она представилась ему почему-то маленькой, обиженной, слабой и какъ-то болѣзненно близкой ему, точно приросшей навѣки къ его сердцу.

И къ этимъ тонкимъ, грустнымъ, сострадательнымъ ощущеніямъ примѣшивалось чуть слышно, какъ аромат тонкаго вина, воспоминаніе о теплыхъ обнаженныхъ рукахъ и о голосѣ, дрожавшемъ отъ чувственной страсти, и о прекрасныхъ глазахъ, глядѣвшихъ внизъ, на его губы...

Прячась за деревьями и дачами и опять показываясь на минутку, русскій теремъ уходилъ все дальше и дальше назадъ и вдругъ исчезъ изъ виду. Воскресенскій, прижавшись щекой къ чугунному столбику перилъ, еще долго глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ онъ скрылся. «Все сіе прошло, какъ тѣнь и какъ молва быстротечная» — вспомнился ему вдругъ горькій стихъ Соломона, и онъ заплакалъ. Но слезы его были благодатныя, а печаль — молодая, свѣтлая и легкая.

Внизу, въ салонѣ, зазвонили къ завтраку. Болтливый, шумный студентъ, съ которымъ Воскресенскій познакомился еще на пристани, подошелъ къ нему сзади, хлопнулъ его по спинѣ и закричалъ радостно:

— А я васъ, коллега, ищу, ищу... Вы вѣдь съ удовольствіемъ? Айда водку пить...

МИРНОЕ ЖИТІЕ.

Сдвинувъ на носъ старинныя большія очки въ серебряной оправѣ, наклонивъ на бокъ голову, оттопыривъ бритыя губы и многозначительно двигая вверхъ и внизъ косматыми, сердитыми старческими бровями, Иванъ Віанорычъ Насѣдкинъ писалъ письмо попечителю учебнаго округа. Почеркъ у него былъ круглый, безъ нажимовъ, красивый и равнодушный, — такой, какимъ пишутъ военные писаря. Буквы сцѣплялись одна съ другой въ слова, точно правильныя звенья цѣпочекъ разной длины.

«Какъ человекъ, нѣкогда близко стоявшій къ великому, отвѣтственному передъ Престоломъ и Отечествомъ дѣлу воспитанія и образованія русскаго юношества и безпорочно прослужившій на семь, можно смѣло выразиться, священномъ поприщѣ 35 лѣтъ, я хотя и не открываю своего настоящаго имени, подписываясь лишь скромнымъ названіемъ «Здравомыслящій», но считаю нравственнымъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства объ одномъ изъ смотрителей многочисленныхъ учебныхъ заведеній, ввѣренныхъ Вашему мудрому и глубокоопытному попеченію. Я говорю о штатномъ смотрителѣ Вырвинскаго четырехкласснаго городского училища, коллежскомъ ассесорѣ Опимаховѣ, при чемъ почтительнѣйше осмѣливаюсь задать себѣ вопросъ: совмѣстимымъ

ли съ высокимъ призваніемъ педагога и съ довѣріемъ, оказываемымъ ему начальствомъ и обществомъ, является поведеніе лица, проживающаго безстыдно, въ явной для всего города и противной существующимъ законамъ любовной связи съ особой женскаго пола, числящейся, по виду на жительство, дѣвицей, которая къ тому же въ городѣ никому не извѣстна, не посѣщаетъ храмовъ Божіихъ и, точно глумясь надъ христіанскими чувствами публики, ходитъ по улицѣ съ папиросами и съ короткими, какъ бы у дьякона, волосами? Во-вторыхъ:...»

Поставивъ аккуратное двоеточіе, Иванъ Віанорычъ бережно положилъ перо на край хрустальной чернильницы и откинулся на спинку стула. Глаза его, ласково глядя поверхъ очковъ, переходили отъ оконъ съ тюлевыми занавѣсками къ угловому образу, мирно освѣщенному розовой лампадкой, оттуда на старенькую, купленную по случаю, но прочную мебель зеленаго репса, потомъ на блестящій восковымъ глянцемъ полъ и на мохнатый, сшитый изъ пестрыхъ кусочковъ коверъ, работы самого Ивана Віанорыча. Сколько ужъ разъ случалось съ Насѣдкинымъ, что внезапно, среди дѣлового разговора, или очнувшись отъ задумчивости, или оторвавшись отъ письма, онъ испытывалъ тихую обновленную радость. Какъ будто бы онъ на нѣкоторое время совсѣмъ забылъ, а тутъ вдругъ взялъ да и вспомнилъ, — про свою честную, всѣми уважаемую, свѣтлую, опрятную старость, про собственный домикъ съ флигелемъ для жильцовъ, сколоченный 35-ю годами свирѣпой экономіи, про выслуженную полную пенсію, про кругленькія пять тысячъ, отданныя въ вѣрныя руки, подъ вторую закладную, и про другія пять тысячъ, лежащія, пока что, въ банкѣ, — наконецъ, про всѣ тѣ удобства и баловства, которыя онъ могъ бы себѣ позволить, но никогда не позволить изъ благоразумія. И теперь, вновь найдя въ себѣ эти счастливыя мысли, ста-

рикъ мечтательно и добродушно улыбался бритымъ, морщинистымъ, начинавшимъ западать ртомъ.

Въ кабинетикѣ пахло геранями, мятнымъ куреніемъ и чуть-чуть нафталиномъ. На правомъ окнѣ висѣла клѣтка съ канарейкой. Когда Ивапъ Віанорычъ устремилъ на нее затуманенный, видящій и невидящій взглядъ, птичка суетливо запрыгала по жердочкамъ, стуча лапками. Насѣдкинъ нѣжно и протяжно свистнулъ. Канарейка завертѣла хорошенькой хохлатой головкой, наклоняя ее внизъ и набокъ, и пискнула вопросительно:

— Пи-и?

— Ахъ, ты... пискунья! — сказалъ лукаво Ивапъ Віанорычъ и, вздохнувъ, опять взялся за перо.

«Во-вторыхъ, — писалъ онъ, тихонько шепча слова: — тотъ же Опимаховъ позволяетъ себѣ пренебрегать положеніями нѣкоторыхъ циркуляровъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и иными правительственными указаціями, побуждая и самъ первый подавая примѣръ подвѣдомственнымъ ему молодымъ учителямъ, яки бы къ расширенію программы (sic!), а на самомъ дѣлѣ — къ возбужденію въ довѣрчивыхъ умахъ юношей превратныхъ и гибельныхъ идей, клонящихся къ разрушенію добрыхъ нравовъ, къ возбужденію политическихъ страстей, къ низверженію авторитета власти и, въ сущности, къ самому гнилому и погломому соціализму. Такъ, вышеназванный коллежскій ассесоръ Миронъ Степановичъ Опимаховъ находитъ нужнымъ читать ученикамъ лекціи (это слово Насѣдкинъ дважды густо подчеркнулъ, язвительно скрививъ ротъ набокъ) о происхожденіи челоуѣка отъ микроскопическаго моллюска, а учитель географіи Сидорчукъ, неизвѣстно для чего, сообщаетъ имъ свои извращенныя личнымъ невѣжествомъ познанія о статистикѣ и политической экономіи. Послѣ этого неудивительно, что просвѣщаемые подобными отличными педагогами ученики

четырёхкласснаго городского Вырвинскаго училища отличаются буйнымъ правомъ и развращенными дѣйствіями. Такъ, напр., на-дняхъ у о. Михаила Трабукина, протоіерея мѣстнаго собора, всѣми чтимаго пастыря, человека болѣе чѣмъ святой жизни, были камнями выбиты 2 стекла въ оранжереѣ. При встрѣчѣ со старшими, почтенными въ городѣ лицами, даже имѣвшими высокую честь принадлежать 35 лѣтъ къ учебному вѣдомству, не снимаютъ головныхъ уборовъ, а, наоборотъ, глядя въ глаза, нагло смѣются, и многое, очень многое другое, что готовъ подробно описать Вашему Превосходительству (NB: равно какъ и о нравахъ, процвѣтающихъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ), если послѣдуетъ милостивый отвѣтъ на сіе письмо въ мѣстное почтовое отдѣленіе, до востребованія, предъявителю кред. бил. 3-хъ-рублеваго достоинства за № 070911.

«Имѣю честь быть Вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою.

«Здравомыслящій»

Насѣдкинъ поставилъ послѣднюю точку и сказалъ вслухъ:

— Такъ-то-съ, господинъ Опимаховъ!

Онъ всталъ, хотѣлъ-было долго и сладко потянуться уставшимъ тѣломъ, но вспомнилъ, что въ постъ грѣхъ это дѣлать, и сдержался. Быстро потеревъ рукой объ руку, точно при умываньи, онъ опять присѣлъ къ столу и развернулъ ветхую записную книжку съ побурѣвшими отъ частаго употребленія нижними концами страницъ. Вслѣдъ за записями крахмальнаго бѣлья, адресами и днями именинъ, за графами прихода и расхода, шли замѣтки для памяти, написанныя бѣгло, съ сокращеніями въ словахъ, но все тѣмъ же прекраснымъ писарскимъ почеркомъ.

«Кузьяевъ намекалъ, что у городского казначея растрата. Провѣрить и сообщ. въ казенную пал.

НВ. Говорятъ, Куз. корреспондируетъ въ какую-то газету!! Узнать».

«Священникъ с. Б. Мельники, Златодѣевъ (о. Никодимъ) на святки упился. Танцевалъ и потерялъ крестъ. Довести до свѣд. Его Преосв. «Исполнено. Вызванъ для объясн. 21 февр.».

«Не забыть о Серг. Платонычѣ. Съ нянькой».

«Учитель Опимаховъ. Сожительство. Лекціи и пр. Сидорчукъ. Непочтеніе. Попеч. уч. округа».

Дойдя до этой замѣтки, Иванъ Віанорычъ обмакнулъ перо и приписалъ сбоку: «сообщено».

Въ эту книжку были занесены всѣ скандалы, всѣ любовныя интрижки, всѣ сплетни и слухи маленькаго, соннаго, мѣщанскаго городишки; здѣсь кратко упоминалось о господахъ и о прислугѣ, о чиновникахъ, купцахъ, офицерахъ и священникахъ, о преступленіяхъ по службѣ, о томъ, кто за кѣмъ ухаживаетъ (съ приблизительнымъ указаніемъ часовъ свиданій), о неосторожныхъ словахъ, сказанныхъ въ клубѣ, о пьянствѣ, карточной игрѣ, наконецъ. даже о стоимости юбокъ у тѣхъ дамъ, мужья или любовники которыхъ жили выше средствъ.

Иванъ Віанорычъ быстро пробѣгалъ глазами эти замѣтки, схватывая ихъ знакомое содержаніе по одному слову, иногда по какому-нибудь таинственному крючку, поставленному сбоку.

— До всѣхъ доберемся, до всѣхъ, мои миленькіе, — кривя губы, шепталъ онъ вслухъ, по старческой привычкѣ. — Семинаристъ Элладовъ... Вы, пожалуй, подождите, господинъ либеральшій семинаристъ. Драка у Харченко, Штурмеръ передернулъ... Ну, это еще рано. Но вы не беспокойтесь, придетъ и ваша очередь. Для всѣхъ придетъ правосудіе, для всѣхъ-ѣхъ!.. Вы думаете какъ: нашкодиль и въ кусты? Нѣ-ѣтъ, драгоценные, есть надъ вашими безобразіями зоркіе глаза, они, братъ, все ви-

дять... Землемѣрша... Ага! Это самое. Пожалуйста-ка на свѣтъ Божій, прекрасная, но легкомысленная землемѣрша.

Наверху страницы стояли двѣ строчки:

«Землемѣрша (Зоя Никит.) и шт.-кап. Беренговичъ. Землемѣръ — тюфякъ. Лучше сообщить капитаншѣ».

Иванъ Віанорычъ придвинулся поближе къ столу, поправилъ очки, торопливо запахнулъ свой ватный халатикъ, съ желтыми разводами въ видѣ вопросительныхъ знаковъ, и принялся за новое письмо. Онъ писалъ прямо начисто, почти не обдумывая фразъ. Отъ долгой практики у него выработался особый стиль анонимныхъ писемъ, или, вѣрнѣе, нѣсколько разныхъ стилей, такъ какъ обращеніе къ начальствующимъ лицамъ требовало однихъ оборотовъ рѣчи, къ обманутымъ мужьямъ — другихъ, на купцовъ дѣйствовалъ слогъ высокій и витіеватый, а духовнымъ особамъ были необходимы цитаты изъ твореній отцовъ церкви.

«Милостивая Государыня,
«Мадамъ Беренговичъ.

«Не имѣя отличнаго удовольствія знать Васъ близко, боюсь, что сочтете мое письмо къ Вамъ за невѣжество. Но долгъ порядочности и челоуѣколюбія повелѣваетъ мнѣ скорѣе нарушить правила приличія, нежели молчать о томъ, что стало уже давно смѣхотворной сказкой города, но о чемъ Вы, какъ и всякая обманутая жертва, узнаете—увы!—послѣдняя. Да, несчастная! Мужъ твой, недостойный своего высокаго званія защитника Отечества, обманываетъ тебя самымъ наглымъ и безсердечнымъ образомъ съ той, которую ты отогрѣла на своей груди, подобно крестьянину въ извѣстной баснѣ великаго Крылова!!!

«Совѣтую Вамъ узнать стороной, когда именно соберется въ уѣздъ нѣкій хорошо знакомый Вамъ землемѣръ, и въ тотъ же вечеръ, такъ часовъ около 9-ти, панесите

прелестной Зоѣ визитъ, чѣмъ, конечно, доставите ей весьма пріятный сюрпризъ, который будетъ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ онъ будетъ неожиданнѣе. Ручаюсь — ничто не помѣшаетъ вамъ: супруга Вагео, господина Штабсъ-Капитана, въ этотъ вечеръ навѣрно не будетъ дома (его отзовутъ въ полкъ по дѣламъ службы, или, скажемъ, къ больному товарищу). А для того, чтобы еще больше обрадовать оболъстительнѣйшую Зою, рекомендую Вамъ пройти не черезъ парадный ходъ, а черезъ кухню и какъ можно быстрѣе. Если Вы встрѣтите на кухнѣ горничную, — помните, что ее зовутъ Арией, и что рубль, вообще, производитъ магическое дѣйствіе».

Низкій, одинокій ударъ колокола тяжелой волной задрожалъ въ воздухѣ, густо и широко влившись въ комнату. Иванъ Віанорычъ привсталъ, перекрестился, сурово прикрывъ на секунду глаза, но тотчасъ же сѣлъ и продолжалъ писать, нѣсколько торопливѣе, чѣмъ раньше:

«Къ самому г. землемѣру я бы Вамъ посоветовалъ лучше не обращаться. Кажется, этому индивидуу рѣшительно безразлично, что его супруга, подобно древней Мессалинѣ, прославилась не только на весь уѣздъ, но и на всю губернію своимъ поведеніемъ. Васъ же я знаю за даму съ твердыми и честными правилами, которыя, во всякомъ случаѣ, не дозволятъ Вамъ хладнокровно переносить свой позоръ. Простите, что по нѣкоторымъ причинамъ не открываю своего имени, а остаюсь глубоко сострадающій Вагеу горю —

«Доброжелатель».

Въ полуоткрытую дверь просунулся сначала голый костлявый локоть, а потомъ и голова старой кухарки.

— Баринъ, къ ефимонамъ звонятъ...

— Слышу, Ѳекла, не глухой, — отозвался Насѣдкинъ, поспѣшно заклеивая конвертъ. — Дай мнѣ старый сюртукъ и приготѣвь шубу.

— Шубу скупсовую?

— Нѣтъ, ту, другую, съ капюшономъ.

Прежде, чѣмъ выйти изъ дому, Насѣдкинъ, по обыкновенію, помолился на свой образъ.

— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! — шепталъ онъ, умильно покачивая склоненной на бокъ головой и крѣпко надавливая пальцами на лобъ, на животъ и плечи. И въ то же время мысленно, по давней привычкѣ дѣлать все не торопясь и сознательно, онъ напоминалъ самому себѣ:

— Письма лежатъ въ шубѣ, въ боковомъ карманѣ. Не забыть про почтовый ящикъ.

* *
*

Надъ городомъ плылъ грустный, тягучій великопостный звонъ. Банн... банн...—печально и важно, густымъ голосомъ, съ большими промежутками, выпѣвалъ огромный соборный колоколъ, и послѣ каждаго удара долго разливались и таяли въ воздухѣ упругія трепещущія волны. Ему отзывались другія колокольни: сипло, точно простуженный архіерейскій басъ, вякалъ надтреснутый колоколъ у Никиты Мученика; глухимъ, короткимъ, беззвучнымъ рыданіемъ отвѣчали съ Николы на Выселкахъ, а въ женскомъ монастырѣ за рѣчкой знаменитый «серебряный» колоколъ стошалъ и плакался высокою, чистой, пѣвучей нотой.

Былъ конецъ зимы. Санний путь испортился. Широкая улица, вся исполосованная мокрыми темными колеями, изъ бѣлой стала грязно-желтой. Въ глубокихъ ухабахъ, пробитыхъ ломовыми, стояла вода, а въ палисадничкѣ, передъ домомъ Насѣдкина, высокій сугробъ снѣга осѣлъ, обрыхлѣлъ, сдѣлался поздраватымъ и покрылся сверху сѣрымъ палетомъ. Заборы размякли отъ сырости.

Въ городскомъ саду, на деревьяхъ, — тамъ, гдѣ среди

голыхъ верхушекъ торчали пустыя гнѣзда, безъ умолку кричали и гомозились галки. Онѣ отлетали и тотчасъ же возвращались, качались на тонкихъ вѣткахъ, неуклюже взмахивая крыльями, или черными, тяжелыми комками надали сверху внизъ. И все это — и птичья суета, и рыхлый снѣгъ, и печальный, задумчивый перезвонъ колоколовъ, и запахъ оттаивающей земли, — все говорило о близости весны, все было полно грустнаго и сладостнаго, необъяснимаго весенняго очарованія.

Иванъ Віанорычъ степенно двигался по деревянному тротуару, часто и внушительно постукивая большими кожаными калошами. На Дворянской его обогналъ десятокъ гимназистовъ разнаго возраста. Они шли парами, громко смѣясь и сталкивая другъ друга съ помоста въ снѣгъ. Сзади шагаль долговязый молодой учитель въ синихъ очкахъ, съ козлиной черной бородкой; въ зубахъ у него была папираса. Проходя мимо Насѣдкина, учитель поглядѣлъ ему прямо въ лицо тѣмъ открытымъ, дружескимъ взглядомъ, которымъ такъ славно смотрятъ весной очень молодые люди.

— И это называется идти въ храмъ, да еще въ такіе дни! — съ горечью и укоризной подумалъ Иванъ Віанорычъ. — И это учитель, педагогъ! Развращенный видъ, папираса во рту! Кажется, его фамилія Добросердовъ?.. Нечего сказать, хорошъ... Буду имѣть его въ виду, на всякій случай.

По широкимъ ступенямъ соборной лѣстницы тихо подымались темныя фигуры мужчинъ и женщинъ. Не было обычной около церквей суматохи и нетерпѣливаго раздраженія. Люди шли робко, точно утомленные, придавленные своими грѣхами, уступая другъ другу дорогу, сторонясь и выжидая очереди.

Соборъ внутри былъ полонъ таинственной, тяжелой тьмы, благодаря которой стрѣльчатые узкія окна каза-

лись синими, а куполъ уходилъ безконечно въ вышину. Пять-шесть свѣчей горѣло передъ иконами алтаря, не освѣщая черныхъ старинныхъ ликовъ и лишь чуть поблескивая на ризахъ и на острыхъ концахъ золотыхъ сіяній. Пахло ладаномъ, свѣчной гарью и еще той особенной холодной, подвальной сыростью древняго храма, которая всегда напоминаетъ о смерти. ●

Народу было много, но тѣсноты не чувствовалось. Говорили шопотомъ и точно съ боязнью, капляли осторожно, и каждый звукъ гулко и широко отдавался подъ огромными каменными сводами. На лѣвомъ клиросѣ молодой лабазникъ Бардыгинъ читалъ часы громкимъ и такимъ ненатуральнымъ, задавленнымъ голосомъ, какъ будто въ горлѣ у него застряла корка черного хлѣба. Щеголяя мастерствомъ быстрого чтенія, онъ выкрикивалъ однимъ духомъ столько текста, сколько могъ, при чемъ сливалъ всѣ слова, цѣлыя предложенія, даже новыя строчки въ одно длинное, въ сотню слоговъ, непонятное слово. Изрѣдка онъ останавливался на секунду, чтобы набрать въ грудь воздуха, и тогда начальное слово слѣдующей фразы онъ произносилъ съ большой растяжкой, театрално удваивая согласные звуки, и лишь послѣ этого, точно приобрѣтя необходимый ему размахъ, съ разбѣгу сыпалъ частой дробью непонятныхъ звуковъ. «Ак-кискимень, обитай въ тайныхъ»... «Ик-кам-мень его прибѣжище заяцамъ тра-та-та-та...» вырывалось отдѣльными восклицаніями.

Иванъ Віанорычъ подошелъ къ свѣчному прилавку. Церковный староста — благообразный тучный старикъ, весь точно серебряный отъ чисто вымытыхъ, картинно расчесанныхъ сѣдинъ—звякалъ среди напряженной тишины мѣдяками, укладывая ихъ въ стопочки.

— Михалъ Михалычу! — сказалъ Насѣдкинъ, протягивая черезъ прилавокъ руку.

— А! Ивапъ Віанорычъ! — сдержаннымъ ласковымъ баскомъ отвѣтилъ староста. — Все ли въ добромъ здоровьичкѣ? А мнѣ, того, какъ его... надо съ вами поговорить о чемъ-то, — прибавилъ онъ, понижая голосъ и заслоняясь ладонью отъ свѣчи, чтобы лучше разглядѣть изъ темноты лицо Насѣдкина. — Ты, отецъ, подожди меня малость послѣ ефимоповъ... Ладно?

— Отчего жь... Я подожду.

Степенно гаркая калогами по плитяному полу, Ивапъ Віанорычъ пробрался на свое обычное мѣсто, за правымъ клиросомъ у образа Всѣхъ Святителей, которое онъ, по праву давности и почета, занималъ уже девятый годъ. Тамъ стоялъ, сложивъ руки на животѣ и тяжело вздыхая, рослый бородатый мужикъ въ бѣломъ дубленомъ тулупѣ, пахнувшемъ бараномъ и терпкой кислятиной. Со строгимъ видомъ, пожевавъ губами, Ивапъ Віанорычъ брезгливо тронулъ его за рукавъ.

— Ты что же это, любезный, распространился? Видишь — чужое мѣсто, а лѣзешь! — сказалъ онъ сурово.

Мужикъ низко поклонился и съ покорной суетливостью затоптался въ сторону.

— Прости, батюшка, прости Христа ради.

— Богъ проститъ, — сухо отвѣтилъ старикъ.

* * *

На клиросѣ задвигался желтый огонекъ свѣчки, отъ него робко вспыхнулъ другой, третій. Теплые огненные язычки, постепенно рождаясь въ темнотѣ, перешли снизу вверхъ, и невидимая до сихъ поръ пѣвческая капелла ясно и весело озарилась свѣтомъ среди скорбной темноты, наполнявшей церковь. Лица дискаптовъ, освѣщаемыя снизу, съ блестящими точками въ глазахъ, съ мягкими контурами щекъ и подбородковъ, стали похожи на личики тѣхъ мурильевскихъ херувимовъ, которые поютъ у

погъ Мадонны, держа развернутыя ноты. У стоявшихъ сзади мужчинъ изъ-за темныхъ усовъ бѣло и молодо сверкали зубы. Басы мощно откашливались, рыча въ глубинѣ хора, какъ огромные, добродушные звѣри.

Пронесся тонкій, жужжащій звукъ камертона. Регентъ, любимецъ и баловень купечества, лысый, маленькій и толстый мужчина, въ длинномъ сюртукѣ, болѣе широкой къ задѣ, чѣмъ въ плечахъ, тонкимъ голосомъ, бережно, точно сообщая хору какую-то нѣжную тайну, задалъ тонъ. Толпа зашевелилась, протяжно вздохнула и стихла.

— Помощникъ и Покровитель бысть мнѣ во спасеніе! — съ чувствомъ прошепталъ Насѣдкинъ, опережая пѣвчихъ, хорошо знакомыя ему слова ирмоса.

Стройные, печальные звуки полились съ клироса, но прежде, чѣмъ преодолѣть огромную пустоту купола, оттолкнулись отъ каменныхъ стѣнъ, и въ первыя мгновенія казалось, будто во всѣхъ уголкахъ темнаго храма заплѣло, вступая одинъ за другимъ, нѣсколько хоровъ.

Изъ алтаря вышелъ, щуря на народъ голубые, близорукие глаза, второй соборный священникъ о. Евгеній, — маленькій, чистенькій старичокъ, похожій лицомъ на Николая угодника, какъ его пишутъ на образахъ. Онъ былъ въ одной траурной эпитрахили поверхъ черной рясы, и эта простота церковной одежды, и слабая, утомленная походка священника, и его прищуренные глаза — трогательно гли къ покаянному настроенію толпы и къ тишинѣ и къ темнотѣ собора.

Пѣвчіе замолчали, и вслѣдъ за ними замолкли одинъ за другимъ невидимые хоры въ углахъ и въ куполѣ. Тихимъ, слегка вздрагивающимъ, умоляющимъ голосомъ, такъ страшно непохожимъ своей естественностью на обычные церковные возгласы, священникъ проговорилъ первыя слова великаго канона:

— Откуда начну плакати окаяннаго моего житія дѣлній? Кое положу начало, Христе, нынѣшнему рыданію?..

— Помилуй мя, Боже, помилуй мя! — скорбно заплакалъ хоръ.

«Нынѣшнему рыданію!» — повторилъ мысленно Иванъ Віанорычъ, почувствовавъ въ затылкѣ у себя холодную волну. — Какія слова!..

Воображеніе вдругъ нарисовало ему древняго, согбеннаго годами, благодушнаго схимника. Вотъ онъ пришелъ въ свою убогую келью, позднимъ вечеромъ, послѣ утомительной службы, едва держась на больныхъ ногахъ, принеся въ складкахъ своей одежды, украшенной знаками смерти, запахъ ладана и воска. Молчаніе, полумракъ... слабо дрожитъ огонекъ свѣчи передъ темными образами... на полу, вмѣсто ложа, раскрытый гробъ... Со стономъ боли становится отшельникъ на израненныя, натруженныя колѣни. Впереди цѣлая ночь молитвы, страстныхъ вздоховъ, горькихъ и сладостныхъ рыданій, сотрясающихъ хилое тѣло. И, уже предчувствуя близость блаженныхъ слезъ, старецъ перебираетъ въ умѣ всю свою невинную, омытую ежедневнымъ плачемъ жизнь и ждетъ вдохновенія молитвы. «Откуда начну плакати!»..

— Нѣтъ! Уйду въ монастырь, на покой! — вдругъ рѣшилъ растроганный Иванъ Віанорычъ. — Домъ, проценты... Зачѣмъ все это?

— Осквернивъ плоти моей ризу и окаляхъ еже по образу, Спасе, и по подобію! — читалъ священникъ.

— Уйду. Вотъ возьму и уйду. Тамъ тишина, благолѣпіе, смиреніе, а здѣсь... о, Господи!.. Ненавидятъ другъ друга, клеветуютъ, интригуютъ... Ну, положимъ, я свою каплю добра несу на пользу общую: кого надо остерегу, предупрежду, открою глаза, наставлю на путь. Да вѣдь и о себѣ надо подумать когда-нибудь, смерть-то — она не ждетъ, и о своей душѣ надо порадовать, вотъ что!

Около Насѣдкина зашелестѣло шелкомъ женское платье. Высокая дама въ простомъ черномъ костюмѣ прошла впередъ, къ самому клиросу, и стала въ глубокой нишѣ, слившись съ ея темнотой. Но на мгновение Иванъ Вѣанорычъ успѣлъ разглядѣть прекрасное бѣлое лицо и большіе, печальные глаза подъ тонкими бровями.

Всему городу, — а Ивану Вѣанорычу больше другихъ, — была извѣстна трагическая исторія этой женщины. Ее выдали изъ бѣдной купеческой семьи замужъ за мѣстнаго милліонера — лѣсопромышленника Щербачева, вдовца, человѣка старше ея лѣтъ на сорокъ, про котораго говорили, что онъ побоями вогналъ въ гробъ двухъ своихъ первыхъ женъ. Несмотря на то, что Щербачеву подходило уже подъ шестьдесятъ, онъ былъ необычайно крѣпокъ здоровьемъ и такъ силенъ физически, что, во время своихъ обычныхъ безобразныхъ запоевъ, разбивалъ кулакомъ мраморные столики въ ресторанахъ и одинъ выворачивалъ уличные фонари. Однажды, собравшись въ дальній уѣздъ по дѣламъ, онъ неожиданно вернулся съ дороги домой и засталъ жену въ своей спальнѣ съ красавцемъ-приказчикомъ. Говорили, что онъ былъ заранѣе предупрежденъ анонимнымъ письмомъ. Приказчика онъ не тронулъ, велѣлъ ему только ползти на четверенькахъ черезъ всѣ комнаты до выходной двери. Но надъ женой онъ вдоволь натѣшилъ свою звѣриную, хамскую душу. Сваливъ ее съ ногъ кулаками, онъ до усталости билъ ее огромными коваными сапожищами, потомъ созвалъ всю мужскую прислугу, приказалъ раздѣть жену догола и самъ, поочередно съ кучеромъ, стегалъ кнутомъ ея прекрасное тѣло, обративъ его подъ конецъ въ сплошной кусокъ кроваваго мяса.

Съ тѣхъ поръ прошло два года. Сильная натура молодой женщины какимъ-то чудомъ выдержала это истязаніе, но душа сломилась и стала рабской. Жена Щер-

бачева отказалась отъ людей, пикуда не ѣздила и никого у себя не принимала. Лишь изрѣдка появлялась она въ церкви, вызывая шопоть мѣщанскаго любопытства между городскими сплетниками. Рассказывали, что Щербачевъ послѣ той ужасной ночи не сказалъ болѣе съ женой ни одного слова, а если уѣзжалъ куда-нибудь, то запиралъ се на ключъ и приказывалъ ложиться на ночь у ея дверей дворникамъ.

— Богъ-то все заранѣе расчислилъ! — набожно и злорадно думалъ Насѣдкинъ, косясь на стѣнную нишу, въ которой едва темнѣла высокая женская фигура. — Кабы не нашлись во-время добрые люди, ты бы и теперь, вмѣсто молитвы и воздыханія сердечнаго, хвосты бы съ кѣмъ-нибудь трепала. А такъ-то оно лучше, по-хорошему, по-христіански... О, Господи, прости мои согрѣшенія... Ничего, помолись, матушка. Молитва-то — она сердце умягчаетъ и отъ зла отгоняетъ...

— Слезы блудницы, Щедре, и азъ предлагаю: очисти мя, Спасе, благоутробіемъ твоимъ! — кроткимъ, старчески-простымъ голосомъ выговаривалъ маленькій священникъ.

— Помилуй мя, Боже! — глубокимъ стопомъ сокрушенія отвѣтилъ ему хоръ.

Плечи Щербачевой вдругъ затряслись. Закрывъ лицо ладонями, она быстро опустилась на колѣни, точно упала.

«И я тоже, и я, Господи! Слезы блудницы предлагаю!»—со смиреннымъ самоуниженіемъ подумалъ Иванъ Віанорычъ. Но смиреніе его было легкое, пріятное. Глубоко въ душѣ онъ зналъ про самого себя, что жизнь его чиста и дѣла безпорочны, что онъ честно прослужилъ 35 лѣтъ своему отечеству, что онъ строго блюдетъ посты и обличаетъ беззаконіе. Не осмѣливаясь выпускать этихъ самолюбивыхъ мыслей на поверхность сознанія, притворяясь передъ самимъ собой, что ихъ вовсе нѣтъ

въ его сердцѣ, онъ все-таки съ гордостью вѣрилъ, что ему уготовано въ будущей жизни теплое, радостное мѣсто, въ родѣ того, которое ему общій почетъ и собственныя заслуги отвели въ церкви, подъ образомъ Всѣхъ Святителей.

Слезы стояли у него въ груди, щипали глаза, но не шли. Тогда, пристально смотря на огонь свѣчки, онъ сталъ напирать горло, какъ при зѣвотѣ, и часто дышать, и наконецъ онѣ потекли сами — обильныя, благодатныя, освѣжающія слезы...

Служеніе кончилось. Народъ медленно, въ молчаніи расходился. О. Евгеній вышелъ изъ алтаря, съ трудомъ передвигая ревматическими ногами, и, узнавъ Насѣдкина, ласково кивнулъ ему головой. Прошла робко, неувѣренной походкой, страшно не идущей къ ея роскошной фигурѣ, купчиха Щербачева... Иванъ Віанорычъ вышелъ послѣднимъ вмѣстѣ съ церковнымъ старостой.

— Чудесно читаетъ еѣимоны о. Евгеній, — сказалъ, спускаясь по ступенькамъ, староста. — До того вразумительно. Такъ всю тебѣ душу и пробираетъ.

— Отлично читаетъ, — согласился Насѣдкинъ. — Про какое дѣло-то вы хотѣли, Михалъ Михалычъ?

— Дѣло такое, отецъ: что есть у васъ сейчасъ, того, какъ его... свободныя деньги?

— Ну?

— А ты не запрягъ, такъ и не погоняй. Спрашиваю, есть деньги?

— Много ли?

— Пустое... Тысячи три, а то лучше четыре.

— Ну, скажемъ, есть, — недовѣрчиво произнесъ Иванъ Віанорычъ. — Ты про дѣло-то говори: кому надо?

— Чудакъ человекъ. Не вѣришь ты мнѣ, что ли? Того, какъ его... ужъ, если я говорю, стало-быть, дѣло вѣрное.

Я бы тебя не сталъ и звать, кабы располагалъ сейчасъ наличными. Апрянина надоть выручить, ему платежи подходятъ, а по векселямъ задержка.

— Такъ, — задумчиво произнесъ Насѣдкинъ. — Изъ сколькихъ процентовъ?

Михаилъ Михайловичъ фыркнулъ носомъ и, слегка навалившись на спутника, проказливо толкнулъ его локтемъ въ бокъ.

— Ахъ, ты... мастеръ Іоганъ Кнастеръ! Сказалъ тебѣ, будь безъ сомнѣнія, и шабашъ. За полгода двѣсти на тыщу хватить съ тебя? Ну и... того, какъ его... нечего разговаривать. Прощай, что ли. Мнѣ направо. Зайди завтра утречкомъ, обговоримъ.

— Ладно, приду, — вздохнулъ Иванъ Віанорычъ. — Прощайте, Михалъ Михалычъ.

— Наилучшаго, Иванъ Віанорычъ.

Они разошлись. Насѣдкинъ шелъ по деревяннымъ мосткамъ, постукивая кожаными калошами, и все время вздыхалъ, съ наружнымъ сокрушеніемъ и внутреннимъ довольствомъ. Отъ его шубы еще пахло мирнымъ запахомъ церкви, спина пріятно, расслабленно ныла послѣ долгаго стоянія, и въ душѣ у него была такая же тихая, сладкая истома.

Маленькій захолустный городишко уже спалъ. Не было прохожихъ на улицѣ. Гдѣ-то недалеко за заборомъ лаяла лѣниво, отъ-нечего-дѣлать, собака. Сгущались прозрачныя, зеленыя апрѣльскія сумерки; небо на западѣ было нѣжно-зеленое, и въ голыхъ вѣткахъ деревьевъ уже чувствовался могучій, темно-зеленый весенній тонъ.

Вдали показался домъ Насѣдкина. Лампа внутри не была зажжена, но тюлевыя занавѣси на окнахъ чуть-чуть розовѣли отъ сіянія лампадки.

— Слезы блудницы и азъ предлагаю! — съ умиленіемъ вспомнилъ Иванъ Віанорычъ.

— Ворона! — перебилъ онъ вдругъ себя. — Пропустилъ почтовый ящикъ.

Онъ вернулся назадъ, чтобы опустить письма. Услышавъ, какъ они стукнулись о желѣзное дно ящика, онъ еще плотнѣе запахнулъ теплую шубу и пошелъ дальше. И для того, чтобы опять вернуться къ прежнимъ отраднымъ мыслямъ о домѣ, о процентахъ, о сладости молитвъ, о людскихъ грѣхахъ и о своей чистотѣ, онъ еще разъ съ чувствомъ прошепталъ, растроганно покачивая головой:

— Слезы блудницы и азъ предлагаю...

НА ГЛУХАРЕЙ.

Очеркъ.

Я не могу себѣ представить, какія ощущенія въ мирѣ могутъ сравниться съ тѣмъ, что испытываешь на глухарной охотѣ. Въ ней такъ много неожиданнаго, волнующаго, таинственнаго, труднаго и прелестнаго, что этихъ впечатлѣній не забудешь никогда въ жизни.

Просыпаешься среди темной, безлунной мартовской ночи и сначала никакъ не можешь сообразить, гдѣ ты находишься. Лежишь на земляномъ полу подлѣ цѣлой груды раскаленныхъ головешекъ, по которымъ то и дѣло трепетно пробѣгаютъ послѣдніе огненные языки. Бревенчатая стѣны и низкій бревенчатый потолокъ больше чѣмъ на палецъ покрыты черной, висящей, какъ бахрама, сажей. Пространство въ половину кубической сажени. Вмѣсто двери — узкое отверстіе, сквозь которое глядитъ ночь, еще болѣе темная, чѣмъ эти закоптѣлыя стѣны.

Но отчаянный храпъ человѣка, лежащаго по другую сторону костра, живо возвращаетъ память не успѣвшему еще проснуться, какъ слѣдуетъ, сознанию. Мы находимся въ старой, заброшенной «угольницѣ», въ самомъ центрѣ Полѣсья, въ сорока верстахъ отъ какаго бы то ни было жилья, кромѣ одинокихъ лѣсныхъ сторожекъ, затерянныхъ среди непроходимой чащи. Насъ окружаетъ со

всѣхъ сторонъ сплошной вѣковой боръ, равный по величинѣ доброму нѣмецкому княжеству.

Вспоминается весь вчерашній день: ранній торопливый выѣздъ и узкая лѣсная дорожка, вьющаяся самыми неожиданными зигзагами между деревьевъ, — дорожка, по которой умѣютъ пробираться только привычныя, крошечныя, но сердитыя и бойкія полѣвскія лошаденки. Цѣлый день мы то пробирались среди сугробовъ рыхлаго, грязнаго снѣга, то вязли въ густой грязи, то тряслись и подпрыгивали, вмѣстѣ съ телѣгой, по узловатымъ корневищамъ, пересѣкающимъ дорогу, то на песчаныхъ, уже обсохшихъ пригоркахъ сходили на землю и криками ободряли усталыхъ, потемнѣвшихъ отъ поту лошадей, то переправлялись мимо снесенныхъ половодьемъ мостовъ черезъ неглубокіе, но широкіе и быстрые, коричневые отъ грязи, лѣсные ручьи... Наконецъ, около одной сторожки дорога совсѣмъ прекратилась, и мы добрались до угольницы пѣшкомъ, средь быстро падавшихъ на землю сумерокъ, по едва замѣтнымъ тропинкамъ, злые, голодные, поминутно сбиваясь съ дороги и не довѣря другъ другу...

Неподвижный, устремленный на меня взглядъ заставляетъ меня обернуться. Мой спутникъ уже не спитъ. Онъ спокойно смотритъ на меня сонными, ничего не выражающими глазами и усиленно посасываетъ потухшую короткую трубку. Увидѣвъ, что я уже бодрствую, онъ языкомъ передвигаетъ трубку въ уголь рта и произноситъ глухо:

— Эге!.. Не спите, панычъ? А я цѣлую ночь не сплю. Все васъ стерегу.

— То-то ты храпѣлъ такъ.

— Ну-ну!.. Я однимъ ухомъ сплю, а другимъ все слушаю... Я хитрый... А ну-ка, панычъ, который теперь часъ будетъ?

Я смотрю на часы.

— Часъ безъ четверти... Можетъ-быть, собираться?

Трофимъ вяло глядитъ на потухающіе уголья, задумчиво чешетъ затылокъ, сдвинувъ шапку совсѣмъ на глаза, потомъ чешетъ поясницу.

— А что жь! — вдругъ восклицаетъ онъ съ неожиданнымъ приливомъ энергіи. — Собираться, такъ собираться. Лучше пойдёмъ себѣ помаленьку, не будемъ торопиться...

Сборы наши не занимаютъ много времени. Я стягиваю потуже вокругъ талии патронташный ремень и выпрастываю изъ-подъ него кверху бока свитки, чтобы дать больше свободы рукамъ, сильно встряхиваюсь всѣмъ тѣломъ, чтобы убѣдиться, что ничто на мнѣ не бренчитъ и не болтается, натягиваю кожаныя бахилы *) и крѣпко обвязываю ихъ повыше колѣнъ вокругъ ногъ, а тѣмъ временемъ Трофимъ даетъ мнѣ послѣднія наставленія, и хотя я ихъ слышалъ, по крайней мѣрѣ, разъ десять, я слушаю еще разъ со вниманіемъ и новымъ любопытствомъ.

Трофимъ Щербатый — казенный лѣсникъ, благосклонному вниманію котораго меня рекомендовалъ лѣсничій — мой родственникъ, а его непосредственный начальникъ. Трофимъ безпечень, грубъ, немного хвастунъ и лѣнтяй и втихомолку торгуетъ казенной дичью. Это его отрицательныя качества. Но зато онъ смѣль, знаетъ лѣсъ не хуже любого звѣря, прекрасный стрѣлокъ и неутомимый охотникъ. Ко мнѣ онъ относится покровительственно.

— Сначала глухарь съ опаской играетъ, — наставительно говоритъ Трофимъ. — Чокъ! и замолчалъ. Сидитъ себѣ на суку и во всѣ стороны слушаетъ. Потомъ опять:

*) Бахилы — родъ толстаго кожанаго чулка. Бахилы выдѣлываются изъ цѣльнаго куска кожи и потому совершенно не пропускаютъ воды.

чокъ, чокъ! — и опять тихо. Уже тутъ спаси васъ, Господи, панычъ, поворохнуться, или сучкомъ треснуть — только и услышите, какъ онъ крыльями по всему лѣсу хлопаетъ. Потому что его хоть и называютъ — глухарь, а нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ такой чуткой птицы, какъ онъ... Потомъ вдругъ какъ зашипитъ! Вотъ тутъ-то вы ужъ, что есть духу, скачите впередъ. Изо всей силы... Прыгнули разъ съ пять — и стой! И — ни муръ-муръ. Даже не пять, а хоть четыре, аль-бы три сначала. И ужъ сто-ой... опять жди пѣсни. Тутъ онъ въ скорости опять заиграетъ: чокъ-чокъ... чокъ-чокъ... чокъ-чокъ... и опять зашипѣлъ. Вы опять впередъ и опять стой — ожидай пѣсню. Иной глухарь какъ разойдется, такъ безъ передышки пѣсенъ тридцать сыграетъ, а вы только знайте себѣ, скакайте впередъ и больше ничего. А потомъ вдругъ замолчитъ и а-ни-ни, какъ отрѣзалъ. Полчаса, подлець, будетъ прислушиваться. Ну, ужъ тутъ ничего не сдѣлаешь: какъ сталь, такъ и стой. Ждите. Другой разъ въ багнѣ *) по поясъ нагрузнешь, дрожишь весь, а терни! Ноги замлѣютъ, спина ноетъ, руки болятъ, а все-таки жди... А какъ онъ только опять началъ играть, такъ вы, панычъ, одну пѣсню пропустите. Бываютъ изъ нихъ такіе прохвосты, что стрѣльца обдуриваютъ. Это харкунны называются. Зачокаетъ, зачокаетъ... ты — скокъ, а онъ и замолчалъ. Подождетъ немного и давай харкать: хрр... хрр... Это онъ другимъ глухарямъ вѣсть подаетъ: берегись, говоритъ, стрѣлецъ идетъ. И ужъ если гдѣ такой харкунъ завелся — все токовище ни къ чортову батьку не годится. Только и знаетъ, холера, что сидитъ на суку да сторожить, не идетъ ли кто.

Мы поднимаемся по тремъ землянымъ ступенькамъ, вылѣзаемъ сквозь узкое отверстіе, бокомъ, изъ угольницы

*) Багно — вязкое болото

и сразу попадаемъ въ такую глубокую темень, что кажется, будто насъ внезапно окунули въ какую-то гигантскую чернильницу. Я остановился вновь въ нерѣшительности, почти въ страхѣ. Чтобы обмануть себя, я нарочно на нѣсколько секундъ закрываю глаза и потомъ быстро раскрываю ихъ. Нѣтъ! — ночь попрежнему черна и непроницаема до жуткости. Я поднимаю голову вверхъ. Но на небѣ нѣтъ ни одной звѣзды, и у меня вдругъ мелькаетъ мистическая, тревожная мысль: неужели все живущее осуждено погрузиться послѣ смерти въ такой же непобѣдимый, вѣчный, ужасный мракъ?

— Ну, что же вы, панычъ? Идите за мной, — слышу я гдѣ-то впереди себя глухой голосъ Щербатаго.

И я иду, прислушиваясь къ его шагамъ, боязливо простирая передъ собой руки и осторожно ощупывая ногами почву. Меня ни на секунду не покидаетъ ожиданіе, что вотъ-вотъ я наткнусь лицомъ на острый сучокъ, и отъ этого ожиданія я испытываю въ глазахъ странную, тупую боль, точно кто-то сильно давитъ на нихъ изнутри.

Мы идемъ безъ дороги, напрямикомъ. Ноги по колѣно безъ всякаго усилія входятъ въ жидкій, какъ кашица, зернистый, холодный снѣгъ, подъ которымъ при каждомъ шагѣ громко хлопаетъ вода. То мы идемъ по сплошной грязи, съ трудомъ вытаскивая изъ нея ноги, иногда взбираемся на сухіе и твердые пригорки, иногда шагаемъ по мшистымъ кочкамъ, подающимся мягко и упруго внизъ, когда на нихъ ступаешь. Но гдѣ мы? Куда мы идемъ? — я не знаю. Я съ первыхъ же шаговъ пересталъ ориентироваться, и теперь наше шествіе представляется мнѣ чѣмъ-то нелѣпымъ, тяжелымъ и фантастическимъ, какъ кошмаръ. Порою вѣтки какихъ-то деревьевъ хлещутъ меня по лицу и цѣпляются, точно невидимыя длинныя руки, за мои плечи. Порою прямо передо мной, въ аршинѣ отъ моего лица, вдругъ вырастаетъ

черный, толстый стволъ дерева. Я останавливаюсь, отшатываюсь въ испугъ и протягиваю впередъ руки... но пальцы мои встрѣчаютъ все тотъ же непроницаемый для глазъ, пропитанный тьмою воздухъ.

— Идите, идите, панычъ, — ободряетъ меня Щербатый. — Тутъ недалеко... всего полторы версты... Можно бы было... О, чортъ!..

Я слышу, какъ онъ падаетъ куда-то внизъ, ломая сухой валежникъ, и какъ потомъ его тѣло съ размаху бултыхаетъ въ воду. Мной овладѣваетъ дикій, эгоистическій страхъ и какая-то растерянная, беспомощная, тоскливая озлобленность. Мнѣ кажется, что, если я сдѣлаю еще хоть одинъ шагъ среди этой грозной темноты, я тоже полечу въ глубокую, холодную и грязную трясиину.

— Въ яму угодилъ! — говоритъ откуда-то снизу Щербатый, и я слышу, какъ онъ, вылѣзая, отфыркивается и топчется ногами по грязи. — Держитесь лѣвѣе, панычъ, лѣвѣе... Идите на меня... вотъ такъ... И какъ это я въ нее такъ ловко нацѣлился? Вѣдь, кажись, добре знаю. Въ эту самую яму въ позапрошломъ году лось попалъ, весною. Такъ и подохъ въ ней, не могъ выкарабкаться...

Его спокойствіе передается и мнѣ, и опять я бреду, ощупывая, какъ слѣпецъ, руками воздухъ и прислушиваясь къ шагамъ лѣсника.

— Много ли осталось, Трофимъ?

— Осталось? Да еще съ версту будетъ. Нѣтъ, не будетъ съ версту... Меньше... Будетъ еще съ три четверти.

Чтобы обмануть свое нетерпѣніе, я начинаю считать шаги. «Отсчитаю хоть пятьсотъ шаговъ, думаю я, тогда ужъ самые пустяки останутся». И я уже успѣваю насчитать болѣе двухсотъ, какъ вдругъ наталкиваюсь на спину остановившагося Щербатаго.

— Чего ты сталъ, Трофимъ?

— Тутъ полегче надо, панычъ. Будемъ рѣчонку переходить.

Я слышу, какъ быстро-текущая вода бурлитъ и плещется вокругъ Трофимовыхъ салогъ, и тотчасъ же чувствую, что и я самъ постепенно вхожу къ воду, которая упруго и яростно бьется о мои ноги. Разлившаяся лѣсная рѣчонка не глубока, но она такъ стремительно несетя внизъ по крутому косогору, что я принужденъ волочить ноги по дну, изъ опасенія быть сбитымъ теченіемъ. По временамъ я попадаю на болѣе глубокія мѣста и каждый разъ, внезапно погружаясь въ нихъ, чувствую, какъ у меня отъ испуга дыханіе пересѣкается быстрымъ и короткимъ вздохомъ. Мнѣ немного жутко, потому что самой воды я въ темнотѣ не вижу, но со всѣхъ сторонъ, далеко вокругъ себя, я слышу ея торопливое журчалье, таинственные всплески и гнѣвный ропоть...

Наконецъ мы выходимъ на плотный, упругій, песчаный берегъ. Я только теперь замѣчаю, что ночь немного освѣтлѣла, — замѣчаю по тому, что смутно вижу спину шагающаго впереди Трофима и неясныя очертанія сосенъ. Трофимъ на ходу поворачиваетъ ко мнѣ голову и шепчетъ:

— Ну, панычъ, идите потихоньку, не шумите. Сейчасъ придемъ на токовище. «Онъ» еще съ вечера усѣлся на мѣсто, а теперь проснулся и слушаетъ...

— А скоро онъ начнетъ? — спрашиваю я также шопотомъ.

— Тсс... тихонько!.. Спервѣ журавли заиграютъ.

Теперь мы подвигаемся медленно, шагъ за шагомъ. Подъ ногами у насъ узенькая лѣсная тропинка, обледенѣлая и скользкая. Трофимъ идетъ совсѣмъ безшумно въ своихъ легкихъ лыковыхъ постолахъ, но я то и дѣло наступаю на какія-то вѣточки и сучки, и мнѣ кажется, что ихъ трескъ оглушительно разносится по всему лѣсу.

Трофимъ останавливается и, не оборачиваясь, подзываетъ меня къ себѣ рукою. Я подхожу. Онъ наклоняется къ моему уху и шепчетъ такъ тихо, что я съ трудомъ разбираю слова:

— Здѣсь станемъ. Не ворошитесь, панычъ.

Ночь поблѣднѣла еще больше. Отъ земли поднялся густой туманъ. Я слышу его влажное прикосновение на своемъ лицѣ, слышу его сырой запахъ. На его сѣдомъ фонѣ ближайшія сосны однотонно плоско и пейзажно вырисовываются своими прямыми, голыми стволами. Въ ихъ неподвижности среди этой глубокой тишины, среди этого холодного, мокраго тумана чувствуется что-то суровое, сознательно-печальное и покорное.

Я не знаю, сколько прошло времени, можетъ-быть, пять минутъ, можетъ-быть, полчаса. Внезапно мой слухъ поражается такими странными звуками, что я невольно вздрагиваю отъ неожиданности. Это какіе-то высокіе, необыкновенно звучные и гармоничные стоны, издаваемые цѣлыми десятками голосовъ. Я никакъ не могу опредѣлить, откуда они несутся: справа, слѣва, спереди или сзади? Они торопятся, вторятъ другъ другу, перегоняютъ другъ друга, сплетаются и вновь расходятся, образуя своеобразный размѣръ и оригинальную мелодію, и разбуженный лѣсъ откликается на нее звонкимъ и чистымъ отзвукомъ.

— Журавли! — еле слышно проноситъ Трофимъ.

— Уу-рлы, урлу-рлы, урлу-рлы, — стонетъ по всему лѣсу невидимый хоръ, и едва только онъ замолкаетъ, какъ въ отвѣтъ ему откуда-то съ противоположнаго конца лѣса раздаются такіе же гармоническіе стоны другого стада проснувшихся журавлей, потомъ отзывается третье стадо, за нимъ четвертое... Эта утренняя перекличка служитъ сигналомъ для всего лѣса. Заяцъ начинаетъ вопить своимъ дрожащимъ, гнусавымъ и прерывающимся

сопрано, гдѣ-то близко около насъ чуфыкнулъ задорно и рѣзко тетеревъ, сова расхохоталась на верхушкѣ высокаго дерева... И опять все стихаетъ, погружается въ прежнюю чуткую дремоту, и опять мы стоимъ молча и неподвижно и, еле дыша и теряя счетъ времени, подслушиваемъ тайны лѣса.

Вдругъ Трофимъ встрепенулся, вытянулъ шею, подался впередъ всѣмъ туловищемъ и такъ и замеръ въ напряженной, выжидательной позѣ. Очевидно, его изощренный слухъ уловилъ какіе-то отдаленные, слабые звуки, но я, какъ ни прислушивался, какъ ни насилывалъ свое вниманіе, ничего не могъ различить, кромѣ непрерывнаго глухого шума, раздававшася у меня въ ушахъ.

— Играетъ! — прошепталъ Трофимъ. — Слышите?

— Нѣтъ.

— Все равно, идите за мной. Какъ я скокну, такъ и вы. Нога въ ногу... А какъ услышите совсѣмъ хорошо, тогда скажите... я тогда отъ васъ отстану... О! Чуете? Опять заигралъ.

Но я попрежнему ничего не слыхалъ. Вдругъ Трофимъ, точно подброшенный сильной пружиной, сорвался съ мѣста, сдѣлалъ три огромныхъ прыжка прямо по глубокому снѣгу и остановился, точно окаменѣлый. Я не могъ поспѣть за нимъ и пропустилъ лишній шагъ.

Трофимъ молча повернулся ко мнѣ и съ искаженнымъ, злымъ и взволнованнымъ лицомъ погрозилъ мнѣ пальцемъ.

Черезъ минуту пружина опять бросила его впередъ. Теперь я изловчился и, попадая ногами какъ разъ въ тѣ самыя мѣста, которыя только-что оставляли ноги Трофима, успѣлъ остановиться вмѣстѣ съ нимъ. Трофимъ одобрительно кивнулъ головой.

Мы сдѣлали такимъ образомъ около двадцати перебѣжекъ, когда я наконецъ разслышалъ играющаго глухаря. Это были сухіе, отрывистые звуки съ металличе-

скимъ оттѣнкомъ, похожіе на то, какъ если бы кто щелкалъ ногтемъ по пустой жестяной коробкѣ. Они слѣдовали другъ за другомъ попарно, сначала очень рѣдко, съ интерваломъ въ нѣсколько секундъ, но потомъ повторялись все чаще и чаще, пока не переходили въ мелкую, сливающуюся дробь. Въ этотъ моментъ мы съ Трофимомъ стремглавъ бросились впередъ, высоко вскидывая ноги и разбрасывая вокругъ себя жидкій снѣгъ.

— Трофимъ, — шепнулъ я, дернувъ за рукавъ лѣсника. — Теперь я...

Но онъ грубо вырвалъ у меня руку и укоризненно замоталъ головой. И только тогда, когда глухарь опять зачастилъ и перешелъ въ дробь, Трофимъ рѣзко обернулся ко мнѣ и закричалъ:

— Можно говорить только подъ пѣсню. Пойте!

Дождавшись еще одной дроби, онъ прибавилъ также громко и торопливо:

— Помните: цѣлься подъ пѣсню, заряжай подъ пѣсню, стрѣляй подъ пѣсню...

Наконецъ, во время третьей дроби онъ сказалъ уже болѣе спокойно:

— Захотите кашлять — ждите пѣсню. Ну... идите.

Глухарь тотчасъ же заигралъ въ четвертый разъ. Я ринулся впередъ. Въ то же время побѣжалъ и Трофимъ, но не за мной, а въ противоположную сторону. Такимъ образомъ въ пять перебѣжекъ мы потеряли другъ друга, и я остался одинъ.

У меня такъ сильно колотилось сердце и такъ дрожали ноги, что я рѣшился пропустить нѣсколько пѣсенъ, чтобы оправиться. Тутъ я услышалъ совершенно ясно и второе колѣно. Чистая дробь незамѣтно и быстро переходитъ въ сплошной жесткій и рѣзкій звукъ, похожій скорѣе на скрежетъ, чѣмъ на шипѣнье, и напоминающій звукъ, происходящій отъ тренія двухъ металли-

ческихъ поверхностей. Этотъ скрежетъ продолжается недолго — секунды четыре, — но зато въ эти секунды глухарь абсолютно ничего не видитъ и не слышитъ, потому что плотно зажмуриваетъ глаза, а уши у него герметически закупориваются отростками челюстныхъ костей. Въ эти секунды можно выпалить изъ пушки въ разстояніи четверти аршина отъ его головы: онъ не обратитъ на выстрѣлъ никакого вниманія и все-таки докончитъ свое колѣно. Уже много времени спустя я узналъ, что всѣ эти звуки глухарь производитъ своимъ кривымъ и твердымъ клювомъ. Глухарь — единственная птица, у которой нѣтъ языка, но зато огромная полость его рта представляетъ собою прекраснѣйшій резонаторъ. Начиная пѣсню, онъ ударяетъ верхнею частью клюва о нижнюю. Ударить и прислушается. Потомъ еще ударить и еще прислушается, и ударяетъ все чаще и чаще, пока не переходитъ въ дробь. Тогда глухарь уже не въ силахъ остановиться. Въ дикомъ любовномъ экстазѣ онъ третъ одной челюстью о другую, ожесточенно скрежещетъ ими и забываетъ въ эти мгновенія объ опасности, и о многочисленныхъ врагахъ, и о мудромъ благоразуміи, и рѣшительно обо всемъ на свѣтѣ.

Въ то время, когда я отдыхалъ, глухарь вдругъ пересталъ играть и молчалъ, должно-быть, минутъ съ десять. Потомъ онъ чокнулъ одинъ разъ, но — тихо, осторожно, какъ будто бы нехотя, и опять замолчалъ на нѣсколько минутъ, затѣмъ чокнулъ другой разъ, уже сильнѣе и громче, еще пемного погодя чокнулъ два раза, затѣмъ опять два, зачастилъ, заторопился и, будучи не въ силахъ остановиться, перешелъ во второе колѣно. Согласно наставленію Щербатаго, я пропустилъ первую пѣсню. Глухарь тотчасъ же, почти безъ перерыва, заигралъ вторую, и я побѣжалъ впередъ.

Ровная покатошь, по которой мнѣ до сихъ поръ при-

ходилось бѣжать, перешла въ низменное водянистое болото, поросшее рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ. Изрѣдка попадались рѣдкая ольха и осина и приземистые кусты можжевельника. Одинокія кочки, покрытыя мягкимъ мохомъ и брусникой, торчали кое-гдѣ изъ-подъ тонкаго и хрупкаго утренняго ледка, затянувшаго за ночь болото. Мнѣ не всегда удавалось попадать ногами на эти кочки, и я обрывался, уходя въ грязь по поясъ. Бахилы мои налились водою и страшно отяжелѣли. Одинъ разъ, вытаскивая ноги изъ болота, я не удержалъ равновѣсія и, пробивъ тѣломъ тонкій ледъ, упалъ ничкомъ прямо въ вязкую и холодную гущу. Однако у меня хватило мужества лежать въ такомъ неудобномъ положеніи, чтобы не всполошить глухаря. Я лежалъ и слышалъ, какъ надо мною булькаютъ поднимающіеся изъ болота пузырьки, чувствовалъ, какъ воючая влага медленно просачивается за бортъ и въ рукава моей свитки... Къ счастью, глухарь недолго испытывалъ мое терпѣніе. Когда онъ заигралъ, я быстро вскочилъ и утвердился на кочкѣ. Въ слѣдующую пѣсню я побѣжалъ дальше.

Съ каждой перебѣжкой пѣсня становилась все яснѣе и яснѣе. Теперь я не только слышалъ хорошо оба колѣна, но даже различалъ между ними какой-то новый странный звукъ, какое-то глухое и быстрое фырканье. Наконецъ я остановился. Я слышалъ, что глухарь играетъ гдѣ-то совсѣмъ близко, надъ самой моею головою, на одной изъ шести или семи сосенъ, обступившихъ почти правильнымъ кругомъ кочку, на которой я стоялъ. Подъ пѣсню я поднималъ голову вверхъ и сталъ жадно всматриваться въ густыя шапки сосенъ. Но или ночь была еще слишкомъ темна, или мой глазъ недостаточно зорокъ, — я ничего не различалъ въ этихъ черныхъ массахъ перепутавшихся вѣтвей.

А глухарь все игралъ и игралъ, не переставая, одну

пѣснь за другой. Онъ такъ разгорячился, что окончательно забылъ объ осторожности: онъ уже не чокалъ, а начиналъ прямо съ дроби и, едва окончивъ одну пѣсню, тотчасъ же принимался за другую. Никогда въ жизни, ни раньше ни впоследствии, не слыхалъ я ничего болѣе страннаго, загадочнаго и волнующаго, чѣмъ эти металлические, жесткіе звуки. Въ нихъ чувствуется что-то допотопное, что-то принадлежащее давно исчезнувшимъ формациямъ, когда птицы и звѣри чудовищнаго вида перекликались страшными голосами въ таинственныхъ первобытныхъ лѣсахъ...

Мнѣ показалось, что въ вѣтвяхъ ближайшаго дерева шевельнулось что-то черное. Это «что-то» могло быть и сучкомъ и птицей, но мое воображеніе увѣрило меня, что это глухарь. Выждавъ пѣсню, я дрожащими руками взвелъ курокъ и прицѣлился... Ноги у меня тряслись отъ волненія, а сердце такъ колотилось въ груди, что стукъ его, казалось, разносился по всему лѣсу.

Глухарь заигралъ снова. Я потянулъ собачку. Какъ загремѣлъ, какъ загрохоталъ послѣ моего выстрѣла пронувшійся лѣсъ!.. По всей его громадной площади пронеслось эхо, разбиваясь о деревья на тысячи медленно стихающихъ отзвуковъ, и еще долго-долго глухо гудѣло и рокотало оно гдѣ-то далеко на опушкѣ... Съ дерева дождемъ посыпалась сбитая выстрѣломъ хвоя. Должно-быть, она обсыпала и глухаря, потому что онъ на нѣсколько секундъ прекратилъ пѣсню, но потомъ, точно разсердившись на внезапную помѣху, заигралъ съ новымъ ожесточеніемъ.

Тотчасъ же послѣ своего выстрѣла я услышалъ сзади себя, въ очень далекомъ разстояніи, выстрѣлъ Трофимовой шестилинейной одностволки, — характерный, долгій, глухой, подобный пушечному выстрѣлу. «Этотъ-то ужъ навѣрно не промахнулся», — подумалъ я и по-

чувствовалъ, что въ сердцѣ моемъ шевельнулась охотничья зависть.

Разсвѣтъ близился. Въ воздухѣ стало холоднѣе и сырѣе. Опять прокричали журавли, и опять отозвались на ихъ крикъ лѣсные обитатели: звонко затрещала жолна, меланхолически застонала горлица, гдѣ-то слышалось робкое и нѣжное болботаніе тетерева, пичужки съ легкимъ пискомъ завозились въ кустахъ.

А я все стоялъ, не рѣшаясь стрѣлять въ другой разъ, и мной уже пачинали овладѣвать скука и утомленіе. Вдругъ со стороны Трофима раздался второй выстрѣлъ. Что-то шевельнулось вверху надъ моей головой. Я поднялъ глаза и почти въ томъ самомъ мѣстѣ, куда только-что стрѣлялъ, совершенно отчетливо увидѣлъ глухаря.

Отъ меня до него по прямому направленію было не больше десяти-пятнадцати шаговъ, но онъ мнѣ показался величиною съ домашняго голубя. Играя пѣсню, онъ то вытягивалъ впередъ, то опять втягивалъ шею, точь въ точь, какъ это дѣлаетъ кричащій индюкъ, а переходя ко второму колѣну, онъ весь поворачивался на суку, опускалъ внизъ крылья и съ шумомъ разворачивалъ вѣромъ хвостъ (этотъ-то шумъ, похожій на фырканье, я и слышалъ раньше, не понимая его значенія). Во всѣхъ его движеніяхъ было что-то напыщенное; глубоко-важное и комическое.

На этотъ разъ я не промахнулся. Глухарь, какъ камень, свалился внизъ, брякнувшись глухо и плотно о землю. Я подбѣжалъ къ нему. Онъ былъ живъ и судорожно бился и подпрыгивалъ по землѣ, яростно хлопая могучими крыльями. Однако страданія его не были продолжительны. Онъ упалъ спиной въ мелкую лужицу и уже не могъ больше подняться. Нѣсколько разъ его шея быстро поднялась изъ воды и опустилась, потомъ по ногамъ пробѣжала мелкая, частая дрожь, и все было кончено.

Я поднялъ его. Въ пемъ было фунтовъ около пятнадцати вѣсу, а величиной онъ равнялся средняго роста индюку. Шея и животъ — черные, спина свѣтло-коричневая, съ сѣдоватыми пятнами, брови красныя, бархатистаго оттѣнка, лапы въ сѣрыхъ штапикахъ, а пальцы ихъ покрыты костяной бахромой, глазъ круглый, коричневый, съ большимъ, круглымъ и чернымъ зрачкомъ.

Скоро я услышалъ голосъ звавшаго меня Трофима, и мы сошлись съ нимъ на прежней тропинкѣ. За спиной у него было два глухаря, которыхъ онъ связалъ между собою, продѣвъ сквозь ихъ клювы веревку.

— Я хитрый, — говорилъ онъ хвастливо. — Я, какъ подошелъ къ своему пѣтуху, такъ слышу, что zarazъ и другой прилетѣлъ, да близенько такъ, всего какихъ тридцать шаговъ... и давай они оба играть. Ну, думаю, если своего убью, такъ другой заслышитъ и улетитъ. Такъ я что сдѣлалъ! Прицѣлился въ своего да и жду, когда другой заиграетъ. Тотъ какъ заигралъ, я сейчасъ — бахъ! — и есть. И сейчасъ къ другому — разъ! — и готово. Вотъ какъ у насъ, палычъ!..

Потомъ онъ взвѣсилъ моего глухаря на рукѣ и похвалилъ:

— Пѣтухъ хорошій... Добрый пѣтухъ... Ну, съ подемъ васъ, панычъ!

Когда мы возвращались обратно, лѣсъ совсѣмъ проснулся и ожилъ и весь наполнился птичьимъ радостнымъ гомономъ. Пахло весной, талой землею и прошлогоднимъ прѣлымъ листомъ. Голубое небо было такъ прохладно, чисто и весело, а верхушки сосенъ, точно осыпанныя золотой пылью, уже грѣлись въ первыхъ лучахъ весенняго солнца.

КАКЪ Я БЫЛЪ АКТЕРОМЪ.

Эту печальную и смѣшную исторію — болѣе печальную, чѣмъ смѣшную — рассказывалъ мнѣ какъ-то одинъ пріятель, человекъ, прошедшій самую пеструю жизнь, бывавшій, что называется, и на конѣ и подъ конемъ, но вовсе не утратившій подъ хлыстомъ судьбы ни сердечной доброты ни ясности духа. Лишь одна эта исторія отразилась на немъ нѣсколько страннымъ образомъ: послѣ нея онъ разъ навсегда пересталъ ходить въ театръ и до сихъ поръ не ходитъ, какъ бы его ни уговаривали.

Я постараюсь передать рассказъ моего пріятеля, хотя и боюсь, что мнѣ не удастся это сдѣлать въ той простой формѣ, съ тѣй мягкой и грустной насмѣшкой, какъ я его слышалъ.

I.

Ну, вотъ... Представляете ли вы себѣ скверный южный уѣздный городишко? Посрединѣ этакая огромная колдобина, гдѣ окрестные хохлы, по поясъ въ грязи, продаютъ съ телѣгъ огурцы и картофель. Это базаръ. Съ одной его стороны соборъ и, конечно, Соборная улица, съ другой — городской скверъ, съ третьей — каменные городскіе ряды, у которыхъ желтая штукатурка облупилась, а на крышѣ и на карнизахъ сидятъ голуби; нако-

нецъ, съ четвертой стороны впадаетъ главная улица, съ отдѣленіемъ какого-то банка, съ почтовой конторой, съ нотариусомъ и съ парикмахеромъ Теодоромъ изъ Москвы. Въ окрестностяхъ города, въ разныхъ тамъ Засельяхъ, Замостьяхъ, Зарѣчьяхъ былъ расквартированъ пѣхотный полкъ, въ центрѣ города стоялъ драгунскій. Въ городскомъ скверѣ возвышался лѣтній театръ. Вотъ и все.

Впрочемъ, надо еще прибавить, что и самый городъ, съ его думой и реальнымъ училищемъ, а также скверъ, и театръ, и мостовая на главной улицѣ — все это существуетъ благодаря щедротамъ мѣстнаго милліонера и сахарозаводчика Харитопенко.

II.

Какъ я попалъ туда — длинная исторія. Скажу вкратцѣ. Я долженъ былъ встрѣтиться въ этомъ городкѣ съ однимъ моимъ другомъ, съ настоящимъ, царство ему, небесное, истиннымъ другомъ, у котораго однакоже была жена, которая, по обыкновенію всѣхъ женъ нашихъ истинныхъ друзей, терпѣть меня не могла. И у него и у меня было по нѣскольку тысячъ, скопленныхъ тяжелымъ трудомъ: онъ, видите ли, служилъ много лѣтъ педагогомъ и въ то же время страховымъ инспекторомъ, а я цѣлый годъ счастливо игралъ въ карты. Однажды мы съ нимъ набрали на весьма выгодное предпріятіе съ южнымъ барашкомъ и рѣшили рискнуть. Я поѣхалъ впередъ, онъ долженъ былъ пріѣхать двумя-тремя днями позже. Такъ какъ мое ротозѣйство было уже давно извѣстно, то общія деньги хранились у него, хотя въ разныхъ пакетахъ, ибо мой другъ былъ человѣкъ аккуратности нѣмецкой.

И вотъ начинается градъ несчастій. Въ Харьковѣ на

вокзалѣ, пока я ѣлъ холодную осетрину, соусъ провансаль, у меня вытащили изъ кармана бумажникъ. Приѣзжаю въ С. (это тотъ самый городишко, о которомъ идетъ рѣчь) съ той мелочью, что была у меня въ кошелькѣ, и съ тощимъ, но хорошимъ желто-краснымъ англійскимъ чемоданомъ. Останавливаюсь въ гостиницѣ—конечно, Петербургской—и начинаю посылать телеграмму за телеграммой. Гробовое молчаніе. Да, да, именно гробовое, потому что въ тотъ самый часъ, когда воръ тащилъ мой бумажникъ,—представьте, какія шутки шутитъ судьба!—въ этотъ часъ мой другъ и компаньонъ умеръ отъ паралича сердца, сидя на извозчикѣ. Всѣ его вещи и деньги были опечатаны, и по какимъ-то дурацкимъ причинамъ эта волокита съ судейскими чинами продолжалась полтора мѣсяца. Знала ли убитая горемъ вдова, или не знала о моихъ деньгахъ—мнѣ неизвѣстно. Однако телеграммы мои она всѣ получила, до одной, но молчала упорно, молчала изъ мелочной, ревливой и глупой женской мести. Впрочемъ, эти телеграммы сослужили мнѣ впоследствии большую пользу. Уже по снятіи печатей, совсѣмъ незнакомый мнѣ человекъ, присяжный повѣренный, ведшій дѣло о ввѣдѣ въ наслѣдство, обратилъ случайно на нихъ вниманіе, пристыдилъ вдову и на свой страхъ перевелъ мнѣ прямо на театръ пятьсотъ рублей. Да и то сказать—это были не телеграммы, а трагическіе вопли моей души по двадцати и по тридцати словъ.

III.

Итакъ, я сижу въ Петербургской гостиницѣ уже десятый день. Вопли души совершенно истощили мое портмоне. Хозяинъ—мрачный, заспаный, лохматый хохоль съ лицомъ убійцы—уже давно не вѣритъ ни одному моему слову. Я ему показываю нѣкоторыя письма и бу-

маги, изъ которыхъ онъ могъ бы и т. д., но онъ небрежительно отворачиваетъ лицо и сопить. Подъ конецъ мнѣ приносятъ обѣдать, точно Ивану Александровичу Хлестакову: «хозяинъ сказалъ, что это въ послѣдній разъ»...

И вотъ наступилъ день, когда въ моемъ карманѣ остался одинъ сиротливый, позеленѣлый двугривенный. Въ это утро хозяинъ грубо сказалъ мнѣ, что ни кормить меня ни держать больше не станетъ, а пойдетъ къ господину приставу и пожалится. По тону его я понялъ, что этотъ человекъ рѣшился на все.

Я вышелъ изъ гостиницы и весь день блуждалъ по городу. Помню, заходилъ я въ какую-то транспортную контору и еще куда-то просить мѣста. Понятно, мнѣ отказали съ перваго же слова. Иногда я присаживался на одну изъ зеленыхъ скамеекъ, что стояли вдоль тротуара главной улицы, между высокими пирамидальными тополями. Голова у меня кружилась, меня тошнило отъ голода. Но ни на секунду мысль о самоубійствѣ не приходила мнѣ въ голову. Сколько, сколько разъ въ моей путанной жизни бывалъ я на краю этихъ мыслей, но, глядишь, прошелъ годъ, иногда мѣсяць, а то и просто десять минутъ, и вдругъ все измѣнилось, все опять пошло удачно, весело, хорошо... И въ этотъ день, бродя по жаркому, скучному городу, я только говорилъ самому себѣ: «Да-съ, дорогой Павелъ Андреевичъ, попали мы съ вами въ переплетъ».

Хотѣлось ѣсть. Но по какому-то тайному предчувствію я все берегъ мои двадцать копеекъ. Уже вечерѣло, когда я увидѣлъ на заборѣ красную афишу. Мнѣ все равно нечего было дѣлать. Я машинально подошелъ и прочиталъ, что сегодня въ городскомъ саду даютъ трагедію Гуцкова «Уріэль Акоста», при участіи такихъ-то и такихъ-то. Два имени были напечатаны большимъ чер-

нымъ шрифтомъ: артистка петербургскихъ театровъ г-жа Андросова и извѣстный харьковскій артистъ г. Лара-Ларскій; другіе были помельче: г-жи Вологодская, Медвѣдева, Струнина-Дольская, гг. Тимоѳеевъ-Сумской, Акименко, Самойленко, Нелюбовъ-Ольгинъ, Духовской. Наконецъ самымъ меньшимъ наборомъ стояло: Петровъ, Сергѣевъ, Сидоровъ, Григорьевъ, Николаевъ и др. Режиссеръ г. Самойленко, Директоръ-распорядитель г. Валерьяновъ.

На меня снизошло внезапное, вдохновенное, отчаянное рѣшеніе. Я быстро перебѣжалъ напротивъ, къ парикмахеру Теодору изъ Москвы, и на послѣдній двугривенный велѣлъ сбрить себѣ усы и остренькую бородку. Боже праведный! Чтò за угрюмое, босое лицо взглянуло на меня изъ зеркала! Я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Въмѣсто тридцатилѣтняго мужчины не слишкомъ красивой, но во всякомъ случаѣ порядочной наружности, тамъ, въ зеркалѣ, напротивъ меня, сидѣлъ, обвязанный по горло парикмахерской простыней, — старый, прожженый, заматерѣлый провинціальный комикъ, со слѣдами всяческихъ пороковъ на лицѣ и къ тому же явно нетрезвый.

— Въ нашемъ театрѣ будете служить? — спросилъ меня парикмахерскій подмастерье, отрясая простыню.

— Да! — отвѣтилъ я гордо. — Получи!

IV.

По дорогѣ къ городскому саду я размышлялъ:

— Нѣтъ худа безъ добра. Они сразу увидятъ во мнѣ стараго, опытнаго воробья. Въ такихъ маленькихъ лѣтнихъ театрикахъ каждый лишній человѣкъ полезенъ. Буду на первый разъ скромненько... рублей пятьдесятъ... ну, сорокъ въ мѣсяць. Будущее покажетъ... Попрошу.

авансъ... рублей въ двадцать... нѣтъ, это много... рублей въ десять... Первымъ дѣломъ пошлю потрясающую телеграмму... пятью-пять — двадцать пять, да ноль — два съ полтиной, да пятнадцать за подачу — два рубля шестьдесятъ пять... На остальные какъ-нибудь продержусь, пока не пріѣдетъ Илья... Если они захотятъ испытать меня... ну что жь... я имъ произнесу что-нибудь... вотъ хотя бы монологъ Пимена.

И я началъ вслухъ, вполголоса, торжественнымъ утробнымъ тономъ:

Еще одно-о послѣднее сказа-анье.

Прохожій отскочилъ отъ меня въ испугѣ. Я сконфузился и крякнулъ. Но я уже подходилъ къ городскому саду. Тамъ игралъ военный оркестръ, по дорожкамъ, шаркая ногами, ходили тоненькія мѣстныя барышни въ розовомъ и голубомъ, безъ шляпокъ, а за ними увивались съ непринужденнымъ смѣхомъ, заложивъ руку за бортъ кителя, съ бѣлыми фуражками набекрепъ, мѣстные писцы, телеграфисты и акцизники.

Ворота были открыты настежь. Я вошелъ. Кто-то пригласилъ меня получить изъ кассы билетъ, но я спросилъ небрежно: гдѣ здѣсь распорядитель, г. Валерьяновъ? Мнѣ тотчасъ же указали на двухъ бритыхъ молодыхъ господъ, сидѣвшихъ неподалеку отъ входа на скамейкѣ. Я подошелъ и остановился въ двухъ шагахъ.

Они не замѣчали меня, занятые разговоромъ, но я успѣлъ разсмотрѣть ихъ: одинъ, въ легкой панамѣ и въ свѣтломъ фланелевомъ костюмѣ съ синими полосками, имѣлъ притворно-благородный видъ и гордый профиль перваго любовника и слегка поигрывалъ тросточкой; другой, въ сѣренькой одеждѣ, былъ необыкновенно длинноногъ и длиннорукъ, ноги у него какъ будто бы начинались отъ середины груди, и руки, вѣроятно, ви-

сѣли ниже колѣнъ, — благодаря этому, сидя, онъ представлялъ собою причудливую ломаную линію, которую, впрочемъ, легко изобразить при помощи складного аршина. Голова у него была очень мала, лицо въ веснушкахъ и живые черные глаза.

Я скромно откашлялся. Они оба повернулись ко мнѣ.

— Могу я видѣть г. Валерьянова? — спросилъ я ласково.

— Это я, — отвѣтилъ рябой: — что вамъ угодно?

— Видите ли, я хотѣлъ... — у меня что-то запершило въ горлѣ: — я хотѣлъ предложить вамъ мои услуги въ качествѣ... въ качествѣ, тамъ, второго комика, или... вотъ... третьяго простака... Также и характерныя...

Первый любовникъ всталъ и удалился, насвистывая и помахивая тросточкой.

— А вы гдѣ раньше служили? — спросилъ г. Валерьяновъ.

Я только одинъ разъ былъ на сценѣ, когда игралъ Макарку въ любительскомъ спектаклѣ, но я судорожно напрягъ воображеніе и отвѣтилъ:

— Собственно, ни въ одной солидной антрепризѣ, какъ, на примѣръ, ваша, я до сихъ поръ не служилъ... Но мнѣ приходилось играть въ маленькихъ труппахъ въ Юго-Западномъ краѣ... Онѣ такъ же быстро распадались, какъ и создавались... на примѣръ, Мариничъ... Соколовскій... и еще тамъ другіе...

— Слушайте, а вы не пьете? — вдругъ огорошилъ меня г. Валерьяновъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я безъ запинки. — Иногда передъ обѣдомъ, или въ компаніи, но совсѣмъ умѣренно.

Г. Валерьяновъ поглядѣлъ, щуря свои черные глаза на песокъ, подумалъ и сказалъ:

— Ну хорошо... я беру васъ. Пока что двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, а тамъ посмотримъ. Да, можетъ-быть,

вы и сегодня будете нужны. Идите на сцену и спросите помощника режиссера Духовского. Онъ васъ представить режиссеру.

Я пошелъ на сцену и дорѳгой думалъ: почему опъ не спросилъ моей театральной фамиліи? Вѳроятно, забылъ? А можетъ-быть, просто догадался, что у меня никакой фамиліи нѳтъ? Но на всякій случай я тутъ же по пути изобрѳлъ себѳ фамилію — не особенно громкую, простую и красивую — Осининъ.

V.

За кулисами я разыскалъ Духовского — вертляваго мальчугана съ испитымъ воровскимъ лицомъ. Онъ въ свою очередь представилъ меня режиссеру — Самойленкѳ. Режиссеръ игралъ сегодня въ пьесѳ какую-то героическую роль и потому былъ въ театральныхъ золотыхъ латахъ, въ ботфортахъ и въ гримѳ молодого любовника. Однако сквозь эту оболочку я успѳлъ разобратъ, что Самойленко толстъ, что лицо у него совершенно кругло, и на этомъ лицѳ два маленькихъ острыхъ глаза и ротъ, сложенный въ вѳчную баранью улыбку. Меня онъ принялъ надменно и руки мнѳ не подалъ. Я уже хотѳлъ отойти отъ него, какъ онъ сказалъ:

— Пойдите-ка... какъ васъ?.. Я не слышалъ фамиліи...

— Васильевъ! — услужливо подскочилъ Духовской.

Я смутился, хотѳлъ поправитъ ошибку, но было уже поздно.

— Вы вотъ что, Васильевъ... Вы сегодня не уходите... Духовской, скажите портному, чтобы Васильеву дали куту.

Такимъ-то образомъ изъ Осинина я и сдѳлался Васильевымъ и остался имъ до самаго конца моей сцени-

ческой дѣятельности, въ ряду съ Петровымъ, Ивановымъ, Николаевымъ, Григорьевымъ, Сидоровымъ и др. Неопытный актеръ — я лишь спустя недѣлю догадался, что среди этихъ громкихъ именъ лишь одно мое прикрывало реальное лицо. Проклятое созвучіе погубило меня!

Пришелъ портной — тощій, хромою челоуѣкъ, надѣлъ на меня черный коленкоровый длинный саванъ съ рукавами и заметалъ его съ верху до низу. Потомъ пришелъ парикмахеръ. Я въ немъ узналъ того самаго подмастерья отъ Теодора, который только-что меня брилъ, и мы дружелюбно улыбнулись другъ другу. Парикмахеръ надѣлъ на мою голову черный парикъ съ пейсами. Духовской вбѣжалъ въ уборную и крикнулъ: «Васильевъ, гримируйтесь же!» Я сунулъ палецъ въ какую-то краску, но сосѣдъ слѣва, суровый мужчина съ глубокомысленнымъ лбомъ, оборвалъ меня:

— Развѣ не видите, что лѣзете въ чужой ящикъ? Вотъ общія краски.

Я увидѣлъ большой ящикъ съ ячейками, наполненными смѣшавшимися грязными красками. Я былъ какъ въ чадѣ. Хорошо было Духовскому кричать: «гримируйтесь!». А какъ это дѣлается? Но я мужественно провелъ вдоль носа бѣлую черту и сразу сталъ похожъ на клоуна. Потомъ навелъ себѣ жестокія брови. Сдѣлалъ подъ глазами синяки. Потомъ подумалъ: что бы мнѣ еще сдѣлать? Прищурился и устроилъ между бровей двѣ вертикальныя морщины. Теперь я походилъ на предводителя команчей.

— Васильевъ, приготовьтесь! — крикнули сверху.

Я поднялся изъ уборной и подошелъ къ полотнянымъ сквозящимъ дверямъ задней стѣнки. Меня ждалъ Духовской.

— Сейчасъ вамъ выходить. Фу, чортъ, на кого вы похожи! Какъ только скажутъ: «Нѣтъ, онъ вернется» —

идите! Войдете и скажете... — Онъ назвалъ какое-то имя собственное, которое я теперь забылъ... «Такой-то требует свиданья»... — и назадъ. Поняли?

— Да.

...Нѣтъ, онъ вернется! — слышу я и, оттолкнувъ Духовского, стремлюсь на сцену. Чортъ его побери, какъ зовутъ этого человѣка? Секунда, другая молчанія... Зрительная зала—точно черная шевелящаяся бездна. Прямо передо мной на сценѣ ярко освѣщены лампой незнакомыя мнѣ, грубо намазанныя лица. Всѣ смотрятъ на меня напряженно. Духовской шепчетъ что-то сзади, но я ничего не могу разобрать. Тогда я вдругъ выпаливаю голосомъ торжественнаго укора:

— Да! Онъ вернулся!

Мимо меня проносится, какъ ураганъ, въ своемъ золотомъ панцырѣ Самойленко. Слава Богу! Я скрываюсь за кулисы.

Въ этомъ спектаклѣ меня употребляли еще два раза. Въ той сценѣ, гдѣ Акоста громитъ еврейскую рутину и потомъ падаетъ, я долженъ былъ подхватить его на руки и волочить за кулисы. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ помогалъ пожарный солдатъ, наряженный въ такой же черный саванъ, какъ и я. (Почемъ знать, можетъ-быть, онъ у публики сошелъ за Сидорова?). Урiэлемъ Акостой оказался тотъ самый актеръ, что сидѣлъ давеча съ Валерьяновымъ на скамейкѣ; онъ же былъ и извѣстный харьковскій артистъ Лара-Ларскій. Подхватили мы его довольно неловко — онъ былъ мускулистъ и тяжелъ, — но, къ счастью, не уронили. Онъ только сказалъ намъ шопотомъ: «Чтобъ васъ чортъ, олухи!». Такъ же благополучно мы его протащили сквозь узкія двери, хотя долго потомъ вся задняя стѣна древняго храма раскачивалась и волновалась.

Въ третій разъ я присутствовалъ безъ словъ при судѣ

надъ Акостой. Тутъ случилось маленькое происшествіе, о которомъ не стоило бы и говорить. Просто, когда вошелъ Бенъ-Акиба и всѣ передъ нимъ встали, я, по рото-зѣйству, продолжалъ сидѣть. Но кто-то больно щипнулъ меня выше локтя и зашипѣлъ:

— Вы съ ума сошли. Это Бенъ-Акиба! Встаньте!

Я поспѣшно всталъ. Но, ей-Богу, я не зналъ, что это Бенъ-Акиба. Я думалъ: такъ себѣ, старичокъ.

По окончаніи пьесы Самойленко сказалъ мнѣ:

— Васильевъ, завтра въ одиннадцать на репетицію.

Я возвратился въ гостиницу, но, узнавъ мой голосъ, хозяинъ захлопнулъ дверь. Ночь я провелъ на одной изъ зеленыхъ скамеечекъ между тополями. Спать мнѣ было тепло, и во снѣ я видѣлъ славу. Но холодный утренникъ и ощущеніе голода разбудили меня довольно рано.

VI.

Ровно въ половинѣ одиннадцатаго я пришелъ въ театръ. Никого еще не было. Только кое-гдѣ по саду бродили заспанные лакеи изъ лѣтняго ресторана въ бѣлыхъ передникахъ. Въ зеленой рѣшетчатой бесѣдкѣ, затканной дикимъ виноградомъ, для кого-то приготавливали завтракъ или утренній кофе.

Потомъ я узналъ, что здѣсь каждое утро завтракали на свѣжемъ воздухѣ распорядитель театра г. Валерьяновъ и старая бывшая актриса Булатова-Черногорская, дама лѣтъ 65-ти, которая содержала какъ театръ, такъ и самого распорядителя.

Была постлана свѣжая блестящая скатерть, стояли два прибора, и на тарелкѣ возвышались двѣ столбѣшки на-рѣзаннаго хлѣба — бѣлаго и ситнаго...

Тутъ идетъ щекотливое мѣсто. Я въ первый и въ по-

слѣдній разъ сдѣлался воромъ. Быстро оглянувшись кругомъ, я юркнулъ въ бесѣдку и растопыренными пальцами схватилъ нѣсколько кусковъ хлѣба. Онъ былъ такой мягкій! Такой прекрасный! Но когда я выбѣжалъ наружу, то вплотную столкнулся съ лакеемъ. Не знаю, откуда онъ взялся, должно-быть, я его не замѣтилъ сзади бесѣдки. Онъ несъ судокъ съ горчицей, перцемъ и уксусомъ. Онъ строго поглядѣлъ на меня, на хлѣбъ въ моей рукѣ и сказалъ тихо:

— Это что же такое?

Какая-то жгучая, презрительная гордость колыхнулась во мнѣ. Глядя ему прямо въ зрачки, я отвѣтилъ тихо:

— Это то... что съ третьяго-дня, съ четырехъ часовъ... я ровно ничего еще не ѣлъ...

Онъ вдругъ повернулся и, не говоря ни слова, поспѣшно побѣжалъ куда-то. Я спряталъ хлѣбъ въ карманъ и сталъ ждать. Сразу стало мнѣ жутко и весело! «Чудесно! — думалъ я: — вотъ сейчасъ прибѣжитъ хозяинъ, соберутся лакеи, засвистятъ полицію... подыметъ гамъ, ругань, свалка... О, какъ великолѣпно буду я бить эти самыя тарелки и судки объ ихъ головы. Я искусаю ихъ до крови!»

Но вотъ, я вижу, мой лакей бѣжитъ ко мнѣ... и... одинъ. Немного запыхался. Подходить ко мнѣ бокомъ, не глядя. Я тоже отворачиваюсь... И вдругъ онъ изъ-подъ фартука суетъ мнѣ въ руку большой кусокъ вчерашней холодной говядины, заботливо посоленный, и умоляюще шепчетъ:

— Пожалуйста... прошу васъ... кушайте.

Я грубо взялъ у него мясо, пошелъ съ нимъ за кулисы, выбралъ мѣстечко, гдѣ было потемнѣе, и тамъ, сидя между всякимъ бутафорскимъ хламомъ, съ жадностью разрывалъ зубами мясо и сладко плакалъ.

Я потомъ часто, почти ежедневно, видѣлъ этого чело-

вѣка. Его звали Сергѣемъ. Когда не случалось никого изъ почитателей, онъ издали глядѣлъ на меня ласковыми, преданными, просящими глазами. Но я не хотѣлъ портить ни себѣ, ни ему перваго теплаго впечатлѣнія, хотя — признаюсь — и бывалъ иногда голоденъ, какъ волкъ зимой.

Онъ былъ такой маленькій, толстенъкій, лысенъкій, съ черными тараканьими усами и съ добрыми глазами въ видѣ узенькихъ лучистыхъ полукруговъ. И всегда онъ торопился, присѣдая на одну ножку. Когда я получилъ наконецъ, мои деньги и моя театральная кабала осталась позади, какъ сонъ, и вся эта сволочь лакала мое шампанское и льстила мнѣ, какъ я тосковалъ о тебѣ, мой дорогой, смѣшной, трогательный Сергѣй! Я не посмѣлъ бы, конечно, предложить ему денегъ — развѣ можно такую нѣжность и любовь человѣческую расцѣнивать на деньги? Мнѣ просто хотѣлось оставить ему что-нибудь на память... Какую-нибудь бездѣлицу... Или подарить что-нибудь его женѣ или ребятишкамъ — у него ихъ была цѣлая куча, и иногда по утрамъ они прибѣгали къ нему... суетливые и крикливые, какъ воробьята.

Но за недѣлю до моего чудеснаго превращенія Сергѣя уволили со службы, и я даже зналъ, за что. Ротмистру фонъ-Брадке поднесли бифштексъ, поджаренный не по вкусу. Онъ закричалъ:

— Какъ подаешь, прохвость? Не знаешь, что я люблю съ кровью?..

Сергѣй осмѣлился замѣтить, что это не его вина, а повара, и что онъ сейчасъ пойдетъ перемѣнить, и даже прибавилъ робко:

— Извините, сударь.

Это извиненіе совсѣмъ взбѣсило офицера. Онъ ударилъ Сергѣя по лицу горячимъ бифштексомъ и, весь багровый, заоралъ:

— Что-ò? Я тебѣ сударь? Я т-тебѣ сударь? Я тебѣ не сударь, а государю моему штабсѣ-ротмистрѣ! Хозяинѣ! Позвать сюда хозяина! Иванѣ Лукьянычѣ, чтобѣ сегодня же убрали этого идиота! Чтобѣ его и духу не было! Иначе моя нога въ вашемѣ кабакѣ не будетѣ!

Штабсѣ-ротмистрѣ фонѣ-Брадкѣ широко кутилѣ, и потому Сергѣя разсчитали въ тотѣ же день. Хозяинѣ цѣлый вечерѣ успокаивалѣ офицера. И я самѣ, выходя во время антрактовѣ въ садѣ освѣжиться, долго еще слышалѣ негодующій, раскатистый голосѣ, шедшій изѣ бесѣдки:

— Нѣтъ, каковѣ мерзавецѣ! Сударь! Если бы не дамы, я бы ему такого сударя показалѣ!

VII.

Между тѣмѣ понемногу собрались актеры, и въ половинѣ перваго началась репетиція. Ставили пьесу «Новый мѣръ», какую-то пелѣпую балаганную передѣлку изѣ романа Сенкевича «Quo vadis». Духовской далѣ мнѣ литографированный листикѣ съ моими словами. Это была роль центуріона изѣ отряда Марка Великолѣпнаго. Тамѣ были отличныя, громкія слова, въ родѣ того, что «твои приказанія, о, Маркѣ Великолѣпный, исполнены въ точности!» или: «она будетѣ ждаты тебя у подножія Помпеевой статуи, о, Маркѣ Великолѣпный». Роль мнѣ понравилась, и я уже готовилѣ про себя мужественный голосѣ этакое стараго рубаки, суроваго и преданнаго...

Но по мѣрѣ того, какѣ шла репетиція, со мной стала происходить странная исторія: я, неожиданно для себя самого, началѣ дробиться и множиться. Напримѣръ: матрона Вероника кончаетѣ свои слова. Самойленко, который слѣдилѣ за пьесой по подлиннику, хлопаетѣ въ ладоши и кричитѣ:

— Вошелъ рабъ!

Никто не входитъ.

— Господа, кто же рабъ? Духовской, поглядите, кто рабъ?

Духовской поспѣшно роется въ какихъ-то листкахъ. Раба не оказывается.

— Вымарать, что тамъ! — лѣниво совѣтуетъ Боевъ, тотъ самый резонеръ съ глубокомысленнымъ лбомъ, въ краски котораго я залѣзъ наканунѣ пальцемъ.

Но Маркъ Великолѣпный (Тара-Ларскій) вдругъ обижается:

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста... Тутъ у меня эффектный выходъ... Я эту сцену безъ раба не играю.

Самойленко мечется глазами по сценѣ и патыкается на меня.

— Да вотъ... позвольте... позвольте... Васильевъ, въ этомъ актѣ заняты?

Я смотрю въ тетрадку.

— Да въ самомъ концѣ...

— Такъ вотъ вамъ еще одна роль, — раба Вероники. Читайте по книгѣ. — Онъ хлопаетъ въ ладоши. — Господа, прошу потише! Рабъ входитъ... «Благородная госпожа»... Громче, громче, васъ въ первомъ ряду не слышно...

Черезъ нѣсколько минутъ не могутъ сыскать раба для божественной Мерціи (у Сепкевича она — Лигія), и эту роль затыкаютъ мною. Потомъ не хватаетъ какого-то домоправителя. Опять я. Такимъ образомъ къ концу репетиціи у меня, не считая центуріона, было еще пять добавочныхъ ролей.

Сначала у меня не ладилось. Я выхожу и говорю мои первыя слова:

— О, Маркъ Великолѣпный...

Тутъ Самойленко раздвигаетъ врозь ноги, нагибается впередъ и прикладываетъ ладони къ ушамъ.

— Чтò-сь? Чтò вы такое бормочете? Ничего не понимаю.

— О, Маркъ Великолѣпный...

— Виновать. Ничего не слышу... Громче!—Онъ подходитъ ко мнѣ вплотную. — Вотъ какъ надо это произносить... — и горловымъ козлинымъ голосомъ онъ выкрикиваетъ на весь лѣтній садъ:

— О, Маркъ Великолѣпный, твое повелѣніе... Вотъ какъ надо... Помните, молодой человѣкъ, безсмертное изреченіе одного изъ великихъ русскихъ артистовъ: «На сценѣ не говорятъ, а произносятъ, не ходятъ, а выступаютъ». — Онъ самодовольно оглядѣлъ кругомъ. — Повторите.

Я повторилъ, но еще неудачнѣе. Тогда меня стали учить поочередно и учили до самаго конца репетиціи положительно всѣ: и гордый Лара-Ларскій съ пренебрежительнымъ и брезгливымъ видомъ, и старый, оплывшій благородный отецъ Гончаровъ, у котораго дряблыя щеки въ красныхъ жилкахъ висѣли ниже подбородка, и резонеръ Боевъ, и простакъ Акименко съ искусственно наигранной миной Иванушки дурачка... Я походилъ на задерганную дымящуюся лошадь, вокругъ которой собралась уличная толпа совѣтчиковъ, а также и на слабого новичка, попавшаго прямо изъ теплой семьи въ кругъ опытныхъ, продувныхъ и безжалостныхъ школяровъ.

На этой же репетиціи я приобрѣлъ себѣ мелочного, но беспощаднаго врага, который потомъ отравлялъ каждый день моего существованія. Вотъ какъ это произошло.

Я произносилъ одну изъ своихъ непрерывныхъ репликъ: «О, Маркъ Великолѣпный», какъ вдругъ ко мнѣ торопливо подбѣжалъ Самойленко.

— Позвольте, голуба, позвольте, позвольте, позвольте. Не такъ, не такъ. Вѣдь вы къ кому обращаетесь? Къ самому Марку Великолѣпному? Ну, стало-быть, вы не

имѣете ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ въ древнемъ Римѣ подчиненные говорили съ главнымъ начальникомъ. Смотрите: вотъ, вотъ жестъ.

Онъ подвинулъ правую ногу впередъ на полшага, нагнулъ туловище подъ прямымъ угломъ, а правую руку свѣсилъ внизъ, сдѣлавъ ладонь лодочкой.

— Видите, каковъ жестъ? Поняли? Повторите.

Я повторилъ, но жестъ вышелъ у меня такимъ глупымъ и некрасивымъ, что я рѣшился на робкое возраженіе:

— Извините... по мнѣ кажется, что военная выправка... она вообще какъ-то избѣгаетъ согбеннаго положенія... и, кромѣ того... вотъ тутъ ремарка... выходитъ въ латахъ... а согласитесь, что въ латахъ...

— Извольте молчать! — крикнулъ гнѣвно Самойленко и сдѣлался пурпурнымъ. — Если вамъ режиссеръ велитъ стоять на одной ногѣ, высунувъ языкъ, вы обязаны исполнить безпрекословно. Извольте повторить.

Я повторилъ. Вышло еще безобразнѣе. Но тутъ за меня вступился Лара-Ларскій.

— Оставь, Борисъ, — сказалъ онъ нехотя Самойленкѣ: — видишь, у него не вытанцовывается. И, кромѣ того, какъ ты самъ знаешь, исторія намъ не даетъ здѣсь прямыхъ указаній... Вопросъ... мм... спорный...

Самойленко оставилъ меня въ покоѣ со своимъ классическимъ жестомъ. Но съ этихъ поръ онъ не пропускалъ ни одного случая, когда можно было меня оборвать, уязвить и обидѣть. Онъ ревниво слѣдилъ за каждымъ моимъ промахомъ. Онъ такъ меня ненавидѣлъ, что, я думаю, даже видѣлъ меня во снѣ каждую ночь. Что касается меня... Видите ли, съ тѣхъ поръ прошло уже десять лѣтъ, но до сего дня, какъ только я вспомню этого человѣка, злоба подымается у меня изъ груди и душитъ меня за горло. Правда, передъ отъѣздомъ... впро-

чемъ, объ этомъ скажу потомъ, иначе придется повредить стройности разсказа.

Передъ самымъ концомъ репетиціи, на сцену вдругъ явился высокій, длинноносый, худой господинъ въ котелкѣ и съ усами. Онъ пошатывался, задѣвалъ за кулисы, и глаза у него были совсѣмъ какъ двѣ оловяныя пуговицы. Всѣ глядѣли на него съ омерзѣніемъ, но замѣчанія ему никто не сдѣлалъ.

— Кто это? — спросилъ я шопотомъ Духовского.

— Э! Пьяница! — отвѣтилъ тотъ небрежно. — Нелюбовъ-Ольгинъ, нашъ декораторъ. Талантливый человекъ — онъ иногда и играетъ, когда трезвъ, — но совсѣмъ, окончательно пропойца. А замѣнить его некъмъ: дешевъ и пишетъ декорации очень скоро.

VIII.

Репетиція кончилась. Расходились. Актеры острили, играя словами: Мерція-Коммерція. Лара-Ларскій многозначительно звалъ Боева «туда». Я догналъ въ одной изъ аллей Валерьянова и, едва поспѣвая за его длинными шагами, сказалъ:

— Викторъ Викторовичъ... я бы очень попросилъ у васъ денегъ... хоть немножко.

Онъ остановился и едва могъ прійти въ себя отъ изумленія.

— Чтò? Какихъ денегъ? Зачѣмъ денегъ? Кому?

Я сталъ объяснять ему мое положеніе, но онъ, не дослушавъ меня, нетерпѣливо повернулся спиной и пошелъ впередъ. Потомъ вдругъ остановился и подозвалъ меня:

— Вы вотъ чтò... какъ васъ... Васильевъ... Вы пойдите къ этому... къ своему хозяину и скажите ему, чтобы онъ навѣдался сюда, ко мнѣ. Я здѣсь пробуду въ кассѣ еще съ полчаса. Я съ нимъ переговорю.

Я не пошелъ, а полетѣлъ въ гостиницу! Хохоль выслушалъ меня съ мрачной недовѣрчивостью, однако надѣлъ коричневый пиджакъ и медленно поплелся въ театръ. Я остался ждать его. Черезъ четверть часа онъ вернулся. Лицо его было, какъ грозовая туча, а въ правой рукѣ торчалъ пучокъ красныхъ театральныхъ коптрамарокъ. Онъ сунулъ мнѣ ихъ въ самый носъ и сказалъ глухимъ басомъ:

— Бачите! Ось! Я думалъ, онъ мнѣ гроши дастъ, а онъ мнѣ — яки-сь гумажки. На що воны мини!

Я стоялъ сконфуженный. Однако и бумажки принесли нѣкоторую пользу. Послѣ долгихъ увѣщеваній, хозяинъ согласился на раздѣлъ: онъ оставилъ себѣ въ видѣ залога мой прекрасный новый англійскій чемоданъ изъ желтой кожи, а я взялъ бѣлье, паспортъ и, что было для меня всего дороже, мои записныя книжки. На прощанье хохоль спросилъ меня:

— А що, и ты тамъ будешь дурака валять?

— Да, и я, — подтвердилъ я съ достоинствомъ.

— Ого! Держись. Я какъ тебе забачу, заразъ скричу: а гдѣ мои двадцать карбованцивъ!

Три дня подъ рядъ я не смѣлъ беспокоить Валерьянова и ночевалъ на зеленой скамеечкѣ, подложивъ себѣ подъ голову узелокъ съ бѣльемъ. Двѣ ночи, благодареніе Богу, были теплыя; я даже чувствовалъ, лежа на скамейкѣ, какъ отъ каменныхъ плитъ тротуара, нагрѣвшихся за день, исходить сухой жаръ. Но на третью шелъ мелкій, долгій дождикъ, и, спасаясь отъ него подъ навѣсами подѣздовъ, я не могъ заснуть до утра. Въ восемь часовъ отворили городской садъ. Я забрался за кулисы и на старой занавѣси сладко заснулъ на два часа. И, конечно, попался на глаза Самойленкѣ, который долго и язвительно впушалъ мнѣ, что театръ — это храмъ искусства, а во все не дортуаръ, и не будуаръ, и не почлежный домъ.

Тогда я опять рѣшился догнать въ аллеѣ распорядителя и попросить у него хоть немного денегъ, потому что мнѣ негдѣ ночевать.

— Позвольте-съ, — развелъ онъ руками: — да мнѣ-то какое дѣло? Вы, кажется, не малолѣтній, и я не ваша нянька.

Я промолчалъ. Онъ побродилъ прищуренными глазами по яркому солнечному песку дорожки и сказалъ въ раздумьѣ:

— Развѣ... вотъ что... Хотите, пойдите въ театрѣ? Я говорилъ объ этомъ сторожу, но онъ, дуракъ, боится.

Я поблагодарилъ.

— Только одинъ уговоръ: въ театрѣ не курить. Заходите курить — выходите въ садъ.

Съ тѣхъ поръ у меня былъ обезпеченъ ночлегъ подъ кровлей. Иногда днемъ я ходилъ за три версты на рѣчку, мылъ тамъ въ укромномъ мѣстечкѣ свое бѣлье и сушилъ его на вѣткахъ прибрежныхъ ветль. Это бѣлье мнѣ было большимъ подспорьемъ. Время отъ времени я ходилъ на базаръ и продавалъ тамъ рубашку или что-нибудь другое. На вырученныя 20 — 30 копеекъ я бывалъ сытъ два дня. Обстоятельства принимали явно благопріятный оборотъ для меня. Однажды мнѣ даже удалось въ добрую минуту выпросить у Валерьянова рубль, и я тотчасъ же послалъ Ильѣ телеграмму:

«Умираю голоду переведи телеграфомъ С. театръ Леонтовичу».

IX.

Вторая репетиція была и генеральной. Тутъ кстати мнѣ подвалили еще двѣ роли: древняго христіанскаго старца и Тигеллина. Я взялъ ихъ безропотно.

Къ этой репетиціи пріѣхалъ и нашъ трагикъ, Тимо-

еевъ-Сумской. Это былъ плечистый мужчина, вершковъ 14-ти ростомъ, уже немолодой, курчавый, рыжій, съ вывороченными бѣлками глазъ, рябой отъ оспы — настоящій мясникъ, или, скорѣе, палачъ. Голосъ у него былъ пешомѣрный, и игралъ онъ въ старой, воющей манерѣ:

И дикимъ звѣремъ завывалъ
Широкоплечій трагикъ.

Роли своей онъ не зналъ совершенно (онъ игралъ Нерона), да и читалъ ее по тетраджѣ съ трудомъ, при помощи сильныхъ старческихъ очковъ. Когда ему говорили:

— Вы бы, Федотъ Памфиличъ, хоть немного рольку-то подучили.

Онъ отвѣчалъ низкой октавой:

— Наплевать. Сойдетъ. Пойду по суфлеру. Не впервой. Публика все равно ничего не понимаетъ. Публика — дура.

Съ моимъ именемъ у него все выходили нелады. Онъ никакъ не могъ выговорить — Тигеллингъ, а звалъ меня то Тигелиниемъ, то Тинегиломъ. Каждый разъ, когда его поправляли, онъ рявкалъ:

— Плевать. Ерунда. Стану я мозги засаривать!

Если ему попадался трудный оборотъ или нѣсколько иностранныхъ словъ подъ рядъ, онъ просто ставилъ карандашомъ у себя въ тетраджѣ зѣть и произносилъ:

— Вымарываю.

Впрочемъ, вымарывали всѣ. Отъ пьесы-ботвиньи осталась только гуща. Изъ длинной роли Тигеллина получилась всего одна реплика.

Неронъ спрашиваетъ:

— Тигеллингъ! Въ какомъ состояніи лъвы?

А я отвѣчаю, стоя на колѣняхъ:

— Божественный цезарь! Римъ никогда не видалъ такихъ звѣрей. Они голодны и свирѣпы.

Вотъ и все.

Наступилъ и спектакль. Зрительная открытая зала была полна. Снаружи, вокругъ барьера, густо чернѣла толпа бесплатныхъ зрителей. Я волновался.

Боже мой, какъ они всѣ отвратительно играли! Точно они заранѣе сговорились словами Тимоѳеева: «наплевать, публика — дура». Каждое ихъ слово, каждый жестъ напоминали что-то старенькое-старенькое, давно примелькавшееся десяткамъ поколѣній. Мнѣ все время казалось, что въ распоряженіи этихъ служителей искусства имѣется всего-навсего десятка два заученныхъ интонацій и десятка три зазубренныхъ жестовъ, въ родѣ того, напримѣръ, которому бесплодно хотѣлъ меня научить Самойленко. И мнѣ думалось: какимъ путемъ нравственнаго паденія могли дойти эти люди до того, чтобы потерять стыдъ своего лица, стыдъ голоса, стыдъ тѣла и движеній!

Тимоѳеевъ-Сумской былъ великолѣпный. Склонившись на правый бокъ трона, при чемъ его лѣвая вытянутая нога вылѣзала на половину сцены, съ шутовской короной набекрень, онъ вперялъ вращающіеся бѣлки въ сфлерскую будку и такъ ревѣлъ, что мальчишки за барьеромъ взвизгивали отъ восторга. Моего имени онъ, конечно, не запомнилъ. Онъ просто заоралъ на меня, какъ купецъ въ банѣ:

— Телянтинъ! Подай сюда моихъ львовъ и тигровъ. Ж-жива!

Я покорно проглотилъ мою реплику и ушелъ. Конечно, всѣхъ хуже былъ Маркъ Великолѣпный — Лараларскій, потому что былъ безстыднѣе, разнузданнѣе, пошлѣе и самоувѣреннѣе всѣхъ остальныхъ. Изъ паюса у него выходилъ крикъ, изъ нѣжныхъ словъ — сладкая тянушка, изъ-за повелительныхъ репликъ римскаго воина-патриція выглядывалъ русскій брандмайоръ. Зато по-

истинѣ была прекрасна Андросова. Все въ ней было очаровательно: вдохновенное лицо, прелестныя руки, гибкій музыкальный голосъ, даже длинныя, волнистыя волосы, которые она въ послѣднемъ дѣйствии распустила по спинѣ. Играла она такъ же просто, естественно и красиво, какъ поютъ птицы.

Я съ настоящимъ художественнымъ наслажденіемъ, иногда со слезами, слѣдилъ за нею сквозь маленькія дырочки въ холстѣ декорацій. Но я не предчувствовалъ, что черезъ нѣсколько минутъ она растрогаетъ меня, но уже совсѣмъ инымъ образомъ, не со сцены.

Я въ этой пьесѣ былъ такъ многообразенъ, что, право, дирекціи не худо было бы на афишѣ къ именамъ Петрова, Сидорова, Григорьева, Иванова и Васильева присоединить еще Дмитріева и Александрова. Въ первомъ актѣ я сначала явился старцемъ въ бѣломъ балахонѣ, съ капюшономъ на головѣ, потомъ побѣжалъ за кулисы, сбросилъ куту и уже выступилъ центуріономъ, въ латахъ и шлемѣ, съ голыми ногами, потомъ опять исчезъ и опять вылъзъ христіанскимъ старцемъ. Во второмъ актѣ я былъ центуріономъ и рабомъ. Въ третьемъ — двумя новыми рабами. Въ четвертомъ — центуріономъ и еще двумя чьими-то рабами. Въ четвертомъ — домоуправителемъ и новымъ рабомъ. Наконецъ я былъ Тигеллиномъ и въ заключеніе безгласнымъ воиномъ, который повелительнымъ жестомъ указываетъ Мерціи и Марку дорогу на арену, на съѣденіе лвамъ.

Даже простакъ Акименко потрепалъ меня по плечу и сказалъ благодушно:

— Чортъ васъ возьми! Вы какой-то трансформистъ. Но мнѣ дорого стоила эта похвала. Я едва держался на ногахъ отъ усталости.

Спектакль окончился. Сторожъ тушилъ лампы. Я ходилъ по сценѣ, въ ожиданіи, когда послѣдніе актеры

разгритмируются и мгѣ можно будетъ лечь на мой старый театральнй диванъ. Я также мечталъ о томъ кускѣ жареной трактирной печенки, который висѣлъ у меня въ уголкѣ между бутафорской комнатою и общей уборной. (Съ тѣхъ поръ, какъ у меня однажды крысы утащили свиное сало, я сталъ съѣстное подвѣшивать на веревочку). Вдругъ я услышалъ сзади себя голосъ:

— До свиданья, Васильевъ.

Я обернулся. Андросова стояла съ протянутой рукой. Ея прелестное лицо было утомлено.

Надо сказать, что изо всей труппы только она, не считая маленькихъ, Духовского и Нелюбова-Ольгина, подавала мнѣ руку (остальные гнушались). И я даже до сихъ поръ помню ея пожатіе: открытое, нѣжное, крѣпкое — настоящее женственное и товарищеское пожатіе.

Я взялъ ея руку. Она внимательно посмотрѣла на меня и сказала:

— Послушайте, вы не больны? У васъ плохой видъ. — И добавила тише: — Можетъ-быть, вамъ нужны деньги?.. а?.. займы...

— О, нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ! — перебилъ я искренно. И вдругъ, повинувшись безотчетному воспоминанію только-что пережитаго восторга, я воскликнулъ пылко:

— Какъ вы были прекрасны сегодня!

Должно-быть, комплиментъ по искренности былъ не изъ обычныхъ. Она покраснѣла отъ удовольствія, опустила глаза и легко разсмѣялась.

— Я рада, что доставила вамъ удовольствіе.

Я почтительно поцѣловалъ ея руку. Но тутъ какъ разъ женскій голосъ крикнулъ снизу:

— Андросова! Гдѣ вы тамъ? Идите, васъ ждуть ужинать.

— До свиданья, Васильевъ, — сказала она просто и

ласково, потомъ покачала головой и, уже уходя, чуть слышно произнесла:

— Ахъ, бѣдный вы, бѣдный...

Нѣтъ, я себя вовсе не чувствовалъ бѣднымъ въ эту минуту. Но мнѣ казалось, что, если бы она на прощанье коснулась губами моего лба, я бы умеръ отъ счастья!

Х.

Скоро я приглядѣлся ко всей труппѣ. Признаюсь, я и до моего невольнаго актерства никогда не былъ высокаго мнѣнія о провинціальной сценѣ. Но, благодаря Островскому, въ моемъ воображеніи все-таки засѣли грубые по внѣшности, но нѣжные и широкіе въ душѣ Несчастливцевы, шутоватые, но по-своему преданные искусству и чувству товарищества Аркашки... И вотъ я увидѣлъ, что сцену заняли просто-напросто безстыдникъ и безстыдница.

Всѣ они были безсердечны, предатели и завистники по отношенію другъ къ другу, безъ малѣйшаго уваженія къ красотѣ и силѣ творчества, — прямо какія-то хамскія, дубленныя души! И, вдобавокъ, люди поражающаго невѣжества и глубокаго равнодушія, притворщики, истерически-холодные лжецы съ бутафорскими слезами и театральными рыданіями, упорно-отсталые рабы, готовые всегда радостно пресмыкаться передъ начальствомъ и передъ меценатами... Недаромъ Чеховъ сказалъ какъ-то: «Болѣе актера истериченъ только околоточный. Посмотрите, какъ они оба въ царскій день стоятъ передъ буфетной стойкой, говорятъ рѣчи и плачутъ».

Но театральныя традиціи хранились у насъ непоколебимо. Какой-то Митрофановъ-Козловскій, какъ известно, передъ выходомъ на сцену всегда крестился. Это всосалось. И каждый изъ нашихъ главныхъ артистовъ

передъ своимъ выходомъ непременно продѣлывалъ то же самое и при этомъ косилъ глазомъ вбокъ: смотрять или пѣтъ? И если смотрять, то навѣрно ужь думаютъ: какъ онъ суевѣренъ!.. Вотъ оригиналъ!..

Какой-то изъ этихъ проститутовъ искусства, съ козлинымъ голосомъ и жирными ляжками, прибиль однажды портного, а въ другой разъ парикмахѣра. И это также вошло въ обычай. Часто я наблюдалъ, какъ Лара-Ларскій метался по сценѣ съ кровавыми глазами и съ пѣной на губахъ и кричалъ хрипло:

— Дайте мнѣ этого портного! Я убью этого портного!

А потомъ, уже ударивъ этого портного и въ тайнѣ души ожидая и побаиваясь крѣпкаго отвѣта, онъ простиралъ назадъ руки, дрожалъ и вопилъ:

— Держите меня! Держите! Иначе я въ самомъ дѣлѣ сдѣлаюсь убійцей!..

Но зато какъ проникновенно они говорили о «святомъ искусствѣ» и о сценѣ! Помню одинъ свѣтлый, зеленый июньскій день. У насъ еще не начиналась репетиція. На сценѣ было темновато и прохладно. Изъ большихъ актеровъ пришли раньше всѣхъ Лара-Ларскій и его театральная жена — Медвѣдева. Нѣсколько барышень и реалистовъ сидятъ въ партерѣ. Лара-Ларскій ходитъ взадъ и впередъ по сценѣ. Лицо его озабочено. Очевидно, онъ обдумываетъ какой-то новый глубокой типъ. Вдругъ жена обращается къ нему:

— Саша, насвисти, пожалуйста, этотъ вчерашній мотивъ изъ «Паяцовъ».

Онъ останавливается, мѣрять ее съ ногъ до головы выразительнымъ взглядомъ и произноситъ, косясь на партеръ, бархатнымъ актерскимъ баритономъ:

— Свистать? На сценѣ? Ха-ха-ха! (онъ смѣется горькимъ, актерскимъ смѣхомъ). Ты ли это говоришь? Да развѣ ты не знаешь, что сцена — это хра-амъ, это алтарь,

на который мы кладемъ всѣ свои лучшія мысли и желанія. И вдругъ — свистать! Ха-ха-ха...

Однако, въ этотъ же самый алтарь, въ дамскія уборныя ходили мѣстные кавалеристы и богатые бездѣльники-помѣщики совершенно такъ же, какъ въ отдѣльные кабинеты публичнаго дома. На этотъ счетъ мы вообще не были щепетильны. Сколько разъ бывало: внутри виноградной бесѣдки свѣтится огонь, слышенъ женскій хохоть, лязганье шпоръ и звонъ бокаловъ, а театральнй мужъ, точно дозорный часовой, ходитъ взадъ и впередъ по дорожкѣ около входа въ темнотѣ и ждетъ, не пригласятъ ли его. И лакей, пронося на высоко поднятомъ подносѣ судака о-гратецъ, толкнетъ его локтемъ и скажетъ сухо:

— Посторонитесь, сударь.

А когда его позовутъ, онъ будетъ кривляться, пить водку съ пивомъ и уксусомъ и рассказывать похабные анекдоты изъ еврейскаго быта.

Но все-таки объ искусствѣ они говорили горячо и гордо. Тимоѳеевъ-Сумской не разъ читалъ лекцію объ утерянномъ «классическомъ жестѣ ухода».

— Утерянъ жестъ классической трагедіи! — говорилъ онъ мрачно. — Прежде какъ актеръ уходилъ? Вотъ! — Тимоѳеевъ вытягивался во весь ростъ и подымалъ кверху правую руку со сложенными въ кулакъ пальцами, кромѣ указательнаго, который торчалъ крючкомъ. — Видите? — И онъ огромными, медленными шагами начиналъ удаляться къ двери. — Вотъ что называлось «классическимъ жестомъ ухода»! А что теперь? Заложилъ ручки въ брючки и фить домой. Такъ-то, батеньки.

Иногда они любили и новизну, отсебятину. Лара-Ларскій такъ, напримѣръ, передавалъ о своемъ исполненіи роли Хлестакова:

— Нѣтъ, позвольте. Я эту сцену съ городничимъ вотъ

какъ веду. Городничій говоритъ, что номеръ темноватъ. А я отвѣчаю: «Да. Захочешь почитать что-нибудь, на-примѣръ, Максима Горькаго, — нельзя! Темно, тем-мыно!» И всегда... аплодисментъ!

Хорошо было послушать, какъ иной разъ разговари-ваютъ въ подпитіи старики, на-примѣръ, Тимоѳеевъ-Сум-ской съ Гончаровымъ.

— Да, братъ Ѳедотушка, не тотъ нонѣ актеръ пошелъ. Нѣтъ, братъ, не то-отъ.

— Вѣрно, Петрай. Не тотъ. Помнишь, братъ, Чар-скаго, Любскаго!.. Э-ххъ, братъ!

— Завѣты не тѣ.

— Вѣрно, Петербургъ. Не тѣ. Не стало уваженія къ святости искусства. Мы съ тобой, Пека, все-таки жре-цами были, а эти... Э-ххъ! Выпьемъ, Пекаторисъ.

— А помнишь, братъ Ѳедотушка, Иванова-Козельскаго?

— Оставь, Петроградъ, не бередь. Выпьемъ. Куда те-перешнимъ?

— Куда!

— Ку-уда!

И вотъ среди этой мѣшанины пошлости, глупости, пройдошества, альфонсизма, хвастовства, невѣжества и разврата — поистинѣ служила искусству Андросова, та-кая чистая, нѣжная, красивая и талантливая. Теперь, ставъ старѣе, я понимаю, что она такъ же не чувство-вала этой грязи, какъ бѣлый, прекрасный вѣнчикъ цвѣтка не чувствуетъ, что его корни питаются черной тиной бо-лота.

XI.

Пьесы ставились, какъ на курьерскихъ. Небольшія драмы и комедіи шли съ одной репетиціи, «Смерть Іоанна Грознаго» и «Новый міръ» — съ двухъ, «Измаилъ», со-чиненіе господина Бухарина, потребовалъ трехъ репети-

цій, и то благодаря тому, что въ пемъ участвовало около сорока статистовъ изъ мѣстныхъ командъ: гарнизонной, конвойной и пожарной.

Особенно памятно миѣ представленіе «Смерти Іоанна Грознаго», — памятно по одному глупому и смѣшному происшествію. Грознаго игралъ Тимоѳеевъ-Сумской. Въ парчевой длинной одеждѣ, въ островерхой шапкѣ изъ собачьяго мѣха, — онъ походилъ на движущійсяobeliskъ. Для того, чтобы придать грозному царю побольше свирѣпости, онъ все время выдвигалъ впередъ нижнюю челюсть и опускалъ внизъ толстую губу, при чемъ вращалъ глазами и рычалъ, какъ никогда.

Конечно, роли онъ не зналъ и читалъ ее такими стихами, что даже у актеровъ, давно привыкшихъ къ тому, что публика — дура и ничего не понимаетъ, становились волосы дыбомъ. Но особенно отличился онъ въ той сценѣ, гдѣ Іоаннъ въ покаянномъ припадкѣ становится на колѣни и исповѣдуется передъ боярами: «Острупился мой умъ» и т. д.

И вотъ онъ доходитъ до словъ: «аки песъ смердящій...» Нечего и говорить, что глаза его были все время въ суфлерской будкѣ. На весь театръ онъ произноситъ: «Аки!» и умолкаетъ.

— Аки песъ смердящій... — шепчетъ суфлерша.

— Паки! — реветъ Тимоѳеевъ.

— Аки песъ...

— Каки!

— Аки песъ смердящій...

Наконецъ ему удается справиться съ текстомъ. При этомъ онъ не обнаруживаетъ ни замѣшательства ни смущенія. Но со мной — я въ это время стоялъ около трона — вдругъ случился неудержимый припадокъ смѣха. Вѣдь всегда такъ бываетъ: когда знаешь, что нельзя смѣяться — тогда именно и овладѣваетъ тобою этотъ со-

трясающій, болѣзненный смѣхъ. Я быстро сообразилъ, что лучше всего спрятаться за высокой спинкой трона и тамъ высмѣяться вдоволь. Поворачиваюсь; иду торжественной боярской походкой, едва удерживаясь отъ хохота; захожу за тронъ и... вижу, что тамъ прижались къ спинкѣ и трясутся, и давятся отъ беззвучнаго смѣха двѣ артистки, Волкова и Богучарская. Это было выше моего терпѣнія. Я выбѣжалъ за кулисы, упалъ на бутфорскій диванъ, на мой диванъ, и сталъ по нему кататься... Самойленко, всегда ревниво слѣдившій за мною, оштрафовалъ меня за это на пять рублей.

Да и вообще этотъ спектакль изобиловалъ приключеніями. Я забылъ сказать, что у насъ былъ актеръ Романовъ, очень красивый, высокій, представительный молодой человѣкъ на громкія и величественныя второстепенныя роли. Къ сожалѣнію, онъ отличался чрезвычайно близорукостью, такъ что даже носилъ стекла по какому-то особенному заказу. На сценѣ, безъ пенснэ, онъ вѣчно натыкался на что-нибудь, опрокидывалъ колонны, вазы и кресла, путался въ коврахъ и падалъ. Онъ уже былъ давно извѣстенъ тѣмъ, что въ другомъ городѣ и въ другой труппѣ, играя въ «Принцессѣ Грезѣ» зеленаго рыцаря, онъ упалъ и покатился въ своихъ жестяныхъ латахъ къ рампѣ, громыхая, какъ огромный самоваръ. Въ «Смерти Іоанна Грознаго» Романовъ однако превзошелъ самого себя. Онъ ворвался въ домъ Шуйскаго, гдѣ собрались заговорщики, съ такой стремительностью, что опрокинулъ на полъ длинную скамью вмѣстѣ съ сидѣвшими на ней боярами.

Эти бояре были очаровательны. Всѣ они были набраны изъ молодыхъ караимчиковъ, служившихъ на мѣстной табачной фабрикѣ. Я выводилъ ихъ на сцену. Я небольшого роста, но самый высокій изъ нихъ приходился мнѣ по плечо. При тѣмъ половина изъ этихъ родовитыхъ бояръ

была въ кавказскихъ костюмахъ съ газырями, а другая половина—въ кафтанахъ, взятыхъ на прокатъ изъ мѣстнаго архіерейскаго хора. Прибавьте еще къ этому мальчишескія лица съ подвязанными черными бородами, блестящіе черные глаза, восторженно раскрытые рты и застѣнчиво-неловкія движенія. Публика привѣтствовала нашъ торжественный выходъ дружнымъ ржаніемъ.

Благодаря тому, что мы ставили ежедневно новыя пьесы, театръ нашъ довольно охотно посѣщался. Офицеры и помѣщики ходили изъ-за актрисъ. Кромѣ того, ежедневно посылались Харитоненкѣ билетъ на ложу. Самъ онъ бывалъ рѣдко — не болѣе двухъ разъ за весь сезонъ, по каждый разъ присылалъ по сту рублей. Вообще театръ дѣлалъ недурныя дѣла, и если младшимъ актерамъ не платили жалованья, то тутъ у Валерьянова былъ такой же тонкій расчетъ, какъ у того извозчика, который вѣшалъ впереди морды своей голодной клячи кусокъ сѣна для того, чтобы она скорѣе бѣжала.

XII.

Однажды — не помню, почему — спектакля не было. Стояла скверная погода. Въ десять часовъ вечера я уже лежалъ на моемъ диванѣ и въ темнотѣ прислушивался, какъ дождь барабанить въ деревянную крышу.

Вдругъ гдѣ-то за кулисами послышался шорохъ, шаги, потомъ грохотъ падающихъ стульевъ. Я засвѣтилъ огарокъ, пошелъ навстрѣчу и увидѣлъ пьянаго Нелюбова-Ольгина, который безпомощно шарашился въ проходѣ между декораціями и стѣной театра. Увидѣвъ меня, онъ не испугался, но спокойно удивился:

— К'кого ч-чорта вы тутъ дѣлаете?

Я объяснилъ ему въ двухъ словахъ. Заложивъ руки въ карманы панталонъ и кивая длиннымъ носомъ, онъ

нѣкоторое время раскачивался съ носковъ на каблуки. Потомъ вдругъ потерялъ равновѣсіе, но удержался, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, и сказалъ:

— А п'чему не ко мнѣ?

— Мы съ вами такъ мало знакомы...

— Чепуха. Пойдемъ!

Онъ взялъ меня подъ руку, и мы пошли къ нему. Съ этого часа и до самаго послѣдняго дня моего актерства я раздѣлялъ съ нимъ его крошечную полутемную комнату, которую онъ снималъ у бывшаго с — аго исправника. Этотъ пьяница и скандалистъ, предметъ лицемѣрнаго презрѣнія всей труппы, оказался кроткимъ, тихимъ человѣкомъ, съ большимъ запасомъ внутренней деликатности, и отличнымъ товарищемъ. Но у него была въ душѣ какая-то болѣзненная, незалѣчимая трещина, нанесенная женщиной. Я никогда, впрочемъ, не могъ понять, въ чемъ суть его неудачнаго романа. Будучи пьянымъ, онъ часто вытаскивалъ изъ своей дорожной корзинки портретъ какой-то женщины, не очень красивой, но и не дурной, немного косенькой, со вздернутымъ вызывающимъ носикомъ, нѣсколько провинціальной наружности. Онъ то цѣловалъ эту фотографію, то швырялъ ее на полъ, прижималъ ее къ сердцу и плевалъ на нее, ставилъ ее въ уголъ на образъ и потомъ капалъ на нее стеариномъ. Я не могъ также разобраться, кто изъ нихъ кого бросилъ, и о чьихъ дѣтяхъ шла рѣчь: его, ея или кого-то третьяго.

Ни у него ни у меня денегъ не было. Онъ уже давно забралъ у Валерьянова крупную сумму, чтобы послать ей, и теперь находился въ состояніи крѣпостной зависимости, порвать которую ему мѣшала простая порядочность. Изрѣдка онъ подрабатывалъ нѣсколько копеекъ у мѣстнаго живописца вывѣсокъ. Но этотъ заработокъ былъ большимъ секретомъ отъ труппы: помилуйте, развѣ Лара-

Ларскій вытерпѣлъ бы такое надруганіе надъ искусствомъ!

Нашъ хозяинъ — отставной исправникъ — толстый, румяный мужчина въ усахъ и съ двойнымъ подбородкомъ — былъ человѣкомъ большого благодушія. Каждое утро и вечеръ послѣ того, когда въ домѣ у него отпивали чай, намъ приносили вновь долитый самоваръ, чайникъ со спитымъ чаемъ и сколько угодно черного хлѣба. Мы бывали сыты.

Послѣ послѣобѣденнаго сна отставной исправникъ выходилъ въ халатѣ и съ трубкой на улицу и садился на крылечко. Передъ тѣмъ, какъ итти въ театръ, и мы подсаживались къ нему. Разговоръ у насъ шелъ всегда одинъ и тотъ же — о его служебныхъ зловключеніяхъ, о несправедливости высшаго начальства и о гнусныхъ штригахъ враговъ. Онъ все совѣтовался съ нами, какъ бы это ему написать такое письмо въ столичные газеты, чтобы его невинность восторжествовала, и чтобы губернаторъ съ вице-губернаторомъ, съ нынѣшнимъ исправникомъ и съ подлецомъ-приставомъ II-й части, который и былъ главной причиной всѣхъ бѣдъ, полетѣли со своихъ мѣстъ. Мы давали ему разные совѣты, но онъ только вздыхалъ, морщился, покачивалъ головой и твердилъ:

— Эхъ, не то... Не то, не то... Вотъ, если бы мнѣ найти человѣка съ перомъ! Перо бы мнѣ найти! Никакихъ денегъ не пожалѣю.

А у него — каналы — были деньги. Войдя однажды къ нему въ комнату, я засталъ его за стрижкой купоновъ. Онъ немного смутился, всталъ и загородилъ бумагу спиной и распахнутымъ халатомъ. Я твердо увѣренъ, что во время службы за нимъ водились: и взяточничество, и вымогательство, и превышеніе власти, и другіе поступки.

По ночамъ, послѣ спектакля, мы иногда бродили съ

Нелюбовымъ по саду. Въ тихой, освѣщенной огнями зелени повсюду уютно стояли бѣлые столики, свѣчи горѣли не колеблясь въ стеклянныхъ колпачкахъ. Женщины и мужчины какъ-то по-праздничному, кокетливо и значительно улыбались и поклонялись другъ къ другу. Шуршалъ песокъ подъ легкими женскими ножками...

— Хорошо бы намъ найти карася! — говорилъ иногда сиплымъ баскомъ Нелюбовъ и поглядывалъ на меня лукаво сбоку.

Меня сначала коробило. Я всегда ненавидѣлъ эту жадную и благородную готовность садовыхъ актеровъ примазываться къ чужимъ обѣдамъ и завтракамъ, эти собачьи, ласковые, влажные и голодные глаза, эти неестественно-развязные баритоны за столомъ, это гастрономическое всезнайство, эту усиленную внимательность, эту привычно-фамиллярную повелительность съ прислугой. Но потомъ, ближе узнавъ Нелюбова, я понялъ, что онъ шутить. Этотъ чудакъ былъ по-своему гордъ и очень щекотливъ.

Но вышелъ одинъ смѣшной и чуть-чуть постыдный случай, когда самъ карасъ поймалъ меня съ моимъ другомъ въ кулинарную сѣть. Вотъ это какъ было.

Мы съ нимъ выходили послѣдними изъ уборной послѣ представленія, и вдругъ откуда-то изъ-за кулисъ выскочилъ на сцену нѣкто Альтшиллеръ... мѣстный Ротшильдъ, еврей, этакій молодой, но уже толстый, очень развязный, румяный мужчина, сладострастного типа, весь въ кольцахъ, цѣпяхъ и брелокахъ. Онъ бросился къ намъ.

— Ахъ, Боже мой... я уже вотъ полчаса вездѣ бѣгаю... сбился съ ногъ... Скажите, ради Бога, вы не видѣли Волкову и Богучарскую?

Мы, дѣйствительно, видѣли, какъ эти артистки сейчасъ же послѣ спектакля уѣхали кататься съ драгун-

скими офицерами, и любезно сообщили объ этомъ Альтшиллеру. Онъ схватился за голову и заметался по сценѣ.

— Но это же безобразіе! У меня заказанъ ужинъ! Нѣтъ, это просто Богъ знаетъ что такое: дать слово, обѣщаться и... Какъ это называется, господа, я васъ спрашиваю?

Мы молчали.

Онъ еще покрутился по сценѣ, потомъ остановился, помялся, почесалъ нервно високъ, почмокалъ въ раздумьѣ губами и вдругъ сказалъ рѣшительно:

— Господа, я васъ покорнѣйше прошу отужинать со мной.

Мы отказались.

Но не тутъ-то было. Онъ прилипъ къ намъ, какъ клейсицдетиконъ. Онъ кидался то къ Нелюбову, то ко мнѣ, трясъ намъ руки, заглядывалъ умильно въ глаза и съ жаромъ увѣрялъ, что онъ любитъ искусство. Нелюбовъ первый дрогнулъ.

— А, чортъ! Пойдемъ въ самомъ дѣлѣ. Чего тамъ!

Меценатъ повелъ насъ на главную эстраду и засуетился. Выбралъ наиболѣе видное мѣсто, усадилъ насъ, а самъ все время вскакивалъ, бѣгалъ вслѣдъ за прислугой, размахивалъ руками и, выпивъ рюмку доппель-кюмеля, притворялся отчаяннымъ кутилой. Котелокъ у него былъ для лихости на боку.

— Можетъ-быть, огуречика? Какъ это по-русски говорится? Значить, эфто безъ огуречика никакая пишшья не проходитъ. Такъ? А водочки? Пожалуйста, кушайте... кушайте до конца, прошу васъ. А можетъ-быть, бефъ-строгановъ? Здѣсь отлично готовятъ... Псст! Человѣкъ!

Отъ большого куска горячаго жаренаго мяса я опьянѣлъ, какъ отъ вина. Глаза у меня смыкались. Веранда съ огнями, съ синимъ табачнымъ дымомъ и съ

пестрой скачкой болтовни, плыла куда-то вбокъ, мимо меня, и я точно сквозь сонъ слышалъ:

— Пожалуйста, кушайте еще, господа... Не стѣсняйтесь. Ну, что я могу съ собой подѣлать, когда я такъ люблю искусство!..

ХІІІ.

Но приближался моментъ развязки. Питаніе однимъ чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ отзывалось на мнѣ болѣзненно. Я сталъ раздражителенъ и часто, чтобы сдержать себя, убѣгалъ съ репетицій куда-нибудь подальше въ садъ. Кромѣ того, я давно уже распродалъ все мое бѣлье.

Самойленко продолжалъ терзать меня. Знаете, иногда бываетъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, что учитель вдругъ ни съ того ни съ сего возненавидитъ какого-нибудь замухрышку-ученика: возненавидитъ за блѣдность лица, за торчащія уши, за непріятную манеру дергать плечомъ, — и эта ненависть продолжается цѣлые года. Такъ именно относился ко мнѣ Самойленко. Онъ уже успѣлъ оштрафовать меня въ общей сложности на 15 рублей и на репетиціяхъ обращался со мною, по крайней мѣрѣ, какъ начальникъ тюрьмы съ арестантомъ. Иногда, слушая его грубыя замѣчанія, я опускалъ вѣки и видѣлъ у себя передъ глазами огненные круги. Валерьяновъ теперь уже совсѣмъ не разговаривалъ со мной и при встрѣчахъ убѣгалъ отъ меня со скоростью страуса. Я служилъ уже полтора мѣсяца и до сихъ поръ получилъ всего-навсего 1 рубль.

Однажды утромъ я проснулся съ больной головой, съ металлическимъ вкусомъ во рту и съ тяжелой, черной, безпричинной злобой въ душѣ. Въ такомъ настроеніи я пошелъ на репетицію.

Не помню, что мы ставили, но помню хорошо, что въ моей рукѣ была толстая, сложенная трубкой тетрадь. Роль свою я зналъ, какъ и всегда, безукоризненно. Въ ней, между прочимъ, стояли слова: «я это заслужилъ».

И вотъ пьеса доходить до этого мѣста.

— Я это заслужилъ, — говорю я.

Но Самойленко подбѣгаетъ ко мнѣ и вопить:

— Ну кто же такъ говорить по-русски? Кто такъ говорить? Я это заслужилъ! Надо говорить: я на это заслужилъ! Без-здарность!

Поблѣднѣвъ, я протянулъ-было къ нему тетрадку со словами:

— Извольте справиться съ текстомъ...

Но онъ выкрикнулъ горломъ:

— Плевать я на вашъ текстъ! Я самъ для васъ текстъ! Не хотите служить — убирайтесь къ чорту!

Я быстро поднялъ на него глаза. Онъ вдругъ попялъ все, поблѣднѣлъ такъ же, какъ и я, и быстро отступилъ на два шага. Но было уже поздно. Тяжелымъ сверткомъ я больно и громко ударилъ его по лѣвой щекѣ и по правой, и потомъ опять по лѣвой и опять по правой, и еще, и еще. Онъ не сопротивлялся, даже не нагнулся, даже не пробовалъ бѣжать, а только при каждомъ ударѣ дергалъ туда и сюда головой, какъ клоунъ, разыгрывающій удивленіе. Затѣмъ я швырнулъ тетрадь ему въ лицо и ушелъ со сцены въ садъ. Никто не остановилъ меня.

И вотъ случилось чудо! Первый, кого я увидѣлъ въ саду, былъ мальчишка-разсылный изъ мѣстнаго отдѣленія Волжско-Камскаго банка. Онъ спрашивалъ, кто здѣсь Леонтовичъ, и вручилъ мнѣ повѣстку на 500 рублей.

Черезъ часъ я и Нелюбовъ были уже опять въ саду и заказывали себѣ чудовищный завтракъ, а черезъ два часа вся труппа чокалась со мною шампанскимъ и

поздравляла меня. Честное слово: это не я, а Нелюбовъ, пустиль слухъ, что мнѣ досталось наслѣдство въ шестьдесятъ тысячъ. Я не опровергалъ его. Валерьяновъ потомъ клялся, что дѣла съ антрепризой ужасно плохи, и я подарилъ ему сто рублей.

Въ пять часовъ вечера я сѣдился въ поѣздъ. Въ карманѣ у меня, кромѣ билета до Москвы, было не болѣе семидесяти рублей, но я чувствовалъ себя Цезаремъ. Когда, послѣ второго звонка, я поднимался въ вагонъ, ко мнѣ подошелъ Самойленко, который до сихъ поръ держался въ отдаленіи.

— Простите меня, я погорячился, — сказалъ онъ театрално.

Я пожалъ протянутую руку и отвѣтилъ любезно:

— Простите, я тоже погорячился.

Мнѣ прокричали «ура» на прощанье. Послѣднимъ теплымъ взглядомъ я обмѣнялся съ Нелюбовымъ. Пошелъ поѣздъ, и все ушло назадъ, навсегда, безвозвратно. И когда стали скрываться изъ глазъ послѣднія голубыя избенки Зарѣчья и потянулась унылая, желтая, выгорѣвшая степь — странная грусть сжала мнѣ сердце. Точно тамъ, въ этомъ мѣстѣ моихъ тревогъ, страданій, голода и униженій, осталась навѣки частица моей души.

Оглавленіе

IV ТОМА.

	стр.
Изумрудъ.	3
На переломѣ (Кадеты).	24
Прапорщикъ армейскій	113
Съ улицы.	167
Корь.	211
Мирное счастье.	241
На глухарей.	259
Какъ я былъ актеромъ	274
